Шах-наме

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА
1964

Шах-наме

I

فردوسی

Фирдоуси

ШАХНАМЕ

I

в двух книгах

Перевод с фарси

Владимира Державина и Семена Липкина

С(Тадж)1
Ф62

Редакционная коллегия:
И. Брагинский, Б. Гафуров, М. Турсун-заде

Вступительная статья
И. Брагинского

Подготовка текста и примечания
Н. Османова

Художник
Л. Фейнберг

ОКЕАН «ШАХ-НАМЕ» И НЕКОТОРЫЕ ЕГО ТАЙНЫ

Говорят, соленый привкус моря можно ощутить и по одной его капле. Но чтобы море познать, нужно встретиться с ним самим. А «Шах-наме» Фирдоуси — это даже не море, это целый океан, океан мифологических преданий и исторических легенд, любовных поэм и стихотворных летописей.

Величественна поверхность океана, его необъятная ширь, но еще более величественны глубины его, таящие иной, во многом не изведанный пока мир со сказочной фауной, исполинскими горными хребтами, с загадочной жизнью, отличной от видимой на поверхности.

Так по-разному предстает перед читателем и океан «Шах-наме»: в одном виде — по его необъятной поверхности, в другом — в его безмерных глубинах.

ПОВЕРХНОСТЬ ОКЕАНА «ШАХ-НАМЕ»

Жизнь Абулкасима Фирдоуси, как и жизнь других иранских классиков, породила множество легенд. Выражая отношение народа к своему любимому поэту, они, при всей своей фантастичности, воссоздают в определенной мере творческий облик поэта и тем интересны для нас...

Фирдоуси, то есть «райский», — это псевдоним поэта. Имя его точно неизвестно. Абулкасим — это лишь принятое на мусульманском Востоке метонимическое прозвище (дословно: «отец Касима»).

Точный год рождения Фирдоуси также неизвестен. Предполагают, что родился он между 932 и 941 годами в городке Тус в Хорасане [1].

Образование Фирдоуси получил в доме своего отца, родовитого, но малоимущего аристократа-дихкана. Там он изучил арабский язык и, возможно, среднеперсидский. Познания поэта были обширны, недаром впоследствии его величали «хаким» — мудрец, ученый.

Молодость Фирдоуси совпала с расцветом восточноиранского феодального государства Саманидов. Это был яркий период в истории иранских народов. Почти сразу же после завоевания в VII веке арабским халифатом народов Ирана, а позже и почти всей Средней Азии, поднялась и уже не прекращалась волна восстаний против иноземной власти. Местная аристократия, которая на первых порах стала служить завоевателям, к началу IX века почувствовала, что, опираясь на всеобщее недовольство, может отвоевать для себя известные права. На территории Средней Азии стали формироваться вассальные, фактически независимые от арабского халифата государства, во главе которых стояли местные династии. Наиболее сильной была династия Саманидов, установившая свою власть над огромной территорией от центральноазиатских степей на севере до современных территорий Ирана и Афганистана на юге и западе. Возникнув в 874 году, государство Саманидов просуществовало более столетия. В этот период завершалась консолидация в народ восточных иранцев — таджиков, населявших Среднюю Азию, и западных иранцев — персов, населявших территорию современного Ирана, — их связывали вековые исторические и культурные традиции. Язык «дари» (фарси) был их общим литературным языком. Саманиды, ища опору в народе, всячески поддерживали родной язык и древние культурные традиции. Хорасан, где прошли детство и юность поэта, в те годы был важнейшим центром культурных связей обеих групп иранцев.

Согласно легенде, Фирдоуси задумал написать свою эпопею, чтобы за вознаграждение, полученное от правителя, построить плотину для крестьянских полей. Вряд ли эта легенда отражает реальный факт. Однако она отмечает, что при составлении «Шах-наме» Фирдоуси был движим не корыстью или тщеславием, а благородной

---

[1] Эта часть Хорасана ныне находится на территории Ирана.

целью. Но цель эта была значительней, чем забота о крестьянах одной лишь округи.

К концу X века держава Саманидов была сильно расшатана межфеодальной рознью и произволом местных правителей, вызвавшим недовольство и возмущение народных масс. С севера нарастала угроза вторжения кочевых тюркских племен, и Фирдоуси не мог не видеть, что Саманиды не устоят против их натиска. Залог успеха в борьбе народа за государственную независимость Фирдоуси видел в идее объединения восточных и западных иранцев, а предпосылкой успеха в этой борьбе он считал справедливое правление, при котором шах одинаково заботился бы как о своих сановниках и дружинниках, так и о простом люде. Не о каменной дамбе для своего селения мечтал Фирдоуси, когда писал эпопею. Его обуревали мысли о воздвижении мощной плотины социальной справедливости и твердой государственности. Об эту плотину должны были разбиться волны междоусобиц и нараставший с севера вал нашествия кочевников. Поэт верил, что силою слова сумеет сплотить дворец и народ, аристократов и крестьян, убедить их и воодушевить на скорейшее сооружение этой плотины, ибо время не ждало.

И уже не легенда, а достоверные исторические хроники сообщают, что опасения Фирдоуси сбылись: едва успел он завершить в 994 году первый вариант своей эпопеи, как государство Саманидов пало под ударами кочевых племен. В 999 году тюрки-караханиды заняли столицу государства Бухару и низложили Саманидов. Примерно тогда же утвердилась и власть выходца из тюркской наемной гвардии Саманидов, султана Махмуда Газневида, над огромной территорией к юго-востоку от Аму-Дарьи.

К этому времени Фирдоуси был уже немолод, а нужда, неудачи и потеря любимого сына состарили его раньше времени. Завершив вторую редакцию «Шах-наме» в 1010 году, он вынужден был преподнести эпопею султану Махмуду, дополнив панегирическим посвящением.

Фирдоуси, как гласит легенда, прибыл в резиденцию султана — Газну в крестьянской одежде, покрытый пылью от долгих переходов. Придворные поэты-панегиристы султана Махмуда — «царь поэтов» Унсури, Асджади и Фаррухи — встретили пришельца высокомерно и недоброжелательно, как «деревенщину».

Они предложили ему принять участие в поэтическом состязании-импровизации. Заключалось оно в том, что каждый из трех поэтов должен был сымпровизировать по одной строке одинаковым метром и

на одну рифму; четвертую, заключительную, строку стиха, которая труднее всего для импровизации, должен был сочинить Фирдоуси.

Унсури начал стихом любовной песни, звучавшим довольно шаблонно: «Даже луна и та тусклее лица твоего».

Асджади продолжал в том же духе: «Равной твоей щечке нет розы в цветнике».

Фаррухи сказал: «Ресницы твои пронзают кольчугу».

Все трое, злорадствуя, ждали, найдется ли пришелец. Фирдоуси, противопоставив приевшимся метафорам могучий образ из народного эпоса, быстро произнес: «Как стрелы Гива в его битве с Пашаном». Этой строкой он не только придал законченность всему четверостишию: он словно и сам пронзил своим стихом соперников.

Легенда, конечно, остается легендой. Однако она отражает реальный факт враждебного отношения придворной газневидской группы поэтов к творчеству Фирдоуси. Об этом свидетельствуют многочисленные выпады против Фирдоуси в разных панегирических одах, слагавшихся поэтами этой группы.

Предание гласит, что султан Махмуд отклонил поэтический подарок Фирдоуси.

Преподнося «Шах-наме» Махмуду, Фирдоуси словно выражал ему, как преемнику саманидской державы, признание от лица родовитой староиранской аристократии и вместе с тем возлагал надежды на осуществление идеального, справедливого управления. Султану Махмуду не мог, однако, импонировать дух эпопеи, сколь ни лестно было ему признание его легитимных прав, да еще в такой блестящей художественной форме. Не мог он воспринять ни народной по существу идеи о «справедливом царе», ни содержащегося в «Шах-наме» острого порицания деспотизма. Как известно, султан Махмуд освящал свои грабительские походы провозглашением верности исламской ортодоксии, «Шах-наме» же преисполнена почитанием домусульманских традиций, ненавистью к арабскому халифату. Мог ли султан Махмуд отнестись иначе, чем он отнесся, к эпопее, которая вся была направлена против его идеологических ухищрений. Он был узурпатором трона Саманидов, возводивших свой род к прославленной староиранской династии Сасанидов. Преисполненная духом борьбы с туранцами, под которыми тогда подразумевались именно тюркские кочевники, эпопея Фирдоуси была посвящена восхвалению законной власти иранских правителей, осиянных царственным нимбом. Махмуд не мог не усмотреть в этом вызова лично себе.

Фирдоуси снабдил свою поэму панегирическим посвящением. Однако что означало несколько льстивых строк по сравнению с

огромной эпопеей, обрушившейся на султана, как беспощадный приговор истории.

Существует предание, что Фирдоуси на отказ Махмуда принять его труд ответил едкой сатирой.

В различных рукописях «Шах-наме», дошедших до нас от более поздних эпох, сатира приводится в разных вариантах, в различном объеме, но значительная ее часть встречается в других местах эпопеи в различных сочетаниях и разночтениях. Возможно, как это доказывают многие филологи, текст самой сатиры в том виде, как он дошел до нас, является более поздней компиляцией. Но факт существования в литературе сатиры поэта на царя говорит сам за себя: Фирдоуси словно включил в ткань эпопеи в качестве ее заключительного эпизода столь отвечающий всему духу и композиционному построению «Шах-наме» поэтический поединок благородного иранского поэта против «туранского» царя Махмуда. Таким образом, в строй богатырей Ирана, борющихся со злыми силами Турана, вступил на заключительном, уже современном для Фирдоуси этапе, сам поэт, как величайший из великих богатырей Ирана.

Тема же конфликта царя и поэта стала с тех пор одной из ведущих в средневековой поэзии на фарси.

Автору «Шах-наме» пришлось скрываться от разгневанного деспота. Султан Махмуд, продолжает повествовать легенда, надолго потерял из виду Фирдоуси, но как-то раз, возвращаясь из удачного похода, услышал поразивший его стих о воинских подвигах. «Кому принадлежат эти стихи?» — воскликнул султан. Ему ответили, что это стихи Фирдоуси, строки из поэмы «Шах-наме». Раскаяние охватило султана, он пожелал простить поэта и щедро наградить его. Караван верблюдов, груженных султанскими дарами, входил через ворота Рудбар в город Тус, куда поэт вернулся в глубокой старости, но с другой стороны, из ворот Разан, уже выходила погребальная процессия с телом умершего поэта.

Предполагают, что Фирдоуси умер между 1020 и 1026 годами. На могиле его в 1934 году возведен мавзолей в связи с празднованием в Иране тысячелетия со дня его рождения.

«Шах-наме» означает «Книга царей». Формально она построена по периодам царствования пятидесяти легендарных и исторических шахов Ирана, а фактически состоит из трех неравных частей: 1) мифологической, персонифицированной в образах первых десяти царей; 2) богатырской, посвященной преимущественно подвигам Рустама; 3) исторической, посвященной различным эпизодам в период царствования реальных исторических царей — Сасанидов.

Мифологическая часть начинается с описания царствования первых царей — Каюмарса, Хушанга, Тахмураса и Джамшида. События, связанные с этими царями, близко соприкасаются с широко бытующими у всех народов мифами о первочеловеке и первоцаре, одаривших людей первыми благами культуры. Так, Каюмарс перевел людей из пещер в селения на залитых солнцем горах, научил их готовить пищу. Хушанг открыл огонь и железо, научил людей земледелию и скотоводству. Тахмурас создал письменность. Джамшид обучил носить одежду из ткани вместо звериных шкур, ввел врачевание людей, пустил корабли по водам и разделил все население на сословия — жрецов, писарей, земледельцев и ремесленников. Эти цари замечательны своей «прометеевской» борьбой со злыми божествами, демонами-дивами. Сын Каюмарса, юный Сиямак, погиб от руки Черного дива, но мстителем за него встал его сын Хушанг, который вместе со своим дедом Каюмарсом убил дива и восстановил царство добра. Боролся с дивами и Тахмурас, подчинивший себе демонов мрака и зла. А семисотлетнее царство Джамшида — это сказочный «золотой век»! Но Джамшида сумел искусить злой Ахриман, и отсюда начались бедствия. Над Ираном воцарился иноземный царь-тиран Заххак. И вот кузнец Кава повел за собой народ и сверг тирана, посадив на престол Фаридуна, потомка Джамшида, его законного наследника. Фаридун приковал Заххака цепями к горе Демавенду и вновь установил светлое царство. Поделил он его между своими тремя сыновьями, отдав Салму — Рум (Малую Азию) и Запад, Туру — Чин (Китайский Туркестан) и Туран, а Ираджу — Иран и Арабистан. Салм и Тур коварно убили Ираджа. Голову его отправили Фаридуну. С этого началась борьба между Ираном и Тураном.

Мстителем за Ираджа выступает его внук Манучихр, которого воспитал богатырь из рода Джамшида — Сам. Когда войска Тура и Салма вероломно вторгаются в Иран, Манучихр, сопровождаемый богатырями во главе с Самом и Кавой-кузнецом, разбивает полчища туранцев и отсылает отсеченные им головы коварных убийц невинного Ираджа старому Фаридуну. Тот вручает Манучихру престол. На некоторое время между Ираном и Тураном устанавливается мир.

В центре **богатырских** сказаний находится излюбленный иранский герой — Рустам. Цикл сказаний о нем начинается с повествований об его отце Зале и деде Саме. Объезжая свои владения, Заль попадает в Кабул, где влюбляется в красавицу Рудабу, дочь кабульского владыки Михраба из рода Заххака. У них рождается сын, богатырь Рустам. Роковой трагизм, заложенный с самого начала в судьбе Рустама, состоит в том, что он является отпрыском одновре-

менно и благочестивого Джамшида, и его убийцы — царя-дракона Заххака. Рустам предстает перед нами благороднейшим, мужественнейшим из всех богатырей Ирана. Но рок преследует его, превращая в сыноубийцу, в убийцу любимого им царевича; в конце концов он сам гибнет от стрелы родного брата. Превзойти рок невозможно — этой мыслью пронизаны и все последующие сказания «Шах-наме».

Подвиги Рустама изображены на фоне царствования трех Кейанидов: Кей-Кубада, Кей-Кавуса и Кей-Хосрова. Любопытно, что уже первого царя из династии Кейанидов разыскивает на горе Албурз и сажает на престол именно богатырь Рустам. Мир, временно воцарившийся между иранцами и туранцами, через некоторое время нарушается, борьба вспыхивает вновь и продолжается веками. Второй из Кейанидов, Кей-Кавус, часто попадает в тяжелое положение. В одном эпизоде о нем, видимо, отразились некоторые народные предания о герое-богоборце. Так, например, он захотел подняться с помощью орлов, несущих его трон, на небеса, выше богов, но вместе с обессилевшими орлами упал на землю; шаха чудом спасает Рустам, неоднократно выручающий его из бедственного положения.

Сложна и трагична судьба самого Рустама, ему суждено убить родного сына — Сухраба.

Трагична гибель и сына Кей-Кавуса — Сиявуша. К нему питает преступную страсть коварная Судаба, первая жена его отца. Судаба пытается обольстить Сиявуша. Получив отпор, она клевещет на него, обвинив в посягательстве на ее честь. Сиявуш по приказу отца проходит испытание огнем. Его невиновность доказана, но он, обиженный, уезжает в Туран. Там он женится на дочери царя Афрасиаба. Наследник Сиявуша, Кей-Хосров, соединяет в себе кровь иранцев и туранцев и тем самым, по мысли Сиявуша, он должен предотвратить распри между обоими народами. Но по наущению недруга Сиявуша Афрасиаб вероломно убивает его, и вновь начинается стихшая было кровопролитная война между Ираном и Тураном. Иранские богатыри после долгих поисков находят наследника Сиявуша, Кей-Хосрова, которому сохранил жизнь благородный туранский богатырь Пиран. Иранский престол переходит к Кей-Хосрову.

Именно в царствование Кей-Хосрова и происходят основные, наиболее драматические битвы между иранцами и туранцами. Мир на земле воцаряется, но не так, как об этом мечтал Сиявуш, не путем примирения обеих сторон, а в результате разгрома туранцев и уничтожения главного носителя зла — Афрасиаба.

Царство мира и благополучия наступает лишь к концу жизни Кей-Хосрова. Он освобождает из плена сына Афрасиаба Джихну и

вручает ему Туран. Сам же просит бога Ормузда забрать его к себе из мира сего, так как ему нет покоя: в его жилах течет не только благородная кровь служителей Ормузда, но и кровь последователей злого Ахримана, и шах опасается, не одолеет ли в нем злое начало его добрую сущность. Передав царство своему родичу Лухраспу, Кей-Хосров удаляется в горы. Богатыри отправляются на его поиски. Снежная буря заносит их, и они исчезают навек, как исчез и Кей-Хосров. Лишь немногие остаются в живых. Среди них Заль и Рустам, которым суждено до дна испить чашу превратностей.

На этом заканчивается раздел богатырской части, имеющей отношение к царям Ирана, не связанным с древнеиранской религией — с зороастризмом.

Следующий раздел, начинающийся в царствование Лухраспа, так или иначе связан с этой религией. Новую веру принимает и распространяет по Ирану сын Лухраспа Гуштасп, и при нем вновь вспыхивает война Ирана с Тураном, которой придается уже характер религиозной борьбы.

После богатырской части эпоса следует своеобразное интермеццо. Действующие здесь лица полуисторичны, полулегендарны. Описывается царствование Дара́ба и Дары, историческими прототипами которых послужили цари из династии Ахеменидов. Рассказывается о царствовании Искандара (Александра Македонского), являющегося сыном Дараба и дочери румийского царя Фейлакуса (искаженное «Филипп»). Искандар, как законный престолонаследник, приходит в Иран и побеждает сына Дараба, царствующего Дару. Красочно описываются сказочные эпизоды с Искандаром, в большой мере заимствованные из популярного в древности и в средние века романа Псевдо-Каллисфена об Александре, в частности, походы в Индию, поиски живой воды, построение вала против диких народов и др.

Историческая часть посвящена царям династии Сасанидов (226—651). Наиболее интересны сохранившиеся элементы народных преданий об Ардашире, Бахраме Гуре, справедливом царе Ануширване, Хосрове Парвизе, о восстании Бахрама Чубина.

В заключительных эпизодах «Шах-наме» с большой силой и нескрываемой скорбью описывается арабское нашествие и гибель Сасанидов. На рассказе о гибели царя Йездигерда «Шах-наме» как бы обрывается. Но читатель чувствует, что автор будто без слов прорицает: должна подняться новая сила, восстановить былое величие и независимость иранских народов, торжество добра на земле.

Вся величественная эпопея от начала до конца написана одним метром, одиннадцатисложником, напоминающим амфибрахий, кото-

рому поэт путем разнообразного сочетания двух- и трехсложных слов сумел придать большую гибкость, энергичность и относительное разнообразие.

Поэт привлек и письменные источники, и устные народные предания, и рассказы пехлевийской среднеперсидской старинной хроники «Хватай-намак», художественно обработал их, внес свою трактовку в изложение событий, сцементировав всю эпопею патриотической идеей, страстной любовью к родному народу, неподражаемо строгим поэтическим рисунком. Эпически спокойный сказ прерывается иногда то короткими взволнованными лирическими отступлениями, то своеобразными диалогами героев. Концовки отдельных глав сводятся к глубокомысленным сентенциям, изложенным ярко и афористично.

Нет нужды в более подробном изложении того, что лежит на поверхности «Шах-наме». Следует отметить лишь, что по объему своему данное издание, содержащее более трети поэтического текста эпопеи и снабженное кратким прозаическим пересказом остальной ее части, впервые дает русскому читателю относительно полное представление о бессмертном творении Фирдоуси.

ГЛУБИНЫ ОКЕАНА «ШАХ-НАМЕ»

«Шах-наме» — выдающееся произведение своей эпохи. Оно было создано в период экономического и культурного подъема народов Ирана и Средней Азии, наступившего после преодоления тягот, связанных с нашествием войск арабского халифата. Эпопея отразила социальные процессы своего времени, прежде всего борьбу народа против иноземного господства, за государственную независимость и сама вдохновляла на эту борьбу новые поколения. В этом источник огромной воздействующей силы этого произведения (в течение веков «Шах-наме» рассказывалась искусными сказителями или пелась в своеобразно речитативном исполнении). У читателя или слушателя дух захватывает от быстро сменяющих друг друга картин поединков, сражений, походов и любовных приключений. Увлекают, волнуют судьбы бесчисленных персонажей, удивляет способность автора разнообразить описание даже сходных деталей: десятки раз, отделяя один сюжет от другого, Фирдоуси прибегает к образам восходящего и заходящего солнца, наступающей ночной тьмы и каждый раз изобретательно выражает это по-новому. Рельефность, пластичность, ясность изображения очевидны каждому и невольно подводят к выводу: как прекрасна поверхность океана «Шах-наме», как вели-

чественна его необъятная ширь. Но в недрах этого океана таятся еще большие идейно-художественные сокровища. Они и составляют основу непреходящей, вечной ценности эпопеи. Каждая эпоха по-своему проникает в ее глубины, находит скрытые богатства и по-своему воспринимает их.

Именно в нашу эпоху, эпоху коренного перелома в жизни человеческого общества, мы можем прежде всего обнаружить в этих глубинах четыре вершины подводных хребтов океана «Шах-наме».

В мифологической части такой вершиной, таким пиком является эпизод восстания кузнеца Кавы; в богатырской — трагедия Сиявуша; в переходном «интермеццо» — утопическая страна брахманов, куда проник Искандар; в исторической части — выступление Маздака.

В мифологической части показано, как постепенно нарастает власть человека над демонами зла, над дивами, этими и по духу и этимологически родными братьями deus'а-бога. Власть человеческого рода нарастает из царства в царство, достигая, казалось бы, апогея при мудром Джамшиде. Но вот Джамшид возгордился; противопоставив себя всему сообществу людей, он стал рассматривать свою особу средоточием вселенной, предвосхитив на много веков Людовика: «Мир — это я, — седым князьям сказал он...» Служение людей добру Джамшид захотел заменить служением ему самому, и немедленно наступила расплата. Царь-дракон Заххак погубил Джамшида и установил свою власть на тысячу лет.

Поэт очень красноречиво, в одной строфе, характеризует ужасы правления Заххака:

Мир под его ярмом стремился вспять,
И годы было тяжело считать.

Волшба — в чести, отваге нет дорог,
Сокрылась правда, явным стал порок.

Все видели, как дивы зло творили,
Но о добре лишь тайно говорили...

Но и под властью Заххака благородные люди не перестают творить добро. Таковы дела благочестивого Арманака и прозорливого Карманака, сумевших сохранить одного из каждых двух юношей, приносимых в жертву царю-дракону.

Убедительно показано, как приспособилась к Заххаку верхушка — сановники и вельможи. Подлинный отпор царю-дракону готовится в среде простолюдинов, идущих за кузнецом Кавой. Сцена столкновения кузнеца с царем по своей драматичности одна из наи-

более ярких в «Шах-наме», как бы утверждающая: сила народная повергнет зло в прах. Именно Кава-кузнец возводит на царство благородного Фаридуна. Вся история царей Ирана, описанная в «Шах-наме», восходит к этому восстанию.

В богатырской части мы видим, как из-за того, что братья Тур и Салм коварно убили Ираджа, начинается беспрерывная кровавая битва между потомками Ираджа и Тура. Манучихр мстит туранцам. Афрасиаб нападает на Иран и истребляет его жителей. За правое дело своей родины борется любимый народом иранский богатырь Рустам. И вот в разгар кровопролитных схваток возникает образ Сиявуша, образ исключительной рыцарской чести и благородства, представляющий вершину богатырской части эпопеи.

Поэт сделал все, чтобы этот образ предстал перед нами во всей чистоте. Он провел его через испытание огнем, и благополучный исход лишь еще больше украсил Сиявуша.

Он вышел из огня еще безгрешней, —
Был для него огонь, что ветер вешний.

Огня прошел он гору невредим,
Все люди радовались вместе с ним.

Везде гремели радостные клики,
Возликовали малый и великий.

Передавалась весть из уст в уста
О том, что победила правота.

Сиявуш выступает перед нами как борец за мирную жизнь на земле.

Я миром осчастливил две страны,
Но ищет царь, как гневный меч, войны, —

говорит он после того, как ему удалось отвратить нападение Афрасиаба на Иран. Афрасиаб же так говорит о Сиявуше и его мечте:

Не будет войн, и общею тропой
Олень и барс придут на водопой.

Мы пребывали в страхе постоянном:
Война грозила двум соседним странам,

Покоя не было в душе людской,
Но ты пришел и дал земле покой.

Еще такого не было событья!
Мы отдохнем от войн, кровопролитья.

Сиявуш возводит города Сиявушгирд и Гангдиж все с той же целью: он хочет, чтобы люди обрели в них счастье, мир и покой.

Весь мир пройдешь, на землю поглядишь —
Всех превосходит красотой Гангдиж...

Не зноен зной, не холоден там холод,
То — счастья город, изобилья город.

Там ни больных не встретишь, ни калек,
Там райский сад, там счастлив человек...

Сиявуша не беспокоят превратности его личной судьбы. Одно лишь тяготит его: он предчувствует, что если будет убит, то вновь вспыхнет война между Ираном и Тураном:

Злосчастье, клеветник тому причина,
Что я погибну, пострадав невинно,

И на Иран и на Туран тогда
Обрушит беды мрачная вражда.

Земля наполнится тоской и смутой,
Мир обнажит оружье мести лютой...

Иран, Туран от горя возопят,
Умру — и мир вскипит, огнем объят.

Его предчувствие оправдалось — он пал по велению Афрасиаба. Рустам мстит за убитого Сиявуша, и вновь начинается война Ирана и Турана.

Исследователям обычно казалось, что главное в «Шах-наме» — это изображение борьбы благородных богатырей Ирана со злокозненными туранскими царями, что главное в «Шах-наме» — это пусть справедливая, но именно война. Сказание о Сиявуше показывает, однако, что не идея войны, а идея мира водила рукой поэта. Носителем этой идеи был Сиявуш. В этом подлинное величие образа Сиявуша и всей «Шах-наме», которая оказывается, таким образом, первым в мировой литературе выдающимся художественно-философским произведением о войне и мире.

В интермеццо об Искандаре кульминационным пунктом следует признать встречу Искандара с брахманами. Этот эпизод заимствован из Псевдо-Каллисфена — встреча Александра Македонского с голыми гимнософистами. У Фирдоуси изображается утопическое царство людей, довольствующихся малым во имя мирной и дружной жизни. Именно этот эпизод послужил литературным источником для великолепной социальной утопии о царстве справедливости на земле,

о стране всеобщего равенства и труда в поэме Низами. Значимость этого эпизода подчеркивается тем, что он изложен именно в «интермеццо». Далее в исторической части справедливость или несправедливость царей оценивается Фирдоуси как бы под углом социальной утопии: заботится ли царь о благополучии своих граждан, об их счастье, или он алчен, жаден и себялюбив.

При описании выступления Маздака, по существу центральном эпизоде исторической части, Фирдоуси показывает, что за свое счастье и равенство народ борется отнюдь не утопиями о неведомом царстве полуголых и нищих брахманов. Нет, у Фирдоуси под предводительством Маздака выступают реальные народные массы, с помощью силы обретающие счастье на земле. Фирдоуси, выходец из родовой иранской аристократии, певец законной власти иранских царей, не мог, казалось бы, сочувствовать народному мятежу, однако силой своего поэтического вдохновения он поднялся выше узкоклассовой среды и поэтическим словом возвеличил Маздака.

В изображении выступления Маздака, пожалуй, наиболее отчетливо сказалась манера Фирдоуси изображать событие в двояком восприятии — во внешнем и глубинном.

Восстание под водительством Маздака (в начале VI в.) было массовым народным движением, которое распространилось не только в Иране, но и в Аравии и Армении и потрясло основы сасанидского государства. Идеологией движения было отрицание богатства и крупной собственности, как главного зла в мире, как порождения Ахримана. Память о восстании сохранилась в веках и в Иране, и в Средней Азии, и в Азербайджане.

Дворцовые хронисты пытались умалить значение движения, изображая его кратковременным эпизодом «смуты», «отступлением от правого пути», «разбойным актом», а Маздака рисовали «обманщиком», «безумцем», «нечестивым совратителем». В пехлевийской литературе существовал даже роман «Маздак-намак» («Книга о Маздаке»), переведенный впоследствии на арабский язык и пользовавшийся известностью во времена Фирдоуси. Роман до нас не дошел, но заимствованное из него изображение Маздака, сохранившееся в трудах средневековых восточных авторов, передает достаточно полно тенденциозный, реакционно-пасквильный характер романа. Бесспорно, что Фирдоуси мог пользоваться этим источником.

При поверхностном чтении раздела о Маздаке может показаться, что поэт придерживается официальной версии, когда пишет:

К Маздаку люди шли со всей державы,
Покинув правый путь, избрав неправый.

Нельзя, однако, не заметить, что самый переход шаха Кубада с правого пути на неправый поэт изображает несколько неожиданным образом:

Не знал Кубад, как выбраться из мрака,
Услышал он добро в словах Маздака.

Он вопрошал — и получил ответ,
В душе Маздака он увидел свет.

С того пути, которым шли пророки,
Цари, вожди, мобедов круг высокий,

Свернул, Маздаку вняв, отважный шах:
Узнал он правды блеск в его речах!

Получается, что на стороне Маздака — «добро», «свет», «правды блеск»! Вот как оборачивается соотношение пути правого и неправого. Оказывается, что путь, с которого свернул шах (одобрительно именуемый отважным), был не чем иным, как «мраком», а путь, на который он вступил, — «светом», но ведь шах шествовал до Маздака по стезе пророков, царей, вождей и мобедов. Значит, не слишком уж ортодоксально соблюдена поэтом официальная версия.

Выступление народа внешне изображается (по видимости, в духе придворной историографии) как акт грабежа, к тому же санкционированный Маздаком: разграбить амбары, расхитить казну. Но вчитаемся глубже в несколько скупых бейтов, описывающих выступление, и бросится в глаза язвительный тон по отношению к блюстителям порядка:

Доносчики при виде преступленья
Отправились к царю без промедленья:

Амбары, мол, разграблены сполна,
Лежит, мол, на Маздаке вся вина.

Можно почувствовать, что поэт, сопереживая народное горе, словами Маздака выражает свое мнение по поводу поступка измученных и умирающих от голода людей: не иначе как он склонен оправдать архиплебейскую формулу: «Ограбь награбленное».

Последователями Маздака Фирдоуси считает именно тех, «кто пищу добывал своим трудом». Поэт весьма выразительно показывает также, что на самом деле выступление Маздака вовсе не было лишь единовременным актом, а все более растущим массовым и неодолимым движением:

Повсюду ширилось его ученье,
Никто с ним не дерзал вступить в сраженье.

И тут уже мы доходим до глубин — до подлинного изложения самого учения Маздака о всеобщем социальном равенстве:

Простому люду говорил Маздак:
«Мы все равны, — богатый и бедняк.

Излишество и роскошь изгоните,
Богач, бедняк — единой ткани нити.

Да будет справедливым этот свет,
Наложим на богатство мы запрет!»

Свое личное отношение к этому учению поэт выразил по-разному: и характеристикой Маздака («Разумен, просвещен, исполнен благ»), резко противостоящей официальной версии, и тем, что вложил в его уста вдохновенные слова:

Святую веру в помощь я возьму,
Свет, вознесенный мной, развеет тьму, —

и гневным обличением коварной и жестокой расправы аристократов с Маздаком и его последователями.

Вспомним идею народолюбия, выраженную великим поэтом в эпизодах Кавы и Сиявуша, сочувственное отношение к царству дружбы и мира, повстречавшемуся Искандару, — и рассудим. Не удивительно, что аристократ Фирдоуси хоть и бледно, но отразил порицание «ложного пути» Маздака, содержащееся в писаниях историографов-царедворцев. Достойно восхищения другое — идейная глубина и проницательность поэта XI в. в оценке одного из великих ранних предшественников идей коммунизма, каким был исторический Маздак.

Как видим, эпопея начинается мифическим народным восстанием Кавы, а заканчивается исторически реальным, действительным восстанием Маздака, и в обоих случаях Фирдоуси в художественных образах дал восторженную, высокую оценку народных восстаний.

С высоты четырех вершин эпопеи хорошо просматривается, как конкретно и образно выразил поэт свою излюбленную идею борьбы добра и зла, неизбежности победы добра над злом. Поэт утверждает мысль о том, что высшим добром, высшим его выражением является благо народа.

Глубинный анализ «Шах-наме» выявляет, таким образом, две скрещивающиеся линии.

Одна линия находит свое выражение в идеях, свойственных аристократической среде: в панегирике аллаху и султану в начале эпопеи, в последовательной защите легитимизма, в нередкой романтизации прошлого, в проповеди аристократически-рыцарской этики, в

формальном построении «Шах-наме» по пятидесяти царствованиям; вторая линия проявляется в идеях, свойственных народной среде: в восторженном гимне разуму, в поэтизации доисламских народных преданий и легенд, в передаче средневековой социальной утопии о стране имущественного равенства и справедливости, в любовном отношении к образам простых людей, в сочувственном изображении выступления, возглавленного Маздаком, в проповеди идеи «хорошего царя», в фактической структуре поэмы, состоящей в том, что почти две трети ее посвящены вовсе не царям, часто изображаемым довольно убогими, а популярнейшему в народе богатырю Рустаму. Выявление четырех вершин в подводных глубинах океана «Шах-наме» позволяет со всей определенностью сказать, что в конечном счете побеждает вторая, народная линия, и эпопея «Шах-наме» из «Книги царей» становится «Царь-книгой» поэзии на фарси. Основное в «Шах-наме» не то, что отражает классовую ограниченность поэта, а прогрессивные для его времени элементы философского рационализма, гуманистические и патриотические идеи, отражающие в значительной мере народную точку зрения на исторические события и деяния, а также непреходящие в веках народные чаяния и мечты о человеческом счастье на земле.

Своим гуманистическим содержанием «Шах-наме» входит в число величайших произведений мировой литературы, передававшихся из поколения в поколение. Идея гуманизма является органичной для художественной литературы с самого начала ее возникновения. На протяжении веков эта идея облекается в различные образы и художественные воплощения. Для гуманистической идеи «Шах-наме» характерно то, что она вобрала многие из образов, выработанных предшественниками Фирдоуси. Таковы образы человека-богоборца (первые легендарные цари и сам Рустам), человека-тираноборца (кузнец Кава и Маздак) и другие образы носителей глубокого человеколюбия и высокого человеческого достоинства, будь то иранцы или туранцы. Проникая в глубины «Шах-наме», мы обнаруживаем, что Фирдоуси подымается до высот ренессансной идеи великой, автономной личности, противостоящей самому року, до образа борца за вечные идеалы человечества. Именно таким выступает перед нами трагический образ Сиявуша. Следовательно, «Шах-наме» включается в круг произведений, связанных с таким подъемом мировой культуры, каким была эпоха Ренессанса, а автор эпопеи может быть признан одним из его провозвестников.

И, наконец, об одной наиболее существенной стороне художественной формы «Шах-наме». «Объективность эпического характера

прежде всего, в особенности для главных фигур, сводится к тому, что они сами по себе представляют *полноту черт,* что они являются цельными людьми, поэтому в них можно проследить развитие всех сторон души вообще, а конкретнее — развитие национального склада мыслей и способа деятельности». Эту характеристику Гегеля можно полностью отнести и к героям «Шах-наме». При этом хотелось бы резче подчеркнуть, что обычно герои эпоса — это не столько х а р а к т е р ы во всех их переменчивых проявлениях, сколько законченные цельные т и п ы, носители строго фиксированных и мало изменяющихся черт. В этом состоит одно из отличий обрисовки героев в эпосе от их изображения, например, в драме.

Любопытно отметить, что при отсутствии в традициях иранской культуры драмы эпопея «Шах-наме» восприняла много специфического из драматического изображения героев. Это проявляется в раскрытии их психологических переживаний. Конечно, Рустам — это целостный тип с раз навсегда данными чертами характера. Однако сколько драматизма выражено в его душевных движениях, сколько переменчивости в его действиях, в его переживаниях при поединке с сыном, во встречах с Исфандиаром. Склонность к драматическому изображению проявляется в «Шах-наме» и в великолепных своеобразных диалогах. Драматизм в изображении героев в меньшей мере лежит на поверхности, и поэтому прямых диалогов в «Шах-наме» нет, но как много психологической глубины заложено в изображении Сиявуша! Это не обычный эпический герой, это в полном смысле слова герой трагический. Психологизмом словно начинены отдельные бейты — двустишия, изображающие поступки, действия героев. Достаточно для этого вдуматься в описание поединка Рустама с Ашкабусом. Рустам, видя силу туранца Ашкабуса и понимая, что Ашкабус, сразивший молодого иранского богатыря, сразит и Туса, решает сам идти против Ашкабуса. Но самомнительный Тус рвется в бой, и тогда Рустам, желая отвлечь его от поединка, но вместе с тем не обидеть, предлагает Тусу стать в центре войска, т. е. отводит ему самое почетное место в строю. Свое же вступление в поединок с Ашкабусом он объясняет тем, что якобы Тус приказал ему добыть коня в поединке. Сколько находчивости, такта, тонкости проявил автор «Шах-наме» в этом эпизоде. Таких мест в «Шах-наме» много, и если внимательно вчитываться в текст, можно обнаружить драматическое начало, глубокий психологизм в изображении героев.

По мере того как читатель привыкает к своеобразию почерка «Шах-наме», он начинает догадываться и о возможных действиях героев, и о движущих ими мотивах. Он словно сам включается в

соавторство эпопеи. Это то соавторство, о котором Н. Г. Чернышевский, характеризуя сюжет Рустама и Сухраба, говорит: «Сущность чистой поэзии состоит именно в том, чтобы возбуждать читающих к соперничеству с автором, делать их самих авторами».

В фантастическом изображении героев эпопеи проглядывает именно эта характерная для сказки особенность, о которой Чернышевский пишет дальше: «Главные действующие лица сказки должны иметь характер эфирности, не иметь ничего осязаемого, реального... Конечно, для этого нет никакой надобности быть тощими и бледнолицыми: напротив, для фантазии легче и приятнее заниматься лицами чистого телесного колорита, с румянцем на щеках, с светлым блеском в глазах. Гурдаферид пышет здоровьем, только Зораб во всем туранском войске может выдержать поединок с нею, когда она надевает шлем: если рука ее слабее руки Хеджира, ее сердце тверже, ее взор смелее, ее движения быстрее, ее удары вернее, и она — первая защитница Ирана. Но у самого Шекспира нет лица более прелестного....» «Сказочно-реалистическое» изображение героев, применяемое Фирдоуси в «Шах-наме», теснейшим образом связано именно с драматическим изображением психологии действующих лиц, словно спрессованным в лаконичных двустишиях, — но обнаружить все это мы сумеем не на поверхности «Шах-наме», а лишь проникнув в недра ее.

Здесь сделана попытка обратить внимание читателя только на некоторые из своеобразных достоинств эпопеи, которые можно выявить, если не ограничиться ее чтением для минутного удовольствия, а стараться глубже проникнуть в тайны величественного океана, имя которому «Шах-наме».

И. Брагинский

Вступление

СЛОВО В ПОХВАЛУ РАЗУМА

Пришла пора, чтоб истинный мудрец
О разуме поведал наконец.

Яви нам слово, восхваляя разум,
И поучай людей своим рассказом.

Из всех даров что разума ценней?
Хвала ему — всех добрых дел сильней.

Венец, краса всего живого — разум,
Признай, что бытия основа — разум.

Он — твой вожатый, он — в людских сердцах,
Он с нами на земле и в небесах.

От разума — печаль и наслажденье,
От разума — величье и паденье.

Для человека с чистою душой
Без разума нет радости земной.

Ты мудреца слыхал ли изреченье?
Сказал он правдолюбцам в поученье:

«Раскается в своих деяньях тот,
Кто, не подумав, действовать начнет.

В глазах разумных — дураком он станет,
Для самых близких — чужаком он станет».

Друг разума — в почете в двух мирах,
Враг разума — терзается в цепях.

Глаза твоей души — твой светлый разум,
А мир объять ты можешь только глазом.

Был первым в мире создан разум наш,
Он — страж души, трех стражей верных страж,

Те трое суть язык, глаза и уши:
Чрез них добро и зло вкушают души.

Кто в силах разуму воздать почет?
Воздам почет, но кто меня поймет?

Не спрашивай о первых днях творенья
До нашего с тобою появленья,

Но, созданный всевышним в некий миг,
Ты явное и тайное постиг.

Иди же вслед за разумом с любовью,
Разумное не подвергай злословью.

К словам разумных ты ищи пути,
Весь мир пройди, чтоб знанья обрести.

О том, что ты услышал, всем поведай,
С упорством корни знания исследуй:

Лишь ветви изучив на древе слов,
Дойти ты не сумеешь до основ.

СЛОВО О СОТВОРЕНИИ МИРА

Начну, чтобы душа твоя познала
Первооснов основу от начала.

Ведь нечто создал бог из ничего
Затем, чтоб зримой стала мощь его.

Вне времени, вне бренных тягот в мире
Первоосновы создал он четыре *.

Средь бурь и хлябей, мчавшихся вокруг,
Из недр глубоких пламень вспыхнул вдруг

И двинулся, впервые тьму наруша,
От жара пламени возникла суша.

Недвижность холод родила, — тогда
От холода содеялась вода.

Как только прочно утвердились в мире
Стихии первозданные четыре, —

Друг с другом их соединил господь,
Чтобы никто не мог их побороть,

Над прахом свод простерся небесами,
Что вновь и вновь дарят нас чудесами.

Двенадцать власть признали семерых *,
Все утвердилось на местах своих.

Из рук всевышнего все блага разом
Посыпались, и был возвышен разум.

Семи небес тогда возникла связь *,
И стали двигаться они, кружась.

Спадали воды, пламя поднималось,
Отныне солнце вкруг земли вращалось.

Моря и горы, плоские поля, —
Как ясный светоч вспыхнула земля!

Ей, средоточью мрака, черной бездны,
Был незнаком доселе свет небесный,

Вот звезды ярко вспыхнули во мгле,
И света стало больше на земле.

Вершины гор взметнулись, воды вздулись,
Верхи растений к солнцу потянулись,

Ввысь устремилась всякая трава,
Плодами отягчились дерева:

Растут, стоят в отличье от животных,
Что бегают среди дерев бессчетных.

Явились твари, силою горды,
Им покорились травы и плоды.

Что ищут твари? Сна и пропитанья,
Покоя жаждут, не хотят страданья,

Им разум чужд, не внятны им слова,
А пища их — колючки и трава.

Не знают ни добра, ни злодеянья,
Не ждет от них всевышний послушанья.

Он существует, благ не утаив,
Затем, что он премудр и справедлив.

Ни тайного, ни явного не зная,
Мы видим: всюду — мощь его благая.

СЛОВО О СОТВОРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Потом явился человек: могуч,
Замкнул он эти звенья, словно ключ.

Он выпрямился, кипарис высокий,
Творя добро, познав любви истоки.

Сознанье принял он, и мысль и речь,
К своим ногам зверей принудил лечь.

Весь разум свой ты приведи в движенье
И слова «человек» пойми значенье.

Ужели ты в безумие впадешь,
Безумным человечество сочтешь?

Ты — двух миров дитя: слагались звенья,
Творился ты, чтоб стать венцом творенья.

Так не шути: последним сотворен,
Ты — первый на земле, таков закон!

Другой иное мнение изложит, —
Но в божьи тайны кто проникнуть может?

Взгляни на свой конец — и не ленись,
Постигнув цель, упорно к ней стремись,

Труду предать свое ты должен тело:
Пристали мудрости и труд и дело.

Чтоб над собою зла отринуть власть,
Чтоб в западню страданья не попасть,

Следи круговращенье небосвода *,
Все от него: и радость и невзгода.

Его удары дней не поразят,
Ни горе, ни беда не уязвят.

Над нами двигаться не перестанет,
Подобно нам, в небытие не канет.

Он щедр, но помнит милостей число,
Ему открыты и добро и зло.

СЛОВО О ТОМ,
КАК СОБИРАЛАСЬ «КНИГА ЦАРЕЙ»

О чем скажу? Все сказаны сказанья,
Все собраны плоды в саду познанья.

Но коль себе я места не найду
На плодоносном древе в том саду

(Блажен высокой пальмою укрытый:
Сень пальмы станет для него защитой),

То, может, кипарис мне даст приют,
Чьи ветви мощно, высоко растут?

Быть может, если я царей прославлю,
Не книгу я, а памятник оставлю?

Не думай ты, что эта книга — ложь,
Что в ней ты сказку, выдумку найдешь.

Раскроешь книгу — разум в ней найдешь ты,
К познанью жизни снова с ней придешь ты.

Осталась книга от времен былых,
В ней много былей, древних и седых.

Ее листы — у мудрецов державы,
У каждого — разрозненные главы.

Жил богатырь-дихкан; * душой велик,
Он был умен, отважен, светлолик.

Исследователь детства мирозданья,
О прошлом он разыскивал преданья.

Созвал он мудрецов со всех сторон, —
Воссоздавал он летопись времен.

Он расспросил их о князьях старинных,
О славных и разумных властелинах,

Что правили просторами земли,
С презрением оставив их, ушли.

Чем завершилась тех царей отвага,
Что жили в счастье и вкушали благо?

Поведали мужи, даруя свет,
Реченья царские, теченье лет.

Их выслушал воитель седоглавый,
Задумал он составить книгу славы,

И на земле он памятник воздвиг, —
Весь мир восславил эту книгу книг.

БЫЛЬ О ПОЭТЕ ДАКИКИ

Хранившиеся в рукописях были
Чтецы читать на сборищах любили,

С восторгом люди слушали чтеца, —
Все мудрые и чистые сердца.

Явился юноша * с душой открытой,
С красивой, плавной речью, даровитый,

Сказал: «Я книгу изложу в стихах», —
И радость вспыхнула в людских сердцах.

Но молодость поэт провел злонравно,
Всегда со злом боролся он бесславно... *

Внезапно он погиб. Скажи, зачем
Смерть на него надела черный шлем?

Злонравье стало для него могилой:
Не насладился молодостью милой,

Как вдруг померкла юноши судьба,
И был он умерщвлен рукой раба.

С неизреченным он ушел рассказом,
Такой счастливый дар погаснул разом!

СЛОВО О ТОМ, КАК БЫЛА НАЧАТА КНИГА

Но вот, от этих мыслей отрешась,
Царю царей сказал я в некий час:

«Создам я книгу, благо постигая,
По-своему сказания слагая».

И стал я всех расспрашивать вокруг,
Мне времени поток внушил испуг:

И мне моих не хватит дней, быть может,
Другой придет и эту книгу сложит.

К тому ж казна не помогает мне,
Увы, оценят ли мой труд в стране?

Война в ту пору миром овладела,
Желавшим власти не было предела.

Решил я: надо мне повременить,
Мне надо слово в тайне сохранить.

Имел я друга в счастье и печали,
Скажи: мы с ним единой плотью стали.

Он молвил мне: «Твой замысел хорош,
Я верю, что ко благу ты придешь.

Ты бодрствуй, — принесу тебе я списки,
Начертаны слова по-пехлевийски.

Ты молод, речь твоя легка, жива,
Творишь ты богатырские слова.

Ступай и книгу о царях сложи,
У благородных славу заслужи».

Пришел, принес мне летопись былого,
Мне сердце светом озарил он снова.

* * *

И вот моя работа началась.
А был в ту пору некий гордый князь *.

Он молод был, богатырем рожденный,
Спокойный, ясным духом одаренный,

Свет разума, и скромности глава,
И голос мягкий, мягкие слова.

Спросил: «Чтоб возымел ты склонность к речи,
Какую тяжесть мне взвалить на плечи?

Поверь, я облегчу твои труды
Всем, чем смогу, чтоб ты не знал нужды».

И он меня, как яблоню, лелеял,
Чтоб на меня и ветер не повеял.

Он столько сделал мне хороших дел,
Что я из праха на небо взлетел.

Равнял он с прахом серебро и злато,
И только щедрости служил он свято.

Богатства мира презирал мудрец,
И доброты являл он образец.

Но столь великий муж людей покинул,
Как будто древо буйный вихрь низринул.

Быть может, был он чудищем сражен?
Ни мертвым, ни живым не найден он!

О, горе этой царской благодати,
И стану царскому, и царской стати!

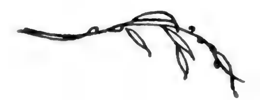
Он заточен, — душа моя скорбит,
Рыдает ивой трепетной навзрыд.

Так будем же верны его завету,
От кривды мы уйдем к добру и свету.

Сказал он: «Книгу о царях создав,
Вручи ее властителю держав».

И приступил я к этой книге трудной, —
Да славится властитель правосудный.

Легендарные цари



КАЮМАРС

Что сказывает нам дихкан-сказитель
О том, кто первым молвил: «Я властитель»,

О том, кто первый на свое чело
Надел венец? Все было и прошло...

Поведал так старинных книг пытатель,
О богатырских днях повествователь:

Принес престола и венца закон
Царь Каюмарс, и начал править он.

К созвездью Овна солнце устремилось,
Мир получил закон, и власть, и милость.

В созвездье солнце начало блистать,
Весна вселенной расцвела опять.

Стал Каюмарс вселенной властелином.
Он обитал сперва в краю вершинном.

Себя и всех людей, для новых дел,
Он шкурами звериными одел.

Довольство он людскому дал жилищу —
Людей он научил готовить пищу.

Тридцатилетье длилась власть царя,
Сверкавшего на троне, как заря.

Возликовали твари, — все живое,
Все люди зажили тогда в покое.

Склонялось человечество пред ним,
Сияло счастье над царем земным.

Был сын отважный у царя державы,
Красавец, жаждавший борьбы и славы.

Счастливый Сиямак пленял сердца,
Он был отрадой славного отца.

Минуло времени с тех пор немало.
Держава Каюмарса процветала.

Был у царя один лишь тайный враг —
Бес Ахриман, чья сила — зло и мрак.

Был сын у Ахримана — волк-воитель,
Бесовских полчищ лютый предводитель.

Владыки блеск, царевича расцвет, —
Стал из-за них для беса темен свет.

Собрал он войско, на царя пошел он,
Отнять хотел и царство и престол он.

Открыл он замысел коварный свой,
Вселенную наполнил волчий вой.

Когда услышал Сиямак правдивый,
Что вышли, сея гибель, злые дивы,

Вскипела у царевича душа,
Полки собрал он, яростью дыша,

И вышел, тигра шкурою покрытый:
Тогда не знали панцирной защиты.

Сошлись две рати; Сиямак вступил
Отважно в бой с исчадьем адских сил.

Взмахнул косматой лапой див жестокий,
Переломил героя стан высокий,

Ударил витязя о гребни скал,
Потом когтями сердце разодрал.

Услышал Каюмарс о смерти сына,
И черным стало солнце властелина.

Зверье и птицы собрались толпой,
Ушли, стеная, горною тропой,

Ушли, вопя и плача, в скорби жгучей,
Над царским троном пыль вздымалась тучей.

Оплакивали сына целый год.
Но вот прислал посланца небосвод.

Сказал Суруш с отрадою во взоре:
«Сдержи себя, забудь на время горе,

Ты войско снаряди, — вот мой приказ, —
И племя бесов уничтожь тотчас.

Очисти лик вселенной от злодея,
Иди на битву, местью пламенея».

Властитель поднял к небесам чело,
На головы врагов призвал он зло,

Восславил господа и свет денницы
И осушил от слез свои ресницы.

Не знала сна и отдыха душа,
За Сиямака отомстить спеша.

Оставил сына Сиямак пригожий,
При деде он верховным был вельможей,

Хушангом звался Каюмарса внук,
Он был — ты скажешь — кладезем наук.

Ужасна с сыном вечная разлука, —
Дед на своей груди взлелеял внука.

Царь, в жажде мщенья, торопясь к борьбе,
Призвал Хушанга юного к себе.

Открылась внуку боль его живая,
Царь молвил, тайну сердца раскрывая:

«Сбирать войска вселенной буду я,
И клич кричать военный буду я,

А ты веди войска на бой суровый,
Я отхожу, а ты — вожатый новый».

В том войске — пери, птицы, дикий зверь,
И юный вождь их поведет теперь.

Явился черный бес, исполнен страха,
Взметнул, взрывая, к небу комья праха.

Сошлись две рати, сдвинулись тесней, —
И бесы побежали от зверей.

Хушанг ударил беса дланью львиной
И умертвил злодея в миг единый.

Он бесу отомстил за смерть отца,
С презреньем растоптал он мертвеца.

Царь Каюмарс насытил сердце местью, —
Пришла к нему кончина с этой вестью.

ХУШАНГ

Хушанг, властитель правый и мудрец,
Надел, сияя, дедовский венец.

В краях, где были дикость и безлюдье,
Посеял он добро и правосудье.

Охотился однажды царь земли
В горах, и вдруг увидел он вдали,

Как нечто извивалось и темнело,
Продолговатым, черным было тело,

Два глаза — будто крови два ключа,
Из пасти дым вздымался, клокоча.

Внимательно Хушанг следил за змеем,
Взял камень, битву начал со злодеем.

Взмахнул он мощною рукой своей,
Враг мира — от царя отпрянул змей.

И камнем царь попал в скалу большую,
Осколки полетели врассыпную.

Вдруг искры вырвались из двух камней
И стали разгораться все сильней.

Змей не погиб, но обнаружил камень
То, что в себе таил он: яркий пламень.

Тогда-то люди стали из кремня
Наружу извлекать тепло огня.

Царь восхвалил зиждителя творенья
За жаркий свет пыланья и горенья,

И, благодарность к господу храня,
Он сделался поклонником огня.

«Огонь, — сказал он, — с богом вечным связан,
Разумный почитать его обязан».

Развел огонь, огромный, как гора,
И царь и люди сели вкруг костра.

Всю ночь они при свете пировали,
Сада́ — тот пир сверкающий назвали.

Стал о Хушанге памятью Сада, —
Да в мире славится Хушанг всегда!

Хушанг открыл, добыл огня сиянье,
И помнит мир его благодеянье.

Властитель взоры обратил к воде,
Из рек протоки он пустил везде, —

Тем самым людям пастбища прибавил,
Зерно посеял, жатву он возглавил.

Так землепашец, проливая пот,
Стал добывать свой хлеб из года в год:

Досель, такими не трудясь трудами,
Довольствовались люди лишь плодами.

Затем всевышним взысканный мудрец
Всех отделил быков, коров, овец

От диких — от онагров и оленей —
Для блага человечьих поколений.

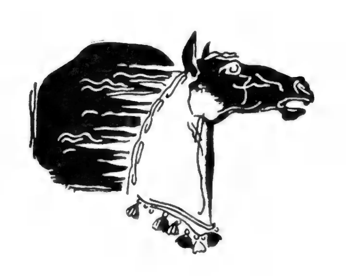
Он убивал зверей, чей пышен мех,
Он шкуры с них снимал, одел он всех,

Кто обладает речью, в разум веря, —
Их наготу прикрыла шкура зверя.

Вкусил добро и дал добро другим,
Ушел он с добрым именем своим.

Когда Хушанга пробил час блаженный,
Пустым престол остался во вселенной.

Царю отсрочки время не дало,
Ушел владыка, правивший светло.



ТАХМУРАС

Один был сын у мудрого владыки,
Боритель дивов, Тахмурас великий.

Пошел, воссел на отческий престол,
Державу к благоденствию повел.

Овец, ягнят остригла власть впервые,
И люди научились прясть впервые,

И научились люди с той поры
Одежду шить из пряжи, ткать ковры.

Четвероногим, мчавшимся отменно,
Он в корм назначил и ячмень и сено.

Затем на хищную взглянул он тварь,
Гепарда вместе с рысью выбрал царь,

Заставил их покинуть горы, степи,
И хищники надели рабства цепи.

Средь птиц, что обладали мощью крыл,
Он кречета и сокола открыл,

Их обучил охотничьей забаве —
И удивил людей во всей державе.

Был приручен и с курами петух,
Что поутру наш оглушает слух,

Поведал Тахмурас тогдашним людям,
Что с теми птицами теперь пребудем.

Беречь велел их, пищу им давать
И голосами ласковыми звать...

Был у царя наставник, муж примерный
Шахрасп, чьи помыслы не знали скверны.

Снискал он уважение людей,
Избрал он путь добра из всех путей.

Постился он, пренебрегал едою,
Молился ночью с кротостью святою.

Благой дорогой он повел царя,
Ценя лишь правду и добро творя.

Очистился от скверны царь вселенной,
Он благодатью засиял священной.

Опутал Ахримана волшебством,
Воссел на нем, как на коне лихом.

Порой седлал он беса Ахримана,
На нем вкруг света мчался невозбранно.

Пошли на шаха бесы без числа,
Увидев повелителя дела.

Чтоб он венца лишился, благодати, —
Свирепых бесов выступили рати.

Узнал о тех злодеях Тахмурас
И в ярости напал на них тотчас.

Он, благодатью осиян живою,
Помчался с палицею боевою,

Повел войну с бесовскою толпой,
Но был недолог этот грозный бой:

Две трети подчинил волшебным чарам,
Повергнул прочих палицы ударом.

Брели в оковах бесы, кровь текла,
Взмолились о пощаде силы зла.

И подарил им жизнь властитель славный,
Чтоб тайны бесов людям стали явны.

Освободясь, они смирились вдруг,
Пришлось им превратиться в царских слуг.

Они письму владыку обучили,
Его сознанье знаньем озарили.

Учили тридцати — не одному:
Румийскому, фарсидскому письму,

Сугди и пехлеви, письму Китая, —
Всему, что ныне ты постиг, читая.

За тридцать лет среди полезных дел
Каким искусством он не овладел!

Он отошел, исполненный сиянья,
А память о царе — его деянья.

ДЖАМШИД

С заветами отца, ему вослед,
Пришел Джамшид, являя счастья свет.

Пришел — и получил престол, державу,
Надел венец по царскому уставу.

Див, пери, птица для него — рабы.
Мир отдохнул от распрей и борьбы.

Он изобрел оружие сначала,
Чтоб сильных духом слава увенчала.

Он взял и лен, и шерсть, и шелк-сырец, —
Парчу, полотна, шелк соткал мудрец.

Решил он осчастливить мир привольный,
Друг другом были мир и царь довольны.

Сословье, что зовешь ты катузи,
Направило к творцу свои стези, —

Властитель это выделил сословье,
Чтоб слушал вседержитель славословье.

Он поселил священников в горах, —
Да чувствуют перед всевышним страх!

Потом сословье отделил второе,
То — нисари, то — витязи-герои,

Подобно львам, дерутся нисари,
Страна гордится ими и цари.

Они — опора трона и державы,
Их мужество — источник громкой славы.

Сословье третье знаешь ты? Гляди:
То — независимые насуди,

Что сами сеют, сами пожинают,
Когда едят, попрекам не внимают.

Одеты в рубища, зато вольны,
Ни перед кем не гнут своей спины.

Ахутохши — четвертое сословье,
Умельцы, что работают с любовью.

Свободны, блещет разум их светло,
От века их занятье — ремесло.

Царь место им по праву предоставил,
По должному пути людей направил,

Чтобы никто сверх меры не хотел,
В большом и малом ведал свой предел.

Нечистым дивам под своей пятою
Он землю приказал смесить с водою.

Сумели бесы мастерство постичь,
Познали глину, создали кирпич,

Воздвигли стены из камней и глины,
Постройками украсили долины.

Искал руду, каменья властелин:
Медь, злато, серебро, сапфир, рубин.

Нашел он камфару в кристальном слое,
Бальзам и мускус, амбру и алоэ.

Познал искусство врачевать больных,
Изобретал он снадобья для них.

На кораблях прошел он океаны
И быстро изучил чужие страны.

Какие нужно, блага он принес,
На трон величья ногу он занес.

Воздвиг престол, собрал он украшенья, —
Какие только не зажглись каменья!

Приказывал Джамшид — покорный бес
Престол вздымал с равнины до небес.

Джамшид казался в воздухе висящим, —
Царь на престоле солнцем был палящим!

Придя к престолу, мир склонился ниц,
Дивились люди счастью без границ.

Бросали яхонты к ногам владыки...
Ноурузом день назвали светлоликий:

Пусть праздником приходит новый год,
В тот день земля от тягот отдохнет.

Вовеки древний праздник не забудем,
Пусть он о тех царях напомнит людям!

Так триста лет прошли за веком век.
Не знал в то время смерти человек,

Не знал нужды, не ссорились друг с другом,
Готовы были бесы к их услугам,

Послушны были людям, как рабы,
И царь вкушал дары благой судьбы.

Однажды, глянув на престол бесценный,
Он лишь себя увидел во вселенной.

Тогда-то возгордился государь,
От бога отвратился гордый царь.

«Я благо мира создал сам, — сказал он, —
Мир — это я, — седым князьям сказал он. —

Я пожелал — и вспыхнул знанья свет,
Вовек мне равных не было и нет.

Я землю разукрасил, успокоил,
И мир таков, как я его устроил.

Я дал вам сон, и пищу, и покой,
Ваш труд, надежды — под моей рукой.

Исполнен власти, царского блистанья,
Я, только я — властитель мирозданья».

Главу перед царем склонила знать,
Никто ни слова не дерзнул сказать.

Но слово молвил царь — и божью милость
Утратил он, и смута воцарилась.

Едва лишь бога прогневит гордец,
Приходит гибель — и всему конец.

Сказал сказитель мудрый, вдохновенный:
«Когда ты царь, служи творцу вселенной,

А перестанешь быть ему слугой,
Ты потеряешь силу и покой».

Затмился день царя, пришло ненастье,
Погас для мира светоч царской власти.

СКАЗАНИЕ О ЗАХХАКЕ

О ЗАХХАКЕ И ЕГО ОТЦЕ

Жил некий человек в те времена,
Пустыня Всадников — его страна *.

Он царствовал, создателю послушный,
Богобоязненный, великодушный.

Вот имя правосудного: Мардас.
Он добротою подданных потряс.

Он был владыкой щедрым, беспорочным,
Владел конями и скотом молочным.

У благородного отца был сын —
Любимец, утешение седин.

Заххаком звался он, простосердечный,
Отважный, легкомысленный, беспечный.

Его и Бивараспом ты зови: *
«Бивар» — переведу я с пехлеви —

Есть «десять тысяч» на дари... военных
Коней имел он десять тысяч ценных.

Он дни и ночи на коне скакал.
Не крови он, а подвигов искал.

Однажды утром посредине луга
Иблис пред ним предстал в обличье друга.

Беседа с ним была сладка, остра.
Он сбил царевича с пути добра.

Сказал Иблис: «Чтоб речь моя звучала,
Я клятвы от тебя хочу сначала».

Был простодушен юноша, тотчас
Исполнил искусителя приказ:

«Твои слова держать я в тайне буду,
Я повинуюсь им всегда и всюду».

Сказал Иблис: «Глаза свои открой:
Ты должен быть царем, а не другой!

Как медлит время с властелином старым,
А ты в тени, ты годы губишь даром.

Престол займи ты, пусть уйдет отец,
Тебе лишь одному к лицу венец!»

Заххак, почуяв боль, насупил брови:
Царевич не хотел отцовской крови.

Сказал: «Ты мне дурной совет даешь,
Дай мне другой, а этот — нехорош».

А бес: «Наказан будешь ты сурово,
Когда нарушишь клятвенное слово,

Бесславным будет близкий твой конец,
Останется в почете твой отец».

Так бес лукавый во мгновенье ока
Царевича поймал в силки порока.

«Как это сделать? — вопросил араб. —
Тебе во всем послушен я, как раб».

«Не бойся, — молвил бес, — тебя спасу я,
Главу твою высоко вознесу я».

Был во дворце Мардаса щедрый сад,
Он сердце услаждал и тешил взгляд.

Арабский царь вставал ночной порою,
Готовился к молитве пред зарею.

Здесь омовенье совершал Мардас.
Тропа не освещалась в этот час.

И вырыл бес на том пути колодец,
Чтоб в западню попался полководец.

И ночь пришла, и царь арабский в сад
Направился, чтоб совершить обряд, —

Упал в колодец, насмерть он разбился,
Смиренный, в мир иной он удалился.

Так захватил престол злодей-властитель,
Заххак, отцеубийца, притеснитель.

КУХНЯ ИБЛИСА

Когда его коварства удались,
Вновь злые козни строить стал Иблис.

Он обернулся юношей стыдливым,
Красноречивым, чистым, прозорливым,

И с речью, полной лести и похвал,
Внезапно пред Заххаком он предстал.

Сказал царю: «Меня к себе возьми ты,
Я пригожусь, я повар знаменитый».

Царь молвил с лаской: «Мне служить начни».
Ему отвел он место для стряпни.

Глава придворных опустил завесу *
И ключ от кухни царской отдал бесу.

Тогда обильной не была еда,
Убоины не ели в те года.

Растеньями тогда питались люди
И об ином не помышляли блюде.

Животных убивать решил злодей
И приохотить к этому людей.

Еду из дичи и отборной птицы
Готовить начал повар юнолицый.

Сперва яичный подал он желток,
Пошла Заххаку эта пища впрок.

Пришлось царю по вкусу это яство,
Хвалил он беса, не узрев лукавства.

Сказал Иблис, чьи помыслы черны:
«Будь вечно счастлив, государь страны!

Такое завтра приготовлю блюдо,
Что съешь ты с наслажденьем это чудо!»

Ушел он, хитрости в уме творя,
Чтоб дивной пищей накормить царя.

Он блюдо приготовил утром рано
Из куропатки, белого фазана.

Искуснику восторженно хвалу
Заххак вознес, едва присел к столу.

Был третий день отмечен блюдом пряным,
Смешали птицу с молодым бараном,

А на четвертый день на свой бочок
Лег пред Заххаком молодой бычок, —

Он сдобрен был вином темно-багряным,
И мускусом, и розой, и шафраном.

Лишь пальцы в мясо запустил Заххак —
Он, восхищен стряпнею, молвил так:

«Я вижу, добрый муж, твое старанье,
Подумай и скажи свое желанье».

«Могучий царь! — воскликнул бес в ответ. —
В твоей душе да будет счастья свет!

Твое лицо узреть — моя отрада,
И большего душе моей не надо.

Пришел к тебе я с просьбою одной,
Хотя и не заслуженною мной:

О царь, к твоим плечам припасть хочу я,
Устами и очами их целуя».

А царь: «Тебе согласье я даю,
Возвышу этим долю я твою».

И бес, принявший облик человечий,
Поцеловал царя, как равный, в плечи.

Поцеловал Заххака хитрый бес
И — чудо! — сразу под землей исчез.

Две черные змеи из плеч владыки
Вдруг выросли. Он поднял стоны, крики,

В отчаянье решил их срезать с плеч, —
Но подивись, услышав эту речь:

Из плеч две черные змеи, как древа
Две ветви, справа отросли и слева!

Пришли врачи к царю своей земли;
Немало мудрых слов произнесли,

Соревновались в колдовстве друг с другом,
Но не сумели совладать с недугом.

Тогда Иблис прикинулся врачом,
Предстал с ученым видом пред царем:

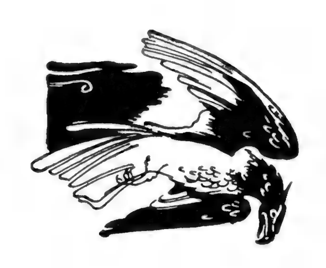
«Судьба, — сказал он, — всех владык сильнее.
Ты подожди: покуда живы змеи,

Нельзя срезать их! Потчуй их едой,
Иначе ты не справишься с бедой,

Корми их человечьими мозгами,
И, может быть, они издохнут сами».

Ты посмотри, что натворил Иблис.
Но для чего те происки велись?

Быть может, к зверствам он царя принудил
Затем, чтоб мир обширный обезлюдел?



ИРАНЦЫ ПРИГЛАШАЮТ ЗАХХАКА НА ЦАРСТВО

Измучилась иранская страна,
Повсюду были смута и война.

Сокрылся лучезарный день в тумане,
Отторглись от Джамшида все в Иране.

Цари во всех явились областях,
Для битвы каждый поднимал свой стяг,

С полками шли цари, суровы с виду:
Иссякла в их сердцах любовь к Джамшиду.

Тогда вожди вельмож, богатырей
Отправились к арабам поскорей,

Прослышав о царе змееподобном,
Власть над землей установить способном.

На поиски царя спешила рать.
Придя, Заххака стала прославлять.

Был приглашен жестокий змей на царство,
Провозглашен владыкой государства.

Царь-змей помчался вихрем напрямик.
Украсил он себя венцом владык.

Он витязей, всегда готовых к брани,
Собрал в Аравистане и в Иране,

Воссев на трон Джамшида, заблистал, —
Мир для Джамшида тесным перстнем стал.

Его судьба внезапно охромела,
И новый царь настиг Джамшида смело.

Джамшид покинул войско и страну,
Оставив бесу власть, престол, казну.

Почти сто лет от мира он скрывался,
Для глаз людских незримым оставался.

Прошло сто лет, как занял змей престол, —
Он к морю Чина * воинство привел.

Джамшид скрывался, перед злом робея,
А все-таки не спасся он от змея!

Схватил его Заххак, едва настиг,
Не отпустил ни на единый миг,

Он распилил Джамшида на две части,
Чтоб мир не подчинился прежней власти.

Был временем похищен гордый царь:
Так поглощает стебельки янтарь.

Кто был Джамшида выше на престоле?
А много ль пользы он извлек оттоле?

Над властным семь столетий протекло,
Познал властитель и добро и зло.

Зачем же долгой жизни ты желаешь,
Коль тайну мира так и не узнаешь?

Тебе и нектар он дарит и мед,
Он ласково с тобою речь ведет,

Ковер любви он стелет пред тобою,
Уж ты решаешь: «Взыскан я судьбою»,

Доволен будешь миром ты земным,
Всю душу ты раскроешь перед ним,

Как вдруг сыграет он такую шутку,
Что больно станет сердцу и рассудку.

Мне опостылел бренный сей чертог,
Избавь меня от горя, вечный бог!

СОН ЗАХХАКА

Заххака власть над миром утвердилась,
Тысячелетье царствованье длилось.

Мир под его ярмом стремился вспять,
И годы было тяжело считать.

Деянья мудрецов оделись мглою,
Безумных воля правила землею.

Волшба — в чести, отваге нет дорог,
Сокрылась правда, явным стал порок.

Все видели, как дивы зло творили,
Но о добре лишь тайно говорили...

Двух чистых дев, Джамшида двух сестер,
Отправили из дома на позор.

Как звезды непорочны и красивы,
Они затрепетали, словно ивы.

Звалась одна затворница — Шахрназ,
Другой невинной имя — Арнаваз,

Их привели, царя гневить не смея,
И отдали тому подобью змея.

...Так было: по ночам двух молодых,
То витязей, то юношей простых,

Вели на кухню, к властелину царства,
И повар добывал из них лекарство.

Он убивал людей в расцвете сил,
И царских змей он мозгом их кормил.

Случилось так, что слуги провиденья,
Два мужа царского происхожденья,

Один — благочестивый Арманак,
Другой правдолюбивый Карманак,

Вели беседу о большом и малом,
Об ужасе, доселе небывалом,

О злом царе, чье страшно торжество,
О войске и обычаях его.

Один сказал: «Пред гнетом не поникнем,
Под видом поваров к царю проникнем,

Умом раскинем, став на этот путь,
Чтоб способ отыскать какой-нибудь.

Быть может, мы спасем от мук ужасных
Хоть одного из каждых двух несчастных».

Пошли, варили яства день-деньской,
Наукой овладели поварской.

И вот людей, вступивших тайно в дружбу,
К царю, в поварню, приняли на службу.

Когда настало время, чтоб отнять
У юных жизнь, чтоб кровь пролить опять,

Двух юношей схватили часовые,
Стрелки царя, разбойники дневные,

Поволокли по городу, в пыли,
Избили и на кухню привели.

У поваров от боли сердце сжалось,
Глаза — в слезах, а в мыслях — гнев и жалость,

Их взоры встретились, потрясены
Свирепостью властителя страны.

Из двух страдальцев одного убили
(Иначе поступить — бессильны были).

С бараньим мозгом, с помощью приправ,
Мозг юноши несчастного смешав,

Они второму наставленье дали:
«Смотри же, ноги уноси подале,

Из города отныне ты беги,
Иль в горы, иль в пустыни ты беги».

А змея накормили с содроганьем,
Мозг юноши перемешав с бараньим.

И каждый месяц — шли за днями дни —
Спасали тридцать юношей они.

Когда число их составляло двести,
То из дворца всех выводили вместе,

Давали на развод овец, козлят,
И отправляли в степь... И говорят:

Дало начало курдам это семя,
И городов чуждается их племя...

Был у царя еще один порок:
Он, осквернив невинности порог,

Красавиц знатных брал себе на ложе,
Презрев закон, устав, веленье божье.

Царю осталось жизни сорок лет.
Смотри, как покарал его Изед:

Однажды Арнаваз легла с Заххаком,
Затих дворец, объятый сном и мраком.

Трех воинов увидел царь во сне,
Одетых, как знатнейшие в стране.

Посередине — младший, светлоликий,
Стан кипариса, благодать владыки,

Алмазный блеск на царском кушаке
И палица булатная в руке.

Он устремился в бой, как мститель правый,
Надел ошейник на царя державы,

Он потащил его между людей,
На гору Демавенд помчал скорей...

Заххак жестокий скорчился от страха,
Казалось, разорвется сердце шаха.

Так вскрикнул он, что вздрогнули сердца,
Что задрожали сто столбов дворца.

Проснулись солнцеликие от крика,
Не зная, чем расстроен их владыка.

Сказала Арнаваз: «О царь земной,
Прошу тебя, поведай мне одной:

Находишься ты в собственном чертоге,
Кого ж боишься ты, крича в тревоге?

Не ты ли царь семи земных частей *,
Владыка всех зверей и всех людей?»

Ответил солнцеликим царь всевластный:
«Я не могу открыть вам сон ужасный,

Поймете вы, узнав про этот сон,
Что я отныне смерти обречен».

Тут Арнаваз сказала властелину:
«Открой нам страха своего причину,

Быть может, выход мы найдем с тобой, —
Есть избавленье от беды любой».

И тайну тайн своих открыл владыка,
Сказал ей, почему он вскрикнул дико.

Красавица в ответ произнесла:
«Ищи спасенья, чтоб избегнуть зла.

Судьба тебе вручила перстень власти,
И всей земле твое сияет счастье.

Ты под печатью перстня, царь царей,
Всех духов держишь, птиц, людей, зверей.

Ты звездочетов собери старейших,
Ты чародеев призови мудрейших,

Мобедам сон поведай до конца
И суть его исследуй до конца.

Поймешь ты, кто тебе враждебен: пери
Иль злые дивы, люди или звери.

Узнав, прими ты меры поскорей, —
Ты недруга не бойся, не робей».

Так молвил кипарис сереброликий.
Речь Арнаваз понравилась владыке.

МОБЕДЫ ОБЪЯСНЯЮТ СОН ЗАХХАКА

Был темен мир, как ворона крыло, —
Открыло солнце из-за гор чело,

И яхонты внезапно покатило
По голубому куполу светило.

Где б ни были мудрец или мобед,
Что бдительным умом познали свет, —

Царь во дворец явиться приказал им,
О сне своем зловещем рассказал им.

У них спросил он тайные слова
О зле, добре, о ходе естества:

«Когда наступит дней моих кончина?
Кто на престол воссядет властелина?

Иль тайну мне откроете сейчас,
Иль прикажу я обезглавить вас».

Уста мобедов сухи, влажны лица,
Спешат друг с другом страхом поделиться:

«Откроем тайну, истине верны, —
Пропала жизнь, а жизни нет цены,

А если правду скроем из боязни,
То все равно мы не минуем казни».

Прошло три дня, — был мрачен их удел,
Никто промолвить слова не посмел,

И на четвертый, тайны не изведав,
Разгневался властитель на мобедов:

«Вот выбор вам: иль на помост взойти,
Иль мне открыть грядущего пути».

Они поникли, услыхав о плахе,
Глаза — в слезах кровавых, сердце — в страхе.

Был прозорлив, умен один из них
И проницательнее остальных.

Разумный муж Зираком прозывался,
Над всеми мудрецами возвышался.

И, осмелев, он выступил вперед,
Сказал о том, что властелина ждет:

«Не будь спесивым, царь непобедимый,
Затем, что все для смерти рождены мы.

Немало было до тебя царей,
Блиставших в мире славою своей,

Вел каждый счет благому и дурному
И отходил, оставив мир другому.

Пусть ты стоишь железною стеной, —
Поток времен тебя снесет волной.

Другой воссядет на престол по праву,
Он ввергнет в прах тебя, твой трон и славу.

Он будет, Фаридуном наречен,
Светиться над землей, как небосклон.

Еще не появился он, и рано
Еще его искать, о царь Ирана!

Благочестивой матерью рожден,
Как древо, плодоносен будет он,

Созрев, упрется в небо головою,
Престол добудет мощью боевою.

Высок и строен, словно кипарис,
Он палицу свою опустит вниз,

И будешь ты сражен, о царь суровый,
Ударом палицы быкоголовой».

Несчастный царь спросил, судьбу кляня:
«За что ж возненавидит он меня?»

Смельчак сказал: «Коль ты умен, пойми ты,
Что все деянья с их причиной слиты.

Ты жизнь отнимешь у его отца,
Возжаждет мести сердце храбреца.

Родится также Бирмая, корова,
Кормилица владыки молодого.

Из-за тебя погибнет и она,
Но будет витязем отомщена».

Царь выслушал, не пропустив ни слова,
И рухнул вдруг с престола золотого,

Сознанье потеряв, он отошел,
Беды боясь, покинул он престол.

Придя в себя, на мир тоскливо глянув,
Воссел он снова на престол Кейанов.

Где явно, где таясь, повел труды:
Искал он Фаридуновы следы.

Забыл о сне, о пище, о покое,
Над ним затмилось небо голубое.

Так время шло неспешною стопой.
Змееподобный заболел тоской.

РОЖДЕНИЕ ФАРИДУНА

Родился Фаридун благословенный,
И стало новым естество вселенной.

Стан кипариса, мощь богатыря,
Из глаз лучится благодать царя, —

Он засиял, дневному солнцу равный,
Он излучал Джамшида блеск державный.

Как дождь, он миру был необходим,
Как мудрость, нужен был сердцам людским.

Над ним кружился свод небес просторный,
Грядущему властителю покорный...

Вот родилась и телка в том краю.
За кроткий нрав хвалили Бирмаю.

Цвета шерстинок — желтый, алый, синий —
Горели ярко, словно хвост павлиний.

Потрясены, столпились перед ней
Мудрец, и звездочет, и чародей.

Пошли средь старцев пересуды, толки:
Никто не видывал подобной телки!

Меж тем кружил Заххак, страшась беды:
Искал он Фаридуновы следы.

И вот отца младенца, Абитина,
Уже рука настигла властелина.

Бежал он, чтоб душа была жива,
Но, жизнью сыт, он стал добычей льва:

Злодеи-слуги змея-господина
Однажды изловили Абитина.

Как барс, был связан этот человек,
И дни его бесчестный царь пресек.

Когда узнала, какова утрата,
Мать Фаридуна, разумом богата, —

Ей имя — Фиранак, была она
Любви к ребенку своему полна, —

Судьбою сражена, с тоской во взоре,
На ту лужайку побежала в горе,

Где Бирмая росла в траве густой,
Сверкая небывалой пестротой.

Пред стражем пастбищ Фиранак предстала,
Кровавыми слезами зарыдала,

Моля его: «Дитя мое возьми,
Он злобными преследуем людьми,

Ты замени ему отца родного,
Пусть молоком поит его корова.

Награды ждешь? Дитя свое любя,
Не пожалею жизни для тебя!»

Слуга лесов, коровы страж всечасный,
Ответил праведнице той несчастной:

«Рабом я буду сыну твоему,
Я, как слуга, твои слова приму!»

Три года пастырь верный и суровый
Поил ребенка молоком коровы.

Дитя везде искал страны глава.
Везде о дивной телке шла молва.

Мать Фаридуна прибежала снова,
Сказала пестуну такое слово:

«В моей душе, исполненной тревог,
Явилась мысль: ее внушил мне бог.

Мне надо действовать, бежать быстрее,
Мой сын мне жизни собственной милее!

С ног отряхну я прах земли волхвов,
Близ Хиндустана мы отыщем кров.

Спасу я от врагов красавца сына,
Горы Албурз укроет нас вершина».

Проворней серны, легче скакуна
С ребенком в горы понеслась она.

В горах отшельник жизнью жил святою,
Расстался он с мирскою суетою.

«О праведник, — ему сказала мать, —
Мой край — Иран, и мне дано страдать.

Знай, что к тебе пришла я с милым сыном,
Что станет он Ирана властелином.

Ты должен сторожить его покой
И дорожить им, как отец родной».

Тот принял сына по ее наказу,
Дитя не обдал холодом ни разу...

Но до Заххака весть дошла, увы,
О потаенных зарослях травы.

Как пьяный слон, обрушить гнев готовый,
Пришел — и жизнь он отнял у коровы.

Траву он выжег, истребил стада,
Опустошил ту землю навсегда.

К жилищу Фаридуна поскакал он,
Обрыскал все, — дитя не отыскал он,

Айван его спалил, смешал с золой,
Дворец его свалил, сровнял с землей.

Шестнадцать лет прошло над Фаридуном,
В долину отроком сошел он юным.

Пришел он к матери, сказал: «Теперь
Неведомого тайну мне доверь.

Скажи мне, кто я? Семени какого?
Кто мой отец? Я племени какого?

Что я скажу собранию: кто я?
Мне быль поведай, правды не тая».

«О славный сын мой, — Фиранак сказала, —
Как ты велишь, все расскажу сначала.

Знай, жил в Иране человек один,
Чье имя, сын мой, было Абитин, —

Царей потомок, витязь безупречный,
Отважный, мудрый и добросердечный.

Он к Тахмурасу возводил свой род,
Всех предков знал своих наперечет.

Тебе он был отцом, а мне супругом,
Моим он светом был, отрадой, другом,

Но вот Заххак, прислужник темных сил,
Свой меч занес: тебя убить решил.

Скрывала я тебя, спасти желая.
О, сколько дней тяжелых провела я!

Отец твой, витязь, взысканный судьбой,
Из-за тебя пожертвовал собой:

Две выросли змеи из плеч убийцы.
Стонал Иран под властью кровопийцы.

Чтоб ублажить двух ненасытных змей,
Мозг твоего отца пожрал злодей.

Тогда бежала я в леса глухие,
Не проникали в них глаза людские,

А там, являя красок пестроту,
Жила корова, как весна в цвету,

И на траве, как царь, спокойный, строгий,
Пред нею страж сидел, скрестивши ноги.

Тебя тому я стражу отдала,
Он пестовал тебя, хранил от зла.

Вскормленный молоком коровы чудной,
Ты, словно барс, окреп в глуши безлюдной,

Но про корову и прекрасный луг
Дошел внезапно до Заххака слух.

Тогда я унесла тебя из леса,
Покинув дом, бежала я от беса.

И стража он убил и Бирмаю —
Ту кроткую кормилицу твою.

Он в яму превратил твою обитель,
И пыль дворца взвил к небесам властитель».

У Фаридуна гнев блеснул в очах,
Пришел он в ярость при таких речах,

Он, материнским потрясен рассказом,
Наполнил болью — сердце, местью — разум.

Сказал он: «Львенок превратится в льва,
Лишь силы испытав свои сперва.

Доколе нам страдать под властью мрака?
Теперь я меч обрушу на Заххака.

Идя путем пречистого творца,
Столбом взметну я пыль его дворца!»

Сказала мать: «Нет разума в решенье —
Вступить со всей вселенною в сраженье.

Принадлежит Заххаку мир земной,
Он кликнет клич — войска пойдут войной:

Из каждой части света в бой суровый
Сто тысяч смелых двинуться готовы.

Желая мести, ты не должен впредь
На мир глазами юности смотреть:

Хмель юности вкушая, к людям выйдешь,
Но в мире одного себя увидишь.

Ты во хмелю свои развеешь дни, —
Мой сын, да будут счастливы они».

РАССКАЗ О КУЗНЕЦЕ КАВЕ

И было так: бесчестный царь Ирана
Твердил о Фаридуне постоянно.

Под гнетом ужаса он сгорбил стан,
Пред Фаридуном страхом обуян.

Однажды на престол воссел он в славе,
Надел венец в сапфировой оправе.

Призвал к себе со всех частей земли
Правителей, чтоб царству помогли.

Сказал мобедам: «Жаждущие блага,
Вы, чьи законы — мудрость и отвага!

Есть тайный враг. Опасен он царю:
Мудрец поймет, о ком я говорю.

Нельзя врагом, что вынул меч из ножен,
Пренебрегать, как ни был бы ничтожен.

Сильнее нашей мне потребна рать,
Мне дивов, пери надобно собрать.

Признайте, помощи подав мне руку,
Что больше я терпеть не в силах муку.

Теперь мне ваша грамота нужна,
Что лишь добра я сеял семена,

Что правды я поборник непреклонный
И чту я справедливости законы».

Боясь царя, пойдя дорогой лжи,
Согласье дали важные мужи,

И эту грамоту, покорны змею,
Они скрепили подписью своею.

У врат дворца раздался крик тогда,
И требовал он правого суда.

К Заххаку претерпевшего пустили,
Перед сановниками посадили.

Царь вопросил, нахмурив грозный лик:
«Кто твой обидчик? Отчего твой крик?»

А тот, по голове себя ударив:
«Доколе гнев терпеть мне государев?

Я — безответный, я — Кава, кузнец.
Хочу я правосудья наконец!

Ты, царь, хотя ты и подобье змея,
Судить обязан честно, власть имея:

И если ты вселенной завладел,
То почему же горе — наш удел?

Передо мною, царь, в долгу давно ты.
Чтоб удивился мир, сведем-ка счеты.

Быть может, я, услышав твой отчет,
Пойму, как до меня дошел черед?

Ужели царских змей, тобой наказан,
Сыновней кровью я кормить обязан?»

Заххака поразили те слова,
Что высказал в лицо ему Кава.

И тут же кузнецу вернули сына,
Желая с ним найти язык единый.

Потом услышал он царя приказ,
Чтоб грамоту он подписал тотчас.

Прочел ее Кава и ужаснулся,
К вельможам знатным резко повернулся,

Вскричал: «Вы бесу продали сердца,
Отторглись вы от разума творца.

Вы бесу помогаете покорно,
И прямо в ад стремитесь вы упорно.

Под грамотой такой не подпишусь:
Я никогда царя не устрашусь!»

Вскочив, порвал он грамоту злодея,
Швырнул он клочья, гневом пламенея,

На площадь с криком вышел из дворца,
Спасенный сын сопровождал отца.

Вельможи вознесли хвалу владыке:
«О миродержец славный и великий,

В тот день, когда ты начинаешь бой,
Дышать не смеет ветер над тобой,

Так почему же — дерзок, смел, — как равный,
С тобою говорит Кава бесправный?

Он грамоту, связующую нас,
Порвал в клочки, нарушив твой приказ!»

Ответил царь: «Таиться я не буду,
То, что со мной стряслось, подобно чуду.

Как только во дворец вступил Кава,
Как только раздались его слова —

Здесь, на айване, между им и мною
Как бы железо выросло стеною.

Не знаю, что мне свыше суждено:
Постичь нам тайну мира не дано».

Кава, на площадь выйдя в гневе яром,
Был окружен тотчас же всем базаром.

Просил он защитить его права,
Весь мир к добру и правде звал Кава.

Он свой передник, сделанный из кожи, —
Нуждается кузнец в такой одеже, —

Взметнул, как знамя, на копье стальном,
И над базаром пыль пошла столбом.

Крича, он шел со знаменем из кожи:
«Эй, люди добрые! Эй, слуги божьи!

Кто верует, что Фаридун придет?
Кто хочет сбросить змея тяжкий гнет?

Бегите от него: он — зла основа,
Он — Ахриман, он враг всего живого!»

Явил ничтожный кожаный лоскут,
За кем враги, за кем друзья идут!

Так шел Кава, толпа ему внимала, —
Народа собралось тогда немало.

Узнал кузнец, где Фаридун живет, —
Главу склонив, упорно шел вперед.

Пред молодым вождем предстал он смело.
Толпа вдали стояла и шумела.

Была воздета кожа на копье, —
Царь знамением блага счел ее,

Украсил стяг парчою, в Руме тканной,
Гербом алмазным ярко осиянной.

То знамя поднял он над головой, —
Оно казалось полною луной.

В цветные ленты кожу разубрал он,
И знаменем Кавы ее назвал он.

С тех пор обычай у царей пошел:
Венец надев и получив престол,

Каменьев не жалел царя наследник,
Чтоб вновь украсить кожаный передник.

Каменьям, лентам не было конца,
Стал знаменем передник кузнеца,

Он был во мраке светом небосвода,
Единственной надеждою народа...

ТОРЖЕСТВО ФАРИДУНА

Так продолжался дней круговорот.
Никто не знал, что будет, что придет,

Увидел Фаридун, что мир в смятенье
И что Заххака близится паденье.

Венцом украшен, в поясе царя,
Он к матери явился, говоря:

«Я, матушка, иду, готовый к битве,
Теперь себя ты посвяти молитве.

Творец — превыше мира: он везде,
Молись ему и в счастье и в беде».

Слезами разразилась мать седая,
Всей кровью сердца к господу взывая:

«О правосудный, — плакала в мольбе, —
Вручаю Фаридуна я тебе.

Пусть недруг не страшит его ужасный,
Очисти от безумцев мир прекрасный!»

Сын собирался в битву без помех,
Держал он сборы в тайне ото всех.

А было у него два старших брата,
Два витязя, что дружбу чтили свято,

Их имена да знает каждый муж:
Веселый Пурмая и Киянуш.

Сказал им Фаридун: «Живите в счастье,
Надеждою свои сердца украсьте.

Небесный свод кружится лишь к добру,
Я царство у Заххака отберу.

Умелым кузнецам да будет внятно,
Что в палице нуждаюсь я булатной».

Не кончил он, — как двое храбрецов
Направились к базару кузнецов.

Явились кузнецы: они хотели
Прославиться в своем старинном деле.

Тотчас же циркуль Фаридун схватил,
Он палицу пред ними начертил,

И вывел на земле, стремясь в сраженье,
Он бычьей головы изображенье.

Умельцы принялись за тяжкий труд,
Весь день они куют, всю ночь куют...

Готова палица, как жар пылает,
Она, как солнца красный шар, пылает!

Воителю понравилась она,
Он заплатил искусникам сполна,

Он подарил им золото, одежду,
Власть обещал им, подал им надежду:

«Коль змея в землю я вгоню сейчас,
То горький прах печали смою с вас».

Чело он поднял, день встречая новый,
За смерть отца к отмщению готовый.

Он в день хурдада выступил в поход,
Своей звездой он озарил народ.

Вкруг Фаридуна войско собиралось,
Вершина трона в облаках терялась.

Повсюду на слонов и на быков
Припасы погружались для полков.

Два старших брата шли за братом юным,
Как младшие, ведомы Фаридуном...

К привалу от привала царь скакал,
Возмездья, справедливости алкал.

К реке Арванд он подошел с рассветом.
С приказом обратился и приветом:

«Эй, страж реки, скорей иди сюда,
Спусти на воду лодки и суда!»

Упрямым перевозчик оказался,
Пригнать суда и лодки отказался:

«Мне от Заххака тайный был приказ:
— Суда на воду не спускай. Сейчас, —

Кто б ни пришел, один иль с целой ратью, —
Потребуй пропуск за моей печатью».

Разгневал витязя ответ такой,
Не испытал он страха пред рекой.

Он опоясал царский стан и снова
Вскочил на своего коня лихого,

И в реку бросились на всем скаку
Все воины, подобно смельчаку.

Помчались на конях проворных с ходу,
До самых седел погрузились в воду.

На берег вышли в гневе, и тотчас
Они пошли на Бейт-аль-Мукаддас:

Тот град, очам представший полководца,
По-пехлевийски «Дажхудж-Ганг» зовется,

«Священный дом», — арабы говорят.
Узнай же, что Заххак воздвиг сей град.

Когда, чтоб завладеть им, из пустыни
Дружинники приблизились к твердыне,

Царь посмотрел на запад и восток,
Увидел в этом городе чертог,

Что, как Юпитер, полный совершенства,
Сиял жилищем счастья и блаженства,

Айван его затмил Сатурна рост,
Казалось, хочет он коснуться звезд!

И понял Фаридун, лицом темнея:
Здесь — блеск и власть, пред ним — обитель змея.

Сказал полкам: «Боюсь я в этот миг:
Наверно, с тем, кто высоко воздвиг

Из праха сей дворец необычайный,
Вселенная вступила в сговор тайный!»

За палицу схватился Фаридун
И повод натянул... Летит скакун,

И мнится: пламя грозное нежданно
Взметнулось перед стражами айвана.

Царь поднял палицу свою с седла, —
Весь мир перевернуть она могла!

Бежали стражи — их гнала тревога,
А Фаридун призвал на помощь бога,

И на коне он въехал во дворец,
Он, жизни не изведавший юнец!

Сооруженную Заххаком крепость,
Где обитали алчность и свирепость,

Разрушил Фаридун: созданьем зла
Та крепость непотребная была!

Сидевшим на айване чародеям,
Бесовским знаньем связанным со змеем,

Он сразу смерть принес, и на престол
Слуги нечистой силы он взошел.

Потом потребовал, не успокоясь,
Венец Кейанов, шапку, царский пояс,

Потом из спальни змея вывел он
Двух солнцеликих, чернокудрых жен.

Джамшида сестры уронили слезы, —
Росой нарцисса увлажнились розы, —

И молвили: «Покуда нерушим
Сей древний мир — будь, витязь, молодым!

Откуда ты? Ответствуй нам без гнева:
И плод и корень ты какого древа?

Отважно так ворвался ты ко льву,
Мы твоему дивимся торжеству!

Лишь нам во зло текло над нами время:
Безумье чародея — наше бремя.

Твое бесстрашье поразило нас,
Такого мужа видим в первый раз,

Что помышлял бы о таком престоле
И дерзко добивался б царской доли!»

«Престол и счастье — знает человек —
Не достаются никому навек, —

Ответил царь. — Я отпрыск Абитина,
Что был в Иране схвачен неповинно,

Убит Заххаком низким. Я пришел.
Ища возмездья, занял я престол!»

Надежды свет в сердца рабынь пробрался,
Что наконец-то змей в клещи попался!

Сказали: «Предсказал провидец так:
«Избавишь землю от себя, Заххак,

Придет Кейанов сын, тебя низринет,
И счастье навсегда тебя покинет».

Теперь людей он режет и зверей,
В купальню кровь сливает царь царей,

Он кровью очищается, в надежде, —
Пророчество развеяв, жить, как прежде.

К тому же змеи на его плечах
Его терзают. Гонят боль и страх

Заххака из одной страны в другую, —
Не спит от боли, мечется впустую.

Он скоро будет здесь: в тоске, в беде,
Подолгу не бывает он нигде».

Когда пришлось скитаться властелину,
Один богач, надев раба личину,

Хранил его казну, престол, дворец,
Являя преданности образец.

Царя любимец звался Кундаравом,
Вставал неспешно пред царем неправым.

Он прибежал, опасливо смотря,
И вдруг увидел нового царя:

Шахрназ и Арнаваз, месяцелики,
Стоят по обе стороны владыки.

Не растерялся умный Кундарав,
Приблизился к царю, хвалу воздав,

Сказал с поклоном: «Государь, доколе
Есть жизнь — живи и царствуй на престоле.

Сиянье счастья на страну пролей,
Достоин власти ты царя царей!

Владыкой будь семи частей вселенной,
Касаясь туч главой благословенной».

Царь повелел, чтоб тут же Кундарав
Поведал тайны всех семи держав.

Открыл он тайны, подчинясь приказу,
И нового царя покинул сразу.

Вскочил слуга на резвого коня,
К Заххаку поскакал в начале дня.

Пред полководцем он предстал с рассказом
О том, что слышал ухом, видел глазом:

«Три витязя с отважною душой
Пришли к нам с войском из страны чужой.

Посередине — младший, но великий,
Стан кипариса и лицо владыки.

Меньшой годами, выше всех умом,
А старшие — как младшие при нем.

Он держит палицу — подобье глыбы,
Его в толпе мы солнцем счесть могли бы.

Он гордо въехал на айван дворца,
А рядом с ним — два мужа-храбреца.

Пришел — и занял он престол Кейанов,
Твои разрушил чары, грозно глянув.

Сидевших на айване колдунов,
کознелюбивых адовых сынов, —

Избранников твоих он обезглавил,
Свою стопу на твой престол поставил».

От слов таких вскипел властитель-змей,
Велел он в путь собраться поскорей,

Примчался с войском царь несправедливый,
В том войске были воины и дивы.

На крышах был и на столбах ворот
Готовый к битве городской народ.

Он, погибая под ярмом Заххака,
От Фаридуна клича ждал и знака.

Везде сверкали стрелы и мечи.
Со стен и крыш каменья, кирпичи

Посыпались, как град, из рук народа,
И войску змея не было прохода.

Одно осталось сделать хитрецу:
Покинув рать, помчаться ко дворцу,

А чтоб его в народе не узнали,
В одежде скрылся он из крепкой стали.

Аркан достал он в шестьдесят локтей,
На башню быстро поднялся злодей.

Увидел он: сияет ликом лунным
Шахрназ наедине с владыкой юным.

Ее ланиты — свет, а кудри — мрак,
Проклятья на устах: Заххак — ей враг.

Тут ревность вспыхнула в душе змеиной,
И на айван аркан спустил он длинный.

Забыл он ценность жизни, блеск венца,
Скатился с крыши царского дворца,

И быстро обнажил стальной кинжал он:
Убить, убить красавицу желал он!

Он оглядеться не успел вокруг, —
Как буря, Фаридун нагрянул вдруг,

Ударил палицей исчадье мрака,
И на куски распался шлем Заххака.

Тогда благой Суруш сошел с высот.
«Не бей! — воскликнул. — Час его придет!

Неси его, сраженного, в оковах,
Вот так неси к теснине скал суровых,

Ты змея заточи меж горных скал,
Чтобы никто его не отыскал!»

Внял Фаридун Сурушу: в миг единый
Он смастерил аркан из шкуры львиной,

Связал Заххаку стан и две руки, —
И слон не смог бы разорвать силки!

Сел на престол, от зла освобожденный,
И уничтожил змеевы законы.

Клич повелел он кликнуть у ворот:
«Эй, все, кто трезво мыслит, весь народ!

Теперь к лицу ли вам оружье мести?
Не так ведь ищут доблести и чести!

Не должен пахарь с воином идти,
Ища почета на одном пути.

Работник — этот, тот — воюет смело,
У каждого свое должно быть дело!»

Тогда толпа богатых горожан,
Чью родовитость уважал Иран,

Пришла к владыке с песнями, с дарами,
С открытыми, послушными сердцами.

Властитель мудрый оказал им честь,
Согласно сану попросил их сесть.

Хвалу воздал им, подал им советы,
Напомнил вседержителя заветы:

«Меня среди народа выбрал бог.
С горы Албурз он мне сойти помог,

Чтоб, справедливой палицей владея,
Освободил я мир от злобы змея.

Во всем я мире царствую земном
И не могу на месте быть одном,

Не то бы здесь остался навсегда я,
Все дни провел бы, вас не покидая».

Пред ним облобызала землю знать,
У врат велела трубам заиграть.

Неспешно двинулась полков громада, —
Не взяли дани и ушли из града.

Был связан змей, бесславно сокрушен,
С презреньем на верблюда погружен.

Повез к Ширхану Фаридун злодея...
«Сей мир — старик!» — скажи ты, сожалея.

Как много над землей промчалось дней,
Как много дней пройдет еще над ней!..

А царь, чье счастье было недреманно,
Заххака вез к расселинам Ширхана,

Он вез его на гибель и позор,
Убить его хотел в теснине гор.

Но вдруг Суруша он узрел благого,
Тот молвил тайно ласковое слово:

«На гору Демавенд помчи его,
В теснине горной заточи его.

Вези один: лишь тех возьми с собою,
Кто нужен, чтобы справиться с бедою».

Повез он змея, как лихой гонец,
Достиг он Демавенда наконец.

Теснину выбрал он для силы черной,
Заххака заточил в теснине горной.

И гвозди он принес, и в горной мгле
Он руки пригвоздил его к скале.

Насквозь вбивал он каждый гвоздь железный.
Пусть мучается змей, вися над бездной!

Так злобный царь прикован был к скале,
И кровь лилась, враждебная земле.

Фаридун благополучно царствовал до старости. Под конец жизни он разделил царство между тремя сыновьями. Старший, Тур, получил во владение Туран, средний, Салм, — Рум, а младшему сыну, Ираджу, достался Иран.

Старшие братья стали завидовать младшему, заманили его к себе в гости и злодейски убили. Престарелый Фаридун не мог отомстить за любимого сына, и это совершил внук Ираджа Манучихр, который разгромил Тура и Салма, отрубил им головы и отослал к Фаридуну.

Фаридун при жизни венчает на царство Манучихра и передает ему престол.

Главными богатырями иранского воинства при Фаридуне были Сам и Каран — сын Кавы.

Заль и Рудаба

РОЖДЕНИЕ ЗАЛЯ

У Сама не было детей. Томимый
Тоскою, жаждал он жены любимой.

Красавица жила в его дворце:
Как мускус — кудри, розы на лице!

Стал сына ждать: пришло подруги время, —
Уже с трудом несла под сердцем бремя.

И вот родился мальчик в точный срок,
Как будто землю озарил росток.

Он солнцу был подобен красотою,
Но голова его была седою.

Семь дней отцу боялись все сказать,
Что родила такого сына мать.

Кормилица, отважная, как львица,
Не побоялась к витязю явиться,

Известье о младенце принесла,
И потекла из уст ее хвала:

«Да будет счастлив Сам, страны опора,
Да недруги его погибнут скоро!

К жене, за полог, богатырь, войди,
Увидишь сына у ее груди.

Лицом прекрасен, полон благодати,
Уродства никакого у дитяти,

Один порок: седая голова.
Твоя, о славный, участь такова!»

С престола Сам сошел. Был путь недолог —
К супруге молодой зашел за полог.

Увидел седоглавое дитя
И помрачнел, страданье обретя.

Чело подняв, явил свою тревогу,
За помощью он обратился к богу:

«О ты, пред кем ничто — и зло, и ложь,
Один лишь ты отраду нам даешь!

Быть может, я пошел путем обмана?
Быть может, принял веру Ахримана?

Тогда, быть может, втайне ото всех,
Всевышний мне простит мой тяжкий грех?

Ужалена душа змеею черной,
И кровь моя кипит в мой день позорный:

Когда меня о сыне спросит знать,
Что об уродце витязям сказать?

Что мне сказать? Родился див нечистый?
Отродье пери? Леопард пятнистый?

Покину я Иран из-за стыда,
Отчизну позабуду я тогда!»

Подальше унести велел он сына:
Да будет для него жильем — чужбина,

Отныне пусть уродец тот живет
Там, где Симург взмывает в небосвод.

Оставили дитя в глухой теснине,
Ушли назад, и Сам забыл о сыне.

ПТИЦА СИМУРГ НАХОДИТ ЗАЛЯ

Птенцам Симурга надобна еда.
Расправив крылья, взмыл он из гнезда.

Увидел он дитя в слезах и в горе
Да землю, что бурлила, словно море,

Пылало солнце над его челом,
Суровый, темный прах лежал кругом.

Симург спустился, — жаждал он добычи, —
И мальчика схватил он в когти птичьи,

К горе Албурз, в гнездо, на тот утес,
Где жил с птенцами, он дитя унес.

Но помнил бог о мальчике дрожащем, —
Грядущее хранил он в настоящем:

Симург, птенцы взглянули на дитя,
Что плакало, лицо к ним обратя,

И мальчика седого пожалели,
Познав любовь, им чуждую доселе.

Так время шло, в гнезде ребенок рос,
И только птиц он видел да утес.

Стал мальчик мужем, похвалы достойным,
На воле вырос кипарисом стройным...

САМ ВИДИТ ВО СНЕ СЫНА

В тоске заснув и скорбью омрачен,
Однажды ночью Сам увидел сон:

На скакуне арабском тропкой узкой
Наездник скачет из страны индусской,

О сыне подает благую весть,
Об этой ветви, чьих плодов не счесть.

Проснувшись, богатырь призвал мобедов
И речь повел, о сне своем поведав.

«Что скажете, — он вопросил, — о нем?
Постигли вы его своим умом?»

И стар и млад, услышав слово это,
Свои уста раскрыли для ответа:

«Свирепый зверь в лесах или в горах
И даже рыбы-чудища в морях

Равно своих детей растят любовно
И кормят их, о них заботясь кровно.

А ты забыл, что завещал творец,
Младенца бросил ты, дурной отец!

Прося прощенья, обратись ты к богу,
Он указует нам к добру дорогу».

И Сам прилег, едва настала ночь:
Душевную тоску терпеть невмочь.

Во сне увидел: знамя златоткано
Сияет на вершине Индостана,

Летит прекрасный юноша вперед,
Большое войско за собой ведет,

Мобед его сопровождает справа,
Советник слева скачет величаво.

Приблизился один из этих двух,
Воителю сказал, терзая слух:

«О многогрешный муж, лишенный чести,
Чье сердце не страшится божьей мести!

Как смеешь зваться ты богатырем,
Когда ты птицу в няньки взял внаем?

Седых мужей бранишь ты, прихотливый,
Чья борода светла, как листья ивы!

Подумай сам: виновен ли господь,
Когда цвета твоя меняет плоть?

Ничем считал ты сына-мальчугана,
А ныне он — воспитанник Йездана:

Наставника нежней не знает свет,
Тебе ж в сыновнем сердце места нет!»

Сам зарычал во сне, издал он стоны,
Как лев свирепый, в западне плененный.

Проснувшись, мудрецов призвал своих,
Призвал он и старейшин войсковых,

Помчался к той горе, что небу внемлет,
Покинутых, отринутых приемлет.

Видна ее вершина средь Плеяд, —
Звезду похитить хочет, говорят.

А там — гнездо на высоте лазурной:
Оно вреда не видит от Сатурна.

Алоэ ветви витязь увидал,
Опоры под гнездом — эбен, сандал.

Но как добраться Саму до вершины?
Здесь даже след не сыщется звериный!

Поняв, что нет ему пути наверх,
Взмолился он и в прах лицо поверг:

«Ты, что возвысился над вышиною,
Над звездами, над солнцем и луною, —

Подай мне руку, будь поводырем,
Чтоб мог я, грешный, совершить подъем».

А юноше сказал Симург в то время:
«О ты, кого взрастило птичье племя!

Я был твоей кормилицей в гнезде,
Как нянька, за тобой летал везде,

Прозвал тебя Дастаном: * жертва бедствий,
Ты был отцом обманут в раннем детстве.

Отец твой Сам, что в мире всех сильней,
Великий богатырь и князь князей,

Теперь пришел сюда, он ищет сына,
И честь твоя пришла с ним воедино.

Тебе помочь я должен, как птенцу,
Чтоб невредимым отнести к отцу.

А ты мое перо возьми с собою,
Парить я буду над твоей судьбою.

Накликнет недруг на тебя беду
Иль зло и благо вступят во вражду,

В огонь ты брось мое перо тотчас же, —
Увидишь от меня добро тотчас же.

Ведь я тебя вскормил в гнезде своем,
Ты был с птенцами под моим крылом».

И с ним в душе своей Симург простился,
И поднял вверх, и плавно опустился, —

Отцу спешил он юношу вернуть.
У сына были волосы по грудь,

Он был могуч, как слон, весна — ланиты...
И разрыдался воин знаменитый,

Склонился пред Симургом до земли,
Уста его хвалу произнесли.

Любовным взором Сам окинул сына:
Венца достоин, трона властелина!

Как солнце — лик, грудь, как у льва, крепка,
Кинжала ищет сильная рука.

Уста — рубины, очи — как смола,
Белы ресницы, голова бела!

И сердце Сама стало садом рая,
Сказал воитель, сына восхваляя:

«Мой сын, смягчи ты сердце и согрей,
Прости меня, приди ко мне скорей.

Я — раб ничтожный бога всеблагого,
Но раз тебя, мой сын, обрел я снова,

То клятву я даю перед творцом,
Что нежным буду я тебе отцом.

Ты скажешь мне желание любое, —
Исполню я и доброе и злое».

Он юношу, как витязя, одел,
Скалистых гор покинул он предел.

Спустившись в дол, потребовал для сына
Коня и одеянье властелина.

Дастаном прозван был приемыш скал,
Но сына Залем богатырь назвал.

Тут перед Самом, радостны впервые,
Старейшины предстали войсковые.

Погнали барабанщики слонов,
Взметнулась пыль до самых облаков.

Звон золотых звонков и голос трубный,
Индийские им подпевают бубны...

С веселым кличем двинулся отряд,
Ликуя, воины пришли назад,

Вступили в город, позабыв печали,
Одним богатырем богаче стали.

САМ И ЗАЛЬ ПРИХОДЯТ К ЦАРЮ МАНУЧИХРУ

Услышал царь, что сына Сам вернул,
Что прибыл он торжественно в Забул.

Та весть была царю царей приятна,
И бога помянул он многократно.

Ноузару, сыну, отдал он приказ —
Навстречу Саму поспешить тотчас,

Как властелина встретить и восславить,
Его с великой радостью поздравить

И, расспросив, сказать богатырю,
Чтоб сразу же явился он к царю.

Ноузар подъехал к Саму в миг отрадный, —
Был рядом витязь, юный и нарядный.

Могучий Сам с гнедого соскочил,
В объятия Ноузара заключил,

Спросил он о царе, чей облик светел,
О витязях, — Ноузар на все ответил.

Посланье выслушав царя владык,
Устами славный Сам к земле приник,

И ко двору направился воитель
Поспешно, как велел ему властитель.

В своем венце державном на престол
Владыка мира с радостью взошел.

По обе стороны царя воссели
Каран и Сам, в глазах у них — веселье.

Был юный Заль, блиставший красотой,
Убранством, палицею золотой,

Царю представлен, царственному дому, —
Царь подивился юноше седому.

Властитель попытать велел жрецам,
Мобедам, звездочетам, мудрецам, —

Что Залю предназначено судьбою?
Вождем рожден ли? Под какой звездою?

Чем будет он, когда войдет в года?
Какие речи поведет тогда?

Недолго длились мудрецов расчеты,
Увидели по звездам звездочеты,

Что слава храбреца — его удел,
Он горд, и трезв умом, и сердцем смел.

Найдя отраду в этом приговоре,
Был счастлив царь, и Сам забыл о горе.

Владыка мира приготовил дар —
Такой, что восхитились млад и стар:

Коней арабских, убранных богато,
Индийские мечи в ножнах из злата,

Несметное количество ковров,
Динаров, злата, яхонтов, мехов,

Румийских слуг в парче родного края:
Узоры — жемчуга, ткань — золотая,

Подносы, чаши, полные красы,
В сверканье хризолита, бирюзы,

С шафраном, мускусом и камфарою, —
Рабы вручили юному герою.

При том — и щит, и палицу, и лук,
И много стрел, и копий, и кольчуг.

Трон в бирюзе, печать — огонь рубина,
Златой венец и пояс властелина.

Тут Манучихр условье написал,
Подобно раю, полное похвал:

Кабул, Забул, и Май, и землю Хинда,
От моря Чина и до моря Синда

Все области, — гласил его указ, —
Он Саму отдает в счастливый час.

Тогда воскликнул Сам: «О справедливый,
О судия правдивый, прозорливый!

Смотри, во всей вселенной ни один
С тобою не сравнится властелин

В любви и правде, по уму и нраву!
Земле ты дал покой, а веку — славу.

К богатствам равнодушен ты земным, —
Будь вечен вместе с именем твоим!»

С царем простился витязь крепкостанный,
К слонам приторочили барабаны,

И город весь глядел на караван,
Который путь держал в Забулистан.

О витязе пришло в Систан известье,
Обрадовались люди этой чести,

Украсили Систан, как райский сад,
Казалось, камни золотом блестят!

Пришел на землю праздник благодатный,
Узнали радость и простой и знатный.

Со всей земли к дворцу богатыря
Властители стремились, говоря:

«Да принесет отраду сердцу Сама
Путь юноши, ступающего прямо!»

К Дастану шли, хваля богатыря,
Каменья драгоценные даря.

Затем отец, как должно властелину,
О доблестях царей поведал сыну.

Созвал в стране, со всех ее концов,
Мужей бывалых, славных мудрецов,

Созвал их для совета и беседы
И молвил: «О разумные мобеды!

Приказ владыки нашего таков:
Нам нужно двинуть множество полков, —

На землю гургасаров я нагряну,
Я войско поведу к Мазандерану.

А сердце, душу здесь оставлю я,
Глаза слезами окровавлю я.

Когда я молод был, рассудку чуждый,
Я совершил нелепый суд без нужды.

Я бросил сына, — большей нет вины:
Глупец, я не познал ему цены!

Симург его взрастил, как воспитатель:
На то благословил его создатель.

Расцвел мой сын, покинутый отцом:
Мне был ничем, а птице был птенцом.

Когда пришла прощения година,
Всемилостивый бог вернул мне сына.

Я Заля отдаю вам как залог,
Чтоб каждый память обо мне сберег.

Вы Заля сохраните и наставьте,
На верную стезю его направьте».

Потом на Заля славный Сам взглянул:
«Отныне знай: твое гнездо — Забул.

С достоинством владей землей такою,
Будь правосуден, щедр, стремись к покою.

Мужей почтенных собери вокруг,
И всадников, и знатоков наук.

Учись ты, все науки уважая:
В любой науке радость есть большая.

Все раздавай, что от наук возьмешь:
Постигнув знанья, ты добро поймешь».

Так молвил он и трубам внял военным.
Стал небосвод — смолой, земля — эбеном *.

Звон бубенцов и колокольцев звон
Над ставкой зазвенел со всех сторон.

Отправился в сраженье воевода.
Проделал Заль с отцом два перехода:

У витязя, возглавившего рать,
Учился он полками управлять.

ЗАЛЬ И РУДАБА ВЛЮБЛЯЮТСЯ ДРУГ В ДРУГА

Был некий царь Михраб. Отважный воин.
Богат, могуч, он власти был достоин.

Свой род от змея, от Заххака, вел,
В Кабуле утвердил он свой престол.

Платил он Саму подать ежегодно:
Он был слабей, борьбу считал бесплодной.

Узнав о молодом богатыре,
Он прибыл из Кабула на заре

С казной, с оседланными скакунами,
С рабами и со всякими дарами:

Привез динары, мускус и шафран,
Рубины, шелк, парчу заморских стран,

Венец, владык достойный знаменитых,
На шею цепь златую в хризолитах.

Когда услышал юноша Дастан,
Что прибыл из Кабула караван,

К Михрабу вышел он с приветным взглядом
И посадил царя с собою рядом.

С почетом гость был принят поутру,
И вот сердца раскрылись на пиру.

Все витязи вокруг стола воссели,
И богатырское пошло веселье.

Наполнил чаши кравчий молодой,
Взглянул на гостя юноша седой.

Понравился, видать, Михраб Дастану,
Дивился он его красе и стану, —

Любовь к Михрабу сердце обожгла!
Когда же встал Михраб из-за стола,

Промолвил Залю богатырь из свиты:
«Послушай слово, витязь именитый!

Есть дева за завесой у царя,
Лицо ее сияет, как заря;

Слоновой кости уподоблю тело,
С платаном стан ее сравню я смело;

Чернее мускуса — арканы кос,
Запястий кольца — завитки волос;

Цветы граната — две ее ланиты,
К плодам граната груди приравни ты!

Сравню глаза с нарциссами в цвету,
Ресницам ворон отдал черноту;

Напоминают брови лук таразский,
Слегка покрытый мускусною краской;

То — мира ненаглядная весна,
Певучая, нарядная весна!»

Взволнован был Дастан таким рассказом,
Покинули его покой и разум.

Настала ночь, пришла к нему печаль,
К невиданной красе стремился Заль.

От жарких дум душа его болела,
Любви он сердце посвятил всецело...

Вот повод в путь обратный повернул,
Вернулся утром царь Михраб в Кабул,

Цветущим садом, что дышал покоем,
Направился к своим ночным покоям.

Два солнца принесла ему судьба:
Одно — Синдухт, другое — Рудаба.

Они поспорили б с весенним садом
Благоуханьем, прелестью, нарядом.

На дочь с восторгом посмотрел отец,
Просил он, чтоб хранил ее творец.

То — кипарис облит сияньем лунным,
И амбра над челом темнеет юным.

Она в парчу, в каменья убрана,
Как райский сад, желанного полна.

Жемчужинам позволив приоткрыться,
Вопрос Михрабу задала царица:

«Как ты пошел, супруг мой, как пришел?
Да будешь ты далек от бед и зол!

Седого Заля каково обличье?
Престол его влечет, гнездо ли птичье?

Видны ли человека в нем черты?
Отважно ль сердце? Помыслы чисты?»

Михраб ответил на слова царицы:
«Платан мой среброгрудый, луголицый!

Во всей вселенной нет богатырей,
Подобных Залю силою своей,

Нет росписи и нет дворца такого
С изображеньем храбреца такого.

Пред ликом Заля никнет аргуван,
Он молод, бодр и счастьем осиян.

Один порок, что голова седая:
Так скажет муж, придирчиво взирая,

Но знай, что Заля красит седина,
Сказал бы, что чарует нас она!»

Отцу внимала Рудаба с волненьем,
Краснея, вспыхнула цветком весенним.

Она теперь покоя лишена:
Душа любовью к Залю зажжена!

Страсть воцарилась в сердце, свергнув разум,
И нрав и мысли изменились разом.

А было у нее служанок пять,
Пять любящих рабынь, тюрчанок пять.

Сказала тем служанкам несравненным:
«Хочу поведать вам о сокровенном.

Наперсницы, пред вами не таюсь,
Я с вами всеми тайнами делюсь.

Узнайте же, внимая мне с участьем, —
Да озарятся ваши годы счастьем, —

Я влюблена. Любовь моя сильна,
Как моря непокорная волна.

Сын Сама овладел моей душою,
Он и во сне стоит передо мною.

Люблю его и думаю о нем,
К нему и ночью я стремлюсь и днем.

Надумать способ вы должны, рабыни,
Чтоб я от мук избавилась отныне».

Служанки подивились тем словам:
Такие речи для царевны — срам!

Вскочили, будто бесы в них вселились,
С упреками к царевне обратились:

«Венец владычиц мира, ты светло
Вздымаешь над царевнами чело,

Ты славишься от Хинда и до Чина,
Блестящий перстень, красоты вершина!

Где кипарис, чей тонок стан, как твой?
Лучи Плеяд затмил твой лик живой!

Индийский раджа, полон восхищенья,
Кейсару шлет твое изображенье.

А ты? Не знаешь, видно, ты стыда,
Отца ты обесчестишь навсегда!

Того ты любишь, кто творцом отринут,
Того, кто был своим отцом покинут,

Кто птицей был вскормлен в гнезде глухом,
Кого клеймят на сборище людском.

Нигде от женщин старцы не родятся,
А если родились, так не плодятся.

Весь мир в тебя влюблен, тобой сражен,
Во всех дворцах твой лик изображен,

Твои глаза увидев, стан упругий,
Светило дня пойдет к тебе в супруги!»

Повеял ветер, на огонь дыша, —
Так у царевны вспыхнула душа.

И отвернулась от служанок дева,
Закрыв глаза, исполненные гнева.

Придя в себя, от ярости бледна,
Нахмурив брови, крикнула она:

«Нелепа ваша речь, глупа, незрела,
Таким речам внимать — пустое дело!

Ни раджу, ни хакана не хочу,
Царя царей Ирана не хочу,

Я только одному женою стану, —
Плечистому, высокому Дастану!

Слывет он старцем или молодым —
Соединю я душу только с ним!»

Услышав сердца страстного, больного
Смятенный крик, в одно сказали слово

Прислужницы: «Ты — наша госпожа,
Тебя мы любим, преданно служа.

Исполним, что велишь, без промедленья, —
Да приведут к добру твои веленья.

Когда тебе потребна ворожба,
Мы целый мир обманем, Рудаба,

В колдуний превратимся мы, в газелей,
Взлетим к пернатым ради наших целей».

Раскрыла Рудаба свои уста,
Улыбкой озарилась красота:

«Когда вы слово в дело обратите,
Вы древо плодоносное взрастите,

Как яхонт, будет ценен каждый плод,
И те плоды наш разум соберет».

Прислужницы расстались с госпожою,
Ей послужить желая всей душою.

СЛУЖАНКИ РУДАБЫ ВСТРЕЧАЮТСЯ С ЗАЛЕМ

Убрав цветами косы и надев
Парчу из Рума, пять прекрасных дев

Пошли к реке, пошли тропой прохладной.
Равны весне — цветущей и нарядной.

Был месяц фарвардин, был новый год.
На правом берегу прозрачных вод

Сидели Заль, и витязи, и слуги,
На левом были девушки-подруги:

Цветы срывая, шли среди кустов, —
Скажи: цветы в объятиях цветов!

Спросил Дастан, не отрывая взгляда:
«Откуда эти пять поклонниц сада?»

Ответствовал слуга богатыря:
«То из дворца кабульского царя,

То Рудаба, Кабула месяц нежный,
Служанок посылает в сад прибрежный».

Вюбленного потряс ответ такой.
Он запылал, он потерял покой.

Узрев служанок красоту девичью,
Взял у слуги он лук, пошел за дичью.

Пошел пешком — и видит: над травой
Склонился сокол с черной головой.

Он выждал, чтоб в полет пустилась птица,
И вот его стрела вдогонку мчится.

Он сбил стрелою птицу, и тогда
От крови красной сделалась вода.

Приказ Дастана услыхали девы,
Чтоб дичь слуга отнес на берег левый.

Туранец рослый по речной воде
К служанкам переправился в ладье.

Одна из дев, чей сладок был язык,
Слугу спросила, глядя в юный лик:

«Кто этот витязь мощный, слонотелый?
Какого племени властитель смелый?

Какой из лука ловкий он стрелок!
Он смерти всех врагов своих обрек!

Всех всадников красивей этот воин,
И меток он, и ловок он, и строен!»

Тот, закусив губу, ответил ей:
«Так о царе ты говорить не смей!

Нимрузский шах, он Сама сын единый,
Его зовут Дастаном властелины.

Пускай объездит всадник целый свет —
Такого, как Дастан, на свете нет!»

А та, взглянув на отрока с улыбкой,
Ответила: «В твоих словах — ошибка!

В чертогах у Михраба есть луна, —
Затмила твоего царя она.

Слоновой кости — цвет, а стан — платана;
Венец волос — как мускус богоданный;

Глаза — нарциссы томные; калам
Серебряный — опора двум бровям;

Сжат нежный рот, как сердце, что в несчастье;
Сравню я кудри с кольцами запястий;

Сквозь ротик даже вздоху не пройти, —
Таких красавиц в мире не найти!»

Смеясь, вернулся отрок тонкостанный.
Услышал он от славного Дастана:

«Чему ты засмеялся, мой слуга?
Зачем зубов открыл ты жемчуга?»

Слуга его порадовал ответом,
И сердце Заля озарилось светом.

Проворному слуге он дал приказ:
«Пойди скажи служанкам, что сейчас

Из цветников им уходить не надо:
Вернутся с самоцветами из сада!»

Потребовал динаров, жемчугов,
Парчи золототканой пять кусков,

Сказал: «Тайком служанкам подарите,
Об этом никому не говорите.

Пускай с известьем тайным от меня
Пойдут к царевне, верность мне храня».

Пошли рабы с открытою душою,
С каменьями, динарами, парчою,

Пять луноликих щедро одаря,
Сказали им наказ богатыря.

Одна, слугу заметив молодого,
Сказала: «Тайной не пребудет слово.

Есть тайна двух, но тайны нет у трех,
И всем известна тайна четырех.

Посол, совету моему последуй:
Коль слово — тайна, мне его поведай!»

Обрадовалась, на ухо слова
Шепнув подругам: «Мы поймали льва!»

Назад вернулся вестник черноглазый,
Что витязя исполнил все приказы

И тайну эту должен был беречь, —
Поведал обольстительницы речь.

Дастан пошел в цветник: луна Кабула
Теперь ему надеждою блеснула!

Таразские кумиры подошли,
Дастану поклонились до земли,

Услышали они вопрос Дастана
О блеске, стане и лице платана.

Сказал: «Правдивым внемлю я словам,
Смотрите, лгать я не позволю вам!

А если я в словах обман открою,
То всех слоновьей растопчу стопою!»

Рабыня, пожелтев, как сандарак,
К ногам его упала, молвив так:

«Еще от женщин не рождались дети, —
Среди князей не сыщешь в целом свете, —

Что были бы, как Сам, умны, сильны
И чистоты и мудрости полны.

А ты — второй, с отважною душою,
С высоким станом, львиною рукою,

Струится по твоим щекам вино *
И тело амброю напоено.

А третья — Рудаба, луна вселенной,
То — кипарис, пахучий, драгоценный,

Жасмина, розы радостный расцвет,
Звезды Сухейль счастливый, ясный свет.

С серебряного купола арканы
Спадают вдоль ланит, благоуханны.

Красавиц, равных ей, в Китае нет,
Звенит ей слава от семи планет!»

Служанку витязь вопросил прекрасный, —
Стал сладостным и нежным голос властный:

«Теперь, когда мою ты знаешь страсть,
Скажи мне, как могу я к ней попасть?

Любовь к царевне — вот мое пыланье,
Ее увидеть — вот мое желанье!»

А та: «Когда ты повелишь, храбрец,
Мы поспешим к царевне во дворец,

Всего наскажем ей, в силки заманим, —
Ты нам поверь, тебя мы не обманем.

Расставив путы, мы ее пленим,
Ее уста мы поднесем к твоим.

А если муж, зовущийся Дастаном,
Захочет сам пожаловать с арканом

И заарканит он стены зубец, —
То лев ягненка схватит наконец!»

Красавицы ушли, вернулся витязь,
Надеждой и томлением насытясь.

К вратам дворца подруги подошли, —
Охапки роз они в руках несли.

Привратник, жесткий сердцем, речью грубый,
Их встретил со враждой, сказал сквозь зубы:

«Ушли вы слишком поздно со двора.
Кто вас пустил? Вам спать давно пора!»

Красавицы слезами разразились,
В отчаянье к привратнику взмолились:

«Такой же, как и прежде, нынче день.
Не прячет дивов розовая сень.

Весенний свет горит над нашим краем,
И мы с лица земли цветы срываем».

Ответствовал подругам страж двора:
«Не так сегодня тихо, как вчера,

Когда в Кабуле не было Дастана,
Шатров походных, воинского стана.

Должны вы знать, что до начала дня
Кабульский царь садится на коня.

Накажет крепко вас владыка строгий,
С цветами вас увидев на дороге!»

Подруги во дворец вошли гурьбой,
Шептаться стали с милой Рудабой,

Динары положили, самоцветы, —
Посыпались вопросы и ответы.

Луна сказала: «Молвите сперва:
Он лучше ли, чем говорит молва?»

Все пятеро в одно сказали слово,
Богатыря восславив молодого:

«Высок и строен Заль, как кипарис,
Глаза его — как смоль и как нарцисс.

Сверкает царским блеском взор открытый,
Уста — рубины, словно кровь — ланиты.

Один изъян, что голова седа,
Но это не позор и не беда.

«Так должно быть!» — ты скажешь, если взглянешь,
А нет — любить его не перестанешь.

Сказали мы: «Свиданья близок час», —
С надеждой в сердце он покинул нас».

Воскликнула сиявшая луною:
«Мне кажется, что стала я иною!

Тот самый Заль, тот птенчик молодой,
В гнезде вскормленный, слабый и седой,

Вдруг обернулся ярким аргуваном, —
Могуч, красив лицом и строен станом!»

Так говорила, и смеялся рот,
Казалось, на щеках гранат цветет.

Служанка луноликой отвечала:
«Подумай о свидании сначала!

Твои мечты исполнены творцом, —
Да завершатся радостным концом!..»

Беседка там была — как день погожий,
На стенах нарисованы вельможи.

И вот в парчу беседка убрана,
Полна дыханья амбры и вина.

Пришли, расставив золотые блюда,
Осыпав землю горстью изумруда.

Везде — фиалка, лилия, нарцисс,
Кусты жасмина пышно разрослись.

От розового сока стали краше
Серебряные, золотые чаши.

Сияла там небесная краса,
И амбра поднималась в небеса.

ЗАЛЬ ИДЕТ К РУДАБЕ

Вот солнце заперли, закрыли келью
И потеряли ключ с благою целью.

Явилась в стан служанка со двора:
Мол, дело сделано, ступай, пора!

Заль поспешил к назначенному месту:
Так делает жених, ища невесту.

Влюбленная смотрела с кровли вниз:
Она — луной венчанный кипарис.

Вдали увидев Заля-исполина,
Красавица раскрыла два рубина.

Услышал витязь голос благодатный:
«Добро пожаловать, воитель знатный!

Ужели ты пешком сюда пришел?
Был этот путь для царских ног тяжел!»

Привет услышав со стены высокой,
Он встретился глазами с солнцеокой.

«О госпожа! Прими, — воскликнул он, —
Хвалу от неба, от меня поклон!

Давно рыдая провожу я ночи,
К звезде Симак я устремляю очи,

Молю творца послать мне благодать:
Твое лицо мне тайно показать.

Теперь узнал я радость первой встречи
Твой голос нежный, ласковые речи.

Но я стою внизу, ты — на стене,
Наверх взобраться помоги ты мне».

Услышав, что сказал седоволосый,
Царевна черные спустила косы, —

Таких еще не видел небосклон:
Был тот аркан из мускуса сплетен!

Спускалась ли со стен коса такая?
Заль молвил про себя: «Краса какая!»

За черной прядью извивалась прядь, —
Их можно было змеями назвать!

Она сказала: «Воин именитый,
Свой львиный стан и плечи распрями ты

И к черным косам руку протяни:
Арканом станут для тебя они!»

Такая речь царевны луноликой
Дастану показалась странной, дикой.

Он косы целовал своей луны,
И поцелуи были ей слышны.

Сказал: «Не быть такому дню вовеки,
Я зла тебе не причиню вовеки!»

Тут взял он у раба аркан, свернул,
Взметнул небрежно — даже не дохнул.

Попал в петлю зубец стены старинной,
На кровлю Заль взобрался в миг единый.

Когда уселся он — чиста, светла,
К нему с поклоном пери подошла.

Она в свою взяла Дастана руку, —
Пошли вдвоем, забыв былую муку.

Спустились вниз, — дорога их легка,
В руке могучей — нежная рука.

Вот перед ними дом, расписан златом,
Они пришли к тем царственным палатам,

Что излучали свет, как райский сад:
Рабыни перед гурией стоят!

Смотрел он, станом восхищен девичьим,
Лицом, кудрями, блеском и величьем:

В запястья, в ожерелья убрана,
Она сияла, как сама весна!

С достоинством, как властелин великий,
Воссел Дастан напротив луноликой.

Висел на поясе его кинжал,
Венец его рубинами блистал.

Любовь росла, стремясь навстречу счастью,
Ушел их разум, побежденный страстью.

Объятья, поцелуи и вино, —
Спастись от льва газели не дано...

Но вот рассвет забрезжил над дворцом,
Раздался в ставке барабанов гром.

Как тело — с жизнью, дух — с телесной силой,
Простился богатырь с царевной милой.

Мгновенно с кровли сбросил он аркан,
Покинул дом возлюбленной Дастан.

ЗАЛЬ СОВЕТУЕТСЯ С МОБЕДАМИ

Когда явилось из-за гор светило
И витязей Дастана разбудило,

Они толпой веселой поутру
Направились к Дастанову шатру.

Призвал Дастан, огнем любви объятый,
Вельмож, что были разумом богаты.

Пришли мобеды, гордые князья,
Глава придворных, витязи-друзья,

Пришли к нему, покорные приказам,
В глазах — веселье, преданность и разум.

Он речь повел, призвав их на совет,
Улыбка — на устах, а в сердце — свет.

Сначала вседержителя восславил,
Сердца вельмож проснуться он заставил.

Сказал он пылко: «Пред лицом творца
Надеждой и тоской полны сердца!

Он солнце и луну вращает властно,
Ко благу нас ведет он ежечасно.

Наш мир цветет, всевышним сотворен,
Где бог, там справедливость и закон.

Весна и осень — от него награда,
Для нас растит он лозы винограда.

Мир у него — то стар и хмуролик,
То молод, свеж и светел, как цветник,

И муравей, не вняв его приказу,
Не пошевéлит лапкою ни разу.

Чету он создал — жизни торжество:
Потомству не бывать от одного!

Един лишь бог, всесущий и незримый:
Нет у него ни друга, ни любимой.

Четами он все твари сотворил,
Тем самым тайну мира нам открыл.

Что со вселенной стало бы и с нами,
Когда бы твари не жили четами!

В особенности тот, чей знатен род,
Несчастен, коль подруги не найдет.

На свете краше витязя не встретим,
Чем тот, кто светится любовью к детям.

Когда его последний час придет,
Он жизнь в потомстве снова обретет.

Отдаст он имя детям, чтоб сказали:
«Вот этот — Сама сын, а этот — Заля».

Сын украшает царство и венец, —
Остался сын, хотя ушел отец.

Об этом повесть мне поведать надо, —
О юной розе радостного сада!

Я дочерью Синдухт навек пленен.
Что скажет Сам? Согласье даст ли он?

О юности моей не позабудет
Царь Манучихр — или меня осудит?»

Мобеды, утаив свои слова,
Молчанием ответили сперва:

Михраб — весьма почтенный муж, однако
Потомок он бесчестного Заххака!

Затем ответ промолвили такой:
«Да обретешь ты счастье и покой!

Рабы, послушные твоим веленьям,
Молчали мы, объяты удивленьем.

Хотя Михраб и не сравним с тобой,
Он все же витязь, взысканный судьбой.

К отцу с таким посланьем обратись ты,
Как ты один умеешь, сердцем чистый.

Дастан, ты каждого из нас умней,
Душой богаче, помыслом сильней.

Пусть Манучихру Сам пошлет посланье,
Узнает, каково царя желанье.

Идет ведь о ничтожном деле речь, —
Царь не захочет просьбой пренебречь».

ЗАЛЬ ПИШЕТ ПИСЬМО ОТЦУ

Дастан призвал писца, и в слове ясном
Излил он все, что было в сердце страстном.

В письме немало было новостей,
Приветов нежных, радостных вестей.

Он первые свои наполнил строки
Хвалой тому, кто создал мир широкий:

«Меня рабом всевышнего зови,
Моя душа полна к нему любви.

Зажглась моя душа таким пыланьем,
Что не могу открыться пред собраньем.

О дочери Михраба говорю,
И плачу я, и на костре горю.

Звезда ночная — мне подруга в горе,
Из глаз на грудь мою струится море.

О богатырь, какой мне дашь ответ?
Избавишь ли меня от мук и бед?

Надеюсь: верный своему обету,
Исполнит полководец просьбу эту,

Как бог велит, захочет мне помочь,
Чтоб стала мне женой Михраба дочь.

Когда меня с горы Албурз привел он,
Мне обещал отец, отрады полон:

«Желанье сына — для меня закон,
Исполню все, что пожелает он».

Гонец тотчас же, как огонь, помчался,
С посланьем к Саму одвуконь помчался.

Лишь края гургасаров он достиг,
Заметил Сам посланца в тот же миг:

Кружил он по холмам, прогнав заботу, —
С гепардами понесся на охоту.

К богатырю приблизился гонец, —
Письмо от сына получил отец.

Со скакуна сошел посланец наземь,
Облобызал он землю перед князем.

Военачальник нити снял с письма,
Спустился он с высокого холма.

Он побледнел, опешил: от Дастана
Такая весть пришла к нему нежданно!

Решил отец, что сын его неправ,
Что выбор нехорош его и нрав.

Сказал: «Своим желаниям в угоду,
Он обнаружил низкую природу.

Недаром дикой птицей он вскормлен, —
Такой удел ему определен».

САМ СОВЕТУЕТСЯ С МОБЕДАМИ

С охоты возвратился он угрюмый,
Закрались в сердце медленные думы.

На сердце тяжко стало от забот,
Прилег, но и во сне печаль гнетет.

Однако чем для нас труднее дело,
Чем больше ноет сердце, страждет тело,

Тем легче в сокровенном, в добрый час,
Спасение откроется для нас.

Проснувшись, он собрал мобедов мудрых,
Сановников, старейшин седокудрых,

Вопрос им задал: «Что же Заля ждет?
Какой желанья этого исход?»

Мобеды, как велел им воевода,
Искали долго тайну небосвода,

Увидели, узнали и пришли,
Как будто счастье для себя нашли.

И было звездочета предсказанье:
«О витязь в златотканом одеянье!

Чете благоприятствует судьба,
Пребудут в счастье Заль и Рудаба.

От этих двух родится слонотелый,
Могущественный, доблестный и смелый.

Он завоюет мир, он вознесет
Престол царя царей на небосвод,

С лица земли сметет он всех злодеев,
Сровняет землю, недругов развеяв,

Надеждою Ирана станет он, —
Будь этой доброй вестью озарен!

Он сделает счастливым государство,
И люди пригласят его на царство».

Услышав то, что молвил звездочет,
Избавился воитель от забот.

К себе гонца призвал он, просветленный,
С ним разговор повел он благосклонный:

«Ты сыну моему скажи добром,
Что целью он бессмысленной влеком.

Но должен я обет исполнить строго
И для обмана не искать предлога.

Едва зарей развеется туман,
Я поведу свои полки в Иран».

Он вестнику дирхемов дал немало,
Сказал: «Скачи, не делая привала».

Полкам велел он двинуться назад, —
Ликует рать, и воевода рад.

С позором гургасаров заковали, —
Шли пленники и стоны издавали.

Едва лишь первый луч во тьме блеснул,
В степи поднялся богатырский гул.

Смешался голос трубный с барабанным,
И громы раздались над ратным станом.

То двинулся в Иран воитель Сам, —
Отрадно возвращаться храбрецам!

Помчался к Залю, не смыкая вежды,
Гонец победы, счастья и надежды.

СИНДУХТ УЗНАЕТ О ПОСТУПКЕ ДОЧЕРИ

У двух влюбленных — так пошли дела —
Посредница болтливая была.

От милой к милому носила вести,
От жениха — к возлюбленной невесте.

Призвал сладкоязыкую Дастан,
Поведал весть великую Дастан:

«Скажи царевне, мига не теряя:
«О кроткая луна, о молодая!

Слова, теснясь, томятся взаперти.
Дай выход им: должна ты ключ найти.

Посланец, мой наказ исполнив с честью,
От Сама прибыл со счастливой вестью».

Проворно ей письмо вручил храбрец,
Посредница помчалась во дворец.

К царевне понеслась она поспешно:
Письмо от Заля было так утешно!

Царевна, ей оказывая честь,
Дирхемы ей дала, велела сесть.

Повязку, сделанную в Индостане,
Такую, что не видно было ткани:

Основа и уток — рубин, алмаз, —
Каменья скрыли золото от глаз,

Два перстня дорогих, златоузорных,
Сверкавших, как Юпитер в высях горных, —

Послала Рудаба Дастану в дар,
А с перстнями — речей сердечный жар.

Посредница пошла, хотела скрыться,
Как вдруг ее заметила царица.

Та женщина, в душе почуяв страх,
Облобызала пред царицей прах.

Душа Синдухт исполнилась тревоги:
«Скажи: откуда ты? С какой дороги?

Идешь — боишься на меня взглянуть,
Стремишься незаметно проскользнуть.

Иль без тебя нет у меня заботы?
Ты лук иль тетива? Не знаю, кто ты!»

А та: «Мне надо прокормиться здесь,
На все я руки мастерица здесь,

Царевне продаю уборы, платья, —
Я принесла их. Разве стану лгать я?»

Синдухт в ответ: «А ну-ка, покажи.
Меня ты успокой, не бойся лжи».

«Две вещи продала, — ей было мало,
Она меня за новыми послала».

«Так деньги покажи ты мне скорей,
Мой гнев ты остуди, водой залей!»

«Мне велено до завтра ждать уплаты,
А значит, денег нет, понять должна ты!»

Тогда, решив, что речь ее — вранье,
Разгневалась царица на нее.

За пазухою, в рукавах искала
Письмо, — обман в ее словах искала.

И вот пред нею — дорогой наряд,
Уборы блеском золотым горят!

Как пьяная, от боли, недоверья,
Она вошла в покои, хлопнув дверью,

Явиться приказала Рудабе,
Ланиты исцарапала себе,

Из двух нарциссов проливала слезы,
Пока росою не сверкнули розы:

«Дитя мое, ты, как луна, светла, —
Зачем дворцу ты яму предпочла?

Не о тебе ль, как долг велит издавна,
И тайно я заботилась и явно?

Зачем же хочешь ты меня терзать?
Должна ты мне всю правду рассказать;

Кто эта женщина? Зачем приходит?
Кем послана? Кого с тобою сводит?

Кто этот муж, который дорогих
Подарков удостоился твоих?

Арабскому венцу, отцовской власти
Ты вместо счастья принесла несчастье.

Свой род и имя ты не опорочь...
Зачем я родила такую дочь!»

Потупилась царевна молодая,
От срама и тревоги обмирая.

Печали влага хлынула из глаз,
Нарциссов кровь на щеки пролилась:

«О матушка, о мудрая царица!
Моя душа в силках любви томится!

О, если б ты меня не родила;
Я ни добра не знала бы, ни зла!

Едва Дастан в Кабуле поднял знамя,
Любовь к нему меня повергла в пламя.

Жить без него? Убьет меня тоска,
Весь мир его не стоит волоска!

Узнай: меня он видел, мой любимый,
В знак нашей клятвы руки с ним сплели мы.

К владыке Саму поскакал гонец,
И сыну свой ответ сказал отец.

Могучий Сам противился вначале,
Потом слова согласьем зазвучали.

С той женщиной мне Заль прислал привет,
Мои подарки — витязю ответ».

Смутилась от речей таких царица:
Ей лестно было с Залем породниться.

Ответила: «Пусть выбор твой хорош,
На свете Залю равных нет вельмож,

Он славный сын могучего владыки,
В нем ясная душа и ум великий,

Достоинств много, родом он высок, —
Все качества затмил один порок.

Разгневается сердце шаханшаха,
Он весь Кабул сровняет с тучей праха:

Не хочет он, чтоб мы пошли вперед,
Чтоб на земле возвысился наш род».

Ту женщину царица обласкала:
Мол, не могла понять ее сначала.

Царевну спрятав и замкнув замок,
Чтоб ей никто совет подать не мог,

Пошла в слезах и улеглась в постели,
Ее тоска и горе одолели.

МИХРАБ УЗНАЕТ О ПОСТУПКЕ ДОЧЕРИ

Михраб счастливый вышел из шатра, —
В Дастане он обрел исток добра.

Увидел он: лежит в слезах супруга,
Лик побледнел, как будто от недуга.

Спросил в тревоге: «Что тебя томит?
Увяли лепестки твоих ланит!»

В ответ Михрабу молвила царица:
«Моя душа грядущего страшится.

Что будет с этой радостной страной,
С арабскими конями и казной,

С твоим дворцом, с послушными рабами,
С твоим венцом, с цветущими садами,

С царевной, что блистает красотой,
С величьем, славой, жизнью прожитой?

Пусть твой венец и трон блестят победно —
Со временем уйдут они бесследно.

Как ни старайся, их отнимет враг,
Деянья наши обратятся в прах.

Окажется в гробнице наша слава:
То древо, чьи плоды для нас — отрава,

Взрастили мы, трудясь в мороз и зной,
Венцом его украсили, казной,

Оно расцвесть роскошно не успело —
Его листва тенистая истлела.

Вот в этом наш предел и наш исход,
Не ведаю, когда покой придет!»

А царь: «Ты старое сказала слово,
А повторенье не бывает ново.

Сей мир противен светлому уму,
И мудрый ужасается ему.

Любого из живых судьба находит,
Один уходит, а другой приходит.

И в счастье и в беде — одна судьба,
Безумна с высшим судией борьба».

Синдухт — в ответ: «Поведала я притчу,
Надеясь, что я правду возвеличу.

Мудрец, достойный славы и похвал,
О древе притчу сыну рассказал,

А я ту притчу рассказала снова,
Чтоб со вниманьем выслушал ты слово.

Дастан, — открою истину тебе, —
Силки расставил тайно Рудабе.

Смутил ей сердце, сбил с пути царевну,
Найдем же выход, чтоб спасти царевну.

Я не смогла советом ей помочь,
И вижу я: страдает наша дочь».

Ошеломленный новостью такою,
Поднялся царь, сжимая меч рукою,

Вскричал: «Убью сейчас же Рудабу, —
Мне легче видеть дочь свою в гробу!»

Царица, гнев супруга понимая,
Сказала, стан Михраба обнимая:

«Властитель мой! Хотя бы к одному
Прислушайся ты слову моему,

А после поступи, как скажет разум,
Мы покоримся всем твоим приказам».

Отпрянул царь и оттолкнул жену,
Вскричал, подобный пьяному слону:

«Зачем я дочь свою в живых оставил,
Как только родилась — не обезглавил?

Был мягким, предков преступил завет,
И вот я от нее дождался бед.

Все качества отца должны быть в сыне,
Быть хуже, чем отец, — грешно мужчине.

Бесславья и позора не хочу,
А ты прибегнуть не даешь к мечу.

Когда могучий Сам и царь Ирана
Над нами власть получат невозбранно,

Тогда умрет кабульская земля,
Сады заглохнут, высохнут поля».

«Мой господин, — воскликнула царица, —
Не надобно болтать, не стоит злиться,

Не предавайся горю и слезам, —
Уже об этом знает всадник Сам,

Он с поля битвы двинулся обратно,
Он встретил эту весть благоприятно».

Промолвил царь: «Прекрасная луна!
Мне лгать в подобный час ты не должна.

Я б свадьбе не мешал, скажу я прямо,
Но Манучихра я боюсь и Сама.

И то сказать: на всей земле кого
С могучим Самом не прельстит родство?»

Синдухт сказала: «Гордый муж! Не стану
С тобой хитрить и прибегать к обману.

Твоя беда — она моя беда,
Я связана с тобою навсегда.

Как ты, и я вначале опасалась,
Но ясным наше дело оказалось.

Уж не такое чудо этот брак, —
Из сердца выкинь страх, тоску и мрак.

Заль поступил, как Фаридун когда-то,
К йеменскому царю пославший свата.

Чужой войдет как родич в твой дворец, —
Твой враг увидит в этом свой конец!»

Ответствовал Михраб, как прежде, гневный:
«Вставай и приходи ко мне с царевной».

Ей стало страшно: мрачен муж, как ночь,
Тоской терзаем, умертвит он дочь!

«Сперва, — сказала, — обещай мне милость», —
Хитрила, царский гнев смягчить стремилась.

Михраб воскликнул: «Я клянусь тебе,
Что зла не причиню я Рудабе,

Но бойся Манучихра: царь всевластный
На нас нагрянет с яростью ужасной».

От сердца у царицы отлегло,
Она склонила пред царем чело,

Ушла с улыбкой на устах, сияя:
Лицо — как день, а кудри — тьма ночная.

Сказала Рудабе: «С весельем встань,
Теперь гепард терзать не будет лань.

Давай скорей запястья, кольца спрячем,
Убранство сняв, к отцу ступай ты с плачем».

«Снимать? Зачем? — сказала та в ответ, —
Мне бедной притворяться — смысла нет.

Навеки я принадлежу Дастану,
А то, что явно, я скрывать не стану».

И дочь предстала пред лицом царя,
Нарядна, как восточная заря.

Отец, ее увидев, восхитился
И мысленно к Йездану обратился.

Сказал ей: «Помутнен твой ум навек!
Какой допустит знатный человек,

Чтоб вышла пери за исчадье ада?
Тебя лишить венца и перстня надо!»

Он, полный гнева, как гепард рыча,
Кружил, сжимая рукоять меча.

Ушла царевна в страхе и печали,
И желтыми ее ланиты стали.

И мать и дочь — несчастные сердца —
Прибежища искали у творца.

МАНУЧИХР УЗНАЕТ О ЛЮБВИ ЗАЛЯ И РУДАБЫ

Придворных шаханшаха всколыхнула
Весть о Дастане, о царе Кабула,

О том, что Заль влюблен: пришло на ум
Стать равными неравным этим двум!

Перед лицом царя царей мобеды
Об этой вести повели беседы.

Такое слово Манучихр изрек:
«За это дело нас накажет рок.

Умом, войной и силой твердой власти
Иран я вырвал из тигриной пасти.

Царь Фаридун Заххака сбросил гнет, —
Боюсь я: это семя прорастет.

Дастан, влюбившись, долг забыл сыновний:
Пусть дочь араба нам не станет ровней!

Когда у этих двух, — так царь сказал, —
Из ножен вдруг появится кинжал *,

То, если в мать пойдет дитя Дастана,
Мы много зла увидим от смутьяна.

Он возмутит иранскую страну,
Чтоб отобрать корону и казну».

Мобеды вознесли царя высоко,
Назвали властелином без порока:

«Воистину мудрейший ты из нас,
Сильнейший ты из нас в тяжелый час!

Верши по смыслу веры и закона:
Твой разум в плен захватит и дракона!»

Ноузару царь царей велел созвать
Вельмож придворных, избранную знать:

«Ступайте к Саму, поведите речи,
Спросите, как вернулся всадник с сечи,

Скажите: «К нам пожалуй во дворец,
Потом домой отправишься, храбрец».

Внял храбрый Сам такому приказанью,
Обрадовался этому свиданью,

Сказал Ноузару: «Я пойду к царю,
Свиданьем с ним я душу озарю».

Со звоном чаш тогда смешались клики,
Не умолкали здравицы владыке,

Ноузару, Саму — всаднику в броне,
И всем князьям, и каждой их стране.

Прошла в веселье ночь. Когда светило,
Сверкая, тайну неба им открыло,

Вельможи, как велел им царь царей,
К его двору помчались поскорей.

Могучий Сам, воитель несравненный,
Предстал пред повелителем вселенной.

Воскликнул Манучихр: «Иди на бой,
И всех отважных ты возьми с собой!

Кабул и Хиндустан сровняй с камнями,
Дворец Михраба ты повергни в пламя.

Пусть не уйдет Михраб из рук твоих,
Не оставляй змееныша в живых.

Змеиный род, исполнен злобы лютой,
Грозит земле войной, насильем, смутой.

Всех, у кого была с Михрабом связь,
Кто власть его признал, ко злу стремясь, —

Ты обезглавь, к одной стремясь корысти:
От семени Заххака мир очисти!»

Ответил Сам: «Злодеев одолев,
Из сердца шаха прогоню я гнев».

Челом склонился предводитель рати,
Припал устами к перстню и печати.

Домой велел полкам он повернуть,
Помчались кони, пожирая путь.

ЗАЛЬ ПРИЕЗЖАЕТ К САМУ

Михраб и Заль проведали заране
О том, что Сам идет дорогой брани.

Уехал гневный Заль, кляня судьбу,
Сгибая шею, выпятив губу.

Услышал Сам, что скачет ветроногий,
Что появился львенок на дороге.

Тут поднялись вельможи и стрелки,
Стяг Фаридуна вознесли полки.

С коня сошел Дастан отцу навстречу,
Пошел, предстал с поклоном, с доброй речью.

Тогда с обеих спешились сторон
Начальники, старейшины племен.

К ногам отца склонился Заль-воитель,
Но долго с ним не говорил родитель.

Вновь на коня сел всадник молодой, —
Казался он горою золотой.

Пред ним, пред юношей седоголовым,
Вся знать с сочувственным предстала словом,

Мол, повинись перед отцом родным,
Обидел ты его, — склонись пред ним...

Скакала знать без горя и тревоги,
Могучий Сам вступил в свои чертоги,

С коня сойдя, не отдохнув с пути,
Тотчас же сыну приказал войти.

Вошел Дастан, чтобы услышать речи,
Склонился до земли, расправил плечи,

Отца восславил, высоко вознес,
Ланиты орошая влагой слез:

«Да будет богатырь вовек счастливым!
Ты служишь правде сердцем прозорливым, —

Лишь я в тебе опоры не найду,
Хотя и славен я в твоем роду.

Явил ты правду и земле и людям,
Ты время осчастливил правосудьем,

А мне какой ты приготовил дар?
Чтобы обрушить на меня удар,

Мазандеран ты с воинством покинул, —
Как видно, правосудье ты отринул!»

Поняв: упрек Дастана справедлив,
Стоял воитель, руки опустив.

«Да, — Сам промолвил, — правда — твой
свидетель,
В твоих словах — одна лишь добродетель.

Увидел ты обиду от отца,
И радуются недругов сердца.

Мечтал: исполню я твое желанье,
Ко мне ты прибыл, испытав страданье,

Но успокойся, жди, не горячась:
Твое устрою дело в добрый час.

Властителю земли письмо составлю,
С тобой, искатель радости, отправлю,

Все доводы царю я приведу,
Чтоб он склонился к правому суду.

Когда нам другом царь вселенной будет —
Исполнит нашу просьбу, не осудит».

САМ ПИШЕТ ПИСЬМО МАНУЧИХРУ

Затем писца призвали во дворец,
Услышал речи мудрые писец.

Восславил Сам того, кто бесконечен,
Того, кто был всегда, кто есть, кто вечен,

Кто нам явил владычество свое,
Добро, и зло, и смерть, и бытие,

Кто создал мир с закатом и восходом,
С кружащимся над миром небосводом,

Кто — повелитель солнца, всех светил,
Кто Манучихра славой осенил.

«Я — раб, одним лишь возрастом богатый,
Вступил с отвагой в год шестидесятый.

Пыль ка́мфары — на голове моей: *
Так я увенчан солнцем наших дней.

Я прожил жизнь свою в броне и шлеме,
В боях с твоими недругами всеми.

В таких трудах немало лет прошло,
Конь для меня — земля, мой трон — седло.

Сломил я силою своих ударов
Мазандеран и землю гургасаров.

Тебе я счастье добывал в борьбе,
Ни разу не напомнив о себе.

Но, государь, ты видишь: я старею,
Я палицей, как прежде, не владею.

И плечи, и могучий стан, и грудь
Сумели годы властные согнуть.

Аркан мой отняло седое время,
Шести десятков лет мне тяжко бремя.

Я ныне Залю уступил черед, —
Пусть в руки меч и палицу берет.

Он с просьбою придет к царю вселенной,
Он явится с мечтою сокровенной,

Угодной богу, ибо твой удел,
О царь земли, — защита добрых дел.

Сомненья нет, известно властелину,
Какой обет я дал когда-то сыну.

Его желанье для меня — закон.
Он мне сказал, обидой уязвлен:

«Ты весь Амул на виселицу вздерни,
Но лишь не вырывай Кабула корни».

Пойми: питомец птичьего гнезда,
Он рос, людей не видя никогда,

И вот пред ним луна, краса Кабула,
Своей цветущей прелестью сверкнула.

Не диво, что влюбленный одержим,
Ты гневом не грози ему своим.

Я с сердцем проводил его тяжелым.
Когда предстанет он перед престолом,

Как царь, ответствуй сыну моему:
Не мне, рабу, тебя учить уму».

Поднялся Заль, охваченный волненьем,
Письмо отца схватил он с нетерпеньем,

Пошел, вскочил в седло, помчался вскачь,
И загремел вослед ему трубач.

СИНДУХТ ОТПРАВЛЯЕТСЯ К САМУ

Когда в Кабул проникли злые вести,
Исполнился Михраб вражды и мести,

На Рудабу разгневавшись, вскипев,
На голову жены излил он гнев.

Сказал он: «Таково мое решенье.
Не мне с царем земли вступать в сраженье.

Тебя и дочь порочную твою
При всем собранье я сейчас убью.

Быть может, царь земли свой гнев умерит,
Когда в мою покорность он поверит!»

Угрозу мужа выслушав, жена
Уселась, в скорбь свою погружена.

Подумав, молвила: «Послушай слово.
Ужели нет нам выхода иного?

Казной пожертвуй, чтоб себе помочь.
Пойми, чревата горем эта ночь,

Но день придет, спадет покров тумана,
И мир сверкнет, как перстень Бадахшана» *.

А царь: «Не склонен я к таким речам,
Старинных сказок не болтай мужам!

За жизнь борись, когда ее ты ценишь,
Не то кровавый саван ты наденешь».

«О царь, — Синдухт заговорила вновь, —
Мою, быть может, не прольешь ты кровь.

Мне к Саму бы пойти, извлечь из ножен
Меч разума: он более надежен.

О жизни я заботиться должна,
С тебя же только спросится казна».

Царь молвил: «Ключ получишь без препятствий;
Жалеть не стану о своем богатстве.

Бери престол, венец, рабов, коней,
В дорогу отправляйся поскорей, —

А вдруг наш город шах не ввергнет в пламя,
Погасший свет опять взойдет над нами!»

Услышал именитый от жены:
«Ты жизни хочешь? Не жалей казны!»

Надела бархат и парчу царица.
Блеск жемчугов и яхонтов струится!

Взяла, чтоб одарить богатыря,
Динаров тридцать тысяч у царя;

И десять скакунов, одетых в злато;
И десять — разукрашенных богато;

И шестьдесят блиставших красотой
Рабынь: у всех по чаше золотой.

Венец в алмазах, в славе царской власти;
И множество серег, цепей, запястий;

В рубинах, в жемчугах — престол царя,
А золото престола, как заря.

Он в целых двадцать пядей шириною,
Он всаднику подобен вышиною;

Немало всяких тканей и ковров
Навьючили на четырех слонов.

Затем вскочила на коня царица:
Могла с отважным витязем сравниться!

Торжественно приехала в Забул.
Когда ее заметил караул, —

Немедленно, себя не называя,
Велела доложить владыке края,

Богатырю, чьи славятся дела,
Чтоб принял он кабульского посла.

Так доложил завесы охранитель, —
Впустить посланца приказал воитель.

Синдухт сошла с коня, пошла вперед,
И величавым был ее приход.

Пред полководцем прах облобызала,
С достоинством хвалу ему сказала.

Тянулся караван — за рядом ряд —
На два фарсанга от дворцовых врат.

Свои дары преподнесла царица, —
У Сама стала голова кружиться,

Он голову, как пьяный, опустил,
Руками он колени обхватил.

«Не счесть богатств! — он думал, пораженный, —
Ужель теперь послами стали жены!

Богатство это от нее приняв,
Обижу я властителя держав,

А крикну ей: «Даров не надо сыну», —
Заль, как Симург, умчится на вершину!»

Подняв главу, сказал: «Рабы, слоны,
И кони, и сокровища казны

Пусть будут достоянием Дастана —
От имени луны Кабулистана!»

Свалилась тяжесть у царицы с плеч,
Пред ликом Сама к ней вернулась речь.

С ней было три кумира, три рабыни, —
Взглянув на них, ты вспомнишь о жасмине, —

В руке у них — по чаше золотой,
Каменья в них сверкали красотой.

Они каменья высыпали разом,
Смешали жемчуг с лалом и алмазом.

«От посторонних, — отдал Сам приказ, —
Дворец очистить надобно тотчас».

Синдухт сказала: «Славен ты недаром!
Твой разум юность возвращает старым.

Ты наставляешь мудрости вельмож,
Ты озаряешь мрак и гонишь ложь.

Твоей печатью зло запечатленно,
И палица твоя благословенна!

Михраб, я допускаю, виноват,
Он плачет кровью, он тоской объят,

Но в чем виновны жители Кабула?
Зачем над ними сталь твоя блеснула?

Моя страна живет одним тобой,
У ног твоих она лежит слугой.

Страшись того, кто создал ум и силу,
Кто каждому велел сиять светилу.

Побойся бога! Разве ты злодей,
Чтоб проливать напрасно кровь людей?»

Сказал ей Сам: «Всю правду говори ты,
Спрошу — ответь, но только не хитри ты.

Михрабу ровня ты или раба?
Где свиделись Дастан и Рудаба?

Скажи: под стать ли Рудаба владыкам
По нраву, по уму, кудрями, ликом?

Разумна ли, красива ли она?
Ты обо всем поведать мне должна».

Ответила Синдухт: «Воитель правый,
Глава богатырей, оплот державы!

Сперва мне вечной клятвой поклянись,
Такой, чтоб содрогнулись прах и высь,

Что не обрушится твое злодейство,
Ни на меня, ни на мое семейство.

Имеются чертоги у меня,
Есть и казна, и слуги, и родня,

Когда я гнева твоего не встречу,
На все твои вопросы я отвечу.

Все, что Кабул таинственно замкнул,
Я постараюсь отвезти в Забул».

Воитель руку ей пожал сердечно
И, обласкав, поклялся ей навечно.

Царица, услыхав его ответ,
Прямую речь и клятвенный обет,

Склонясь к ногам богатыря сначала,
Приподнялась и тайну рассказала:

«Узнай же: от Заххака рождена,
Отважного Михраба я жена.

Я — мать царевны этой тонкостанной,
Которой отдана душа Дастана.

Чтобы узнать, кто враг тебе, кто друг
И что замыслил ты, пришла я вдруг.

Коль мы виновны, рода мы дурного,
Коль не достойны мы родства такого,

Так вот я пред тобой, полна скорбей:
Коль вяжешь, так вяжи, коль бьешь, так бей.

Но ты не мсти кабульцам неповинным,
Не мрак ночной, а светлый день яви нам».

Воитель понял, что она умна, —
С душою светлой чистая жена.

«Пусть жизнь моя, — сказал он, — оборвется,
Я не нарушу клятву полководца.

И ты, и весь Кабул, и весь твой род
Живите без печалей и невзгод.

Согласен я, союз детей устрою,
Да станет Залю Рудаба женою.

Иного корня вы, но час пришел:
Вы заслужили царство и престол.

Так создан мир, и в этом нет позора,
Бессмысленна с творцом борьба и ссора.

Письмо я написал владыке стран,
В письме — мольба и боль душевных ран.

Заль полетел к царю с челом подъятым,
Так полетел, как будто стал крылатым!

На то письмо властитель даст ответ:
Он улыбнется — мы увидим свет.

Птенец Симурга ранен в сердце ныне,
От слез его увязли ноги в глине!

Коль Рудаба страдает, как жених,
То места нет обоим средь живых!

А ты мне покажи ее ланиты, —
Прошу, за это дань с меня возьми ты!»

Ответила Синдухт богатырю:
«Даруй мне милость — сердце озарю,

Взовьется до небес мой дух убогий,
Когда в мои пожалуешь чертоги.

Приди под сень кабульского дворца,
И в дар тебе мы принесем сердца».

Сам улыбнулся. Поняла царица,
Что гнев исчез и нечего страшиться.

Отправила проворного посла,
Благую весть Михрабу подала:

«Тревоги прогони, пришла отрада,
Готовься, ибо гостя встретить надо.

Я тоже медлить не хочу в пути,
Вослед письму я поспешу прийти».

Наутро, лишь забил родник рассвета,
Синдухт, в парчу и золото одета,

Направилась неспешно во дворец,
К богатырю, чей воссиял венец.

Когда она к престолу приближалась,
Луной владычиц всем она казалась!

Склонилась перед Самом до земли,
Слова из уст царицы потекли:

Просила дозволения царица
Домой, в Кабул, с весельем возвратиться.

Сказал ей Сам: «Вернись в родимый край,
Михрабу все, что знаешь, передай».

Велел он одарить царицу щедро
Сокровищами, что таили недра,

И тем, что было ценным во дворцах,
Что на полях росло, цвело в садах,

Скотом молочным, тканями, коврами
И прочими достойными дарами.

Он руку соизволил ей пожать
И слово клятвы произнес опять,

Что дочь ее берет он Залю в жены;
Отправил с ней отряд вооруженный;

Сказал: «Живи отрадно и светло,
Кабулу не грозит отныне зло».

Поблекший лик луны расцвел на диво,
Синдухт пустилась в путь с душой счастливой.

ЗАЛЬ ПРИЕЗЖАЕТ С ПИСЬМОМ ОТЦА К МАНУЧИХРУ

Теперь о Зале мы слова начнем:
Он к Манучихру поскакал с письмом.

Едва лишь весть дошла до властелина
О том, что Сам с письмом направил сына,

Вельможи вышли юношу встречать,
Воителя приветствовала знать.

Заль, во дворец войдя, склонился к праху
И произнес хваленье шаханшаху.

Лицо держал во прахе, недвижим, —
Беззлобный царь был очарован им.

Поднялся юный Заль и встал у трона,
Владыка принял Заля благосклонно,

Взял у него письмо, повеселев,
Смеясь, ликуя, сердцем просветлев.

Прочтя, сказал: «Ты мне забот прибавил,
Тревожиться, печалиться заставил.

Отрадно все ж читать моим глазам
То, что прислал мне с болью старый Сам.

Хотя в душе не улеглась тревога,
Ни мало не задумаюсь, ни много,

Исполню я желания твои:
Я знаю упования твои!»

Тут появились повара у входа,
За трапезу воссел глава народа,

А после, — было так заведено, —
В другом покое стали пить вино.

Дастан, вином насытясь и едою,
Сел на коня с уздечкой золотою.

Всю ночь не спал: пылала голова,
Сомненья в сердце, на устах слова.

Стан затянув, пришел он утром рано
К победоносному царю Ирана,

А царь призвал на Заля благодать.
Когда же удалился Заль опять,

Владыка повелел собраться вместе
Мобедам седокудрым — стражам чести,

Вельможам, звездочетам, мудрецам,
С вопросом обратиться к небесам.

Ушли мобеды, много потрудились,
По звездам тайну разгадать стремились.

Три дня тянулось дело, но пришли,
Румийские таблицы принесли *,

Уста раскрыли пред главой народа:
«Исчислили вращенье небосвода

И волю звезд узнали мы тогда:
Не замутится чистая вода.

У Рудабы и Заля величавый
Родится витязь — гордый, с доброй славой.

Он будет долголетьем обладать.
Он явит силу, разум, благодать,

Высокий стан, могучее сложенье,
Всех на пиру затмит он и в сраженье,

Внушит он трепет всем царям земным,
И не дерзнет орел парить над ним.

Тебе служить он будет мощью бранной,
Опорой будет всадникам Ирана».

Ответил мудрецам царей глава:
«Храните в тайне вещие слова».

ВОПРОСЫ МОБЕДОВ И ОТВЕТЫ ЗАЛЯ

Был призван шахом Заль седоволосый,
Чтоб задали жрецы ему вопросы.

Мобеды сели, бодрые душой,
А перед ними — витязь молодой:

Он должен дать на те слова ответы,
Что пологом таинственным одеты.

Сказал один мобед, к добру влеком,
Воителю, богатому умом:

«Двенадцать видел я деревьев стройных,
Зеленых, свежих, похвалы достойных,

На каждом — тридцать веточек растет,
Вовеки неизменен этот счет».

Другой воскликнул: «Отпрыск благородных!
Погнали двух коней, двух быстроходных.

Несется первый, черный, как смола,
А масть другого, как хрусталь, светла.

Торопятся, бегут они далече,
Но первый со вторым не сыщет встречи».

Промолвил третий: «Тридцать седоков
Пред шахом скачут испокон веков.

Один — всмотрись получше — исчезает,
Но их число вовек не убывает».

Сказал четвертый: «Пред тобою — луг.
Шумят ручьи, трава растет вокруг.

Могучий некто с острою косою,
Придет на луг, сияющий красою,

Все, что цветет, что высохло давно,
Не внемля просьбам, скосит заодно».

«Подобно камышам, — промолвил пятый, —
Два кипариса из воды подъяты,

На каждом птица свой свивает дом,
Днем — на одном, а ночью — на другом.

Слетит с того — и ветви вдруг увянут,
На это сядет — сладко пахнуть станут.

Один — вечнозеленый кипарис,
Другой — в печали чахнет, глядя вниз».

Сказал шестой: «Богат водой проточной,
Средь горных скал воздвигнут город прочный.

Но люди той заоблачной земли
Ему пески пустыни предпочли.

Дома в сухой степи тогда возникли,
Тогда рабы и господа возникли.

Забыли все о городе в горах,
Воспоминанья превратили в прах.

Но раздается гул землетрясенья,
Их область гибнет, людям нет спасенья, —

Тогда-то город вспоминают свой,
Тогда-то жребий проклинают свой.

Слова жрецов за пологом сокрыты.
Их смысл раскрой, их сущность разъясни ты.

Когда ж постигнешь их, о витязь наш,
Из праха чистый мускус ты создашь!»

Заль вдумался в таинственные речи,
Обдумав, он расправил грудь и плечи,

Затем открыл свои уста, готов
Ответить на вопросы мудрецов;

«Дерев двенадцать названо вначале,
На каждом — тридцать веток насчитали.

Двенадцать месяцев являет год, —
На смену шаху новый шах идет, —

А каждый месяц тридцать дней приводит:
Так времени вращенье происходит.

Теперь скажу: какие два коня
Летят подобно божеству огня?

Конь белый — день, а черный — тьма ночная.
Бегут они, чреды не изменяя.

Проходит ночь, за нею день пройдет:
Так движется над нами небосвод.

При солнце встречи нет и нет во мраке:
Бегут подобно дичи от собаки.

Теперь: какие тридцать седоков
Пред шахом скачут испокон веков?

Один из них все время исчезает,
Но всадников число не убывает.

Луну сменяет новая луна:
Такая смена богом создана.

Луна идет на убыль постепенно,
А все ж она вовеки неизменна.

Теперь скажу я, — пусть поймут везде, —
О кипарисах с птицею в гнезде.

Меж двух созвездий — Овном и Весами —
И тьма и мрак сокрыты небесами,

Но лишь к созвездью Рыбы мир придет, —
И тьма и мрак откроются с высот.

Два кипариса — две небесных части,
В одной — печаль, в другой находим счастье.

А птица — это солнце: всякий час
Оно и любит нас и губит нас.

Спросил о горном городе учитель:
То — наша постоянная обитель.

Мы временно живем в степи сухой,
С ее отрадой и с ее тоской.

Она щедроты нам несет и прибыль,
Она заботы нам несет и гибель.

Землетрясенье, буря, — в этот миг
Взволнован мир, он поднимает крик,

Твой труд заносится песком пустыни,
Ты переходишь в город на вершине.

Другой начнет владеть твоим трудом,
Но так же он уйдет, как мы уйдем.

Да, нашей жизни такова основа,
Так было, так пребудет — вечно ново.

В дорогу имя доброе возьми,
Тогда прославлен будешь ты людьми,

А если ты хитер, бесчестен, жаден,
Воистину конец твой безотраден.

Хотя б до неба ты воздвиг дворец,
Лишь в саване ты встретишь свой конец.

Ты ляжешь в страхе, с мертвыми очами,
Сокрыт в земле, покрытый кирпичами *.

На луг приходит человек с косой,
Траве он страшен свежей и сухой.

Он косит свежую, сухую косит
И тем не внемлет, кто пощады просит.

Да, время — наш косарь, а люди — луг,
Равны пред косарем и дед и внук,

Равны пред ним и молодость и старость,
Ища добычи, он впадает в ярость.

От века было так и будет впредь:
Рождается дитя, чтоб умереть.

Мы в эту дверь войдем, из той мы выйдем,
А пред собою косаря мы видим!»

В КАБУЛЕ ГОТОВЯТСЯ К ВСТРЕЧЕ ГОСТЕЙ

Умом Дастана восхитился шах,
Услышал мудрость он в его словах.

Собрал он столько ценностей отборных,
Что удивил дарами всех придворных:

Венец в алмазах, трон — как небеса,
Запястья, цепи, серьги, пояса,

Здесь были и одежды дорогие,
Рабы, и кони, и дары другие.

Затем ответил Саму шаханшах, —
Дивись: была отрада в тех строках!

«Отважный богатырь, воитель знатный!
Как лев, ты побеждаешь в битве ратной.

О Сам! Твое письмо ко мне пришло,
И стало на душе моей светло.

Я все исполнил, что тебе желанно,
Что было счастьем и мечтой Дастана».

Простился Заль с властителем держав,
Над витязями голову подняв.

Гонца отправил к Саму юный воин,
Мол, я подарков царских удостоен,

С престолом возвращаюсь и венцом,
С весельем в сердце, с радостным лицом.

Таким для Сама было это слово,
Что юношею стал седоголовый!

На скакуна гонцу велел он сесть,
Михрабу он послал благую весть,

И тот обрадовался несказанно
Родству с владыкою Забулистана,

Как будто мертвый снова жизнь постиг,
Как будто юным снова стал старик!

Послал он за женой прекраснолицей,
Беседовал он ласково с царицей:

«Хвала, супруга, твоему уму,
Ты светлой мыслью озарила тьму.

С таким богатырем ты породнилась,
Что даже венценосцам дарит милость.

Начало положила ты, жена,
И ты же дело завершить должна.

Все, чем богат дворец, — перед тобою:
Казна, престол, венец — перед тобою».

Синдухт, супруга выслушав слова,
Покои убрала для торжества.

Украсила айван, как своды рая,
Вино, шафран и амбру разливая.

Ковер златоузорный был раскрыт,
Сверкал в узоре каждый хризолит.

Другой раскрыла — в жемчугах отборных,
Блиставший, словно капли вод озерных.

Установила на айване трон, —
Китайский был обычай соблюден.

Узоры трона — камни дорогие,
Меж них — изображения резные,

Бегут ступени, яхонтом горя, —
То был богатый трон, престол царя!

Одела дочь в сверкающие платья,
На всех уборах вывела заклятья *,

В раззолоченный увела покой,
Куда не мог проникнуть взор людской.

Кабулистан украсился богато,
Был полон красок, блеска, аромата.

Потребовали множество рабов,
Убрали спины боевых слонов,

Воссели барабанщики с певцами,
Украсили чело свое венцами,

Чтобы гостей с почетом привести,
Бросая злато, мускус на пути.

ЗАЛЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ЗАБУЛ

Как быстрый челн в реке, как в небе птица,
Дастан спешил, не мог остановиться.

Узнав, что прибыл богатырь земли,
Торжественно встречать его пошли.

Звенели во дворце забульском крики:
«Вернулся Заль счастливый, солнцеликий!»

Воитель Сам явился впереди,
Он долго сына прижимал к груди.

Освободившись из его объятий,
Поведал Заль о царской благодати.

Веселье, счастье старый Сам обрел,
Взошел он вместе с сыном на престол.

То улыбаясь, то улыбку пряча,
Сказал, что сына ждет во всем удача:

«К нам из Кабула, разума полна,
По имени Синдухт пришла жена.

Потребовала слова — дал ей слово,
Что зла не причиню ей никакого.

Просила ей помочь от всей души —
Ответы наши были хороши.

Просила, чтоб луна Кабулистана
Женою стала нашего Дастана.

Просила посетить ее жилье,
Чтоб от недуга исцелить ее.

Сейчас ее посол принес нам слово,
Что к торжеству в Кабуле все готово.

Каким же будет разговор с послом?
Какой ответ Михрабу мы пошлем?»

Был счастлив Заль, — тревоги все забыты,
Зарделись, как рубин, его ланиты.

И понял Сам, на Заля бросив взгляд,
Каким желаньем сын его объят:

Одна лишь Рудаба ему желанна,
Обман — все остальное для Дастана!

ЗАЛЬ ЖЕНИТСЯ НА РУДАБЕ

Велел раскрыть завесу старый Сам,
Велел звенеть звонкам и бубенцам,

Велел послу поехать на верблюде, —
Пусть знает царь Михраб, пусть знают люди,

Что полководец двинулся вперед:
С Дастаном, с малым войском он придет.

Над городом — звонков индийских звоны,
И чангов голоса, и лютней стоны.

Скажи: запели крыши, ворота,
Земля сияньем новым залита!

Игривы кони, челки их красивы,
Умащены душистой амброй гривы.

Синдухт навстречу вышла, а вокруг —
Рабыни, что готовы для услуг.

Несли рабыни чаши золотые,
А в чашах — мускус, камни дорогие.

Тут раздались хваленья двум гостям,
Посыпались каменья к их ногам.

Кто принял в этом торжестве участье,
Обрел богатство, и восторг, и счастье!

С улыбкою царице молвил Сам:
«Ты скоро ль Рудабу покажешь нам?»

Ответила Синдухт: «А где подарки
За то, что взглянешь ты на светоч яркий?»

«Проси, что хочешь, ты, — воскликнул Сам, —
Все, чем владею, я тебе отдам!»

Пошли к раззолоченному покою,
Чтоб встретиться с цветущею весною.

Сам, восхищенный яркой красотой,
Вдруг замер пред царевной молодой.

Он слов не находил для восхваленья,
Он глаз не отводил от изумленья.

Позвал Михраба, радостью объят, —
Союз скрепили, совершив обряд.

Влюбленных усадив на трон единый,
Посыпали алмазы и рубины.

Венец луны — в каменьях дорогих,
В короне золотой сиял жених.

Велел Михраб внести заветный свиток, —
Да знают все сокровищ преизбыток!

Он список вслух прочел. Ты скажешь тут:
«Все это слушать уши не дерзнут!»

Все вышли к месту пира и веселий.
Семь дней они с вином в руках сидели,

Затем они сидели во дворце, —
Счастливых три недели во дворце!

Собравшись в путь, уехал Сам вначале:
Его в Систан дела сраженья звали.

А Заль, стремясь веселье растянуть,
Собрался через три недели в путь.

Луну Кабула он увез оттуда, —
Под паланкин поставил он верблюда.

Уехали с отрадой из дворца,
Восславив милосердного творца.

Сияя счастьем брачного союза,
Дошли с весельем в сердце до Нимруза.

Тут Залю Сам вручил венец, престол,
Свои войска в сражение повел:

На гургасаров, под счастливым стягом,
В поход пошел он, озаренный благом.

Сказал: «Я опасаюсь той страны,
Где очи и сердца нам не верны.

От них, проклятых, — смута постоянно,
Сражусь я с нечистью Мазандерана!»

Герой всепобеждающий ушел,
Вступил Дастан-властитель на престол.

РОЖДЕНИЕ РУСТАМА

Не много с той поры минуло весен, —
Стал кипарис высокий плодоносен.

Отяжелела будущая мать,
Румянца на ланитах не видать.

Не зная сна, несла под сердцем бремя,
И день пришел: родов приспело время.

В беспамятстве упала в тяжкий миг,
И вот раздался на айване крик:

Рыдала Рудаба, в тоске сгорая,
Свое лицо и косы раздирая.

До Заля эти вопли донеслись,
Услышал он, что страждет кипарис.

К супруге подошел он, к изголовью,
Глаза в слезах, облито сердце кровью,

Но, вспомнив, про Симургово перо,
Сказал царице: «К нам придет добро».

Разжег жаровню в комнате царицы
И опалил перо священной птицы.

Настала тьма нежданная вокруг,
Симург могучий появился вдруг,

Подобно облаку с жемчужной влагой, —
Но то не жемчуг был, — то было благо!

Спросил: «О чем тоскуешь ты сейчас?
Зачем ты слезы льешь из львиных глаз?

От пери сереброгрудой, луноликой
На свет родится богатырь великий.

Он барса криком приведет в испуг, —
И шкура в клочья разлетится вдруг,

И, прячась от воителя в чащобе,
Грызть когти будет барс в бессильной злобе.

Пред ним склонится лев, целуя прах,
Отпрянет вихрь, пред ним почуяв страх.

Скорее приведи ты ясновидца,
С кинжалом должен он сюда явиться.

Сперва луну вином ты опьяни,
Из сердца страх и горе прогони.

Он чрево рассечет, исполнен знанья, —
Не причинит жене твоей страданья.

Разрежет, окровавит он живот,
Из логова он львенка извлечет.

Затем зашьет он чрево луноликой, —
Избавишься от горести великой.

Смешаешь мускус, молоко, траву,
Которую тебе я назову,

Смесь растолчешь, просушишь утром рано,
Приложишь, — заживет мгновенно рана.

Затем потри ее моим пером, —
Познаешь благо под моим крылом.

Затем возрадуйся, прогнав тревогу,
Затем с молитвой обратись ты к богу:

Он древо царства для тебя взрастил,
Вечноцветущим счастьем наградил.

Забудь свою печаль, свои сомненья:
Получишь плод от этого цветенья».

Сказав, перо он вырвал из крыла
И, бросив, прянул в небо, как стрела.

Перо Симурга поднял седокудрый,
Исполнил Заль советы птицы мудрой.

Синдухт рыдала, муку обретя:
Из чрева скоро выйдет ли дитя?

Пришел мобед и влагу дал хмельную,
Искусный лекарь усыпил больную,

Рассек без боли чрево, заглянул,
Младенцу он головку повернул

И бережно извлек его оттуда, —
Никто не видывал такого чуда!

То мальчик был, но был он силачом,
Могуч сложеньем и красив лицом.

Дивились все его слоновой стати:
Никто не слышал о таком дитяти!

На сутки усыпленная вином,
Спала царевна безмятежным сном,

Не слышала, как рану ей зашили,
И снадобьем от боли излечили.

Очнулась луноликая от сна,
И обратилась к матери она.

Ей золото и жемчуга на ложе
Посыпали, хваля величье божье.

Тотчас же ей ребенка принесли, —
Сиял, как небожитель, сын земли!

И улыбнулась Рудаба дитяти:
Он был исполнен царской благодати!

Сказала: «Спасена я! Би-растам!»
Отсюда имя мальчика: Рустам.

Из шелка сшили куклу, ростом с львенка, —
Похожую на этого ребенка.

Набили куклу шерстью дорогой,
Украсив щеки солнцем и звездой.

Драконов на предплечьях начертили,
Персты когтями львиными снабдили,

Под мышки положили ей копье,
Поводья, палица — в руках ее.

На лошади, — вокруг была охрана, —
Отправили подобье мальчугана.

Осыпали дирхемами послов,
Верблюд помчался с вьюками даров.

Когда увидел Сам, воитель знатный,
Подобье внука с палицей булатной, —

Остолбенел, возликовал старик,
Воскликнул: «Эта кукла — мой двойник!

Пусть даже будет ей мой внук по пояс, —
Осядут облака, на нем покоясь!»

Затем потребовал к себе посла
И дал ему динаров без числа.

Затем такой устроил пир чудесный,
Что удивился даже свод небесный.

Затем он Залю написал ответ,
Благоухавший, словно райский цвет.

Вначале он воздал творцу хваленье,
Приветствуя судьбы круговращенье.

Потом он Залю написал хвалы,
Владыке палицы, меча, стрелы.

Писал о кукле, силой наделенной
И царской благодатью осененной:

«Дитя храните так, чтоб на порог
С бедой прийти не смел и ветерок».

САМ ПРИЕЗЖАЕТ К РУСТАМУ

Над головой вселенная вращалась,
Судьбы предначертанье открывалось.

Высокий станом, к девяти годам
Подобным кипарису стал Рустам.

Ты скажешь: с дедом, витязем великим,
Он сходен статью, разумом и ликом.

Услышал Сам крылатую молву,
Что сын Дастана стал подобен льву.

Забилось сердце Сама громким стуком,
И пожелал он свидеться со внуком.

Над воинством назначил он вождя,
Ушел, людей бывалых уведя.

Дастан велел ударить в барабаны,
Закрыли землю воинские станы.

А сам с Михрабом поскакал верхом,
Спеша предстать перед седым отцом.

Огромный слон был к витязю направлен,
Был золотой престол на нем поставлен,

Воссел на троне отрок дорогой,
Плечист, могуч, со львиною рукой,

Венец на голове, кушак на стане,
Пред грудью щит, и палица во длани.

Отважный Сам приехал, — и тогда
Построились дружины в два ряда.

Сошли с коней кабульский царь с Дастаном,
Все, что гордились возрастом и саном,

Пред полководцем распростерлись ниц,
Воздали Саму славу без границ.

Расцвел, как роза, рассмеялся звонко
Воитель Сам, когда увидел львенка.

Велел, чтоб на слоне подъехал он.
Венцом, щитом и троном умилен,

Поцеловал дитя в глаза и брови.
Замолкли барабаны, рев слоновий.

Затем к дворцу направили коней,
Был весел путь, а речи — веселей.

Дед восхищался внуком громогласно,
Благословлял Рустама ежечасно.

Хмелели, чаши поднося к устам:
«Будь счастлив, Заль! Да здравствует Рустам!»

В день новолунья, в месяц благодатный,
Задумал Сам пуститься в путь обратный.

Он выехал, счастливый, из ворот,
С ним Заль один проделал переход.

«Мой сын, — сказал отважный Сам Дастану, —
Будь правосуден, чуждым будь обману.

Царям ты внемлешь, царский чтишь престол,
Богатству — светлый разум предпочел,

Ты с юных лет отринул зла дорогу,
И впредь иди путем, угодным богу,

Затем, что скоро ждет разлука нас,
Боюсь я сердцем, что настал мой час».

Душою молчалив и жарок речью,
Воитель поскакал боям навстречу.

А Заль, оставив за собой Забул,
Свои полки к Систану повернул.

После смерти Манучихра на иранский престол вступил его сын Ноузар, вызвавший в стране недовольство неразумным правлением.

Во время войны с Тураном Ноузар попал в плен, и туранский шах Афрасиаб казнил его. Иран остался без правителя, так как вельможи и князья отказались допустить на престол сыновей Ноузара — Туса и Густахма.

Заль отправил юного Рустама на гору Албурз, и тот привез отпрыска древних царей Кей-Кубада, которого возвели на иранский трон. Кей-Кубаду наследовал его сын Кей-Кавус. Воссев на престол, Кей-Кавус отправился походом в Мазандеран, где попал в плен вместе со всем иранским воинством. Пленных выручил Рустам, по пути в Мазандеран совершив семь сказочных подвигов. Он убил страшное чудовище — Белого дива и спас из плена Кей-Кавуса. После этого Кей-Кавус вторгся в страну Хамаваран и женился на дочери шаха — Судабе. Но его тесть обманным путем завлек Кей-Кавуса в столицу и захватил в плен. И на этот раз его освободил из плена Рустам.

Но гордыня не покидала Кей-Кавуса, и дивы внушили ему мысль подняться в небо, чтобы укрепить там свое могущество. Кавус повелел привязать к паланкину четырех голодных орлов и подвесить перед ними куски мяса. Орлы подняли паланкин в воздух, но вскоре ослабели и сбросили шаха в отдаленном лесу. Оттуда он был вывезен Рустамом.

Вслед за этим следует сказание о битве Рустама со своим сыном Сухрабом.

Рустам
и Сухраб

Теперь я о Сухрабе и Рустаме
Вам расскажу правдивыми устами.

Когда палящий вихрь пески взметет
И плод незрелый на землю собьет, —

Он прав или неправ в своем деянье?
Зло иль добро — его именованье?

Ты правый суд зовешь, но где же он?
Что — беззаконье, если смерть — закон?

Что разум твой о тайне смерти знает?..
Познанья путь завеса преграждает.

Стремится мысль к вратам заветным тем...
Но дверь не открывалась ни пред кем.

Не ведает живущий, что найдет он
Там, где покой навеки обретет он.

Но здесь — дыханье смертного конца
Не отличает старца от юнца.

Здесь место отправленья в путь далекий
Влачимых смертью на аркане рока.

И это есть закон. Твой вопль и крик
К чему, когда закон тебя настиг?

Будь юношей, будь старцем седовласым —
Со всеми равен ты пред смертным часом.

Но если в сердце правды свет горит,
Тебя в молчанье мудрость озарит.

И если здесь верна твоя дорога,
Нет тайны для тебя в деяньях бога.

Счастлив, кто людям доброе несет,
Чье имя славой доброй процветет!

Здесь расскажу я про отца и сына,
Как в битву два вступили исполина.

Рассказ о них, омытый влагой глаз,
Печалью сердце наполняет в нас.

ОХОТА РУСТАМА И ЕГО ВСТРЕЧА С ШАХОМ САМАНГАНА

Я, от дихкан слыхав про старину,
Из древних сказов быль соткал одну:

Открыл Рустаму как-то муж молитвы
Дол заповедный, место для ловитвы.

С рассветом лук и стрелы взял Рустам,
Порыскать он решил по тем местам.

На Рахша сел. И конь, как слон могучий,
Помчал его, взметая прах сыпучий.

Рустам, увалы гор преодолев,
В Туран вступил, как горделивый лев.

Увидел рощу, травяное поле
И там — онагров, пасшихся на воле.

Зарделся лик дарителя корон
От радости. И рассмеялся он.

Погнал коня за дичью дорогою,
Ловил арканом, настигал стрелою.

И спешился, и пот с лица отер,
В тени деревьев разложил костер.

Ствол дерева сломил слоновотелый,
Огромный вертел вытесал умело.

И, насадив онагра целиком
На вертел тот, изжарил над костром.

И разорвал, и съел всего онагра,
Мозг выбил из костей того онагра.

Сошел к ручью, и жажду утолил,
И лег, и обо всем земном забыл.

Пока он спал в тени, под шум потока,
Рахш на лужайке пасся одиноко.

Пятнадцать конных тюрков той порой
Откуда-то скакали стороной.

Следы коня на травах различили
И долго вдоль ручья они бродили.

Потом, увидев Рахша одного,
Со всех сторон помчались на него.

Они свои арканы развернули
И Рахшу их на голову метнули.

Когда арканы тюрков увидал,
Рахш, словно лютый зверь, на них напал.

И голову он оторвал зубами
У одного, а двух убил ногами.

Лягнул, простер их насмерть на земле,
Но шея Рахша все ж была в петле.

И тюрки в город с пленником примчались.
Все горожане Рахшем любовались.

В табун коня-красавца отвели,
Чтоб жеребята от него пошли.

Я слышал: сорок кобылиц покрыл он,
Но что одну лишь оплодотворил он.

Проснулся наконец Рустам и встал.
И Рахш ему ретивый нужен стал.

Он берег обошел и дол окрестный;
Но нет коня, и где он — неизвестно.

Потерей огорченный Тахамтан *
Пошел в растерянности в Саманган.

И думал горестно: «Теперь куда я
Отправлюсь пеший, от стыда сгорая,

Кольчугой этой грузной облачен,
Мечом, щитом и шлемом отягчен?

Как выдержу я тяжкий путь в пустыне?
Ведь радоваться будут на чужбине,

Враги смеяться будут, что Рустам
Проспал коня в степи и сгинул сам.

Вот мне пришлось в бессилии признаться!
Мне из печали этой не подняться.

Но все же препояшусь и пойду;
Быть может, хоть следы его найду...»

Седло и сбрую он взвалил на плечи,
Вздохнул: «О муж, непобедимый в сече!

Таков закон дворца, где правит зло:
То — ты в седле, то — на тебе седло».

Кипели мысли в нем, как волны моря.
Пошел и на следы напал он вскоре.

Он в Саманган пришел. Там — у ворот,
Узнав, его приветствовал народ.

Весть небывалая достигла шаха
И всех вельмож — носителей кулаха,

Что исполин Рустам пришел пешком,
Что по следам идет он за конем.

Столпились все, ему навстречу выйдя,
И изумились все, его увидя.

И восклицали: «Это кто? Рустам?
Иль это солнце утреннее там?»

Почетным строем воинство построя,
Рустама шах с поклоном встретил стоя.

Спросил: «Ответь нам, о вселенной цвет!
Кто нанести тебе решился вред?

Но здесь мы все добра тебе желаем,
Но все твоей лишь воли ожидаем.

Весь Саманган перед тобой открыт,
И все у нас тебе принадлежит!»

Рустам поверил, слыша это слово,
Что нет у шаха умышленья злого.

Ответил он: «В степи, пока я спал,
Неведомо куда мой Рахш пропал.

От той злосчастной речки безымянной
Следы ведут к воротам Самангана.

Дай повеленье разыскать коня.
Воздам я щедро, знаешь ты меня.

Но горе, если Рахш мой не найдется!
И слез и крови много здесь прольется».

Ответил шах: «О избранный судьбой!
Кто враждовать осмелится с тобой?

Будь нашим добрым гостем! Ты ведь знаешь —
Все будет свершено, как ты желаешь!

Сегодня пир тебя веселый ждет,
Сегодня отрешимся от забот.

Беду такую в гневе не исправить,
А лаской можно и змею заставить

Наружу выйти из норы своей.
Таких, как Рахш, в подлунной нет коней,

Его не спрячешь. Завтра, несомненно,
Найдем мы Рахша, пахлаван вселенной!»

И радовался Тахамтан-Рустам,
Внемля точившим мед царя устам;

Счел, что на пир к царю пойти достойно,
И во дворец вошел с душой спокойной.

Надеялся, что Рахша царь найдет,
Поверил, что коня он обретет.

Был гость на возвышение златое
Посажен с честью в царственном покое.

Вельмож и полководцев шах позвал,
Чтоб гость в кругу достойных восседал.

И приготовили столы для пира,
Украсили для пахлавана мира.

Чредою виночерпии пришли,
Кувшины вин и чаши принесли.

Плясуньи черноглазые влетели,
И зазвучали чанги и свирели.

И звуки сладких струн, и пляски дев
В груди Рустама погасили гнев.

Вот упился вином Рустам усталый,
И встал он — ибо время сна настало.

Тут отвели его на ложе сна,
Благоухающее, как весна.

И благодатным сном без сновидений
Почил он от трудов и треволнений.

ПОСЕЩЕНИЕ РУСТАМА ДОЧЕРЬЮ ШАХА. РУСТАМ БЕРЕТ В ЖЕНЫ ДОЧЬ ШАХА САМАНГАНА—ТАХМИНУ

Лишь стража ночи первая сменилась *
И звездной песней полночь огласилась,

Пред неким тайным словом отперлась
Дверь спальни и бесшумно подалась.

Рабыня со свечой благоуханной
Явилась там пред ложем Тахамтана.

За ней вошла прекрасная луна;
Как солнце дня, светла была она.

Два лука — брови, косы — два аркана,
В подлунной не было стройнее стана.

Пылали розы юного лица,
Как два прекрасных амбры продавца,

Ушные мочки, словно день, блистали,
В них серьги драгоценные играли.

Как роза с сахаром — ее уста:
Жемчужин полон ларчик нежный рта.

Она рубином перлы прикрывала,
Вся, как звезда любви, она сияла.

Безгрешна телом, мудрая душой —
Она казалась пери неземной.

Рустам, ее увидя, в удивленье
Вознес творцу молитву восхваленья.

Потом спросил он: «Как тебя зовут?
Чего ты темной ночью ищешь тут?»

«Я Тахмина, — красавица сказала. —
Мечом печаль мне сердце растерзала.

Я дочь царя. Мой благородный род
От львов и тигров древности идет.

Нет средь царей мне пары во вселенной, —
Средь жен и дев слыву я несравненной,

Хоть, кроме слуг ближайших и отца,
Никто не видел моего лица.

С младенчества я о тебе узнала,
С волнением рассказам я внимала,

Как пред могучею твоей рукой
Трепещут лев, и тигр, и кит морской;

Как темной ночью ты — и утром рано —
Охотишься один в степях Турана,

Онагров жаришь над своим костром,
Среди врагов проходишь белым днем,

В пустыне спишь, где хочешь, — крепким сном,
И небо стонет пред твоим мечом.

Когда ты палицей своей играешь,
Ты сердце льва в смятенье повергаешь.

Орел, увидев лук в руке твоей,
Добычу выпускает из когтей.

Твоей стрелою кит смертельно ранен,
И тигр твоей петлею заарканен.

Когда разит в бою твоя рука,
Рыдая, плачут кровью облака.

Такие речи с детства — то и дело —
Я слышала. И втайне я хотела

Увидеть эти плечи, этот стан,
И сам явился к нам ты в Саманган!

Коль пожелаешь ты — твоей я стану.
Всем существом стремлюсь я к Тахамтану.

Во-первых: вся я так полна тобой,
Что страсть моя затмила разум мой.

И во-вторых: прошу я — дай мне сына,
Такого же, как сам ты, исполина.

Пусть будет храбр он и силен, как ты,
И счастьем так же вознесен, как ты.

А в-третьих: Рахша твоего найду я;
Весь Саманган под жезл твой приведу я».

И тут к концу пришли ее слова,
Рустама потрясли ее слова.

Он, красотою пери пораженный,
Прозрел в ней дух и разум просветленный,

А обещаньем Рахша возвратить
Ей удалось совсем его пленить.

«Приди ко мне!» — сказал Рустам счастливый,
Приблизилась царевна горделиво.

И он послал мобеда-мудреца,
Чтоб испросил согласье у отца.

Мобед пришел к царю, сказал: «Для счастья
И славы нашей дай на брак согласье!»

Когда узнал об этом старый шах,
Как тень, исчез его томивший страх.

И, радуясь, веселый с ложа встал он,
С Рустамом быть в родстве и не мечтал он.

И тут же повелев созвать гостей,
Устроил свадьбу дочери своей.

По вере, по обычаям старинным,
Соединил он дочку с исполином.

Когда он дочь богатырю вручал,
Весь круг гостей вельможных ликовал.

И гости снова в честь Рустама пили,
И здравицу Рустаму возгласили:

«Будь счастлив с этой новою луной,
Взошедшей над стезей твоей земной!»

Когда царевна с ним уединилась,
Сказал бы ты, что ночь недолго длилась.

Обильною росою напоен —
В ночи раскрылся розовый бутон,

В жемчужницу по капле дождь струился,
И в раковине жемчуг появился.

Еще ночная не редела мгла,
Во чреве эта пери понесла.

Заветный, с камнем счастья талисман
Носил всегда с собою Тахамтан.

Жене он камень отдал: «Да хранится
Он у тебя. И если дочь родится —

Мой талисман надень на косы ей,
А если счастье над судьбой твоей

Блеснет звездою на высоком небе
И сына даст тебе чудесный жребий,

К его руке ты камень привяжи
И сыну об отце его скажи.

Пусть будет в Сама ростом и дородством,
В Нейрама мужеством и благородством,

Пусть будет мил он солнцу, пусть орла
Средь облаков пронзит его стрела.

Пусть он игрою битву львов считает,
Лица от битв слонов не отвращает».

Так с луноликой он провел всю ночь,
С ней сладкую беседу вел всю ночь.

Когда взошло, блистая, дня светило
И мир лучистой лаской одарило,

Прощаясь, он к груди жену прижал
И много раз ее поцеловал.

В слезах с Рустамом Тахмина простилась
И в скорбь с тех пор душою погрузилась.

Шах благородный к зятю подошел
И с ним беседу по сердцу повел,

Сказал, что ждет Рустама Рахш найденный.
Возликовал дарующий короны,

Он обнял саманганского царя,
За своего коня благодаря.

И Рахша оседлал и ускакал он,
О происшедшем часто вспоминал он.

Но никому об этом Тахамтан
Не рассказал, ушел в Забулистан.

РАССКАЗ О РОЖДЕНИИ СУХРАБА

Вот сорок семидневий миновало,
И время счастья матери настало.

Бог сына дал царевне Тахмине,
Прекрасного, подобного луне.

Так схож был сын с богатырем Рустамом,
Со львом Дастаном и могучим Самом,

Что радостью царевна расцвела
И первенца Сухрабом нарекла.

Был через месяц сын как годовалый,
Грудь широка, как у Рустама, стала.

Он в десять лет таким могучим был,
Что с ним на бой никто не выходил.

На всем скаку степных коней хватал он,
За гриву их рукой своей хватал он.

Пришел Сухраб однажды к Тахмине
И так спросил: «О мать, откройся мне!

Я из какого дома? Кто я родом?
Что об отце скажу перед народом?»

И вспомнила наказ богатыря,
Сказала мать, волнением горя:

«Дитя! Ты сын великого Рустама,
Ты отпрыск дома Сама и Нейрама,

Пусть радуют тебя мои слова,
Достичь небес должна твоя глава.

Ты цвет весенний ветви величавой.
Твой знаменитый род овеян славой.

От первых дней не создавал творец
Такого витязя, как твой отец.

Он сердцем — лев, слону подобен силой,
Он чудищ водяных изгнал из Нила.

И не бывало во вселенной всей
Таких, как древний Сам, богатырей».

Письмо Рустама Тахмина достала,
Тайник открыла, сыну показала

Клад золотой и три бесценных лала,
Чье пламя ярко в темноте сияло, —

Сокровища, хранившиеся там,
Что из Ирана ей прислал Рустам, —

Свой дар ей в честь Сухрабова рожденья,
С письмом любви, с письмом благоволенья.

«О сын мой, это твой отец прислал! —
Сказала мать, — взгляни на этот лал.

Я знаю, будешь ты великий воин,
Ты талисман отца носить достоин.

Признает по нему тебя отец,
Наденет на главу твою венец.

Когда тебе раскроет он объятья —
Утешусь, перестану тосковать я.

Но надо, чтоб никто о том не знал —
Чтоб царь Афрасиаб не разгадал,

Коварный враг Рустама Тахамтана,
Виновник горьких слез всего Турана.

О, как боюсь я, — вдруг узнает он,
Что от Рустама ты, мой сын, рожден!»

«Луч этой истины, как солнце, светел,
И скрыть его нельзя! — Сухраб ответил. —

Гордиться мы должны с тобой, о мать,
Что я — Рустама сын, а не скрывать!

Ведь сложены не лживыми устами
Все песни и дастаны о Рустаме.

Теперь я, чтобы путь открыть добру,
Бесчисленное войско соберу

И на Иран пойду, во имя чести
Взметну до неба пыль суровой мести,

Я трон и власть Кавуса истреблю,
Я след и семя Туса истреблю *.

И не оставлю я в живых Гударза,
Не пощажу у них ни льва, ни барса.

Побью вельмож, носителей корон,
Рустама возведу на Кеев трон.

Как море, на Туран потом я хлыну,
Оплот Афрасиаба опрокину,

Неверного низвергну я во тьму,
Венец его и трон себе возьму.

Дары я щедрою раздам десницей,
Тебя — иранской сделаю царицей.

Лишь я и мой прославленный отец
Достойны на земле носить венец.

Когда два солнца в мире заблистало,
Носить короны звездам не пристало!»

СУХРАБ ВЫБИРАЕТ КОНЯ И ГОТОВИТ ВОЙСКО НА БИТВУ С КАВУСОМ

«О мать! — сказал Сухраб. — Развеселись!
Во всем теперь на сына положись!

Крыло орла окрепло для полета, —
Хочу в Иран я распахнуть ворота.

Теперь мне нужен богатырский конь,
Стальнокопытный, ярый, как огонь.

Чтобы за ним и сокол не угнался,
Чтоб силой он своей слону равнялся,

Чтобы легко он мог носить в бою
Мой стан и шею мощную мою.

В Иране я врагов надменных встречу,
Мне не к лицу пешком идти на сечу».

Обрадовали мать его слова,
Высоко поднялась ее глава.

Велела пастухам, чтобы скакали
И табуны с далеких пастбищ гнали,

Чтоб сын избрал достойного коня,
Могучего и стройного коня.

И сколько ни было коней отборных
В долинах и на пастбищах нагорных —

Всех пастухи согнали на майдан.
Сухраб, войдя в табун, бросал аркан,

И самых сильных с виду — крутошеих —
Ловил он и притягивал к себе их,

Клал руку на хребет и нажимал,
И каждый конь на брюхо припадал.

Коней могучих много испытал он,
И многим в этот день хребты сломал он,

Был конь любой для исполина слаб.
И впал в печаль душою лев-Сухраб.

Тут из толпы какой-то муж почтенный
Сказал Сухрабу: «Слушай, цвет вселенной!

Есть у меня в отгоне чудо-конь,
Потомок Рахша, быстрый как огонь.

Летает он, как вихрь в степи стремимый,
Не знающий преград, неутомимый.

И под ударами его копыт
Трепещет сам несущий землю кит.

Хоть может телом он с горой сравниться,
Он — молния в прыжке, в полете — птица.

Как черный ворон, он летит в горах,
Как рыба — плавает в морских волнах.

И как ни быстроноги вражьи кони,
Но не уйти им от его погони».

И просиял Сухраб, как утро дня,
Услыша весть про дивного коня.

И засмеялся он, как полдень ясный.
Тут приведен к нему был конь прекрасный.

Сухраб его всей силой испытал,
И конь пред ним могучий устоял.

И потрепал коня, и оседлал он,
И сел, и по майдану проскакал он.

Он был в седле, как Бисутун-гора,
Копье в его руке — как столб шатра.

Сказал Сухраб: «Вот я конем владею,
Теперь я медлить права не имею!

Пора пойти, как грозовая тень,
И омрачить Кавусу божий день».

Сухраб, не медля, воротясь с майдана,
Готовить стал поход против Ирана.

И лучшие воители земли —
Богатыри — на зов его пришли.

А деда — шаха — в трудном деле этом
Просил Сухраб помочь ему советом.

Шах перед ним хранилища открыл,
Всем снаряженьем бранным снарядил,

И золотой казною и жемчужной,
Верблюдов и коней дал, сколько нужно,

Для войск несметных — боевой доспех,
Чтоб всадникам сопутствовал успех.

Он расточил для внука складов недра,
Любимца одарил по-царски щедро.

АФРАСИАБ ПОСЫЛАЕТ БАРМАНА И ХУМАНА К СУХРАБУ

Узнал Афрасиаб, что — полный сил —
Сухраб корабль свой на воду спустил.

Хоть молоко обсохнуть не успело
На подбородке — в бой он рвется смело.

Что меч его грозящий обнажен,
Что с Кей-Кавусом битвы ищет он.

Что войско он большое собирает,
Что старших над собою он не знает.

И больше: встала доблести звезда,
Не виданная в прежние года.

И, наконец, — везде толкуют прямо,
Что это сын великого Рустама.

Афрасиаб известьям этим внял
И смехом и весельем засиял.

Он из своих старейших приближенных
Двух выбрал, в ратном деле умудренных,

Бармана и Хумана — двух гонцов;
Три сотни тысяч дал он им бойцов

И наказал, к Сухрабу посылая:
«Пусть будет скрытой тайна роковая!..

Когда они сойдутся наконец —
Нельзя, чтоб сына вдруг узнал отец,

Чтоб даже чувства им не подсказали,
Чтоб по приметам правды не узнали...

Быть может, престарелый лев-Рустам
Убит рукой Сухраба будет там.

И мы тогда Иран возьмем без страха,
И тесен будет мир для Кавус-шаха.

Ну, а тогда уж средство мы найдем,
Как усыпить Сухраба вечным сном.

А если старый сына в ратном споре
Убьет — его душа сгорит от горя».

И подняли послы свой шумный стан,
И бодрые покинули Туран.

Вели они к Сухрабу в Саманган
С богатыми дарами караван.

Трон бирюзовый с золотой короной
И драгоценное подножье трона

Могучие верблюды понесли.
Гонцы посланье шахское везли:

«О лев! Бери Иран — источник споров!
Мир защити от смут и от раздоров!

Ведь Саманган, Иран, Туран давно
Должны бы слиться в целое одно.

Я дам войска — веди, распоряжайся,
Сядь на престол, короною венчайся!

Таких же, как Хуман и мой Барман,
Воинственных вождей не знал Туран.

И вот я шлю тебе их под начало.
Пусть погостят у вас они сначала.

А хочешь воевать — на бой пойдут,
Врагам твоим покоя не дадут!»

И в путь поднялся караван богатый,
Повез письмо, венец, и трон, и злато.

Когда Сухраб узнал о том, он сам
Навстречу славным поднялся послам.

Встречать Хумана в поле с дедом выйдя,
Возликовал он, море войск увидя.

Когда ж Сухраба увидал Хуман —
Плеча, и шею, и могучий стан, —

Он им залюбовался, пораженный,
И с головой почтительно склоненной,

Вручил ему, молитву сотворя,
Подарки и послание царя.

«Прочти, о лев, — сказал он, — строки эти
И не спеша подумай об ответе».

Прочел Сухраб. Он медлить не хотел,
В поход войска готовить он велел.

И войск вожди, что жаждой битв горели,
На скакунов, как ветер быстрых, сели,

Тимпаны и литавры загремели,
Пошли войска, как волны зашумели.

И не сдержали б их ни исполин,
Ни львы пустынь, ни кит морских пучин.

Вошел в Иран Сухраб, все сокрушая,
Дотла сжигая и опустошая.

НАПАДЕНИЕ СУХРАБА НА БЕЛЫЙ ЗАМОК

На рубеже Ирана возведен
Был замок. «Белым замком» звался он.

Хаджир — начальник стражи, славный воин —
Был храбр, силен, водить войска достоин.

И от Ирана был поставлен там
Правителем премудрый Гуждахам.

Имел он дочь. И не было ей равной, —
Всем хороша, но зла и своенравна.

Когда Сухраб пришел, нарушив мир,
Его увидел со стены Хаджир.

На быстром скакуне — любимце брани —
С копьем Хаджир явился на майдане.

Блистая в снаряженье боевом,
К войскам Турана он воззвал, как гром:

«У вас найдется ль воин искушенный,
В единоборстве конном закаленный?

Эй, кто у вас могуч, неустрашим?
Пусть выйдет, я хочу сразиться с ним!»

Один, другой и третий сбиты были,
Перед Хаджиром устоять не в силе.

Когда Хаджира увидал в бою,
Сухраб решил изведать мощь свою.

Он как стрела помчался грозовая,
Над полем вихри пыли подымая.

И весело Хаджиру крикнул он:
«Один ты вышел, гневом распален?

На что надеешься? Куда стремишься?
Или драконьей пасти не боишься?

И кто ты, предстоящий мне в бою,
Скажи, чтоб смерть оплакивать твою?»

И отвечал ему Хаджир: «Довольно!
Сам здесь падешь ты жертвою невольной.

Себе я равных в битве не встречал,
Лев от меня уходит, как шакал.

Знай — я Хаджир. О юноша незрелый,
Я отсеку главу твою от тела

И Кей-Кавусу в дар ее пошлю.
Я труп твой под копыта повалю».

Сухраб в ответ Хаджиру рассмеялся,
И за копье свое стальное взялся.

И сшиблись, и в поднявшейся пыли
Едва друг друга различить могли.

Как молния, летящая по тучам,
Летел Сухраб на скакуне могучем.

Хаджир ударил, но огромный щит
Сухраба все же не был им пробит.

Тут на врага Сухраб занес десницу,
Копьем его ударил в поясницу.

Упал Хаджир, как будто бы с седла
Его внезапно буря сорвала;

Упал, как глыба горного обвала.
Так, что душа его затрепетала.

Сошел Сухраб, коленом придавил
Хаджиру грудь, кинжал свой обнажил.

Хаджир, увидя — льву попал он в когти,
Молил пощады, опершись на локти.

Могучий пощадил его Сухраб,
И в плен был взят Хаджир им, словно раб.

Связал он побежденного арканом,
Велел ему предстать перед Хуманом.

Хуман все видел. Был он потрясен
Тем, что Хаджир так быстро побежден.

Со стен за поединком наблюдали.
И в крепости вопили и рыдали,

Что пал с коня и в плен попал Хаджир —
Воитель, славой наполнявший мир.

ПОЕДИНОК СУХРАБА С ГУРДАФАРИД

Дочь Гуждахамова Гурдафарид,
Увидев, что Хаджир бесславно сбит,

От горя в исступленье застонала
И яростью и гневом запылала.

Хоть юной девушкой была она,
Как витязя, влекла ее война.

Грозна в бою, чужда душою мира,
Увидя поражение Хаджира,

Она такой вдруг ощутила стыд,
Что потемнели лепестки ланит.

Воительница медлить не хотела,
Кольчугу, налокотники надела

И, косы уложивши над челом,
Их под булатный спрятала шелом.

Как грозный всадник, дева красовалась
На скакуне: как вихрь, она помчалась,

И пыль над степью облаком взвила,
И так к войскам Турана воззвала:

«Кто в верховом бою у вас искусен?
Кто вождь у вас? Смелей выходит пусть он!

Пусть доведется испытать киту
Моих ударов мощь и быстроту!»

Смотри: никто из воинов Турана
Не вышел с ней на бой в простор майдана.

Ее Сухраб увидел издали,
Как в облаке, летящую в пыли.

Сказал он: «Вот еще онагр несется!..
В петлю мою сейчас он попадется!»

Кольчугу он и чинский шлем надел,
Навстречу ей, как ветер, полетел.

Гурдафарид свой лук тугой схватила
И молнией стрелу в него пустила.

Когда стрелу пускала в высоту,
Она орла сбивала на лету.

Хоть стрелы вихрем с тетивы летели,
Они задеть Сухраба не сумели,

Их отражал Сухраба щит стальной.
Позорным он почел подобный бой,

Сказал он: «Хватит! Кровь должна
пролиться!»
И на врага помчался, словно птица,

Увидев — жаждой битвы он горит, —
Оставила свой лук Гурдафарид

И поскакала, по полю петляя,
Копьем своим Сухрабу угрожая.

Великим гневом возгорел Сухраб,
Бой сразу кончить захотел Сухраб.

Он мчался, издавая львиный рык,
И, как Азаргушасп, ее настиг,

Копьем ударил в стягивавший туго
Кушак, разорвалась ее кольчуга, —

И словно бы чоуганом — не копьем,
Как мяч, ее он вскинул над седлом.

Гурдафарид рукой в седло вцепилась,
Другой рукой за меч свой ухватилась

И разрубила пополам копье,
И плотно села на седло свое,

И вихрем улетела в туче праха.
Ловка была она, не знала страха.

Сухраб за нею вслед погнал коня;
Он гневом омрачил сиянье дня.

Вот он настиг. И за ее спиною
Привстал и шлем сорвал с нее рукою.

Взметнулись косы, по ветру виясь,
От шлема тяжкого освободясь.

И понял витязь, полон изумленья,
Что с женщиною вышел он в сраженье.

Сказал: «Подобных девушек Иран
Сегодня шлет на боевой майдан!..

Их витязи, когда коней пускают,
Над степью пыль до облак подымают.

Но коль в Иране девы таковы,
То каковы у них мужчины-львы?»

Тут он аркан свой черный вслед метнул ей
И стан петлею туго захлестнул ей.

Сказал ей: «Луноликая, смирись
И не пытайся от меня спастись!

Хоть много дичи мне ловить случалось,
Такая лань впервые мне попалась!»

Увидев, что беда ей предстоит,
Открыла вдруг лицо Гурдафарид.

И молвила: «Не надо многих слов,
Ты — лев могучий среди храбрецов!

Подумай: с той и с этой стороны
На бой наш взгляды войск обращены...

Теперь с лицом открытым я предстала,
И разнотолков, знай, пойдет немало,

Что, мол, Сухраб до неба напылил —
В единоборство с женщиной вступил,

Копьем тяжелым с девушкою бился
Перед мужами — и не устыдился!

Я не хочу, чтобы из-за меня
Шла о Сухрабе славном болтовня.

Мир заключим, чтоб завязать язык их...
Ведь мудрость, знаешь сам, удел великих.

Теперь мой замок и мои войска —
Твои! Как клятва, речь моя крепка.

И крепость и сокровища Хаджира —
Твои. Зачем нам битва после мира?»

Сухраб, на лик прекрасный брося взгляд,
В цвету весны увидел райский сад.

Ее красой душа его пленилась
И в сердце, как в ларце, печаль укрылась.

Ответил он: «Тебя я отпущу,
Но помни: я обмана не прощу.

Не уповай на стены крепостные,
Они не выше неба, не стальные.

С землей сровняю эти стены я,
И нет против меня у вас копья».

Гурдафарид вперед — крылатым лётом —
Коня послала к крепостным воротам.

Сухраб за нею рысью ехал вслед,
Он верил, что ему преграды нет.

Тут крепости ворота заскрипели
И пропустить Гурдафарид успели.

И вновь захлопнулись и заперлись.
У осажденных слез ручьи лились,

В подавленных сердцах кипело горе,
Тонуло все в постигшем их позоре.

К Гурдафарид, со всею свитой, сам
Седобородый вышел Гуждахам,

Сказал: «О с благородным сердцем львица,
О дочь моя! Тобой Иран гордится!

Страдали мы, неравный видя бой,
Но не бесславен был поступок твой.

Ты выхода искала в честной битве,
Но враг силен. Внял бог моей молитве, —

В обмане ты спасенье обрела
И невредима от врага ушла».

Гурдафарид в ответ лишь засмеялась
И на стене высокой показалась.

Увидела Сухраба за стеной
И молвила: «Что ждешь ты, витязь мой?

Иль ожидать напрасно — твой обычай?
Увы, навек расстался ты с добычей!»

Сказал Сухраб: «О пери, пред тобой
Клянусь луной, и солнцем, и судьбой, —

Разрушу крепость! Выхода иного
Не вижу я. Тебя возьму я снова.

Как ты раскаешься в своих словах,
Когда в моих окажешься руках!

Как сожалеть ты будешь, что сначала
Ты не исполнила, что обещала!»

Гурдафарид ответила, смеясь:
«Я сожалею, о мой юный князь!

Неужто, витязь мой, не знал ты ране,
Что тюрки брать не могут жен в Иране?

Что ж, значит я тебе не суждена!
Но не печалься, то судьбы вина...

Но сам ты не из тюркского народа,
В тебе видна иранская порода.

С такою мощью, с красотой твоей
Ты был бы выше всех богатырей.

Но если скажет слово шах Ирана,
Что юный лев повел войска Турана —

Подымется Рустам из Сеистана,
Не устоишь ты против Тахамтана!

Беда тебе! — из войска твоего
В живых он не оставит никого.

Мне жаль, что этот стан и эти плечи
Поникнут и падут во прахе сечи.

Повиновался б лучше ты судьбе,
Вернулся бы скорей в Туран к себе.

А ты на мощь свою лишь уповаешь,
Как глупый бык, бока свои терзаешь!»

Сухраб, внимая, от стыда сгорал.
Что замок трудно взять, он это знал.

Невдалеке от крепости стояло
Село и над собой беды не знало.

Сухраб пошел и разорил село,
По локоть руки окунул во зло.

Сказал потом: «Ночь наступает, поздно...
Пора нам отдохнуть от сечи грозной.

А завтра здесь неслыханная быль
Свершится. Мы развеем стены в пыль».

И, повернув коня, погнал безмолвно,
Вернулся в стан, печалью смутной полный.

ПИСЬМО ГУЖДАХАМА ШАХУ КАВУСУ

Когда Сухраб уехал, Гуждахам
Позвал писца и сел с ним рядом сам.

Свои несчастья шаху описал он,
И с опытным гонцом письмо послал он.

В письме сказал он: «Мы, твои рабы,
Здесь терпим гнев неведомой судьбы.

Туранцы, что напасть на нас не смели,
Пришли под крепость, морем зашумели.

Вождь этих войск, затмивших полдня свет,
Юнец, едва ль четырнадцати лет.

Но ростом он невиданно огромен,
Он силой исполинской неутомен.

Его, как дуб индийский, крепок стан.
Льва породил могучего Туран.

Он богатырской палицей играет,
Разящий меч в руке его сверкает.

Что кручи гор ему, что глубь морей?
Подобных в мире нет богатырей.

Как лев средь ланей, в ратной он ловитве,
Сильнейшего сразить он может в битве,

Он может демонам противостать.
Богатыря того Сухрабом звать.

Подобье он Рустама Тахамтана,
Похож на ветвь из дома Наримана.

Не знаю, кто отец его и мать, —
Как у Рустама, мощь его и стать.

Когда пришел он, ради бранной чести,
Привел к нам войско, жаждущее мести,

Хаджир, непобедимый богатырь,
С ним выехал на бой в степную ширь.

Ему навстречу, на коне могучем,
Сухраб летел, как молния по тучам,

Быстрей, чем запах розы — от ноздрей
До мозга, — мысли пламенной быстрей.

Хаджира сбил с седла с такой он силой,
Что это всех смотревших изумило.

Теперь Хаджир в оковах и в плену...
Кто горечи измерит глубину?

Видал я витязей туранских в деле,
Но о подобном не слыхал доселе.

Рустаму он подобен одному, —
Быть может, равен лишь Рустам ему.

На всей земле найдешь ему едва ли
Противоборца, кроме сына Заля.

Здесь, кто против него ни выступал,
Отважнейших он в плен арканом брал.

Хоть он могуч, но духом он не злобен,
Огромный конь его горе подобен.

Когда он скачет, до неба пыля,
Горам прощает тяжесть их земля.

Подумай о стране, миродержавный,
Чтоб не постиг и вас удел бесславный!

Пускай сюда твои войска идут,
Не то — столпы величия падут.

Теперь не время мир вкушать беспечный,
Он может обложить нас данью вечной.

Коль вовремя его не удержать,
Нам радости и счастья не видать.

Когда бы ты его увидел сам,
Сказал бы ты — он юный всадник Сам.

И если ты теперь нам не поможешь,
Всех нас погибшими считать ты можешь.

Не отсидимся мы в своих стенах, —
Сегодня, завтра рухнут стены в прах.

Поэтому мы ночью замок бросим,
Приют в Иране оказать нам просим.

Меня давно ты знаешь, я не лгу,
Но жертвовать я войском не могу.

Нас не укроют стены крепостные,
Ворота перед ним падут стальные».

Письмо он кончил, приложил печать,
Велел гонца надежного призвать.

Сказал: «Скачи быстрей, чтоб утром рано
Ты был далеко в глубине Ирана».

Посланье спрятал тот гонец на грудь,
Сел на коня, помчался в дальний путь.

Под крепостью был тайный свод подземный,
Вел из него далеко ход подземный.

Тем ходом, по неведомым путям,
В ночи ушел с семьею Гуждахам;

И войско все, по потайному ходу,
Из крепости он вывел на свободу.

СУХРАБ ЗАХВАТЫВАЕТ БЕЛЫЙ ЗАМОК

Когда заря блеснула из-за гор,
Сияньем озарив земной простор,

Сухраб верхом — из алого тумана
Повел на приступ воинство Турана.

Чтоб всех, кто были в замке, наконец
Взять в плен, как стадо сбившихся овец.

Уже он был от замка недалеко,
Глядит: нет стражей на стене высокой.

И в гневе он к воротам подступил
И с петель их тараном медным сбил.

Вошли в пролом; но ни души в твердыне, —
Все пусто и безмолвно, как в пустыне...

И понял он, что Гуждахам ушел
И всех с собой защитников увел.

Лишь несколько, от страха оробелых,
Там пряталось забытых, престарелых.

Он все покои замка обыскал,
Но не нашел того, чего искал.

Гурдафарид, как пери, улетела...
Любовью, страстью кровь его кипела.

«Увы! — сказал, — увы мне!.. Где она?
За черной тучей спряталась луна!

Судьбой, как видно, горе суждено мне.
Владеть любимой, видно, не дано мне.

Попала в сети лань ко мне. И вот —
Ушла... Я сам в сетях ее тенёт.

На миг она лицо мне показала
И сердце мне навеки растерзала.

Увы, недостижимо далека
Теперь она. А мой удел — тоска.

Но это чародейство, не иначе, —
Оно, как яд, в крови моей горячей...

Вчера я думал, — в плен ее возьму,
Но сам я пленник, — видно по всему.

Не знаю я: меня околдовали —
Лицо ль ее, глаза ль ее, слова ли.

Но если я ее не отыщу,
Потери я ничем не возмещу.

Нет! Не в бою я встретил испытанье!
Как рана, мне о ней воспоминанье,

Мне доля — тайно плакать и стенать!
И кто она, не суждено мне знать...»

Так говорил Сухраб, и весь горел он.
Хоть никому открыться не хотел он,

Но мук любви не скроешь от людей, —
Их слезы выдадут волне морей.

Кто б ни был любящий — душевной боли
Не утаит он, — выдаст поневоле.

Так и любовью раненный Сухраб
Вдруг похудел, поблек лицом, ослаб.

Хуман не знал о том, что с ним случилось,
Но видел, как душа его томилась,

И сердцем проницательным своим
Он понял, что неладно что-то с ним

И что Сухраб, по гневной воле мира,
Попал в силки безвестного кумира,

Что он, паря мечтой, стоит без сил,
Как будто ноги в глине завязил.

Сухрабу мудрый так сказал Хуман:
«О гордый, с львиным сердцем пахлаван!

В былое время витязь лучшим другом
Себя считал. Постыдным он недугом

Почел бы жар, пылающий в крови,
И опьяненье от вина любви.

Брал в плен он сотни мускусных газелей,
Но сердца не терял в любовном хмеле.

В плен не сдается истинный герой
Царицам с неземною красотой.

Лишь та достойна властвовать десница,
Что солнце заставляет поклониться!

Ты — лев могучий, ты от льва рожден, —
И ты — о стыд! — любовью поражен?

Нет! От любви не плакал бы великий
Завоеватель мира и владыка!

Тебя царем Афрасиаб нарек,
Назвал владыкой гор, морей и рек.

Мы вышли из Турана ради славы,
Вброд перешли мы океан кровавый,

Теперь Иран зажали мы в тиски,
Но в будущем пути не так легки.

Нам предстоит борьба с самим Кавусом,
С его войсками и коварным Тусом.

Нам предстоят убийца львов — Рустам,
Гив-богатырь, Гударз и лев-Руххам,

Бахрам, Гургин — отважный внук Милада,
Мы встретим там могучего Фархада.

Богатыри — могучие слоны,
Нас повстречают на стезе войны.

В бою никто из них не отступает,
Чем кончится война — никто не знает...

А ты — о лев! — на грозный бой идешь
И сердце первой встречной отдаешь!

Будь мужем, отгони любовь от сердца,
Чтобы не пасть пред войском миродержца.

Цель у тебя великая одна:
Лишь начата — не кончена война.

Ты храбр, силен, взялся за труд опасный,
И цель свою ты должен видеть ясно.

Еще великий труд не завершен,
А ты душой к другому устремлен.

Свали твердыню древнюю Ирана
Всей мощью богатырского тарана!

Когда ты Кеев трон себе возьмешь,
Ты сам красавиц лучших изберешь.

Тогда к подножью нового владыки
Придут с поклоном малый и великий.

Не подобает от любви страдать
Тому, кто миром должен обладать!»

Преподнеся словесный этот дар,
Хуман избавил юношу от чар.

Сказал Сухраб: «Ты послан мне судьбой!
Прекрасно все, что сказано тобой.

Великому теперь отдам я душу,
Я завоюю мир — моря и сушу.

И дружба наша, как скала, тверда,
Отныне укрепилась навсегда».

Взялся за труд Сухраб неутомимый
И сердцем отвратился от любимой.

И он Афрасиабу написал,
Как шел поход, как Белый замок пал.

Обрадовался шах тому известью,
Сказал: «Сухраб нас озаряет честью!»

...Письмо от Гуждахама получив,
Сидел Кавус — угрюм и молчалив.

Призвал вельмож, опору шахской власти,
Поведал о постигшем их несчастье.

Пришли к владыке Тус, Бахрам, Фархад,
Пришел Гударз, чьим был отцом Кишвад.

Воскликнул шах: «Как нам беду поправить?
Кого туранцам противопоставить?»

В чертоге царском тут поднялся гул,
Сказали хором все: «Послать в Забул!

Послать гонца в пределы сына Сама,
Чтоб старый Заль уговорил Рустама

Скорей на поле битвы поспешить
И вновь Иран щитом своим укрыть!»

Решили так. И в круг вельможи сели,
Послание писать писцу велели.

ПИСЬМО КАВУСА РУСТАМУ

И дали подписать письмо царю.
Вначале шла хвала богатырю:

«Пусть вечно бодрым разум твой пребудет!
Пусть в мире все тебе на радость будет!

Ты с древних лет опорой нашей был, —
Ты — столп страны, источник вечных сил,

Ты — мощь, и сердце, и хребет Ирана!
Ты — в подвигах великих неустанный,

Чудовищ истребил Мазандерана,
Оковы разрубил Хамаварана.

Ты, словно лань, берешь арканом льва,
Превыше снежных гор твоя глава.

Ты — щит Ирана, светоч божества.
Как море, о тебе шумит молва.

Хвала творцу! Хвала отцу Нейраму!
Хвала премудрому Дастани-Саму! *

Пусть вечно над вселенною цветет
От миродержца твой идущий род!

И счастье шахское не потускнеет,
Пока Рустам своим мечом владеет.

Опять тебе прибыть к нам пробил час;
Нежданная беда постигла нас, —

Враг из Турана вышел небывалый,
Он катится на нас, грозней обвала.

Опасность велика, — ты сам поймешь,
Когда посланье до конца прочтешь.

И мы решили, о Рустам счастливый,
К тебе с письмом своим отправить Гива.

Коль он приедет ночью, ты вставай,
Для многословья уст не раскрывай.

А если днем, — охота ли, обед ли, —
Все брось и к нам скорей скачи, не медли.

А если спать собрался, не ложись,
Вооружись и к нам поторопись.

Возьми богатырей Забулистана,
Скачи, в пути не разбивая стана.

В своем письме нам пишет Гуждахам:
«Враг небывалый угрожает нам.

Прочтя мое письмо, без промедленья
Бери войска и выходи в сраженье!»

И черная, как мускус и смола,
Печать Кавуса на письмо легла.

Шах молвил Гиву: «Дорого нам время,
Поторопись, вступи ногою в стремя!

Когда к Рустаму ты прискачешь, Гив,
Не вздумай пировать, про все забыв,

В Забуле отдыхать не оставайся,
А в тот же день с Рустамом возвращайся!»

Взял Гив письмо, и в путь пустился он,
Скакал в Забул, забыв покой и сон.

И прибыл он в предел Забулистана,
И стражей крик донесся до Дастана,

Что из Ирана конный к ним спешит,
Вздымая вихрем пыль из-под копыт.

Весть эта до Рустама долетела,
И выехал встречать слоновотелый.

Он выехал с дружиною своей,
Со свитой братьев и богатырей.

И спешились, как честь велит, при встрече, —
Все — и гонец, прибывший издалече.

Сошел с коня и славный Тахамтан,
Спросил: «Здоров ли шах? Как жив Иран?»

Повел Рустам гонца в свои чертоги,
Гость за беседой отдыхал с дороги,

Потом письмо хозяину вручил
И о Сухрабе вести сообщил.

Рустам, прочтя посланье, изумился,
Все расспросил и в думу погрузился.

Потом, смеясь, сказал: «Неужто там —
В Туране, появился новый Сам?

Рождал богатырей Иран счастливый,
А там не вспомню я такого дива.

Есть, правда, у меня там сын... Хотя —
Он очень молод, он еще дитя!..

Есть сын мой у царевны Самангана! —
Но выступать ему в походы рано.

Еще не знает он, — мой дорогой, —
Как водят войско, как вступают в бой!

Сокровищ я послал ему немало,
И мать его ответ мне написала.

Еще не год, не два, не три пройдет,
Покамест милый сын мой подрастет.

Я терпеливо жду: пора настанет,
И миру новый богатырь предстанет.

Сейчас же лет тринадцати всего
Мой сын, богатство сердца моего!

Пока ему бросаться в битву рано.
Другой к нам воин вышел из Турана...

Теперь, мой гость, пойдем на наш айван.
Рад будет престарелый муж — Дастан.

Подумаем, как быть нам в этом деле
И отчего так тюрки осмелели.

Пойдем, мой гость любезный, отдохнем,
Уста сухие освежим вином!

Потом последуем к престолу шаха,
Посмотрим — кто нагнал такого страха.

И коль не спит могучая судьба,
Врага возьмем арканом, как раба.

Коль на горящий берег хлынет море,
Не устоять огню с волнами в споре.

Как подыму я боевой свой стяг,
Падет от страха на колени враг.

Шах перепуган. Нам же было б низко
Весть эту к сердцу принимать так близко!»

Тут с гостем сел к вину за стол Рустам
И здравицу провозгласил войскам.

А после пира, утром, — еще в хмеле, —
Рустам могучий позабыл о деле.

Проугощал он гостя день второй,
Не вспомнил о походе на другой.

На третий день подать вина велел он,
О Кей-Кавусе вспомнить не хотел он.

Так с Гивом он пропировал три дня,
Не думая в поход седлать коня.

А утром — на четвертый — Гив поднялся,
Один обратно ехать он собрался.

Сказал он: «Гневен, неразумен шах,
Великий у него на сердце страх.

Явил он нетерпение большое,
Забыл о сне, о пище и покое.

Коль мы промедлим день еще с тобой,
Из-за вина оттянем ратный бой,

Разгневается шах. Увы, гневлив он,
И черен сердцем, и несправедлив он».

Сказал Рустам: «Забудь об этом зле,
Никто на нас не встанет на земле!»

Но все ж велел он Рахша выводить,
Седлать его и в медный ней трубить.

Услышали мужи призыв карная
И съехались, доспехами сверкая.

ГИВ И РУСТАМ ПРИБЫВАЮТ К КАВУСУ. ГНЕВ КАВУСА

В поход Рустам пустился поутру,
Главою войск поставил Завару.

А уж князья встречать его скакали, —
За день пути в дороге повстречали.

Гударз и Тус — главы богатырей —
Почтительно сошли пред ним с коней.

Увидя их, сойдя с коня и сам,
С вождями поздоровался Рустам.

И вместе с ними воин знаменитый
Предстал царю царей с душой открытой.

Склонились пред царем Рустам и Гив,
Но шах сидел угрюм и молчалив.

Вспылил потом. И, в бешенстве постыдном,
Он Гива словом уязвил обидным:

«Кто он такой, Рустам, чтоб мой приказ
Откладывать не на день, а на час?

Да если бы со мною был мой меч,
Я голову Рустаму снес бы с плеч!

Схвати его, на виселицу вздерни!
Ни слова больше! Опостылел спор мне!»

И дрогнул Гив и шаху отвечал:
«Как? На Рустама руку ты подъял?»

Рассвирепел Кавус, насупил брови,
Привстал, как лютый лев, что жаждет крови.

От ярости, казалось, был он пьян,
В растерянность поверг он весь диван.

Вскричал: «Измена! Знаю я давно их!
Схвати их, Тус! Веди, повесь обоих».

Ужасен в гневе был Кавус и дик.
Он весь пылал, как вспыхнувший тростник.

Тус встал, Рустама за руку схватил,
Всех дерзостью потряс и удивил.

Хотел он — полн смущения и страха —
Рустама увести от гнева шаха.

Пред ним Рустам был как могучий слон —
Так по руке ударил Туса он,

Что рухнул Тус у трона помертвелый.
Рустам через поверженное тело

Шагнул и шаху в ярости сказал:
«Зря на меня ты гневом воспылал!

Безумен ты, твои поступки дики,
Ты недостоин звания владыки!

Ведь я — Рустам, а кто такой — твой Тус?
Когда я в гневе — что мне шах Кавус?

Владыка, не к лицу тебе корона!
Ей лучше быть бы на хвосте дракона,

Чем на такой ничтожной голове!
Не веришь сам себе, так верь молве:

Ведь я тебя возвел на трон, когда ты
Стонал в оковах, гибелью объятый.

Не раз тебя от смерти я спасал, —
И трон, и власть, и жизнь тебе я дал!

Все страны, от Египта до Ирана,
От степи Чина до Мазандерана,

Склоняются в пыли передо мной,
Перед моим мечом и булавой.

Благодари меня, что шахом стал ты!
Что ж на Рустама гневом воспылал ты?

Я — раб творца, тебе же я не раб!
Могучий на тебя идет Сухраб;

Коль ты такою силою владеешь,
Сам с ним сражайся, если ты сумеешь!

Вы больше не увидите меня,
В Иране не пробуду я ни дня.

Когда меня избрать хотели шахом
Богатыри, охваченные страхом,

Я даже не взглянул на шахский трон.
Был мной обычай древний соблюден *.

А ведь — когда бы взял венец и власть я,
Ты б не имел величия и счастья.

Достоин я всего, что ты сказал!
Ты за добро сторицей мне воздал!

На этот трон возвел я Кей-Кубада, —
И такова от сына мне награда!

Но если бы для твоего отца
Мечом своим не добыл я венца,

С горы Албурз Кубада не привез бы,
Его из небреженья не вознес бы —

И ты величьем бы не обладал.
Ты б оскорблять Рустама не дерзал!

Когда ты сам вовлек в беду Иран,
Спасать я вас пришел в Мазандеран.

И там я дива Белого убил,
И жизнь тебе и трон я возвратил.

Мой трон — седло, моя на поле слава,
Венец мой — шлем, весь мир моя держава.

Когда на вас туранец налетит,
Он никого из вас не пощадит...

Я ухожу, меня вы не ищите,
Пути спасенья сами находите!

Уйду. И впредь меня вам не видать,
Лежать вам в прахе здесь, а мне летать!»

На Рахша сел Рустам и прочь умчался,
На нем доспех от гнева разрывался.

У всех от скорби омрачился дух;
Они — лишь стадо, а Рустам — пастух.

Пришли к Гударзу, молвили: «Разбиты
Устои наши. Встань, Иран спаси ты!

Ступай ты к бесноватому царю, —
Пусть он поклонится богатырю.

Напомни кею плен Мазандерана,
Когда в цепях стенал он — шах Ирана.

И как Рустам царя от смерти спас,
И сколько мук он вынес из-за нас.

Потом, когда властитель бестолковый
В Хамаваране вновь попал в оковы —

Рустам ни перед кем не отступил, —
Владык в Хамаваране перебил,

Из плена вновь освободил Кавуса,
На трон Ирана возвратил Кавуса.

Коль смерть за это заслужил Рустам,
Куда ж деваться остается нам?

Иди! Беседуй с шахом терпеливо!
Восстановить должны мы мир счастливый.

Нам без Рустама счастья не видать,
Все бросить нам придется и бежать».

И вот Гударз — Кишвада сын суровый —
Пришел в чертоги гневного хосрова *.

Спросил он шаха: «О владыка мой,
В чем виноват Рустам перед тобой?

Ты растоптал сегодня щит Ирана,
Забыл ты ужасы Хамаварана.

Мазандеран ты, видно, позабыл!
Рустама ты смертельно оскорбил.

Впадать во гнев владыке недостойно,
Добро и зло решает шах спокойно.

Ушел Рустам. На нас идут войска,
Ведет их богатырская рука.

И нет у нас надежды никакой,
И некого послать с туранцем в бой.

А Гуждахам богатырей своих
Всех знает, все он ведает о них.

Он пишет нам: «Безумье — бой с Сухрабом!
Пред ним и слон могучий будет слабым!»

Один Рустам его сразить бы мог,
Но он теперь, увы, от нас далек.

Лишь неразумный и, как вол, упрямый
Решиться мог бы оскорбить Рустама.

Ум просветленный должен шах иметь,
А не безумьем ярости гореть».

Кавус Гударза выслушал спокойно.
Он понял — мудр и верен муж достойный.

«Все правильно сказал ты, — молвил шах. —
Раскаиваюсь я в своих словах.

Скорее вслед Рустаму поспешите,
В его душе обиду потушите!

Вернется пусть! Скажите: «Как и встарь,
К тебе, Рустам, любовь питает царь!»

Гударз и с ним вожди от шаха прямо
Коней погнали по следам Рустама.

И там, где гасла темная заря,
Увидели в степи богатыря.

Они его настигли, окружили,
Сошли с коней и так его молили:

«Будь светел духом, разумом высок,
И мир весь у твоих да будет ног!

Пусть будет вся земля твоим престолом,
И да не будет твой венец тяжелым!

Ты знаешь, — у царя рассудка нет,
Он в гневе натворил немало бед.

Вспылит, потом к раскаянью склонится...
С тобой, Рустам, он жаждет помириться.

Твоя обида на царя сильна,
Но, Тахамтан, не наша в том вина!

За что Иран бросаешь ты на муки?
И шах сейчас сидит, кусает руки...»

И дал им Тахамтан такой ответ:
«Теперь мне дела до Кавуса нет!

Седло мне — трон, одежда мне — кольчуга,
Венец мой — шлем, и нет средь вас мне друга.

Мне все равно — что прах, что Кавус-шах!
Как может он меня повергнуть в страх?

Я не прощу обиды: царь, видать,
По малоумию забыл опять,

Как от врагов его освободил я,
Как жизнь ему и славу возвратил я.

Я сыт по горло! Что мне ваш Кавус?
Лишь светлого Йездана я боюсь».

Умолк Рустам, Гударз премудрый снова,
Открыв уста, сказал такое слово:

«Как речь твою мы перескажем там, —
Что бросил, мол, Иран в беде Рустам?

В народе, в войске — всяк бы усомнился,
Не впрямь ли ты туранца устрашился?

А нас предупреждает Гуждахам,
Что от врага не ждать пощады нам.

И коль Рустам на бой пойти страшится,
У нас непоправимое свершится!

Тревога в войске и в стране царит,
Всяк о Сухрабе только говорит.

Не отвращайся в этот час от шаха,
Пусть он ничтожен, пусть он ниже праха,

Но ведь природный шах Ирана — он,
А корень наш и столп наш — Кеев трон.

Как возликует враг наш, полный скверны,
Коль будет шах унижен правоверный!»

Так мужа наставлял Гударз-мудрец.
Рустам, подумав, молвил наконец:

«Я много ездил по земле широкой,
Я много знаю, вижу я далеко.

А если боя сердцем устрашусь,
Я от души и сердца отрекусь.

Ты знаешь сам: я незнаком со страхом, —
Пусть благодарность неизвестна шахам!»

И Тахамтан обратно прискакал,
И гордо перед шахом он предстал.

Ему навстречу встал с престола шах
И молвил со слезами на глазах:

«Я нравом одарен непостоянным, —
Прости! Так, видно, суждено Йезданом!..

Теперь перед напастями войны
Стеснился дух мой, словно серп луны.

Ты нам, Рустам, один теперь защита,
Опора наша, воин знаменитый!

Вседневно я, пред наступленьем сна,
Рустама славлю чашею вина.

О муж, забыта будет пусть обида!..
Пока мы вместе — выше мы Джамшида!

Мне в мире нужен только ты один, —
Помощник, друг мой, мощный исполин!

Я ждал тебя. Ты запоздал дорогой,
А я вспылил... Прости, во имя бога!

В раскаянье, увидев твой уход,
Наполнить прахом я хотел свой рот!»

Рустам ему: «Весь мир — твоя обитель.
Мы — под тобою, ты — наш повелитель.

Средь слуг твоих — я твой слуга седой.
Но я достоин быть твоим слугой.

Владыка ты, я — подчиненный твой.
Приказывай! Велишь — пойду на бой».

Царь молвил: «Как тобою я утешен!
Поход сегодня чересчур поспешен.

Мы лучше сядем нынче пировать!
Даст бог — уж после будем воевать!»

Поставили столы среди айвана,
Подобные весне благоуханной.

Вельмож созвал и приближенных кей,
Рассыпал жемчуг милости своей.

Здоровье Тахамтана гости пили
И о великом прошлом говорили.

И вот жасминоликие пришли,
Под чанг и флейту пляски завели.

Зажглись ночные на небе светила,
А пиру все конца не видно было.

Спать разошлись, когда густела мгла.
В чертогах только стража не спала.

КАВУС СОБИРАЕТ ВОЙСКА

Когда лучами солнце разорвало
Той ночи смоляное покрывало,

Восстал от сна и приказал Кавус,
Чтоб снаряжал слонов походных Тус.

Велел открыть сокровищницы недра
И одарил войска по-царски щедро.

Навьючили верблюдов и слонов
И сели воины на скакунов.

Сто тысяч было в шахском ополченье
Мужей могучих — грозных в нападенье.

А вскоре рать еще одна пришла
И тучей пыль над миром подняла.

Померкло небо от летящей пыли,
Копыта землю черную изрыли.

Гром барабанов огласил простор,
Колебля тяжкие подножья гор.

И так в походе войско напылило,
Что лик затмился вечного светила.

Лишь блеск щитов и копий на земле
Мерцал, как пламя, тускло в синей мгле.

И блеск убранств, и шлемов золоченых,
И золото, и пурпур на знаменах

Струились, как червонная река,
Сквозь черные густые облака.

И так был шахских войск поток огромен,
Что стал зенит, как в день затменья, темен.

До крепости из глины и камней
Дошли войска и стали перед ней,

Копытами поля окрест изрыли,
На десять верст шатры вокруг разбили.

Со стен их стража видела вдали.
«Идет Иран», — Сухрабу донесли.

И встал Сухраб, услыша весть такую,
И поднялся на башню крепостную.

И так Хуману он сказал, смеясь:
«Смотри, какая туча поднялась!..

Здесь наконец-то встретимся мы с шахом!»
Взглянул Хуман, вздохнул, исполнен страхом.

Сухраб воскликнул: «Полно, друг, вздыхать!
Сомненья прочь от сердца надо гнать.

Средь этих войск не вижу никого я,
Достойного меня на поле боя.

Я среди них не вижу мужа битв...
И не помогут им слова молитв!

Хоть велико иранских сил стеченье —
Прославленного нет средь ополченья.

Я строй их ратный разорву, как цепь, —
Рекой бегущей станет эта степь».

Сухраб душою светлой не смутился,
Он радостный с высоких стен спустился.

Сказал: «Эй, кравчий, принеси вина!
Сегодня пир, а завтра — пусть война».

И в замке, за столом благоуханным,
Он сел с богатырями и Хуманом.

РУСТАМ ПРОНИКАЕТ В КРЕПОСТЬ И УБИВАЕТ ЖАНДАРАЗМА

Встал в поле, золотой парчой горя,
Шатер миродержавного царя.

Повсюду были войск шатры разбиты,
Шатрами были склоны гор покрыты.

Когда склонилось солнце в свой чертог
И полумесяц озарил восток,

В кафтане тигровом Рустам великий
Вошел в шатер иранского владыки.

«Позволь в разведку мне пойти на час,
Взглянуть, кто ополчается на нас.

Проверю — правда ль, бич грозит нам божий?
Каков их вождь и кто его вельможи?»

«Твори как знаешь! — отвечал хосров, —
Лишь был бы невредим ты и здоров.

Ступай, да сохранит тебя предвечный,
О мой разумный друг, чистосердечный!»

Надев одежду тюрков, Тахамтан
Пошел, в вечерний погрузясь туман.

Во тьме не узнан стражею ночною,
Проник он в крепость дверью потайною,

Вот так же — к стаду серн крадется лев;
Вошел в чертог, все тайно осмотрев,

И увидал, скрываясь за колонной,
Сухраба он на возвышенье трона.

Направо от него сидел Жанда,
Хуман премудрый — слева, как всегда.

Вокруг сидели — славный лев Барман
И мужи, что прославили Туран.

Огромен был Сухраб, как мощный слон,
Один он занимал просторный трон.

Подобны конским бедрам руки были,
Как кипарис, он — в свежести и силе —

Сиял красой за царственным столом,
Прекрасен ликом, схож с могучим львом.

Сто избранных вокруг него сидело, —
Любой из них, как лев, бесстрашно смелый.

И пятьдесят проворных, верных слуг
Служили им и двигались вокруг.

Пирующие славу возгласили
Сухраба мощи, храбрости и силе.

В тени скрываясь, видел их Рустам
И слышал все, что говорили там.

Беседа шумно, весело текла.
Тут вышел Жандаразм из-за стола,

Увидев за колонной Тахамтана;
Он знал в лицо всех витязей Турана,

Но им во тьме Рустам не узнан был.
«Ты кто такой? — Жанда его спросил, —

Поди сюда! Я гляну перед светом...» —
И за руку схватил его при этом.

Рустам его по шее кулаком
Ударил — и Жанда упал ничком.

Не охнув, на пол замертво упал он,
Отвоевал навек, отпировал он.

Когда в начале жизненной весны
Сухраб собрался на стезю войны,

Мать льва-Сухраба — Тахмина — призвала
К себе Жанду и так ему сказала:

«Когда Рустам у нас гостил, тогда
Его в лицо ты видел, мой Жанда.

Будь спутником возлюбленного сына,
А я живу надеждою единой:

Когда он, жаждой подвигов дыша,
Войдет в Иран, ты, светлая душа,

Укажешь сыну, в поле пред сраженьем,
Отца, что ждет Сухраба с нетерпеньем».

Сухраб за чашей вспомнил о Жанде
И у вельмож спросил: «А друг мой где?»

Пошли искать. И видят: за колонной
Ничком лежит он, кем-то умерщвленный.

Когда Сухраб об этом услыхал —
Ему напиток сладкий горьким стал.

Вскочили гости в страхе и печали,
Пошли и Жандаразма увидали.

В слезах вернулись, говоря: «Беда!
О государь, увы, убит Жанда».

И встал Сухраб, пошел туда, как дым,
Бедой над ними грянувшей томим.

Певцы сбежались, слуги со свечами.
«Вот он, — сказали, — мертвый перед нами».

Сухраб был удивлен и огорчен,
Советников созвал ближайших он.

Сказал: «Извечный враг настороже́н,
Готовьтесь к бою, позабудьте сон.

Забрался в стадо волк в полночном мраке,
Увидел: спят и люди и собаки,

Барана в стаде лучшего схватил
И подло, втихомолку, умертвил.

Мы завтра — помоги, владыка мира, —
Утопчем степь для боевого пира!

Я за Жанду иранцам отомщу,
Я шаха на аркане притащу!»

И снова за столом он сел на ложе,
И воротились с ним его вельможи.

Сказал им лев-Сухраб: «О мудрецы,
Наставники, воители, бойцы,

Не стало старшего в беседе нашей...
Почтим же друга поминальной чашей!»

В свой стан вернулся той порой Рустам
И первого он Гива встретил там.

Гив-богатырь в ту ночь стоял на страже.
Он думал, что идет лазутчик вражий.

Схватил он меч, принять готовясь бой,
И поднял крепкий щит над головой.

Увидев, что отважный обознался,
Рустам в ответ негромко рассмеялся.

По голосу Рустама страж узнал,
Сбежал к нему за укрепленный вал.

Спросил: «Эй, витязь, в битвах неуемный,
Куда один ходил ты ночью темной?»

Ответил Гиву Заля славный сын,
Как в стан Турана он ходил один,

Как он проник в твердыню вражьих сил,
Как Жандаразма тайно поразил.

Ответил Гив: «О лев, бесстрашно смелый!
Что без тебя мы все, железнотелый?»

Оттуда к шаху Тахамтан пошел,
Подробный обо всем рассказ повел:

О пире, о Сухрабе-великане,
О дивном росте, о могучем стане:

«Нет, никогда не порождал Иран
Таких, как он! — добавил Тахамтан. —

И никогда такого исполина
Я не видал среди туранцев Чина.

Как будто это в прежней мощи сам
Возник передо мною всадник Сам!..»

Сказал, что там Жандой замечен был он,
Как насмерть кулаком его сразил он.

Был шах доволен, дать велел вина,
В беседе тайной ночь прошла без сна.

СУХРАБ СПРАШИВАЕТ У ХАДЖИРА ИМЕНА И ПРИМЕТЫ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ ИРАНСКОГО ВОЙСКА

Как только солнце щит свой золотой
Приподняло над горною грядой,

Сухраб — в величье мощи, в блеске власти —
Сел на коня-любимца темной масти.

Индийским препоясанный мечом,
Блистая царским шлемом над челом,

С арканом на луке седла крутого,
Он выехал — нахмуренный сурово —

На некий холм, чтобы издалека
Все осмотреть иранские войска.

Он привести велел к себе Хаджира,
Сказал ему: «Среди явлений мира

Стреле не подобает кривизна,
Кривая, — в цель не попадет она.

Во всем всегда правдивым будь со мною,
И милостивым буду я с тобою.

Что б ни спросил я — правду говори,
Не изворачивайся, не хитри.

За ложь в расправе короток я буду,
За правду будешь чтим у нас повсюду.

За правду, — я клянусь светилом дня, —
Добра увидишь много от меня.

Счастливейшим ты будешь из счастливых,
Богатство дам, почет, рабынь красивых.

А если ты от истины уйдешь,
Темницу, муки, цепи обретешь».

Хаджир ему сказал: «На все правдиво
Отвечу, что ни спросит царь счастливый,

Все расскажу я, что известно мне;
Душою чужд я лжи и кривизне.

Я жил и говорил всегда правдиво,
Поверь, что нет во мне и мысли лживой.

Душа достойных правдою сильна,
Мне ненавистны ложь и кривизна».

Сказал Сухраб: «Средь вражеского стана
Ты мне укажешь витязей Ирана, —

Богатырей могучих и вельмож —
Гударза, Туса, Гива назовешь.

Покажешь мне Бахрама и Рустама,
Что ни спрошу, — на все ответишь прямо,

Но знай — за ложь сурова будет месть.
Утратишь все — и голову и честь!

Чей там шатер стоит, парчой блистая,
Полами холм высокий осеняя?

Сто боевых слонов пред ним. Смотри —
Синеет бирюзовый трон внутри.

Над ним сверкает желтое, как пламя,
Серпом луны украшенное знамя.

Чья это ставка, что простерлась вширь
Так царственно? Кто этот богатырь?»

Хаджир ответил: «Это шах великий,
Богатырей, слонов и войск владыка».

Спросил Сухраб: «Там, справа, на крыле,
Толпится много войска в пыльной мгле,

Слоны ревут... Чей это там просторный
Средь гущи войск шатер раскинут черный?

Палаток белых ряд вокруг него,
Слоны и львы стоят вокруг него.

Над ним — слоном украшенное знамя,
Гонцы блестят расшитыми плащами.

На их конях попоны в серебре,
Кто отдыхает в черном том шатре?»

Хаджир ответил: «Со слоном на стяге,
Тус — предводитель войска, муж отваги.

Он родич падишаха, духом горд,
В бою, как слон, неустрашим и тверд».

Сухраб спросил: «Чей тот шатер багряный
Блестит, как день, парчою златотканой?

Чье голубое знамя над шатром,
Все в жемчуге, украшенное львом?

Чья рать вокруг шатра стоит большая,
Кольчугами и копьями сверкая?

Скажи мне, как вождя того зовут,
Смотри, не покриви душою тут».

Хаджир ответил: «Это — сын Кишвада,
Гударз, отец мой, щит наш и ограда.

С ним восемьдесят витязей — сынов,
Как восемьдесят тигров и слонов.

Пустыня перед ним полна покорства,
Лев с ним не выдержит единоборства».

Сухраб спросил: «А чей там тешит взор
Из шелка изумрудного шатер?

Как трон, у входа золотое ложе,
Пред ним стоят иранские вельможи.

Звезда Кавы * над тем шатром горит.
На троне в блеске царственном сидит

Могучий витязь. Средь мужей Ирана
Ни у кого нет плеч таких и стана.

Сидит — а выше на голову он
Стоящих, чьей толпой он окружен.

Конь перед ним едва ему по плечи,
Где ж конь такому витязю для сечи?

Я думаю, он на стезе войны
Неудержимей яростной волны.

Вокруг его шатра стоят слоны
Индийские, на бой снаряжены.

Я думаю, среди всего Ирана
Нет для него копья и нет аркана.

На знамени его — дракон и льва
Из золота литая голова.

Его я слышу голос, словно гром,
Кто этот воин? Расскажи о нем!»

И вся душа Сухрабова хотела
Услышать: «То Рустам — железнотелый!..»

Но иначе судил коварный мир, —
Трусливо правду утаил Хаджир.

Он думал: «Если все скажу я прямо,
Лев этот юный истребит Рустама.

Я скрою правду. Может быть, тогда
Иран минует страшная беда...»

Сказал Хаджир: «Приехал к нам из Чина
Посол, предстал к престолу властелина».

«А как зовут его?» — Сухраб спросил.
Хаджир в ответ: «Я имя позабыл».

Сухраб, чело нахмуривши сурово:
«Как звать его?» — спросил Хаджира снова.

Хаджир ответил: «О владыка львов,
О покоритель тигров и слонов!

Когда предстал он падишаха взору,
Я в Белый замок уезжал в ту пору.

Посла я видел, имя же его
До слуха не достигло моего».

Сухрабу сердце сжала скорбь тисками,
Хотел он слово слышать о Рустаме.

И хоть отец в сиянии венца
Сидел пред ним — он не узнал отца.

Он жаждал слов: «Рустам перед тобою!»
Иное было суждено судьбою.

Все совершится, как предрешено,
Что от рожденья нам судьбой дано.

Под крыльями судьбины роковыми
И зрячие становятся слепыми.

Опять спросил Сухраб: «А это кто ж
Разбил шатер из кеевых вельмож?

Слоны стоят там, всадники хлопочут,
Карнаи там взывают и грохочут.

С изображеньем волка пышный стяг
Под свежим ветром веет в облаках.

На троне муж сидит, а перед троном
И счета нет почтительно склоненным.

Кто этот славный муж, откуда он,
Кто столь великой властью облечен?»

Хаджир ответил: «Это ставка Гива,
Он — сын Гударза, витязь горделивый.

Он столь высокой властью облечен,
Военачальник кею близкий он,

Любимый зять Рустама Тахамтана,
Ему подобных нет в войсках Ирана».

Спросил Сухраб: «А белый чей шатер
Там, на востоке, у подножья гор?»

Пред ним, в парче румийской, муж могучий.
Вокруг войска теснятся, словно тучи.

Их шлемы словно белые цветы,
И серебром сверкают их щиты.

Парчой украшен белый свод шатровый,
И трон из кости перед ним слоновой.

И все его убранство — дня светлей.
Кто это — самый пышный из князей?»

Хаджир сказал: «То Фарибурз-воитель,
Сын падишаха, славный предводитель».

Сказал Сухраб: «Венец ему к лицу,
А войско поклоняется венцу.

Высок престол, и царственно обличье.
Подходит сыну шахскому величье.

Скажи теперь, кто в желтом том шатре?
Над ним — горя, как тучи на заре, —

Знамена алые и голубые
Полощутся, блестят значки цветные.

На шелке стяга булава видна,
На древке серебром горит луна.

Кто в том шатре? Ты назови мне имя
Богатыря меж львами боевыми!»

Хаджир сказал: «Зовут его Гураз,
Он храбростью прославлен среди нас.

Он старший сын воинственного Гива,
Неутомимый, быстрый, прозорливый».

Отца приметы лев-Сухраб искал,
Но правду от него Хаджир скрывал.

Что в мире смертного произволенье,
Где все предначертало провиденье,

Где тайным все венчается концом,
Заранее решенное творцом?

Отравлен миром, в муках ты изноешь,
Коль счастье в доме временном построишь.

И у Хаджира вновь Сухраб спросил
О том, чье имя в сердце он носил.

О том шатре зеленом на вершине
Холма, о том могучем исполине.

Сказал Хаджир: «Мне нечего скрывать,
Тебе я клялся правду отвечать.

Посол из Чина он, — я полагаю...
А имени его я, шах, не знаю».

«Ты не правдив со мной, — Сухраб сказал, —
Ведь ты Рустама мне не указал.

С войсками все иранские владыки
Здесь на виду, а где ж Рустам великий?

Как может в тайне оставаться тот,
Кого Иран защитником зовет?

Ведь если шах Ирана скажет слово
И тучей встанет воинство хосрова,

Не даст он знака в бой вступить войскам,
Пока не встанет впереди Рустам!»

И вновь открыл Хаджир уста ответа:
«Рустам могучий здесь, конечно, где-то.

Или в Забуле, у себя в горах,
Теперь ведь время пировать в садах».

Сказал Сухраб: «А поведет их кто же?
Нет, это на Рустама не похоже.

Подумай сам: все вышли воевать,
А вождь Рустам уехал пировать?

Нет, не поверю я такому чуду,
Я много говорить с тобой не буду.

Рустама ты покажешь мне сейчас,
И будешь возвеличен ты у нас.

Тебя я высшей чести удостою,
Сокровищницы пред тобой раскрою.

А если тайну будешь ты скрывать,
Хитрить и предо мной бесстыдно лгать —

То будет коротка с тобой расправа.
Сам выбирай: бесчестье или слава.

И притча есть: когда мобед открыл
Хосрову тайну — так он говорил:

«Несказанная истина таится,
Как жемчуг в перламутровой темнице.

И, только долгий плен покинув свой,
Она заблещет вечной красотой».

Хаджир ему ответил: «Если сам
Захочет боя исполин Рустам,

Противоборца ищет он такого,
Что ломит палицей хребет слоновый.

Ты видел бы, каков он — Тахамтан, —
Его драконью шею, плечи, стан.

Ты видел бы, как демоны и дивы,
Бегут, когда идет Рустам счастливый.

Он палицей скалу рассыплет в прах,
Он на войска один наводит страх.

Кто ни искал с Рустамом поединка,
Растоптан был могучим, как былинка.

А пыль из-под копыт его коня,
Как туча, заслоняет солнце дня.

Ведь он владеет силой ста могучих,
Велик он, как утес, чье темя в тучах.

Когда душой он в битве разъярен,
Бегут пред ним и тигр, и лев, и слон.

Гора не устоит пред ним. Пустыня —
У ног его покорная рабыня.

От Рума по Китайский океан
Прославлен в мире воин Тахамтан.

О юный шах, я искренен с тобой, —
С Рустамом грозным ты не рвись на бой!

Хоть видел ты мужей в степях Турана,
Афрасиаба знаешь и Хумана,

Но всех туранских витязей один
Развеет в пыль забульский исполин».

И отвечал Сухраб вольнолюбивый:
«Я вижу — под звездою несчастливой

Гударз тебя отважный породил, —
Отца и братьев честь ты омрачил.

Где видел ты мужей? Где слышал топот
Коней в бою? Где взял ты ратный опыт?

Ты только о Рустаме говоришь,
Ты, как на бога, на него глядишь.

Когда я встречусь с ним на поле боя,
Вся степь вскипит, как хлябище морское.

Тебе стихия пламени страшна,
Когда спокойно плещется волна.

Но океан зелеными валами,
Затопит землю и погасит пламя.

И мрака ночи голова падет,
Лишь солнца меч пылающий блеснет».

Смолк, отвернулся от него угрюмо
И загрустил Сухраб, объятый думой.

Хаджир подумал: «Если я скажу
Всю правду и Рустама покажу

Туранцу юному с могучей выей,
Тогда он соберет войска большие

И в бой погонит своего коня —
Он навсегда затмит нам солнце дня.

Могучий телом, яростный, упрямый —
Боюсь, что уничтожит он Рустама.

Кто выстоит против него из нас?
Рустам на бой с ним выйдет в грозный час.

А ведь учил мобед нас величавый:
«Чем жить в бесславье, лучше пасть со славой».

Пусть буду я рукой его убит,
Но смерть моя Рустама сохранит.

Кто я? — восьмидесятый сын Гударза,
Я младший сын прославленного барса.

Пусть будет круг богатырей счастлив,
Пусть будет жив завоеватель Гив,

Пусть вечно не увянет мощь Бахрама,
Пусть не падет вовек звезда Руххама!

Пусть я умру, они же устоят
И за меня туранцам отомстят.

Что жизнь мне, коль Иран постигнут беды?
Я помню, как учили нас мобеды:

«Коль кипарис поднимет к небу стан,
То на кустарник не глядит фазан».

И молвил он Сухрабу: «Ты упрямо
Меня расспрашиваешь про Рустама, —

Отколь такая ненависть к нему?
Зачем тебе он нужен, не пойму?

Зачем ты к неизвестному стремишься
И в гневе мне расправою грозишься?

А если хочешь голову мне снять —
Руби, не надо повода искать.

Не обольщай себя мечтой незрелой.
И если здесь Рустам слоновотелый,

Поверь — он пред тобою устоит,
И сам тебя во прах он превратит».

НАПАДЕНИЕ СУХРАБА НА ШАТЕР КЕЙ-КАВУСА

Как услыхал Сухраб ответ такой,
К Хаджиру повернулся он спиной.

Скрыл от него лицо свое сурово
И больше не сказал ему ни слова.

Ударил кисти тыльной стороной,
Сбил с ног его, в шатер вернулся свой.

Один там, ночи пасмурной угрюмей,
Он долго предавался некой думе.

И встал и препоясался на бой,
Снял с головы венец он золотой,

Надел взамен индийский шлем булатный,
Облек могучий стан кольчугой ратной.

Взял меч, копье и палицу свою,
Как тяжкий гром разящую в бою.

От ярости и гнева весь кипел он,
На скакуна играющего сел он,

И, кажущийся мчащейся горой,
Как опьяненный слон, помчался в бой.

Пыль до луны, как облако, всклубил он —
Ворвался в средоточье вражьих сил он.

Как стадо ланей перед ярым львом,
Войска бежали пред богатырем.

Бежали храбрые пред закаленным
Копьем, в скопленье войска устремленным.

Щит поникал, роняла меч рука,
Страх обуял иранские войска.

Средь боя на совет сошлись вельможи,
Сказали: «Если он не Сам, то кто же?

Вежд на него без ужаса поднять
Нельзя!.. Кто ж битву может с ним принять?»

Тут загремел Сухраб, как гром небесный:
«Эй, Кей-Кавус, коварный шах бесчестный!

За все грехи ответишь ты сейчас!
Как чувствуешь себя ты в этот час?

Увижу я теперь не льва, а труса,
Когда метну аркан на Кей-Кавуса!

Как в ход пущу я меч свой и копье,
Я истреблю все воинство твое.

Когда лазутчик твой в наш стан прокрался,
Убил Жанду, — я солнцем дня поклялся,

Что перебью вас всех своим копьем,
А шаха на аркан возьму живьем.

Так что ж хвалился ты богатырями?
Где львы твои с могучими когтями?

Где Фарибурз, где Гив, Гударз и Тус,
Где славный лев — Рустам твой, Кей-Кавус?

Где богатырь Занга — любимец битвы?
Пусть выйдут! Не помогут им молитвы!

Что прячутся они? Пускай в бою
Покажут мощь хваленую свою!»

Умолк Сухраб. Мгновенья миновали.
В ответ иранцы в ужасе молчали.

Тут молча лев-Сухраб на холм взошел.
Где был шатер Кавуса и престол.

Ударил. Кольев семьдесят опорных
Свалил под грудою ковров узорных!

Карная рев над войском загремел,
Но шах Кавус собою овладел.

И возгласил: «Эй вы, столпы Ирана,
Скачите в стан Рустама Тахамтана!

Скажите: несказанна мощь его,
И выйти некому против него!

Не выстоит никто против удара
Туранца, кроме сына Зали-Зара».

Помчался в стан Рустама старый Тус,
Все рассказал, что приказал Кавус.

Рустам в ответ: «Всегда, когда владыка
Меня зовет пред царственное лико, —

Я знаю — будет битва. Он всегда
Зовет меня туда, где ждет беда».

Велел Рустам, чтоб Рахша оседлали,
Чтоб воины в готовности стояли.

Взглянул он в поле, видит: полем Гив
Куда-то скачет, густо напылив.

Вот взял Рустам седло из серебра.
Сказал Гургин: «Поторопись, пора!..»

Вот крепко подтянул Рустам подпругу,
А Тус помог надеть ему кольчугу.

Покамест сборы их на битву шли,
Они карнай услышали вдали.

И дрогнула душа у Тахамтана,
Сказал он: «Это битва Ахримана!

Поистине в день Страшного суда
Не над одной душой висит беда!..»

Тут поясом злаченым Тахамтан
Свой препоясал тигровый кафтан.

На Рахша сел Рустам и в путь собрался.
В шатре с войсками Завара остался.

Сказал Рустам: «Здесь будешь ты внимать
Нам издали, как любящая мать».

И понесли знамена пред Рустамом,
Свирепым в гневе и в бою упрямым.

Когда Сухраба увидал Рустам,
Он дрогнул духом: «Впрямь — он воин Сам,

Ни у кого нет груди столь широкой,
Могучих плеч и выи столь жестокой...»

Сказал Рустам Сухрабу: «Отойдем,
В открытом поле ратный спор начнем».

Услыша слово честное такое,
Отъехал в степь Сухраб, взыскуя боя.

Потер ладони он, оружье взял
И так Рустаму весело сказал:

«Поедем, муж! И пусть толкуют люди
О нашем ратоборстве, как о чуде.

Иранцев и туранцев не возьмем,
Мы в поле выедем с тобой вдвоем».

Любуясь, как Сухраб взирает гордо,
Как на коне своем сидит он твердо,

Рустам сказал: «О юный витязь мой,
Над этой степью, хладной и сухой,

Как нынче тепел ветерок весенний!..
Я много на веку видал сражений.

Я не людей — драконов убивал,
И поражений в битве я не знал.

Чудовищ Нила клал я на лопатки,
Ты поглядишь — каков я буду в схватке.

В ущельях снежных гор, в волнах морей
Разил я дивов — не богатырей.

Мне звезд поток — свидетель неизменный,
Что мужеством потряс я круг вселенной.

И сколько видели боев моих,
Не меньше числят и пиров моих.

К тебе во мне вдруг жалость возгорелась,
Мне убивать тебя бы не хотелось.

Таких, как ты, не порождал Туран,
Тебе подобных не видал Иран.

В тебе мне солнце новое явилось!»
Сухраба сердце тут к нему склонилось.

Сказал Рустаму: «Молви правду мне
До основанья о твоей родне.

Скажи мне о Дастане и о Саме,
Порадуй сердце добрыми словами!

Мне кажется, что предо мной Рустам,
Заль-Зара сын, чей предок был Нейрам».

Рустам сказал: «Ты видишь не Рустама,
Я не из рода Сама и Нейрама.

Рустам ведь богатырь, Ирана свет,
А у меня венца и трона нет».

И от души Сухраба отлетела
Надежда, будто солнце потемнело.

Он молча в руку взял свое копье,
Хоть вспомнил мать и все слова ее.

ПЕРВЫЙ БОЙ РУСТАМА И СУХРАБА

Так в степь они решили отдалиться,
И на коротких копьях стали биться.

Разбились в щепы древки копий их.
Налево повернув коней своих,

Индийские мечи герои взяли
И сшиблись. Искры сыпались из стали.

Казалось, в мире Судный день настал,
Так пламень их мечей во мгле блистал.

Мечи их зазубрились, искрошились.
За палицы тогда они схватились

И сшиблись снова яростней судьбы.
Заржав, их кони встали на дыбы,

Заржали страшно в бешеном испуге,
Разорвались на витязях кольчуги.

Сломались палицы у них в руках,
Рассыпались доспехи на конях.

По телу кровь лилась. Так сшиблись дважды,
Их языки потрескались от жажды.

И стали — юноша и исполин.
Страдал отец, томился мукой сын.

О мир, как дивно круг ты совершаешь —
Ломаешь то, а это исправляешь!

В их душах не затеплилась любовь.
Далек был разум, и молчала кровь.

Онагр в степи детеныша узнает,
И рыба сердца голосу внимает,

Но человек, когда враждой кипит,
И сына от врага не отличит.

Сказал Рустам: «Я и в пучине Нила
Столь гневного не видел крокодила.

Как дивов я громил, весь знает свет,
Моя же слава здесь сошла на нет.

С юнцом каким-то сшибся я. И что же —
Он устоял против меня, — о, боже!

Устал я тяжко. В тягость мир мне стал.
Два войска смотрят, — а Рустам устал».

Когда немного отдохнули кони
От сшибок в нападенье и в погоне,

Мужи на вызов чести поднялись,
За луки медные они взялись.

Один — юнец, другой — седой и хмурый,
Они надели тигровые шкуры.

Пошли стрелять. От их пернатых стрел
Степной онагр укрыться б не успел.

Летели стрелы гуще листопада.
Скажи: «Стрелять друг в друга им отрада!»

Потом взялись они за пояса,
Рустам как будто за утес взялся.

Когда бы взял он каменную гору,
Он гору б в пыль развеял по простору.

Сухраба же за пояс потянул,
Но и в седле его не пошатнул.

Сухраб сидел в седле, как столп железный,
Рустама мощь была тут бесполезной.

И разошлись они — тот и другой,
Так утомил их долгий, тяжкий бой.

Увяла мощь Рустамовой десницы,
Пред мощью богатырской поясницы.

И вновь Сухраб могучий, полн огня,
В коленах крепко сжав бока коня,

В плечо ударил палицей Рустама,
Так, что Рустамово поникло рамо,

Так, что от боли извивался он,
Ударом богатырским потрясен.

«Эй, муж, — сказал Сухраб, — как
не смеяться? —
Тебе передо мной не удержаться!

Вынослив, крепок конь могучий твой,
Тебе ж не устоять передо мной.

В моей груди ты жалость вызываешь,
Гляди — ты кровью землю обливаешь.

Ты — богатырь, ты станом — кипарис,
Но стар годами, так не молодись».

В ответ ни слова Тахамтан угрюмый.
Он промолчал, объятый тяжкой думой,

Им было горько. Мощь была равна.
И стала им — увы — земля тесна.

И оба друг от друга отвратились,
Умолкли, в размышленье погрузились.

Внезапно Тахамтан рассвирепел,
Как буря на туранцев налетел.

Сухраб же стал топтать войска Ирана,
Как разъяренный слон, от крови пьяный.

Рустам средь боя Рахша повернул,
Раскаявшись, он тяжело вздохнул.

Подумал, что в кровавом этом море
И шаха, может быть, постигло горе.

И, повернув коня, в пыли, в дыму
Рустам помчался к стану своему.

Созрело в сердце у него решенье,
Вернуться в стан и прекратить сраженье.

Сухраба грозного — в крови всего —
Он увидал средь стана своего.

И конь его — от гривы до копыт —
Иранской красной кровью был облит.

Как лев, стоял он, кровью обагренный,
Сухраб могучий, битвой опьяненный.

И в ярости Рустам пред ним предстал
И, словно тигр взбешенный, зарычал:

«Эй ты, туранский выродок, убийца!
За что ты губишь слабых, кровопийца?

Ты здесь как в стаде волк, а не в бою,
На мне бы ты истратил мощь свою!»

Сухраб ответил: «Гневом был объят я.
В кровопролитии не виноват я.

Ты первый на туранцев налетел,
Ты сам со мною боя не хотел».

Рустам ему: «Уж поздно. Вечер стынет.
Когда заутра солнце меч свой вынет,

С тобой мы завтра снова выйдем в бой,
И пусть над чьей-то плачут головой.

Ночь мира нынче ляжет между нами,
День омрачен сегодня был мечами.

Но от души, хоть оба мы в крови,
Тебе желаю, — вечно ты живи!»

И разошлись они. И степь затмилась.
Сияньем звездным небо осветилось.

Сказал бы ты — из глины вечных сил
Творец миров Сухраба замесил.

В степи безводной, сколько б ни скакал он,
От верховой езды не уставал он.

Не ровня коням лучшим боевым,
Как из железа — был и конь под ним.

Неутомим в бою, могуч, беспечен,
Чист был душой Сухраб, добросердечен.

Во тьме ночной к войскам вернулся он,
Томимый жаждой, боем утомлен.

Сказал Хуману: «Вечное светило
Сегодня суматохой мир затмило.

Я думаю, достигла вас молва
О витязе, чья длань, как лапа льва.

С ним нынче стан иранский не бесславен.
Я удивлен был — мне он силой равен.

Побил он много войска моего,
Ему не знал я равных никого.

Он стар, но он как тигр в пылу ловитвы...
Он не насытился смятеньем битвы.

Коль рассказать о нем я захочу,
Я до утра, друзья, не замолчу.

Как юноша, он в бой стремится бодро.
А руки старца — как верблюжьи бедра.

Я не встречал сильнее никого
Богатыря безвестного того!»

Сухрабу отвечал мудрец Хуман:
«Здесь без тебя я охранял твой стан.

В степи я с войском под горой стоял,
Но битвы я, мой шах, не начинал.

Вдруг некий муж с мечом предстал пред нами,
Верхом, блистая грозными очами.

Напал на нас он, гневом разъярен,
Топтал и гнал он нас, как пьяный слон.

Но вдруг лицом от боя отвратился,
И вскачь к себе в обратный путь пустился».

Сухраб спросил: «Кто ж дал ему отпор?
Кто встал из вас ему наперекор?

Я сам убил их много. Степь полита
Их кровью, — как тюльпанами покрыта.

И знай, что если б — гневом разъярен —
Мне повстречался див или дракон,

Поверь — ни тот, ни этот не ушел бы,
Счет с ними палицей моей я свел бы.

Но что же вы — на бой мой издали
Смотрели и на помощь не пришли?

Какой нам прок в сраженье получился,
Когда один я на майдане бился?

Явись мне в поле тигр иль носорог,
Он от моей стрелы уйти б не мог.

Богатыри в смятенье предо мною
Рассеялись, как птицы пред грозою.

Назавтра день проглянет из-за туч
И победит могучий, кто могуч.

Клянусь я тем, кто, вечный мир творя,
Дал жизнь мне — я свалю богатыря.

Вели, чтоб нам вина и пищи дали,
Пора изгнать из сердца все печали».

Рустам войска дозором обходил
И так с печальным Гивом говорил:

«Да, друг, устойчив был Сухраб сегодня,
Над ним, как видно, благодать господня».

Ответил Гив: «Благодаря судьбе
Не видели мы равного тебе.

Но тот юнец рассеял войско Туса
Прошел, как смерч, до ставки Кей-Кавуса.

Разя копьем, он к нам ворвался в стан,
Шатер царя свалил, как ураган.

Блеснул в его руке клинок индийский,
Сбил с головы он Туса шлем румийский.

Не выдержав с ним боя, Тус бежал,
Никто из нас пред ним не устоял.

Лишь ты один, Рустам железнотелый,
Ты устоял пред ним, бесстрашно смелый.

А я, как в древние велось века,
Ждал и не двинул на него войска.

Таков у нас закон единоборства,
Но мощь его, и ярость, и упорство

Всех устрашили. Он напал один,
На наше войско — этот исполин.

Никто на бой с ним выйти не решился,
На нас он, словно буря, устремился.

Ворвался в средоточье наших сил —
Ядро и правое крыло разбил.

Мы содрогнулись перед ним от страха,
Нас ужаснула участь падишаха».

Рустам молчал. Печалью омрачен,
Стопы направил к Кей-Кавусу он.

Царь Тахамтана ждал, навстречу встал он.
«Садись со мною рядом, друг!» — сказал он.

И сел Рустам и начал свой рассказ:
«Нет, шах мой, ни в Туране, ни у нас

Ни дива я не знал, ни крокодила —
Столь храброго, с такою дивной силой.

Он молод, но искусно бой ведет,
Он так высок, что звездный небосвод,

Казалось мне, плечами подпирает,
Так грузен он, что землю прогибает.

Как конское бедро, его рука.
Но более могуча и крепка.

Оружье от меча и до аркана
Все в ход пустил я против льва Турана.

Я вспомнил, скольких сбрасывал с седла, —
Ведь мощь моя былая не ушла.

И за кушак его со всею силой
Схватил, рванул я. Да не тут-то было.

Его с седла всей силой рук моих
Хотел я сбросить наземь, как других.

И понял я — ничто пред ним та сила,
Что мощь Мазандерана сокрушила.

Он был подобен каменной скале,
Не пошатнулся он в своем седле.

Стемнело уж, когда мы с ним расстались,
В высоком небе звезды загорались.

И мы уговорились меж собой,
Что завтра вступим в рукопашный бой.

А завтра, шах мой, только день наступит —
Бесчестье, может быть, Рустам искупит.

Кто победит? Не ведаю конца.
Судьба в руке предвечного творца...»

Сказал Кавус: «О муж, молю Йездана,
Чтоб истребил ты тигра из Турана.

Я наземь ныне упаду лицом,
Молиться буду я перед творцом,

Чтобы Йездан развеял наши беды,
Чтоб силу дал тебе он для победы.

Чтоб вновь звезда Рустамова зажглась,
Чтоб слава по вселенной пронеслась!»

Рустам ответил: «Внемлет пусть предвечный
Твоей молитве, шах чистосердечный!»

И встал он. И, печальный бросся взор,
Ушел Рустам, вернулся в свой шатер.

Вернулся, полон горестных раздумий,
С душою, ночи пасмурной угрюмей.

Рустама встретив, Завара спросил:
«Добром ли день нас этот осенил?»

Еды спросил сперва Рустам. Насытясь,
От горьких дум освободился витязь.

И все он брату рассказал потом,
Что было с ним на поле боевом.

Хоть было два фарсанга меж войсками,
В ту ночь не спали люди под шатрами.

И так Рустам промолвил Заваре:
«Опять я в битву выйду на заре.

А ты меня спокойно ожидай,
Будь мужествен, в смятенье не впадай.

Веди мои войска, неси знамена,
Ставь золотое основанье трона.

Перед шатрами в поле жди меня,
Я отдохну до наступленья дня.

Чтоб в силе быть и духом укрепиться,
Не нужно мне на битву торопиться.

А если завтра свет затмится мой,
Не подымайте воплей надо мной.

Пусть я паду, ты — и во имя мщенья —
С туранцами не начинай сраженья.

В поход обратный собирай свой стан,
К Дастану поспеши в Забулистан.

Пусть ведает отец наш престарелый,
Что сила Тахамтана отлетела.

И, знать, угодно было небесам,
Чтоб юношей был побежден Рустам.

Утешь, о брат мой, сердце Рудабы!
Что слезы перед волею судьбы?

Скажи, чтоб воле неба покорилась,
Чтоб неутешной скорбью не томилась.

Я львов, и барсов, и слонов разил,
Меня страшились див и крокодил,

Тяжелой палицей крушил я стены,
Служило счастье мне без перемены.

Но тем, кто часто смерть привык встречать,
Придется в двери смерти постучать.

Хоть сотни лет мне счастье верно служит,
Но мир свое коварство обнаружит».

Так долго вел беседу с братом он,
И лег потом, и погрузился в сон.

ВТОРОЙ БОЙ РУСТАМА С СУХРАБОМ

Лишь, грифу ночи разорвавши горло,
Над миром солнце крылья распростерло,

Встал с ложа сна могучий Тахамтан,
Надел кольчугу, тигровый кафтан

И, шишаком железным осененный,
Сел на коня, как на спину дракона.

Сухраб сидел беспечно за столом
С красавицами, с музыкой, с вином.

Сказал Хуману: «Этот лев Ирана,
Что выйдет в бой со мною утром рано,

Он равен ростом мне. Как я — силен,
В бою, как я, не знает страха он.

Так станом, шеей схожи меж собой мы,
Как будто в форме вылиты одной мы.

Внушил приязнь он сердцу моему.
И я вражды не чувствую к нему.

Все признаки, что мать мне называла,
Я вижу в нем. Душа моя вспылала, —

Поистине — он, как Рустам, на вид.
Уж не отец ли мой мне предстоит?

Томлюсь я тяжкой мукой и не знаю —
Не на отца ли руку подымаю?

Как буду жить я? Как перед творцом
Предстану с черным от греха лицом?

Нет, и под страхом смертного конца,
Не подыму я руку на отца!

Иль светлый дух навек во мне затмится,
И мир весь от Сухраба отвратится.

Злодеем буду в мире наречен,
На вечные мученья обречен.

Душа в бою становится суровей,
Но зло, а не добро в пролитье крови».

И отвечал Хуман: «За жизнь свою
Рустама прежде я встречал в бою.

Ты слышал ли, как пахлаван Ирана
Твердыню сокрушил Мазандерана?

А этот старый муж? Хоть с Рахшем схож
Могучий конь его — не Рахш он все ж».

Весь мир уснул. Свалила всех усталость,
Лишь стража на стенах перекликалась.

Сухраб-завоеватель той порой
Встал с трона, удалился на покой.

Когда же солнце встало над землей,
Он поднялся от сна на новый бой.

Кольчугою стальной облек он плечи,
Надел доспехи, взял оружье сечи.

Витал он мыслью в поле боевом,
И сердце радостью кипело в нем.

И прискакал он в степь, щитом сверкая,
Своей тяжелой палицей играя.

Рустам был там. Как ночь, он мрачен был,
Сухраб его с улыбкою спросил:

«Как отдыхал ты ночью, лев могучий?
Что ты угрюм, как сумрачная туча?

Скажи мне правду, витязь, каково
Теперь желанье сердца твоего?

Отбросим прочь мечи свои и стрелы
И спешимся, мой ратоборец смелый.

Здесь за беседой посидим вдвоем,
С лица и сердца смоем хмурь вином.

Потом пойдем к иранскому владыке
И перед ним дадим обет великий.

Кто б на тебя ни вышел — мы на бой
Пойдем и вместе победим с тобой.

К тебе мое невольно сердце склонно,
Кто ты такой? — я думаю смущенно, —

Из рода славных ты богатырей?
О родословной расскажи своей.

Кто ты? — вопрос я многим задавал,
Но здесь тебя никто мне не назвал.

Но если вышел ты со мной на бой,
Ты имя мне теперь свое открой.

Не ты ли сын богатыря Дастана,
Рустам великий из Забулистана?»

«О славы ищущий! — сказал Рустам, —
Такие речи не пристали нам.

Вчера мы разошлись и дали слово,
Что рано утром бой начнем мы снова.

Зачем напрасно время нам тянуть?
Не тщись меня ты лестью обмануть.

Ты молод — я зато седоголовый.
Я опоясался на бой суровый.

Так выходи. И будет пусть конец
Такой, какой предначертал творец.

На поле боя — всякий это знает —
Мужам друг другу льстить не подобает.

Я многих на веку сразил врагов
И не люблю коварных льстивых слов».

Сухраб ответил: «Тщетны сожаленья, —
Отверг мои ты добрые стремленья.

А я хотел, о старый человек,
Пред тем как мир покинешь ты навек,

Хотел я, чтобы разум возвратился
К тебе, чтоб ты от злобы отрезвился

И чтобы мы могли тебя почтить
Пред тем, как в землю черную зарыть.

Ну что ж — я силой рук и волей бога
Твой разум нынче просветлю немного».

И вот бойцы, уже не тратя слов,
Сошли с железнотелых скакунов.

И пешие — на бой в открытом поле —
Сошлись они, полны душевной боли.

Как львы, схватились яростно. И вновь
По их телам струились пот и кровь.

И вот Сухраб, как слон от крови пьяный,
Всей мощью рук взялся за Тахамтана.

Он за кушак схватил его, рванул,
Сказал бы ты, что гору он свернул.

Как лютый зверь, он на Рустама прянул,
И вскинул вверх его, и наземь грянул.

Свалил он льва среди богатырей
И сел на грудь всей тяжестью своей,

К земле Рустама грузно придавивши,
Как лев, самца-онагра закогтивший.

Поверг спиной Рустама в прах земли,
И было все лицо его в пыли...

И вырвал из ножон кинжал блестящий,
И уж занес его рукой разящей.

Рустам сказал: «Послушай! Тайна есть, —
Ее открыть велят мне долг и честь.

О покоритель львов, о тигр Турана,
Искусен ты в метании аркана.

Искусством ты и силой наделен,
Но древний есть у нас один закон.

И от него нельзя нам отступиться,
Иначе светоч мира омрачится.

Вот слушай: «Кто благодаря судьбе
Врага повалит на землю в борьбе,

То есть такой закон для мужа чести, —
Не должен, и во имя правой мести,

Его булатом смертным он разить,
Хоть и сумел на землю повалить.

И только за исход второго боя
Венчается он славою героя.

И если дважды одолеет он,
То может убивать. Таков закон».

Чтобы спастись от смерти неминучей,
Прибег к коварству Тахамтан могучий.

Хотел он из драконьих лап уйти
И голову от гибели спасти.

Сухраб свирепый, с богатырским телом,
Был еще отрок с разумом незрелым.

Доверчиво он внял его словам —
Он думал, что не может лгать Рустам.

Хоть о таком обычае старинном
Он не слыхал, поверил он сединам.

И, по величью сердца своего,
Рустама поднял, отпустил его.

И поскакал Сухраб далеко в поле,
Где лани по холмам паслись на воле.

Ловил онагров, ланей он стрелял,
А о Рустаме и не вспоминал.

Темнело... И Хуман предстал пред ним,
Встревожен, как гонимый ветром дым.

И рассказал Сухраб, как победил он
И как живым Рустама отпустил он.

Сказал Хуман: «О витязь, вижу я,
Тебе постыла рано жизнь твоя!

О, горе мощной мышце и плечу,
Руке разящей, грозному мечу!

Ты тигра страшного поймал в тенёта
И отпустил, — напрасная охота!

Увы, беда нам завтра предстоит.
Возмездье за поступок твой грозит.

Страшней над нами не было удара,
Чем завтра от судьбы нам будет кара.

А есть завет: «Убей врага, хотя б
Он пред тобой ничтожен был и слаб!»

Умолк Хуман, и к стану поскакал он,
Надежду на Сухраба потерял он.

Ушел, непоправимым потрясен,
В тяжелое раздумье погружен.

«Эй, друг! — сказал Сухраб, догнав Хумана, —
Утешься, ты увидишь завтра рано,

Лишь выйдет он на бой со мною тут,
Как я надену на него хомут!»

Рустам от вражьих рук освободился,
И, как гора, он духом укрепился.

Как будто вновь он жизнь вернул свою.
Поехал он к потайному ручью.

От жажды у него гортань горела.
Он напился. Омыл лицо и тело

И на колени пал перед творцом,
Перед Йезданом — сущего отцом.

И долго о победе он просил,
Упав перед владыкой вечных сил.

Душой своею небо заклинал он,
Что солнце принесет ему — не знал он.

Не знал он — даст победу небосвод
Или венец с главы его сорвет.

Я слышал — смолоду такою силой
Судьба Рустама щедро одарила,

Что если он на камень наступал,
То ногу в камень тяжко погружал.

И эта мощь, как тягостное бремя,
Томила дух его в былое время.

И он взмолился перед троном сил,
И кротко, со слезами он просил

Всех смертных одаряющего бога,
Чтоб сил убавил он ему немного.

Пречистый внял Йездан его мольбам,
И облегченье ощутил Рустам.

Теперь же, юным устрашен Сухрабом,
Представ пред ним в единоборстве слабым,

Взмолился он Йездану: «О творец!
Грозит мне пораженье и конец.

Верни всю мощь мне силы необъятной,
Что в юности ты дал мне невозвратной!»

И совершилось то, что он просил,
В нем море поднялось великих сил.

От места потаенного молитвы
Вернулся вновь Рустам на поле битвы.

Полно тревоги сердце у него,
Поблекло от забот лицо его.

Сухраб как слон примчался опьяненный,
Арканом и копьем вооруженный.

Онагра догоняя, мчался он,
Как дикий лев, охотой разъярен.

Был конь Сухраба, словно мир, огромен,
Вихрь пыли вился вслед, как туча, темен.

И снова с изумленьем перед ним
Встал Тахамтан, раздумием томим.

Сухраб, приблизясь, увидал Рустама,
Взыграл весельем дух его упрямый.

С улыбкой на врага он своего
Взглянул, увидел мощь и блеск его.

Сказал: «Ты здесь опять, старик бесстрашный,
Из львиных лап ушедший в рукопашной?

Ты счастье вновь решил пытать со мной,
Эй, муж, хоть ты идешь кривой стезей!

Что? Жизнь тебе, как видно, надоела?
Ты снова тигру в когти рвешься смело?

Вчера уважил старость я твою,
И жизнь твою я пощадил в бою».

И отвечал Рустам слоновотелый:
«Эй, лев Турана, муж бесстрашно смелый,

Что толку в битве от пустых речей?
Ты возгордился юностью своей.

Но, лев могучий, только небо знает,
Кого победа нынче увенчает.

А если счастье лик свой отвратит,
Как мягкий воск становится гранит».

СМЕРТЬ СУХРАБА ОТ РУКИ РУСТАМА

Сойти с коней им время наступило,
Беда над головами их парила.

И в рукопашной вновь они сошлись,
За пояса всей силою взялись.

Сказал бы ты, что волей небосвода
Сухраб был связан — мощный воевода.

Рустам, стыдом за прошлое горя,
За плечи ухватил богатыря,

Согнул хребет ему со страшной силой.
Судьба звезду Сухрабову затмила.

Рустам его на землю повалил,
Но знал, что удержать не хватит сил.

Мгновенно он кинжал свой обнажил
И сыну в левый бок его вонзил.

И тяжко тот вздохнув перевернулся,
От зла и от добра он отвернулся.

Сказал: «Я виноват в своей судьбе,
Ключ времени я отдал сам тебе.

А ты — старик согбенный... И не диво,
Что ты убил меня так торопливо.

Еще играют сверстники мои,
А я — на ложе смерти здесь — в крови.

Мать от отца дала мне талисман,
Что ей Рустам оставил, Тахамтан.

Искал я долго своего отца, —
Умру, не увидав его лица.

Отца мне видеть не дано судьбою.
Любовь к нему я унесу с собою.

О, жаль, что жизнь так рано прожита,
Что не исполнилась моя мечта!

А ты, хоть скройся рыбой в глубь морскую,
Иль темной тенью спрячься в тьму ночную,

Иль поднимись на небо, как звезда,
Знай, на земле ты проклят навсегда.

Нигде тебе от мести не укрыться,
Весть об убийстве по земле промчится.

Ведь кто-нибудь, узнав, что я убит,
Поедет и Рустаму сообщит,

Что страшное случилось злодеянье.
И ты за все получишь воздаянье!»

Когда Рустам услышал речь его,
Сознанье омрачилось у него.

Весь мир померк. Утративши надежду,
Он бился оземь, рвал свою одежду.

Потом упал — без памяти, без сил.
Очнулся и, вопя, в слезах спросил:

«Скажи, какой ты носишь знак Рустама?
О, пусть покроет вечный мрак Рустама!

Пусть истребится он! Я — тот Рустам,
Пусть плачет надо мной Дастани-Сам».

Кипела кровь его, ревел, рыдал он,
И волосы свои седые рвал он.

Когда таким Рустама увидал
Сухраб — на миг сознанье потерял.

Сказал потом: «Когда ты впрямь отец мой,
Что ж злобно так ускорил ты конец мой?

«Кто ты?» — я речь с тобою заводил,
Но я любви в тебе не пробудил.

Теперь иди кольчугу расстегни мне,
Отец, на тело светлое взгляни мне.

Здесь, у плеча, — печать и талисман,
Что матерью моею был мне дан.

Когда войной пошел я на Иран
И загремел походный барабан,

Мать вслед за мной к воротам поспешила
И этот талисман твой мне вручила.

«Носи, сказала, в тайне! Лишь потом
Открой его, как встретишься с отцом».

Рустам свой знак на сыне увидал
И на себе кольчугу разодрал.

Сказал: «О сын, моей рукой убитый,
О храбрый лев мой, всюду знаменитый!»

Увы! — Рустам, стеная, говорил,
Рвал волосы и кровь, не слезы, лил.

Сказал Сухраб: «Крепись! Пускай ужасна
Моя судьба, что слезы лить напрасно?

Зачем ты убиваешь сам себя,
Что в этом для меня и для тебя?

Перевернулась бытия страница,
И, верно, было так должно случиться!..»

Меж тем стемнело. Пал в степи туман.
Рустам же с поля не вернулся в стан.

И двадцать знатных воинов в тревоге
Поехали по ратной той дороге,

Чтобы исход сражения узнать,
Пир начинать им нынче иль стенать.

Вот кони богатырские пред ними
В пыли, но оба — с седлами пустыми.

Рахш потрясает гривою во мгле,
Но только нет богатыря в седле...

Богатыри, подумав, что убили
Рустама, в горе головы склонили.

И поскакали шаху сообщить,
Что нет в живых Рустама, может быть.

Весть страшная, гонцы и конский топот...
Средь войска поднялись и шум и ропот.

Кавус велел скорей тревогу бить,
Велел в карнаи медные трубить.

Сбежались люди пред лицо Кавуса,
И шах призвал испытанного Туса.

Сказал: «На поле битвы поспешай,
Как обстоят дела у нас — узнай.

И если нет Рустама Тахамтана,
Оплачем судьбы нашего Ирана.

Ведь если щит мой — лев-Рустам — убит,
Уйду я на чужбину, как Джамшид.

Мне легче нищенствовать на чужбине,
Чем ваши трупы увидать в пустыне.

Все силы надо воедино свесть,
Врасплох сейчас врагу удар нанесть

И в час один расправиться с врагами, —
Иль бросить все, уйти!.. — Решайте сами!»

Когда над станом шум воинский встал,
Сухраб Рустаму скорбному сказал:

«Я умираю. Все переменилось.
Ты окажи моим туранцам милость.

О всем, что сталось, шаху возгласи,
Чтоб войск на нас не слал он — ты проси.

Я сам хотел завоевать Иран,
Из-за меня поднялся весь Туран.

Прошу — ты с ними обратись достойно,
И пусть они домой уйдут спокойно.

Туранских поднял я богатырей,
Пред ними клялся я душой своей, —

Я обещал им, что себя прославлю,
Кавуса же на троне не оставлю.

Но как я мог предвидеть, что в бою
Ты, мой отец, решишь судьбу мою?

Теперь, отец, внемли мое веленье:
Хаджира здесь держу я в заточенье.

Я тосковал душою о тебе,
Расспрашивал его я о тебе,

Но правды не услышал от Хаджира.
Его сотри ты со скрижали мира.

Он — лживый — нас с тобою разлучил,
Он жизнь мне и надежду омрачил.

Отцовским огражденный талисманом,
Я мчался, верил — встречусь с Тахамтаном.

Что ж, небосвод решил судьбу мою,
Что буду я отцом убит в бою.

Так, видно, суждено мне на роду:
Как молния приду, как вихрь уйду».

От скорби захватило дух в Рустаме,
Пылало сердце, тмился взор слезами.

Как пыль, взвился, вскочил он на коня.
Помчался, полон горя и огня.

Предстал он войску своему, рыдая,
Раскаянием горьким дух терзая.

Иранцы, увидав его живым,
Всем войском ниц склонились перед ним.

В слезах они творца благодарили,
Что жив Рустам вернулся, в прежней силе,

Но видят люди: разодрав кафтан,
Прах на голову сыплет Тахамтан,

Мужи спросили: «Что с тобой случилось?
О чем скорбишь? Скажи нам, сделай милость!»

И он, рыдая, войску возвестил,
Как дорогого сына он убил.

И в прах все пали и взрыдали разом,
Вновь у Рустама омрачился разум.

Богатырям Ирана молвил он:
«Вот — тела я и сердца я лишен.

Довольно войн! — не то нам месть господня!
Всем хватит зла, что я свершил сегодня».

В разодранной одежде из шатра,
Рыдая, вышел к брату Завара.

Рустам, увидя плачущего брата,
Поведал все ему, тоской объятый:

«Я страшное злодейство совершил!
Беду такую снесть не хватит сил...

Я поразил единственного сына,
Убил я молодого исполина,

Дитя свое убил на склоне лет,
Мне утешенья в этом мире нет!»

Послал гонца к Хуману: «Витязь чести,
Не вынимай меча из ножен мести.

Теперь ты сам, как вождь, войска веди,
Дабы не вспыхнул бой, ты сам гляди.

Причины нет теперь для битвы нам,
И места нет теперь иным словам».

И скорбный Тахамтан сказал: «О брат мой,
Ты проводи туранцев в путь обратный.

До берега Джейхуна проводи,
Чтоб целы все ушли, ты сам гляди».

Дав клятву все исполнить Тахамтану,
Как вихрь, помчался Завара к Хуману.

Поникнув головой, Хуман сказал:
«Увы! Сухраб напрасной жертвой пал!

Хаджир виновен. Меркнет светоч мира
По злобе вероломного Хаджира.

Сухраб не раз Хаджира вопрошал,
Рустама же Хаджир не указал.

Во лжи он потонул, во зле, в позоре,
И нас такое поразило горе...»

Тут Завара к Рустаму поспешил,
Ему слова Хумана сообщил.

Сказал, что из-за низкой лжи Хаджира
Погиб Сухраб, померк светильник мира.

Потрясся духом скорбный Тахамтан,
Кровавый встал в глазах его туман.

Он в крепость прискакал, к Хаджиру прянул,
Взял за ворот его и оземь грянул.

И, выхватив из ножен острый меч,
Он голову хотел ему отсечь.

Сбежались все, Рустама умолили,
От гибели Хаджира защитили.

И возвратился вновь туда Рустам,
Где умирал Сухраб его. И там

Все собрались войска. Там был Руххам,
Там были Тус, Гударз и Густахам.

Пришли почтить Сухраба дорогого,
Все сняли узы языка и слова:

«Йездан лишь может горе облегчить,
Йездан лишь может рану исцелить!»

И возопил Рустам. Взял в руки меч он,
И голову свою хотел отсечь он.

И бросились мужи к нему с мольбой,
И лили слезы перед ним рекой.

Сказал Гударз: «Всем нам погибель, сирым,
Коль ты решил расстаться с этим миром!

Себя мечом своим ты истребишь,
Но сыну жизни ты не возвратишь.

А коль Сухраба должен век продлиться,
Зачем звезда Рустамова затмится?

Никто не вечен. Хоть живи сто лет,
Всяк осужден покинуть этот свет.

И будь то воин или шах Ирана,
Мы — дичь неисследимого аркана.

Наступит время, всех нас уведут
На некий Страшный на безвестный суд.

Длинна иль коротка дорога наша —
Для всех равно, — дана нам смерти чаша.

Как поразмыслить, то сейчас навзрыд
Оплакать всех живущих надлежит!»

РУСТАМ ПРОСИТ У КАВУСА ЦЕЛИТЕЛЬНЫЙ БАЛЬЗАМ ДЛЯ СУХРАБА, НО КАВУС ОТКАЗЫВАЕТ

Тогда сказал Гударзу Тахамтан:
«Эй, светлый духом славный пахлаван!

Скачи скорей к Кавусу с просьбой слезной,
Скажи, что я бедой постигнут грозной,

Нанес я рану сыну своему
И что я сам за ним сойду во тьму.

И если шах добра не забывает,
Пусть он в беде моей посострадает.

У шаха — это всем известно нам —
Хранится чудодейственный бальзам.

Врачует раны он своею силой,
Дарует жизнь стоящим над могилой.

Так пусть же царь бальзама мне нальет
В кувшин с вином — и поскорей пришлет.

И станет сын мой, к жизни возвращенный,
Подобно мне — слугою вечным трона!»

Гударз коня, как ветер, устремил,
Кавусу то послание вручил.

Сказал Кавус: «Я равного не знаю
Рустаму. Лишь ему я доверяю.

Я не хочу, чтоб видел горе он,
Он мной любим и больше всех почтен.

Но не хочу казниться в укоризне:
Коль сын Рустама возвратится к жизни,

Рустама мощь удвоится — и он
Меня погубит — рухнет Кеев трон.

Рустам сказал мне: «Кто такой твой Тус?
Что для меня и сам ты, шах Кавус?»

Нам тесен мир с двумя богатырями,
С их фарром, палицами и плечами!

Ведь тот Сухраб напал на мой шатер,
Ко мне он лапу львиную простер.

Ведь головы меня лишить он клялся,
Мой череп на кол насадить он клялся.

Он клялся целый мир завоевать,
Ему ль у трона моего стоять?

Да стань он у дверей моих слугою,
К нему теперь я не склонюсь душою.

Когда на стан мой он, как тигр, напал,
Обидные слова он мне бросал.

Он осрамил меня перед глазами
Богатырей моих, перед войсками.

И если он останется в живых,
Останется лишь прах в руках моих.

Коль ты его не помнишь речи дикой,
Ты — не мудрец, Гударз, не муж великий!

Грозил он: «Всех убью, сожгу огнем,
А шаха, мол, повешу я живьем!»

Коль выживет он — от него, пожалуй,
Все разбегутся — и большой и малый.

А кто врага лелеет своего,
Безумцем в мире назовут того».

Гударз, услышав, духом омрачился,
Быстрей, чем вихрь, к Рустаму возвратился.

Сказал он: «Нрав владыки, полн вражды,
Приносит ядовитые плоды.

Нет равного ему в жестокосердье!
Что труд ему? Что верность? Что усердье?

Ты сам к нему не медля поспеши,
Не просветишь ли мрак его души!..»

Рустам велел страдавшего жестоко
Сухраба положить возле потока.

Стать близ него он верным приказал,
Сел на коня и к шаху поскакал.

Едва отъехал он — его догнали
Стенающие слуги и сказали,

Что лев-Сухраб покинул этот мир,
Что гроб ему потребен, а не пир.

ПЛАЧ РУСТАМА НАД СУХРАБОМ

Рустам свои ланиты в кровь терзал,
Бил в грудь себя, седые кудри рвал.

Он, спешась, прахом темя осыпал,
Согнулся, будто вдвое старше стал.

Все знатные — в смятенье и в печали —
Вокруг него вопили и рыдали:

«О юноша, о сын богатыря,
Не знавший мира, светлый, как заря!

Подобных не рождали времена,
Не озаряли солнце и луна».

Сказал Рустам: «О, грозная судьбина!
На склоне лет своих убил я сына...

Как дома мне предстать с моей бедой
Перед отцом, пред матерью седой?

Пусть мне они отрубят обе руки!
Умру, уйду от нестерпимой муки...

Я витязя великого убил.
Увы, не знал я, что он сын мне был.

Был Нариман и древний муж Нейрам,
Был воин Заль, и был могучий Сам;

Их слава наполняла круг вселенной.
Я сам был воин мира неизменный.

Но все мы — все ничтожны перед ним,
Перед Сухрабом дорогим моим!

Что я отвечу матери его?
Как я пошлю ей весть? Через кого?

Как объясню, что без вины убил я,
Что сам, увы, не ведал, что творил я?

Кто из отцов когда-либо свершил
Подобное? Свой мир я сокрушил!»

И принесли покров золототканый,
Покрыли юношу парчой багряной.

Мужи Рустама на гору пошли,
И сделали табут, и принесли.

Сложили труп на ложе гробовое
И понесли, рыдая, с поля боя.

Шел впереди несчастный Тахамтан.
В смятенье был, вопил забульский стан.

Богатыри рыдали пред кострами,
С посыпанными прахом головами.

Трон золотой взложили на костер.
И вновь Рустам над степью вопль простер:

«Такого всадника на ратном поле
Ни мир, ни звезды не увидят боле!

Увы, твой свет и мощь твоя ушли!
Увы, твой светлый дух от нас вдали!

Увы, покинул ты предел земли,
А души наши скорбью изошли!»

Он кровь из глаз, не слезы, проливал,
И вновь свои одежды разрывал.

И сели все богатыри Ирана
Вокруг рыдающего Тахамтана.

Утешить словом всяк его хотел,
Рустам же мукой страшною горел.

Свод гневный сонмы жребиев вращает,
Глупца от мудреца не отличает.

Всем равно во вселенной смерть грозит,
И шаха и раба она разит.

Шах Кей-Кавус, узнав об этом горе,
Средь ночи сам к Рустаму прибыл вскоре.

Промолвил шах: «Эй, славный исполин,
Все в мире — от Албурзовых вершин

До слабенькой тростинки — сгинет в безднах,
Размолото вращеньем сфер небесных.

Когда я издалека увидал,
Какой нам новый исполин предстал,

Увидел мощный стан его и плечи,
Его копье и меч на поле сечи, —

Сказал я — он на тюрков не похож,
Из дома он прославленных вельмож.

Пришел он к нам с огромными войсками,
Увы — твоими он сражен руками!..

О муж, хоть сердцу твоему невмочь,
Чем можешь ты теперь ему помочь?

До коих пор ты убиваться будешь?
Его не оживишь ты, не разбудишь».

Рустам сказал: «Ушел он, мертв лежит,
Но с войском там, в степи, Хуман стоит.

Вельможи Чина, мужи чести с ним,
Ты отрешись от чувства мести к ним».

Ответил шах: «О богатырь, ты знаешь,
Все сделаю я, что ты пожелаешь.

Хоть много зла они мне принесли,
Селенья, города мои сожгли.

Но ты войны не хочешь. Я с тобою
Душой, — нет у меня стремленья к бою.

Чтоб скорбь твою хоть каплей облегчить,
Войскам Сухраба я не буду мстить».

И в степь свою ушли войска Турана...
И шах увел все войско в глубь Ирана.

Увел Кавус войска. Остался там
Над гробом сына плачущий Рустам.

Примчался Завара быстрее дыма,
Сказал: «Ушли туранцы невредимо».

И встал Рустам, в поход свой поднял стан,
За гробом войско шло в Забулистан.

Вельможи перед гробом шли, стеная,
Без шлемов, темя прахом посыпая.

О тяжком горе услыхал Дастан,
И весь навстречу вышел Сеистан.

Поехали за дальние заставы, —
Встречали поезд горя, а не славы.

Заль, гроб увидя, в скорби стан склоня,
Сошел с золотоуздого коня.

В разодранной одежде, в горе лютом,
Шел Тахамтан пешком перед табутом.

Шло войско, развязавши пояса,
От воплей их охрипли голоса.

Их лица от ударов посинели,
Одежд их клочья на плечах висели.

Великий стон и плач поднялись тут,
Как был поставлен на землю табут.

Смертельной мукой Тахамтан томился.
Рыдая, перед Залем он склонился.

Покров золототканый с гроба снял
И так отцу, рыдая, он сказал:

«Взгляни, кто предстоит в табуте нам!
Ведь это — будто новый всадник Сам!»

Настала мука горькая Дастану,
Рыдая, жаловался он Йездану:

«За что мне послан этот страшный час?
Зачем, о дети, пережил я вас?

Столь юный витязь пал. Войскам на диво,
Он был могуч... Померк венец счастливый.

Не родила в минувшем ни одна
Такого витязя, как Тахмина!»

И долго о Сухрабе вопрошал он,
Каков он был; и кровь с ресниц ронял он.

Когда внесли Сухраба на айван,
Опять, упав, заплакал Тахамтан.

Табут увидев, Рудаба, рыдая,
Упала — кровь, не слезы, проливая.

Взывала: «О мой львенок! О, беда!
Померкла радость наша навсегда!

Тебя сразила сфер летящих злоба...
О, хоть на миг один восстань из гроба!

Мой внук, неужто волей звездных сил
Ты мертвым в дом отцов своих вступил?»

Вновь понесли табут вслед Тахамтана.
Вновь плач и стон звучал средь Сеистана.

И сам Рустам парчою гроб закрыл,
Гвоздями золотыми гроб забил.

Сказал: «Создать из золота сумею
Хранилище — и мускусом овею.

Умру — в веках, как за единый час,
Развеется, что мыслю я сейчас.

Что ж прочное построю для него —
Достойное Сухраба моего?»

И он воздвиг гробницу из порфира,
Чтобы стояла до скончанья мира.

Устроил, сердце повергая в мрак,
Из дерева алоэ — саркофаг.

Забили гроб гвоздями золотыми,
Над миром пронеслось Сухраба имя...

И много дней над гробом сына там
Не ведал утешения Рустам.

Но наконец явилась неба милость,
Мук безысходных море умирилось.

Узнав, что в горе стонет Тахамтан,
Весь плакал и скорбел о нем Иран.

О том событье, воротясь в Туран,
Афрасиабу рассказал Хуман.

Та весть повергла шаха в изумленье,
Сказал он: «То не перст ли провиденья?..»

О том, что пал, убит отцом, Сухраб,
В Туране всяк узнал — и князь и раб.

Шах Самангана, — счастья и надежды
Лишенный, — разодрал свои одежды.

МАТЬ СУХРАБА ТАХМИНА УЗНАЕТ О СМЕРТИ СВОЕГО СЫНА

И к Тахмине пришло известье в дом,
Что умер сын, заколотый отцом.

От всех — в своем покое — в отдаленье,
Она рвала одежды в исступленье.

Бушуя, как небесная гроза,
Не слезы — лили кровь ее глаза.

Она вопила в муке, и стонала,
И волосы с корнями вырывала.

Она огонь велела разложить
И волосы свои на нем спалить.

«Ты, сын, сказал: «Иду на бой! Мне верь ты!»
И я надеялась. Но где теперь ты?

Мой дух, бессонный взор витал мой там
И вопрошал: «Где сын мой? Где Рустам?»

Я думала, что, счастлив неизменно,
Как солнце, ты проходишь над вселенной,

Что ты искал отца, нашел его...
Ждала, чтоб ты домой привел его!

Не чувствовала даже я, что там,
В степи чужой, тебя убьет Рустам.

Что он не дрогнет сердцем пред тобою,
Перед твоею светлой красотою.

День ясный мой померк, поник во тьму.
Кого теперь я, сын мой, обниму?

О, кто разделит скорбь мою со мною?
Ведь нет тебя! Я от тоски изною!

Увы, чертог пустынен, мертв мой сад...
О сын, поник мой дух, померк мой взгляд!

О богатырь, с какой пошел ты силой
Искать отца, а встретился с могилой.

Ты нес в душе любовь, надежду, честь, —
И мертв ты! Горя мне не перенесть.

Пред тем как обнажил Рустам кинжал,
Что ж ты мой знак ему не показал?

Что в руки талисман ему не вверил?
Быть может, ты, мой сын, в него не верил?

Что ж я с тобою не пошла тогда?
Всех нас тогда бы минула беда!

Меня Рустам бы издали заметил,
Узнал бы и с любовью нас бы встретил.

Не обнажил бы стали исполин
И не убил тебя бы, о мой сын!»

И так она стенала и рыдала,
Что всякая душа ей сострадала.

При виде исступленья Тахмины
Все были мукой за нее полны.

И были так сильны ее страданья,
Что рухнула царевна без сознанья.

И вот, едва в себя пришла, опять
Она о сыне начала рыдать.

Роняла слезы над убитым сыном
Кровавые, подобные рубинам.

К коню Сухраба подошла она,
Коня за шею обняла она

И в грудь его и в морду целовала.
Она, казалось, разум потеряла.

И слез ее кровавых ток стекал,
Возле копыт коня блестя, как лал.

И, обнимая, как дитя, одежды
Сыновние, взывала: «Нет надежды!»

Велела принести доспехи, меч,
И лук его, и украшенья плеч.

И, в кровь лицо ногтями раздирая,
Вновь причитала, сына вспоминая:

«Вот меч твой, шлем, кольчуга, вот твой щит!
А ты где, сын мой милый? Ты убит!»

Аркан его велела с булавою
Принесть и положить перед собою.

Мечом Сухраба в отблесках огня
Велела хвост отрезать у коня.

Все золото с коней сняла она,
И все дервишам раздала она.

Ворот не отпирать она велела,
Сухраба трон убрать она велела.

Разрушить приказала светлый зал,
Где он перед походом пировал.

И черные завесы, как туманы,
Царевна опустила на айваны.

Сама одеждой синей облеклась *,
От близких и от мира отрешась.

И день и ночь в тоске была она.
Едва лишь год и прожила она

И умерла, тоски снести не в силе.
И тут — конец печальной старой были.

Сиявуш

НАЧАЛО СКАЗАНИЯ

Теперь, сказитель с разумом пытливым,
Сказанием обрадуй нас красивым.

Когда реченье разуму равно,
Душе певца возликовать дано.

Со слов дихкана повесть напишу я,
Одну из древних былей изложу я.

Я изложил их так, чтобы они
По-новому звучали в наши дни.

Я в год вступаю пятьдесят девятый,
Я много видел, опытом богатый,

Желания и в старости сильны.
Мне звезды прорицают с вышины.

Сказал мобед, чья слава не увянет:
«Вовеки старость юностью не станет».

О МАТЕРИ СИЯВУША

Тус, и Гударз, и Гив, едва петух
Их разбудил, во весь помчались дух

С другими седоками на охоту,
В степи Дагуй развеяли заботу.

С борзыми соколы неслись вперед,
Ища добычи возле чистых вод.

Доехали до тюркского предела.
От множества шатров земля темнела.

Пред ними роща, зелена, свежа,
У тюркского предстала рубежа.

К ней Тус и Гив направились без страха,
За ними — всадники из войска шаха.

Едва им рощи довелось достичь,
Пустились вскачь, разыскивая дичь.

Красавицу нашли в чащобе дикой,
С улыбкой поспешили к луноликой.

Сказал ей Тус: «Прелестная луна,
Как в роще оказалась ты одна?»

А та: «Я землю бросила родную,
Отец меня избил, и я горюю».

Затем спросил, где род ее и дом.
Поведала подробно обо всем:

«Мой близкий родич — Гарсиваз почтенный,
Мой дальний предок — Фаридун блаженный».

Она внушила страсть богатырям.
Отважный Тус, утратив стыд и срам,

Воскликнул: «Я нашел ее сначала!
Мне первому она слова сказала!»

Заспорил Гив: «Решил, возглавив рать,
Что вправе ты себя со мной равнять?»

Тус возразил ему: «Пленен луною,
Сперва подъехал я, а ты за мною».

И в споре до того дошла их речь,
Что нужно деве голову отсечь.

Пошли меж ними ругань и попреки,
Сказал им некто, разумом высокий:

«К владыке отвезите вы звезду
И повинуйтесь царскому суду».

Совету подчиняясь, как приказу,
К царю Ирана поскакали сразу.

Когда узрел Кавус девичий лик,
Любовью загорелся царь владык.

Двум витязям сказал властитель строгий:
«С удачей возвратились вы с дороги».

А ей сказал: «Свой род мне назови,
О пери, созданная для любви!»

Сказала: «Мать к вельможам род возводит,
Отец от Фаридуна происходит».

А царь: «Зачем тебе губить в лесу
Свой знатный род, и юность, и красу?

Ты для меня — красавиц всех царица,
В моем дворце должна ты поселиться!»

Она сказала: «С первого же взгляда
Я избрала тебя, других — не надо».

Царем был каждый витязь награжден,
Обоим дал коней, венец и трон,

А ту, что полюбилась властелину,
На женскую отправил половину.

РОЖДЕНИЕ СИЯВУША

Прошло немного времени с тех пор.
Весна оделась в радостный убор.

Так небо над красавицей вращалось,
Что ровно девять месяцев промчалось.

Пришли, предстали пред царем страны:
«Счастливый дар прими ты от жены.

Явилось дивное дитя с восходом,
Сравнялся твой престол с небесным сводом!»

И Сиявушем царь назвал дитя.
Он видел в нем вершину бытия.

Исследовал планеты звездочет,
Надеясь, что судьбу его прочтет, —

Ему явило звезд круговращенье
Добро и зло, отраду и мученье.

Кавус увидел: сына ждет беда,
Увы, омрачена его звезда...

Сменялись дни в круженье постоянном.
К царю пришел Рустам, могучий станом:

«Мне своего ты львенка поручи,
Воспитывать ребенка поручи».

Царь долго думал, сидя на престоле,
Слова Рустама принял он без боли.

Вручил Рустаму, радость обретя,
Зеницу ока, витязя-дитя.

Рустам в Забул царевича доставил,
Для мальчика престол в саду поставил,

Учил его аркану и стреле,
Учил стоять в строю, сидеть в седле,

Собраний стал преподавать науку,
Учил его пирам, мечу и луку,

Как на охоту с кречетом скакать,
Как рассуждать и как идти на рать,

Как различать неправый путь и правый,
Как разрешать дела родной державы.

Уча, немало приложил труда
Рустам, пока не получил плода.

И стало так, что Сиявушу равных
На свете не было средь самых славных.

Предстал он пред Рустамом-храбрецом:
«Пришла пора свидания с отцом».

Дал мальчику согласье мощнотелый,
Гонцов он разослал во все пределы,

Велел он столько воинов собрать,
Чтоб Сиявуш сумел возглавить рать.

Сопровождал царевича воитель,
Иначе стал бы гневаться властитель.

ПРИБЫТИЕ СИЯВУША ИЗ ЗАБУЛА

Когда он царского дворца достиг,
Пред ним открылся путь, поднялся крик.

В честь Сиявуша раздались хваленья,
Рассыпались и злато и каменья.

Сидел Кавус на троне во дворце
В рубинами сверкающем венце.

Царевич пред отцом к земле склонился,
Как будто тайной он с землей делился,

Приблизился к владыке наконец —
В объятья заключил его отец.

И удивился царь его величью,
Воздал хвалу и стану, и обличью,

И вышине, и гордой мощи льва,
Предвидел, что пойдет о нем молва.

Похвал творцу провозгласил он много,
Упал на землю, прославляя бога...

Большое было пиршество дано.
Потребовали музыку, вино.

Так целую неделю веселились.
Затем врата сокровищниц раскрылись.

Собрал Кавус дары из всех вещей:
Из перстней, и престолов, и мечей,

Из скакунов арабских, седел ценных,
Из панцирей, кольчуг, одежд военных,

Из денег, из блестящих кошелей,
Из бархата, из дорогих камней.

Лишь для короны время не приспело:
Носить корону — не ребячье дело.

Сокровища он сыну подарил,
Надеждой, благом сына озарил.

Был Сиявуш семь лет на испытанье —
Являл он ветви царственной блистанье.

А год восьмой настал — велел отец
Державный пояс, золотой венец

Вручить ему по царскому уставу, —
О чем оповестили всю державу.

Дал сыну во владенье Кухистан, —
Был Сиявуш величьем осиян.

Знаком тебе Мавераннахр? Вначале
Ту землю Кухистаном величали.

СМЕРТЬ МАТЕРИ СИЯВУША

Правленья он спешил принять дела,
Но мать у Сиявуша умерла.

Поднялся он с престола, потрясенный,
Он к небу вопли обратил и стоны,

Порвал одежды, плакал, как больной,
Главу посыпал темною землей.

Познал он месяц горя и смятенья,
Ни разу не вкусил успокоенья.

Из глаз Гударза слезы полились,
Когда взглянул на скорбный кипарис.

«Царевич, — он сказал с тоской во взоре, —
Послушай мой совет, забудь о горе.

От смерти не уйти, таков закон,
Умрет любой, кто матерью рожден».

Царевич внял моленьям и советам,
И сердце озарилось прежним светом.

СУДАБА ВЛЮБЛЯЕТСЯ В СИЯВУША

Сидел с отцом царевич молодой.
Царица Судаба вошла в покой.

Она в глаза взглянула Сиявушу,
И сразу страсть в ее вселилась душу.

Отправили к царевичу раба,
Сказать велела тайно Судаба:

«Свободно приходи ко мне отныне,
Я жду тебя на женской половине».

Явился с этой вестью низкий муж.
Пришел в негодованье Сиявуш:

«Противно мне предательство такое,
Нельзя входить мне в женские покои!»

Спустилась на дворец ночная мгла,
К царю поспешно Судаба пришла,

Сказала так: «Владеющий страною,
Ты выше всех под солнцем и луною.

Твой сын да будет радостью земли, —
Нет ни вблизи подобных, ни вдали!

Прошу: пришли его в приют наш мирный,
К прелестным идолам твоей кумирни.

Мы воздадим ему такой почет,
Что древо поклоненья расцветет.

Он похвалы услышит и приветы,
Мы разбросаем в честь его монеты».

Царь молвил: «Хороши твои слова,
В тебе любовь ста матерей жива».

Царевича позвал, сказал: «Не в силах
Мы скрыть любовь и кровь, что льется в жилах,

Ты создан так, что, глядя на тебя,
Все люди тянутся к тебе, любя.

Сестер найдешь за пологом запретным,
Не Судабу, а мать с лицом приветным!

Ступай, затворниц посети приют,
И там тебе хваленья воздадут».

Но сын, услышав это повеленье,
Смотрел на государя в изумленье.

Не испытать ли хочет властелин,
Что́ втайне от него задумал сын?

«Царь, — Сиявуш сказал, — тебе я внемлю.
Ты мне вручил престол, венец и землю.

К ученым, к мудрецам направь мой путь,
У них я научусь чему-нибудь.

А могут ли на женской половине
Пути к познанью указать мужчине?»

А царь: «Душа моя тобой горда.
Для разума опорой будь всегда!

Не надобно таить в уме дурное,
Убей печаль и радуйся в покое.

Ступай, на дочерей моих взгляни,
Быть может, счастье обретут они».

Ответствовал царевич: «Утром рано
Пойду, как приказал мне царь Ирана.

Вот я теперь стою перед тобой,
Готов исполнить твой приказ любой».

СИЯВУШ ПРИХОДИТ К СУДАБЕ

Жил некий человек с открытым взглядом,
С безгрешной плотью; звался он Хирбадом.

Когда явилась из-за гор заря,
Покорный сын предстал глазам царя,

Пришел к отцу с хваленьем и поклоном.
С ним поделившись словом потаенным,

Кавус призвал Хирбада и сперва
Сказал ему достойные слова.

«Ступай за ним, — велел он Сиявушу, —
Ты новым зрелищем украсишь душу».

Пошли вдвоем — тот праведник святой
И юноша, сиявший чистотой.

Хирбад завесу распахнул, и снова
Царевич опасаться стал дурного.

Пред ним открылась райская страна,
Красавиц, драгоценностей полна.

Сверканием, не виданным доныне,
Сверкал престол на женской половине.

На троне — повелителя жена,
Как райский сад, нарядна и нежна,

Явилась, как звезда Сухейль, блистая,
На голове корона золотая,

Трепещут, вьются завитки кудрей,
Коса — до пят и мускуса черней...

Едва лишь полог поднял он тяжелый,
Спустилась быстро Судаба с престола,

К нему с поклоном плавно подошла,
Объятьем долгим, страстным обняла.

Он понял: «Это грешные объятья,
Любовь такую не могу принять я!»

Чтобы не видеть мачехи своей,
Направился он к сестрам поскорей.

Хвалу воздали брату молодому,
Ведя его к престолу золотому.

Повел царевич с ними разговор,
И наконец покинул он сестер.

Пришел к отцу и молвил властелину:
«Я женскую увидел половину.

Есть у тебя вселенной благодать,
Не вправе ты на господа роптать.

Казной и войском, славой и удачей
Хушанга и Джамшида ты богаче».

От этих слов возликовал отец,
Как вешний сад, украсил он дворец,

И стали пировать, внимая сазу, —
О будущем не вспомнили ни разу.

Явилась ночь, настала тьма вокруг,
Пришел к царице государь-супруг.

Чтоб испытать жену, сказал он слово:
«Открой свою мне тайну без покрова.

Что можешь ты про ум, и вид, и стать,
И знания царевича сказать?»

«Вот мой совет, — ответила царица, —
С ним Сиявуш, быть может, согласится.

Не у вельмож, а в царственном роду
Ему я в жены девушку найду,

Чтоб сына принесла с таким же ликом,
Чтоб так же был, как Сиявуш, великим.

На чистой дочери женю его
От семени и дома твоего».

А царь: «Согласен я с твоим советом,
Мое величье и надежда — в этом».

Затем к владыке Сиявуш пришел,
Восславил он корону и престол.

С ним тайной поделился царь на троне,
Чтоб тайну не услышал посторонний:

«Хочу я, чтоб тебя запомнил свет,
Чтоб царствовал твой сын тебе вослед.

Я звездочетов расспросил, мобедов,
И я узнал, твою звезду изведав:

Из твоего потомства царь придет,
И память сохранит о нем народ.

Возьми жену из дома Кей-Пашина *,
Достойную величья властелина».

Ответил Сиявуш: «Я — раб царю,
Твою, владыка, волю я творю.

Я одобряю выбор твой заране,
Над нами повелитель ты в Иране

Не говори об этом Судабе:
Увидишь, воспротивится тебе.

Есть у нее желание другое,
Мне делать нечего в ее покое».

Смеялся царь, качая головой:
Не знал, что есть болото под травой.

Сказал: «Должна быть женщиною сваха,
Не думай дурно о супруге шаха.

В ее словах — любовь к тебе слышна,
И о тебе заботится она».

Царевич принял эту речь как милость,
От горьких дум душа освободилась.

Но втайне ждал удара от судьбы,
Он опасался козней Судабы.

Он понял: этот брак — ее затея,
Стонал он, телом и душой болея.

СИЯВУШ СНОВА ИДЕТ НА ЖЕНСКУЮ ПОЛОВИНУ

Так ночь прошла, и над землей опять
Светило утра начало сиять.

Воссела Судаба на трон старинный,
Пылали кровью на венце рубины.

Велела, чтоб нарядным цветником
Расположились дочери кругом.

Затем Хирбаду молвила царица:
«Царевичу вели ко мне явиться.

Для матери, — скажи ты, — потрудись,
Ей хочется взглянуть на кипарис».

Придя туда, где жил царевич славный,
Ему принес известье добронравный.

Впал Сиявуш в отчаянье, едва
Услышал он лукавые слова.

Он способов искал, чтоб уклониться,
Но опасался: в гнев придет царица.

Он величаво к Судабе вошел,
Ее венец увидел и престол.

Царица встретила его степенно,
Сложила руки на груди смиренно,

Красавиц к Сиявушу привела, —
Не знали те жемчужины сверла!

Между собою девушки шептались,
Не смели на него смотреть, смущались.

Они ушли, и каждая из них
Надеялась, что он — ее жених.

Когда ушли, воскликнула царица:
«Ты долго будешь предо мной таиться?

Скажи мне слово, помыслы открыв.
О богатырь, как пери, ты красив!

Едва лишь взглянет на тебя любая,
Сойдет с ума, любви твоей желая.

Внимательно взгляни на дочерей:
Какую хочешь ты назвать своей?»

Молчал царевич. Судаба сказала,
Освободив лицо от покрывала:

«О, если б юный месяц и заря
Могли увидеть нового царя!

О, если б ты в союз вступил со мною,
Ко мне пришел бы с легкою душою!

Мы клятвою скрепили б договор...
Но почему ты потупляешь взор?

Когда уйдет из мира царь великий,
Ты памятью мне будешь о владыке.

Перед тобой, красавец, я стою,
Тебе и плоть и душу отдаю.

Твои желанья выполню без счета,
Сама хочу попасть в твои тенёта».

Приблизила уста к его устам,
Бесстыжая, забыла всякий срам.

Не ожидал царевич поцелуя,
Он покраснел, стыдясь и негодуя.

«Меня, — подумал, — искушает бес,
Но мне поможет властелин небес.

Вовек не оскорблю отца обманом,
Не заключу союза с Ахриманом.

Но если буду холоден — вскипит
Ее душа, утратившая стыд.

Она тайком ловушку мне расставит,
Властителя поверить ей заставит.

Не лучше ль будет, если госпожу
Я мягкими словами ублажу?»

Тогда сказал царевич: «Несравненной,
Тебе подобных нет во всей вселенной.

Тебя сравнить возможно лишь с луной,
Ты только шаху можешь быть женой.

А для меня и дочь твоя — награда,
Иной супруги мне теперь не надо.

Об этом доложи царю страны,
А мы его решенья ждать должны.

Я дочь твою хочу, союз скрепляю,
Тебе в залог я слово оставляю:

Женюсь на ней — даю тебе обет, —
Лишь нынешних моих достигнет лет».

Сказав, ушел царевич светозарный,
Пылала страсть в ее душе коварной.

Когда явился царь в покой жены,
Взглянула на властителя страны,

Поклон ему отвесила сначала,
О деле Сиявуша рассказала:

«Я собрала месяцеликих дев,
А он, моих красавиц оглядев,

Сказал, что дочь мою возьмет он в жены,
Других не выбрал сын, тобой рожденный».

Возликовал от этих слов Кавус,
Как будто с небом он вступил в союз!

Раскрыл сокровищницы, кладовые,
Достал парчу и пояса златые,

Богатствами наполнил мир земной:
Любой подарок целой был казной.

Сказал жене: «Я слово не нарушу.
Сокровища вручишь ты Сиявушу.

«Их мало, — скажешь сыну в нужный час, —
Их надо увеличить в двести раз».

Взглянула мрачно на него царица
Подумала: «Мне надобно решиться.

Должна я хитрость применить и ложь,
Ведь каждый способ для меня хорош.

А если не понравлюсь Сиявушу,
То клевету я на него обрушу».

СИЯВУШ ИДЕТ НА ЖЕНСКУЮ ПОЛОВИНУ В ТРЕТИЙ РАЗ

Воссев на трон, как только вышел шах,
В златом венце, с сережками в ушах,

Царевичу прийти велела снова,
Поведала ему такое слово:

«Тебе подарки сделал царь страны,
Парче, венцу, престолу — нет цены!

Тебе я в жены дочь отдать согласна...
Взгляни, как я в своем венце прекрасна!

Так почему не хочешь ты принять
Мою любовь, и страсть, и лик, и стать?

Семь лет тебя люблю я той любовью,
Что на моем лице пылает кровью.

Прошу немного сладости твоей:
Хотя бы день от младости твоей!

Отец тебе подарок дал бесценный,
А я тебе вручу венец вселенной!

Но если страсть мою не утолишь,
Но если боль мою не исцелишь,

Не допущу тебя к державной власти,
Я превращу твой светлый день в ненастье!»

А Сиявуш: «Не быть тому, чтоб в грязь
Я окунулся, страсти покорясь,

Чтоб я Кавуса обманул и предал,
Чтоб низости дорогу я изведал.

Жена царя, ты озаряешь всех,
Ты не должна такой содеять грех».

Царица с гневом поднялась, обруша
Проклятья, брань и злость на Сиявуша.

Сказала: «Сердце пред тобой светло
Раскрыла я, а ты задумал зло».

СУДАБА ОБМАНЫВАЕТ КАВУСА

Она разодрала ногтями щеки,
Разорвала одежды в час жестокий,

И до придворных донеслись мольбы,
И жалобы, и вопли Судабы.

Ушей царя достигли эти крики,
Оставил Кей-Кавус престол владыки,

Исполнен дум, покинул он престол,
На половину женскую прошел.

Сумятицу он во дворце увидел,
Кровь, слезы на ее лице увидел.

Не знал, он, омраченный, что грешна
Его каменносердая жена.

Царица волосы рвала, рыдая,
Вопила перед ним, полунагая:

«Твой сын пришел ко мне к исходу дня,
В своих объятьях крепко сжал меня,

Сказал. «Пылают плоть моя и разум,
Ужель мою любовь убьешь отказом?»

Он сбросил мой венец. О царь, гляди:
Одежду он сорвал с моей груди!»

Властитель погрузился в размышленья,
Желал узнать различные сужденья.

Он слуг своих, чьи преданны сердца
И ум высок, отправил из дворца.

Один сидел на троне властелина.
Потом позвал к себе жену и сына.

Спокойно, мудро начал говорить:
«Мой сын, ты должен тайну мне открыть.

Всю правду обнажи и покажи мне,
О том, что здесь случилось, расскажи мне».

Поведал Сиявуш о Судабе,
Всю правду изложил он о себе.

«Неправда! — вскрикнула царица гневно. —
Лишь я нужна ему, а не царевна!

«Мне, — он сказал, — не надобна казна,
Мне дочь твоя в супруги не нужна,

Лишь ты нужна мне, ты — моя отрада,
А без тебя мне ничего не надо!»

Я воспротивилась его любви,
И вот — он вырвал волосы мои».

Подумал царь: «Что предприму теперь я?
К речам обоих нет во мне доверья.

Не торопясь, мы к истине придем:
Непрочен ум, охваченный огнем».

Искал он средство, чтоб развеять муки,
Сперва обнюхал Сиявушу руки,

Обнюхал стан, и голову, и грудь, —
Ни в чем не мог он сына упрекнуть.

А Судаба благоухала пряным
Вином, душистым мускусом, шафраном.

Был сын от этих запахов далек,
И плоть его не охватил порок.

Кавус на Судабу взглянул с презреньем,
Душа его наполнилась мученьем.

Подумал он: «Поднять бы острый меч,
На мелкие куски ее рассечь!»

Увидел царь, что Сиявуш безгрешен.
И мудростью его он был утешен.

СУДАБА И ЧАРОДЕЙКА ПРИБЕГАЮТ К ХИТРОСТИ

Царица поняла, познав позор,
Что муж ее не любит с этих пор,

Но гнусного не оставляла дела,
Чтоб древо злобы вновь зазеленело.

В ее покоях женщина жила,
Полна обмана, колдовства и зла.

Она была беременна в то время,
Уже с трудом свое носила бремя.

Царица, с ней в союз вступив сперва,
Открылась ей, просила колдовства,

Дала ей за согласье много злата,
Сказала: «Тайну сохраняй ты свято.

Свари ты зелье, выкини скорей,
Но только тайны не открой моей.

Скажу царю: «Беременна была я,
От Ахримана — эта участь злая».

И, Сиявуша в том грехе виня,
Скажу царю: «Он соблазнил меня».

Тогда, быть может, своего добьюсь:
Возненавидит сына Кей-Кавус»

Ответила колдунья: «Я готова
Исполнить каждый твой приказ и слово».

Сварив, вкусила зелья в ту же ночь,
И семя Ахримана вышло прочь;

Но так как семя было колдовское,
То вышло не одно дитя, а двое.

Услышал государь и плач и стон,
Он задрожал, его покинул сон.

Спросил, — предстали слуги пред владыкой,
Поведали о горе луноликой.

От подозрений стал Кавус угрюм,
И долго он молчал, исполнен дум.

Так размышлял он: «Будет ли достойно,
Чтоб я отнесся к этому спокойно?»

КАВУС РАССПРАШИВАЕТ О ДВОЙНЕ

Затем решил он: «Пусть ко мне придет
Прославленный в науке звездочет».

Нашел в Иране, вызвал просвещенных,
Он усадил в своем дворце ученых.

Им рассказал властитель о войне
В Хамаваране, о своей жене,

Поведал им о выкинутых детях,
Просил не разглашать рассказов этих.

Пошли, прочли страницы звездных книг,
И были астролябии при них.

Семь дней мобеды, втайне от царицы,
Исследовали звездные таблицы.

Затем сказали: «Не ищи вина
В той чаше, что отравою полна.

Та двойня, — мы раскрыли вероломство, —
Не шаха, не жены его потомство».

Они сумели точно указать,
Кто близнецов злокозненная мать.

Поволокли охваченную страхом,
Обманщица склонилась перед шахом.

Добром поговорил владыка с ней,
Он посулил ей много светлых дней.

Но грешница ни в чем не сознавалась,
Помощницей царю не оказалась.

Тогда колдунью увели на двор,
Сулили ей тюрьму, кинжал, топор,

Но грешница твердила: «Я невинна,
Я правды не таю от господина».

Поведали царю ее слова.
То дело было тайной божества.

Велел властитель Судабе явиться.
Мобедам внемлет в трепете царица:

«Колдунья выкинула двух детей,
А произвел их Ахриман-злодей».

Сказала Судаба, силки сплетая:
«О царь! У двойни тайна есть другая.

Известно, что Рустам непобедим,
Что даже лев трепещет перед ним.

Боясь его, знаток науки звездной
То скажет, что Рустам прикажет грозный *.

Не плачешь ты, о дитятках скорбя,
А я осиротею без тебя».

От этих слов Кавус поник в печали.
Царь и царица вместе зарыдали.

Познав печаль, царицу отпустив,
Он пребывал угрюм и молчалив.

Владыке звездочет сказал: «Доколе
Терзаться будешь ты от скрытой боли?

Тебе любезен сын твой дорогой,
Но дорог и души твоей покой.

Возьмем другую сторону: царица
Заставила тебя в тоске томиться.

Мы правду одного из них найдем,
Подвергнув испытанию огнем.

Услышим небосвода приказанье:
Безгрешного минует наказанье».

Жену и сына вызвал царь к себе,
Сказал он Сиявушу, Судабе:

«Вы оба причинили мне мученье.
Узнаю лишь тогда успокоенье,

Когда огонь преступника найдет
И заклеймит его из рода в род».

Сказала Судаба: «Вот грех великий:
Я выкинула двух детей владыке.

Я эту правду повторю при всех.
Ужели есть на свете больший грех?

Ты сына испытай: в грехе виновен,
Не хочет он признаться, что греховен».

Владыка задал юноше вопрос:
«А ты какое слово мне принес?»

Сказал царевич, не потупя взгляда:
«Теперь я презираю муки ада.

Гора огня? И гору я пройду.
А не пройду — к позору я приду!»

СИЯВУШ ПРОХОДИТ СКВОЗЬ ОГОНЬ

Двумя горами высились поленья.
Где числа мы найдем для их счисленья?

Проехал бы с трудом один седок:
Так был проход меж ними неширок.

Велел Кавус, властитель непоборный,
Чтобы дрова облили нефтью черной.

Зажгли такое пламя двести слуг,
Что полночь в полдень превратилась вдруг.

Царевич, возвышаясь надо всеми,
К владыке в золотом подъехал шлеме.

Он прискакал на вороном коне,
Пыль от его копыт взвилась к луне.

Улыбка на устах, бела одежда,
И разум ясен, и светла надежда.

Всего себя осыпал камфарой,
Как бы готовясь лечь в земле сырой.

Казалось, что вступает он, сверкая,
Не в пламя жгучее, а в кущи рая!

Почтительно к отцу подъехал он,
И спешился, и сотворил поклон.

Лицо Кавуса от стыда горело.
Сказал он слово мягко и несмело.

Ответил Сиявуш: «Не сожалей,
Что таково круговращенье дней.

Меня снедают стыд и подозренье.
Когда безгрешен я — найду спасенье,

А если грешен я — тогда конец:
Не пощадит преступника творец».

Затем, входя в огонь многоязыкий,
Взмолился к вездесущему владыке:

«Дай мне пройти сквозь языки огня,
От злобы шаха защити меня!»

О милости прося творца благого,
Погнал, быстрее вихря, вороного.

В толпе людской тогда поднялся крик,
Сказал бы ты: весь мир в тоске поник.

Мир на царя смотрел, но с думой злою:
Уста полны речей, сердца — враждою.

Взметались к небу языки огня,
Не видно в них ни шлема, ни коня.

Вся степь ждала, что витязя увидит,
Рыдала: «Скоро ль из огня он выйдет?»

И вышел витязь, чья душа чиста.
Лицо румяно, радостны уста.

Он вышел из огня еще безгрешней, —
Был для него огонь, что ветер вешний.

Огня прошел он гору невредим, —
Все люди радовались вместе с ним.

Везде гремели радостные клики,
Возликовали малый и великий.

Передавалась весть из уст в уста
О том, что победила правота.

Невинный сын предстал пред очи шаха,
На нем — ни пепла, ни огня, ни праха.

Сошел с коня могучий царь земли,
Все воины его с коней сошли.

Приблизился царевич светлоликий,
Облобызал он землю пред владыкой.

«Ты благороден, юный мой храбрец,
Ты чист душой», — сказал ему отец.

Он обнял сына и не скрыл смущенья,
За свой проступок попросил прощенья,

Прошествовал властитель во дворец
И возложил на голову венец.

Певцов и кравчих он позвал для пира,
Царевича ласкал властитель мира.

Три дня сидели, пили без забот,
И был открыт в сокровищницы вход.

СИЯВУШ ПРОСИТ ОТЦА ПРОСТИТЬ СУДАБУ

На трон воссел властитель с булавою,
Украшенною бычьей головою.

Позвал царицу, гневом обуян,
Припомнил ей коварство и обман:

«Бесстыжая, ты в сердце зло таила,
Меня отравой щедро напоила.

Нельзя, чтоб ты ходила по земле,
А надо, чтоб висела ты в петле!»

Велел он палачу: «Ей так пристало, —
На улице повесь без покрывала!»

Но сын к Кавусу обратил мольбу:
«Раскаешься, повесив Судабу.

Прости ей ради сына грех безмерный,
Быть может, вновь на путь наставишь верный».

Кавус любовь к жене забыть не мог,
Простил он грех, когда нашел предлог:

«Раз просишь ты, прощенье ей дарую,
Твою познал я правоту святую».

Встал Сиявуш, поцеловал престол,
Сошел с престола, к Судабе пошел,

Привел царицу в царские чертоги,
И грешницу простил властитель строгий...

Так, день за днем, прошло немало дней.
Стал относиться шах к жене теплей.

Вновь полюбил с такою силой страсти,
Что в ней одной свое он видел счастье.

Она же, вновь ему внушив любовь,
Его толкала на дурное вновь.

Дурное происходит от дурного,
О сыне дурно стал он думать снова.

КАВУС УЗНАЕТ О НАБЕГЕ АФРАСИАБА

Охвачен страстью, вдруг услышал шах
От приближенных, сведущих в делах:

Пришел Афрасиаб, готовый к бою,
Сто тысяч тюрков он привел с собою.

Стеснилось сердце у царя страны:
Пиры любви покинул для войны.

Иранцев он собрал, высоких саном,
Людей, что были преданы Кейанам.

Сказал: «Нагрянул туран-шах сейчас.
Но чем он отличается от нас?

Иль бог его не сотворил единый
Из ветра и огня, воды и глины?

С горящей местью выйду я к нему,
И день врага повергну я во тьму».

«Зачем тебе идти на поле брани, —
Сказал мобед, — иль нет других в Иране?

К сокровищницам движутся враги, —
Сокровища свои побереги.

Неосторожно ты сражался дважды —
И с троном и венцом прощался дважды.

Теперь отправь ты витязя на рать,
Достойного сражаться и карать».

А царь: «Не вижу в этом я собранье
Способного пойти на поле брани,

Разбить врага, что угрожает нам,
А я пойду — как судно по волнам!»

Стал думу думать Сиявуш молчащий,
В душе метались мысли, словно в чаще:

«Я ласково с отцом поговорю,
«Хочу пойти на бой», — скажу царю.

А вдруг меня избавит бог великий
От мачехи, от ревности владыки?

К тому же я прославиться могу,
Когда я учиню разгром врагу».

Пришел к отцу, решителен, спокоен.
«Мне кажется, — сказал, — что я достоин

На тюркского царя пойти в поход,
Во прах повергнуть вражьих воевод».

Господь, как видно, предрешил заране,
Что душу он свою отдаст в Туране!

Согласье дал царевичу отец.
К отмщенью опоясался храбрец.

Рустама царь позвал; с могучим в сече
Повел властитель ласковые речи,

Сказал: «Слона ты силою затмил,
Рука твоя щедрей, чем щедрый Нил.

Мой Сиявуш пришел, готовый к бою,
Как лев бесстрашный, говорил со мною.

Он хочет на врага пойти войной,
Ты будь ему защитой и броней.

Засну, когда ты будешь недреманным,
Заснешь — я буду в страхе постоянном».

«Я — раб царю», — ответствовал Рустам, —
Я подчиняюсь всем твоим словам.

Твой Сиявуш — моя душа и око,
Венец его — мой светоч без порока».

СИЯВУШ ВЕДЕТ ВОЙСКО

Открыл Кавус для воинов страны
Врата сокровищ и врата казны.

Из всадников, воителей умелых,
Избрал двенадцать тысяч самых смелых.

Сказал властитель: «Ваша цель светла,
Славнейшим вашим именам — хвала!

Пусть вам сопутствует повсюду счастье,
Пусть на врага обрушится ненастье.

Идите, будьте радостны в пути,
Желаю вам с победою прийти!»

Заплакал царь, исполненный тревоги,
С царевичем провел он день в дороге.

Вот обнялись они в последний раз,
И кровь, ты скажешь, хлынула из глаз, —

Так дождь из облаков весенних льется.
Расстались, плача, оба полководца,

Предчувствовало сердце, что черед
Свиданья за разлукой не придет...

Кавус вернулся во дворец обратно,
А Сиявуш с могучей силой ратной

Направился в Забул: к родным местам,
К Дастану витязя привел Рустам.

У Заля Сиявуш познал отраду,
Он песен и вина вкушал усладу.

Порой на троне восседал, как шах,
Охотился порою в камышах.

А через месяц в путь войска пустились,
С Дастаном сын и Сиявуш простились.

Царевич прибыл вскоре в Мерверуд.
Был небесам угоден ратный труд!

Дошел до Балха, жителей увидел
И никого речами не обидел.

Меж тем навстречу в этот грозный час
Вели войска Барман и Гарсиваз,

А замыкал их Сипахрам суровый.
Пришла к ним весть, что полководец новый

Собрал в Иране мощные полки,
Бойцы — прославленные смельчаки.

Нет выбора: вступить в сраженье сразу
Пришлось воинственному Гарсивазу.

Произошли две битвы за три дня.
Воитель Сиявуш погнал коня.

Закрыть велел он пешим все проходы.
Столкнулись перед Балхом воеводы.

Увидел Сипахрам: беда близка, —
И за реку погнал свои войска...

Затем к Афрасиабу, туран-шаху,
Примчался Гарсиваз, подобный праху.

Предстал он с речью горькой и дурной:
«Воитель Сиявуш пришел с войной,

С ним витязи, готовые сразиться,
Большая рать, Рустам-войскоубийца!»

Пришел Афрасиаб в ужасный гнев,
Как пламя взвился, ликом потемнев.

На Гарсиваза так взглянул он, будто
Рассечь его хотел он в злобе лютой.

Прогнал его, готов судьбу проклясть,
Над буйным гневом потерял он власть.

Он тысячу созвал высоких званьем,
Хотел развеять горе пированьем,

Велел украсить степь из края в край,
Чтоб Согдиана превратилась в рай.

В смущенье день провел за чашей пира,
И не сиял владыке светоч мира.

Афрасиаб, не раздеваясь, лег,
Ворочался, вздыхал, заснуть не мог.

АФРАСИАБ ВИДИТ СТРАШНЫЙ СОН

Едва лишь треть минула ночи краткой, —
Как человек, что болен лихорадкой,

Внезапно возопил Афрасиаб, —
Дрожал, метался, жалок был и слаб.

Проснулись приближенные и слуги,
Стенанья, крики подняли в испуге.

Когда от слуг услышал Гарсиваз
О горе неожиданном рассказ,

К царю Турана поспешил он в страхе,
Увидел: царь валяется во прахе.

К владыке обратился он с мольбой:
«Раскрой уста, поведай, что с тобой?»

Афрасиаб с тоскою молвил слово:
«О, пусть никто не видит сна такого!

В пустыне змеи полчищем ползли,
Орлы — на небе и земля — в пыли.

Поднялся ветер, тучи праха двинул,
Моей державы знамя опрокинул.

Потоки крови залили простор
И потопили царский мой шатер.

Тогда в одеждах черных верховые,
Сто тысяч, вскинув копья боевые,

Примчались, бросили меня во прах,
С позором повели меня в цепях.

Привел меня к Кавусу витязь некий,
Чью гордость не забуду я вовеки.

Увидел трон, достигший до луны,
Кавус на троне — государь страны.

Сидел с Кавусом рядом юный воин,
Который был месяцелик и строен,

Не более четырнадцати лет.
В глазах его зарницы вспыхнул свет,

Он загорелся ненавистью жгучей,
И стал он громовержащею тучей:

Едва лишь я предстал его глазам,
Меня мечом рассек он пополам.

От страшной боли закричал я дико,
Проснулся я от боли и от крика».

А Гарсиваз: «Да будет этот сон
Добросердечным мужем разъяснен.

Нам нужен толкователь сновидений,
Не знающий в науках заблуждений».

АФРАСИАБ РАССПРАШИВАЕТ МОБЕДОВ О СНЕ

Рассеянные по лицу земли
И при дворе живущие — пришли

К царю снотолкователи-мобеды:
Узнать, зачем позвал их для беседы.

Без меры золота вручил им шах,
Чтоб мудрецы забыли всякий страх.

Затем поведал им о сне тяжелом.
Когда мобед, стоявший пред престолом,

Рассказ из уст царя услышал вдруг,
Взмолился он, почувствовав испуг:

«Тогда лишь правду я тебе открою,
Когда ты вступишь в договор со мною.

Ты дай мне слово милости в залог,
Чтоб истину тебе сказать я мог».

Пообещал пощаду царь Турана:
Мол, все, что скажешь, будет невозбранно.

«О падишах! — ответствовал мобед. —
Пролью на то, что скрыто, ясный свет.

Пойдешь на Сиявуша силой бранной —
От крови станет мир парчой багряной.

Погибнут все туранские войска,
Из-за войны придет к тебе тоска.

А если Сиявуша уничтожишь,
От мести ты спасти себя не сможешь».

Смутилась повелителя душа,
Затосковал он, к битве не спеша...

Сказал такое слово Гарсивазу:
«Отправься в путь по моему приказу,

Возьми из войска двести верховых,
Не делай остановок никаких.

Дарами Сиявуша ты обрадуй,
Да будет каждый дар ему усладой:

Арабских скакунов ему вручи,
В златых ножнах индийские мечи,

Златой венец, обильный жемчугами,
Сто вьюков, полных пышными коврами,

Рабов, рабынь, и деньги, и парчу.
Скажи: «Войны с тобою не хочу».

ГАРСИВАЗ ПРИЕЗЖАЕТ К СИЯВУШУ

Посол приехал, и царевич сразу
Велел открыть дорогу Гарсивазу.

Царевич, чья судьба была светла,
С престола встал и обласкал посла.

Устами Гарсиваз коснулся праха,
Лицо полно стыда, а сердце — страха.

Царевич приказал, чтоб подошел
И у подножья трона сел посол.

О туран-шахе он спросил сурово.
Увидел Гарсиваз, что все здесь ново:

И трон, и повелитель, и венец...
«Афрасиаб, — ответствовал гонец, —

Известье получив, тебя восславил,
Дары со мною он тебе отправил».

Велел дары поднять, за кладью кладь,
Богатства Сиявушу показать.

Из городских в дворцовые ворота
Текли дары туранские без счета.

В восторг пришел царевич от даров,
И с Гарсивазом не был он суров.

Сказал Рустам: «Неделя — для веселий.
Ответ получишь ты в конце недели».

Его слова понравились послу,
Поцеловал он прах, воздал хвалу.

Чертог посла украсили коврами,
Пришли к туранцу слуги с поварами.

Царевич и Рустам ушли в покой,
Уединились от толпы людской.

Сказал царевич опытному мужу:
«Давай-ка тайну извлечем наружу.

Зачем о мире враг прислал нам весть?
В ней спрятан яд? От яда средство есть!

Пусть нам пришлет сто родичей бесценных,
Сто знатных — как заложников, как пленных.

Пусть прояснит немедленно для нас
То, что неясным кажется сейчас.

Пусть он рассеет наши подозренья,
Когда он вправду ищет примиренья.

А будет так: усердному гонцу
Я прикажу отправиться к отцу.

Пусть эту весть гонец отцу доложит, —
От гнева царь избавится, быть может».

Рустам сказал: «Ты прав. Твой ум остер.
Без этого немыслим договор».

СИЯВУШ ПРЕДЛАГАЕТ УСЛОВИЯ МИРА С АФРАСИАБОМ

Явился поутру посол-туранец,
В парче и золоте пришел туранец,

У трона распростерся на земле,
Восславил он царевича в хвале.

«Как почивал средь воинов владыки?
Тебе не помешали шум и клики?» —

Спросил царевич и сказал потом:
«О деле долго думал я твоем.

Мне и Рустаму — ясно нам обоим, —
Что ныне от вражды сердца омоем.

Ответ Афрасиабу напиши:
«Вражду изгнать из сердца поспеши.

Чтоб соблюсти наш договор открытый,
Сто кровных родичей ко мне пришли ты, —

Из тех, которых знает наш Рустам
И назовет тебе по именам.

Пришли их как заложников, и в этом
Поруку я найду твоим обетам.

Затем: захваченные города
Ирану возвратишь ты навсегда,

Уйдешь в Туран, чтоб стали мы спокойны,
От мести отдохнешь, забудешь войны.

Письмо Кавусу должен я послать:
Захочет мира — отзовет он рать».

Тотчас же Гарсиваз гонца отправил,
Подобно ветру полететь заставил,

Сказал: «Ни разу сна не пожелав,
К Афрасиабу ты скачи стремглав.

Скажи, что скоро Гарсиваз вернется:
То, что искал, нашел у полководца.

Заложники царевичу нужны, —
Тогда он отвратится от войны».

К Афрасиабу прискакал посланец,
Царю поведал обо всем туранец.

Из близких сотню царь собрал сполна,
Когда Рустам назвал их имена.

Он родичей послал в Иран с надеждой,
С сокровищами, с царскою одеждой.

Затем покинул Самарканд и Чач,
Согд, Бухару и Сепинджаб, — и вскачь

Пустился к Гангу вместе с войском царства,
Обмана не желая и коварства.

СИЯВУШ ОТПРАВЛЯЕТ РУСТАМА К КАВУСУ

Слоновой кости — и венец и трон.
Взошел царевич, счастьем озарен.

Велел: пусть на коня воитель сядет, —
С Кавусом, может быть, гонец поладит.

Сказал Рустам: «Кого мы изберем?
Кто сможет смело говорить с царем?

Помчусь, предстану пред царем державным,
И то, что было тайным, станет явным.

Живет во мне отвага — для тебя.
Моя поездка — благо для тебя».

Был Сиявуш обрадован словами,
Сравнил Рустама с древними послами.

Затем он приказал прийти писцу,
Письмо на шелке написал отцу:

«Я прибыл в Балх весною с силой ратной,
Доволен был судьбой благоприятной,

А в кубке у противника тогда
Вдруг почернела светлая вода.

Ко мне приехал брат его с дарами,
С красивыми рабынями, с коврами.

Пощады просит царь Афрасиаб,
Свой трон тебе приносит, словно раб.

Сто родичей он мне в залог оставил,
К тебе Рустама с просьбой я отправил:

Прости врага, затем, что ты велик,
Свидетельство добра — твой светлый лик»

К царю со знаменем, с дружиной смелой,
Как подобает, прибыл мощнотелый.

Приезд нежданный объяснив сперва,
О Сиявуше он повел слова,

Воздал ему обильно восхваленья,
Письмо вручил царю без промедленья.

Посланье сына прочитал писец, —
Черней смолы от гнева стал отец.

Сказал Рустаму: «Сын мой, предположим,
Незрел и юн, — его понять мы можем.

Но ты-то, человек, видавший свет,
Не мог ли разве добрый дать совет?

Я не пошел на бой, услышав слово:
«Отправим полководца молодого».

С дороги враг сбивает вас хитро,
Суля вернуть нам наше же добро.

Сто тюрков нам прислал он, сто негодных
Происхожденья темного, безродных.

Заложников отдаст он без труда:
Они ему — что в ручейке вода.

Отправлю к Сиявушу я посланца,
Бывалого и хитрого иранца.

«Ты разведи огонь, — я дам наказ, —
Цепями тюрков ты свяжи сейчас.

Дары врага низвергни в пламень чистый, —
Хотя б одну присвоить вещь страшись ты!

А пленников — пришлешь: хочу от плеч
Их головы презренные отсечь.

Афрасиаба смело ты преследуй,
Вплоть до его дворца иди с победой.

Афрасиаб начнет с тобой войну —
Почует отвращение ко сну».

«О государь, — ответил мощнотелый, —
Не омрачай ты сердца, зла не делай.

Будь милосерд, моим словам внемля:
О царь, тебе подвластна вся земля!

Ты мне велел: «Веди войска, но к бою
Ты двигайся неспешною стопою.

Афрасиаб желает воевать, —
Ты жди, пусть первым двинет в битву рать».

Мы ждали, чтоб война забушевала,
Но двери мира враг открыл сначала.

К тому же ляжет на тебя позор,
Когда ты, шах, нарушишь договор.

Не требуй этого от Сиявуша, —
Чтоб согрешил он, договор наруша.

Гони обман и правду обнаружь.
От слова не отступит Сиявуш».

КАВУС ОТПРАВЛЯЕТ РУСТАМА В СИСТАН

Кавусом гнев и ярость овладели,
Когда услышал он об этом деле.

Он крикнул: «Всем открою речь мою!
Тебя в поступках сына узнаю!

Ему внушил ты: мир — нужнее чести,
Из сердца сына вырвал корень мести.

Покоя жаждешь ты и тишины,
А не величья трона и страны.

Я верхового ныне в Балх отправлю,
Из горьких, едких слов письмо составлю.

Когда забыл царевич о войне,
Когда не хочет подчиниться мне,

Назначу я другого полководца,
Войска возглавит Тус, а сын вернется.

Что следует, получит он от нас
За то, что нарушает наш приказ.

А ты отныне нам не будешь другом,
Мы не прибегнем впредь к твоим услугам».

Воскликнул, омрачась душой, Рустам:
«Я повинуюсь вечным небесам.

Когда Рустам труслив, а Тус — отважен,
То я на этом свете маловажен».

Сказал и вышел, тяжело дыша.
Чело — в морщинах, в ярости — душа.

С дружиною помчался мощнотелый,
Отправился в систанские пределы.

Тотчас же Туса шах велел позвать
И приказал ему идти на рать.

ОТВЕТ КАВУСА НА ПОСЛАНИЕ СИЯВУША

Позвал писца владыка разъяренный,
Сиденье предложил ему у трона,

Письмо составил: весть его была
Остра, как тополевая стрела.

Сначала богу он воздал хваленья,
Властителю покоя и сраженья:

«О юный сын, будь счастлив, невредим
С твоим венцом, с престолом золотым!

Заложников пришли в мои чертоги,
Сперва им руки заковав и ноги.

Со мной о мире говорить не смей,
От воли отвернулся ты моей.

С красавицами, видно, ты связался,
Из-за любви от битвы отказался,

Венец врага на голову надел
И головою к битве охладел.

Узнали мы, внимая небосводу,
Что этот мир тебе несет невзгоду.

Когда ты ценишь общество вельмож
И на разрыв со мною не идешь —

Вернись назад, отдай дружины Тусу, —
Сражаться не дано такому трусу!»

Когда письмо к царевичу пришло,
От горьких слов нахмурил он чело.

Стал думать он о тюрках, о сраженье,
И об отце, и о его решенье,

Так о туранцах знатных говоря:
«Сто родичей могучего царя

Безгрешны, благородны, светлолики,
Но если я отправлю их владыке —

Не станет слушать их, ожесточась,
На виселице вздернет их тотчас, —

Какую милость выпрошу у бога?
За грех отца меня накажет строго!

А если я без повода начну
С туранцами неправую войну,

Ко мне всевышний милостив не будет,
Тогда народный глас меня осудит.

А если к шахским я вернусь вратам,
Военачальство Тусу передам,

Мне злом отец воздаст, исполнен гнева:
Дурное — справа, спереди и слева!»

СИЯВУШ СОВЕЩАЕТСЯ С БАХРАМОМ И ЗАНГОЙ

О помощи воззвал он к двум мужам,
Один из них Занга, другой Бахрам.

Без посторонних пожелал он встречи
И тайные повел с мужами речи:

«Такое злое счастье у меня:
Со всех сторон — напасти на меня!

Мы ныне сердцем ненависти чужды,
К чему же кровь нам проливать без нужды?

Мои дела у шаха не в чести,
Он мне обиду хочет нанести:

Мне воевать велит он без причины,
Нарушить клятву, бросить в бой дружины.

О, если б не родился я на свет,
Родившись, умер бы во цвете лет!

Затем, что столько претерпеть мне надо,
Изведать в этом мире столько яда!

Пойду я, заберусь в такую глушь,
Чтоб царь не знал, где ныне Сиявуш.

Прими, Занга, непобедимый в сече,
Тяжелую обязанность на плечи:

К Афрасиабу ты отправься в путь,
О сне забудь, медлительным не будь.

Заложников, динары и каменья,
Венец, престол и прочие даренья

Верни ему обратно в добрый час
И все скажи, что знаешь ты о нас».

Затем сказал Бахраму юнолицый:
«О славный воин, славный страж границы!

Тебе я свой шатер передаю,
Слона, и барабан *, и власть мою.

До появленья Туса-полководца
Тебе возглавить воинов придется.

Ты войско передашь ему с казной
И все исполнишь, сказанное мной».

У славного Бахрама сердце сжалось,
К царевичу почувствовал он жалость.

Занга заплакал кровью горьких слез,
Он Судабе проклятье произнес.

Сидели оба, полные печали,
Несчастью Сиявуша сострадали.

При расставанье плакали о нем,
Как будто жгли их медленным огнем.

Сказал Занга: «Верны мы Сиявушу,
Тебе приносим в жертву плоть и душу,

Вовеки не нарушим наш обет!»
Услышав от Занги такой ответ,

Царевич молвил, полный благодати:
«Ступай, скажи вождю туранской рати:

Такая доля мне предрешена, —
Хотел я мира, но пришла война.

Напиток мира дал ты мне в отраду, —
Судьба дала мне вдоволь выпить яду.

Но клятве буду верен до конца,
Хотя лишусь престола и венца.

Теперь у бога мой приют безвестный,
Мой трон — земля, корона — свод небесный.

К пристанищу открой мне верный путь,
Чтоб угол я нашел какой-нибудь.

Хочу найти приют сокрытый некий,
Чтоб скрылся от Кавуса я навеки».

ЗАНГА ОТПРАВЛЯЕТСЯ К АФРАСИАБУ

Занга пустился в путь степной тропой,
И взял он сто заложников с собой,

И все дары Турана взял он разом,
Доставленные прежде Гарсивазом.

Когда достиг он городских ворот,
Пришли в волненье стража и народ.

С престола встал туранский предводитель,
Когда вступил Занга в его обитель.

Афрасиаб прижал его к груди,
Велел, чтоб сел знатнейших впереди,

Занга вручил письмо царю Турана,
О том, что было, рассказал пространно.

И царь пришел в смятенье от письма, —
Поспешность — в мыслях, в сердце — боль и тьма.

Писцу к себе явиться приказал он,
Раскрыл уста и речи разбросал он:

«Мне весть принес твой бдительный слуга.
Мне передал твое письмо Занга.

Скорблю о том, что государь вселенной
К тебе пылает злобой сокровенной.

Тебе Туран сердечный шлет поклон,
И я к тебе любовью вдохновлен.

Мне сыном будь, отцом тебе я буду,
Готов тебе служить везде и всюду.

Такой любви — всем сердцем я клянусь! —
Ни разу не явил тебе Кавус.

И сердце и престол тебе отдам я,
И все, что приобрел, тебе отдам я.

Ты сыном будешь мне: в моей стране
Останешься как память обо мне».

Туранский шах письмо скрепил печатью,
Велел Занге, что прибыл с благодатью,

В обратный путь отправиться с утра,
Дал золота ему и серебра,

Почетную одежду дорогую,
И скакуна, и золотую сбрую.

Занга вернулся, молвил без прикрас
О том, что слышал слух и видел глаз.

Два чувства Сиявуша взволновали,
Он полон был и счастья и печали:

Как можно в дружбу с недругом вступить?
Холодный ветер из огня добыть?

С какой бы ни пришел ты добротою,
Вовеки будет враг дышать враждою.

СИЯВУШ ПЕРЕДАЕТ ВОЙСКО БАХРАМУ

С письмом отправил Сиявуш гонца,
О всем, что было, известил отца:

«Обрел я разум с молодостью вместе,
Мне с детства опротивело бесчестье;

От ярости всесильного царя
Я вспыхнул, тайным пламенем горя;

Мне сердце болью тяжкою вначале
На женской половине истерзали;

Прошел я гору грозного огня,
И лань в степи оплакала меня;

Ушел на битву от стыда и срама,
Дракону в лапы угодил я прямо;

Я миром осчастливил две страны,
Но ищет царь, как гневный меч, войны;

Пресытился ты мной? Ну что ж, покину
Пресыщенного, что враждебен сыну!

Пускай с царем не расстается счастье,
А я окончу жизнь в драконьей пасти».

Сказал Бахраму: «Радостно живи,
Свое ты имя в мире обнови.

Возьми шатер, казну и снаряженье,
Венец, престол, и царское сиденье,

И войско, и сокровищ наших груз.
Когда сюда приедет славный Тус,

Ему вручишь ты отданное мною,
Будь сердцем трезв, обласканный судьбою».

Затем избрал он триста верховых,
Отважных, благородных, молодых.

Все знатные мужи с единодушьем
Поцеловали прах пред Сиявушем.

Лишь солнце повернулось к ним спиной,
Земля остыла, мрак упал ночной,

Пошел к Джейхуну Сиявуш с друзьями, —
Лицо покрылось жаркими слезами.

А в это время в Балх приехал Тус.
Слова услышал, горькие на вкус:

Наследник царский, не желая брани,
Пошел искать прибежища в Туране.

Тус приказал всех воинов собрать
И ко дворцу Кавуса двинул рать.

У Кей-Кавуса щеки пожелтели,
Он зарыдал, узнав об этом деле.

Пылал и плакал, в буйный гнев придя
На сына, на туранского вождя...

Узнал Афрасиаб: из-за Джейхуна
Явился Сиявуш, царевич юный.

Собрал вельмож на радостном пути,
Велел он всем с литаврами прийти,

Он войско светлой вестью осчастливил
И четырех слонов на площадь вывел.

Сказал бы ты, взглянув на эту рать:
Решило небо землю разубрать!

Все войско Сиявуш окинул взглядом,
Ему навстречу поскакал с отрядом.

И витязи, и кони, и слоны
Под знаменем Пирана сплочены.

Царевич обнял славного Пирана,
Спросил про город и царя Турана.

Пиран поцеловал его чело,
Его лицо, что было так светло

И сердца сделалось живописаньем,
Затем к ногам припал он с лобызаньем.

Отправились, беседуя, вдвоем,
Путем веселым следуя вдвоем.

А в городе рубаб и чанг звенели
И поднимали спящего с постели.

У гостя слезы хлынули из глаз,
В душе с обидой ярость поднялась:

Предстал пред ним Иран, земля родная,
И помрачнел он, тяжело вздыхая.

Он вспомнил об иранской стороне, —
Душа зажглась, чтобы сгореть в огне.

Он отвернул лицо от полководца,
Тот понял: против воли расстается

С родной землей навеки Сиявуш,
И губы прикусил туранский муж.

Сказал Пиран: «Не думай об Иране,
Покинул ты страну своих страданий.

Любви Афрасиаба не беги,
Не слушай, что о нем твердят враги, —

Хотя о нем идет дурная слава,
Он не таков: он муж благого нрава.

Я у него в чести, при нем обрел
Сокровища, и войско, и престол, —

Их в жертву принесу тебе охотно,
Когда ты здесь осядешь беззаботно,

Тебя от сердца чистого приму,
Служить я буду сердцу твоему».

Царевича слова его ласкали,
Душа освободилась от печали.

Они воссели за еду вдвоем.
Стал сыном Сиявуш, Пиран — отцом.

Пустились в путь, не ведая тревоги,
Стоянки не искали по дороге.

И так достигли Ганга наконец,
Где был отдохновения дворец.

Сиявуш встречается с Афрасиабом

Узнал Афрасиаб, глава державы,
Что Сиявуш приехал величавый.

На площадь пешим выбежал, спеша
К тому, кого ждала его душа.

Царевич спешился, когда нежданно
Увидел пешего царя Турана.

В глаза один другого целовал,
И обнимал, и снова целовал.

Сказал Афрасиаб: «Мы видим оба,
Что погрузилась в сон земная злоба.

Не будет войн, и общею тропой
Олень и барс придут на водопой.

Мы пребывали в страхе постоянном:
Война грозила двум соседним странам,

Покоя не было в душе людской,
Но ты пришел и дал земле покой.

Еще такого не было событья!
Мы отдохнем от войн, кровопролитья.

Туран — твой друг. Спокойно в нем живи,
К тебе сердца исполнены любви.

Пребуду я тебе отцом отныне,
В тебе я счастье обрету, как в сыне».

Вознес его царевич в похвале:
«О царь, будь вечно счастлив на земле!

От господа произошло творенье,
Война и мир, вражда и примиренье».

Рука в руке, Афрасиаб повел
Царевича; воссел он на престол,

Сказал, окинув Сиявуша взглядом:
«Кого могу с тобой поставить рядом?

Среди великих не могу сыскать
Лицо такое и такую стать».

И выбрал он чертог — приют желанный,
Что устлан был парчою златотканой.

Просил он гостя горести забыть,
В чертог, ему назначенный, вступить,

Чтоб он располагался там свободно
И занимался чем душе угодно.

Увидел Сиявуш: дворец велик,
Сатурна куполом своим достиг!

На трон взошел он, устланный парчою,
Предался думам трезвою душою.

Когда накрыли у владыки стол,
Посланец за изгнанником пришел.

И царь и гость за трапезу воссели,
Пошли у них беседа и веселье.

Вино хмельное пили дотемна,
Их головы вскружились от вина.

Ушел царевич в радостном тумане,
В вине исчезла память об Иране...

Афрасиаб, царевичем пленен,
В беседах долгих забывал про сон.

Грустил ли он, душой ли веселился,
Он к Сиявушу одному стремился.

Забыты были Джахн и Гарсиваз,
С кем тайнами делился он не раз.

Без юноши и дня не проводил он,
Отраду в Сиявуше находил он.

Так провели два друга целый год,
Деля и счастья дни, и дни невзгод.

ПИРАН ОТДАЕТ СИЯВУШУ В ЖЕНЫ СВОЮ ДОЧЬ

Однажды Сиявуш с Пираном знатным
Вели беседу вечером приятным.

Сказал Пиран: «Со странником ты схож:
Сегодня — здесь, а завтра ты уйдешь.

Не вижу близкого тебе по крови,
Не помышляешь о семейном крове.

Нет брата у тебя, сестры, жены,
Ты — куст, растущий где-то у стены.

Грусть об Иране приведет к недугу:
Найди себе достойную супругу.

Умрет Кавус: Иран великий — твой,
Твоя — корона, трон владыки — твой!

В покоях туран-шаха, посмотри ты,
Красой блистая, три луны сокрыты.

У Гарсиваза — тоже три луны;
Он знатен; древен род его жены.

А у меня на женской половине —
Четыре девочки, твои рабыни.

Всех старше Джарира, во цвете лет,
Красавиц, равных ей, не знает свет.

Лишь согласись, и юная тюрчанка —
Твоя рабыня и твоя служанка».

Ответил Сиявуш: «Благодарю.
Теперь, как сын, с тобою говорю.

Жена из дома твоего нужна мне,
И Джарира твоя — теперь жена мне».

Такую речь вели наедине.
Пошел Пиран к Гульшахр, своей жене.

Сказал ей: «Счастью Джарири послужим,
Царевич Сиявуш ей будет мужем.

Мы разве можем не торжествовать,
Когда Кубада внук — теперь наш зять?»

Гульшахр пришла с невестою смущенной,
Красавицу украсила короной.

На Джариру царевич бросил взгляд —
И рассмеялся, радостью объят.

Он днем и ночью счастлив был с женою,
Забыл Кавуса, не болел душою.

Он жил, не зная никаких забот...
Так время шло, кружился небосвод.

Честь витязя и слава непрестанно
Приумножались пред царем Турана.

ПИРАН ГОВОРИТ СИЯВУШУ О ЦАРЕВНЕ ФАРАНГИС

Сказал однажды сдержанный Пиран:
«Ты, Сиявуш, рожден владыкой стран!

Хотя твоя жена — мне дочь родная,
Тревожусь о тебе я, сна не зная.

Хотя твоя опора — Джарира,
Хотя она красива и добра —

Жемчужину, твоей достойно доле,
Ищи ты в государевом подоле.

Затмила всех красавиц Фарангис,
Она стройней, чем стройный кипарис.

Прекрасен лик и мускусные косы,
Венец на голове темноволосый.

Проси царя, чтоб стал твоим кумир:
Таких не знал Кабул, не знал Кашмир.

В родство вступив с властителем державы,
Свой блеск ты увеличишь величавый.

Прикажешь мне — с царем поговорю,
Взыскуя чести, я пойду к царю».

А Сиявуш: «Трудна моя дорога,
Но кто противостанет воле бога?

В Иран, быть может, не вернусь я вновь,
И не увижу я Кавуса вновь.

Быть может, Заля снова не увижу,
Рустама, мне родного, не увижу.

Быть может, не вернусь к богатырям,
К таким, как Гив, Шапур, Занга, Бахрам.

От сладких отрешусь воспоминаний,
Обосноваться надо мне в Туране.

А если так, начни ты сватовство,
Не посвящая в тайну никого».

Так говорил он и вздыхал в печали,
А на ресницах капли слез блистали.

Сказал Пиран: «Доволен тот судьбой,
Кто шествует разумною тропой.

Уйдешь ли от кружащихся созвездий? *
От них война, и милость и возмездье».

ПИРАН ГОВОРИТ С АФРАСИАБОМ

Пиран, узнав о помыслах его,
Встал, и пошел, и начал сватовство.

Пошел к царю с веселым нетерпеньем,
К владыке он поднялся по ступеням,

Немного постоял перед царем.
Сказал Афрасиаб, влеком добром:

«Чего желаешь ты, водитель рати:
Меча, короны, трона иль печати?»

Царю ответил мудрый человек:
«Да будешь миру нужен ты вовек!

Хочу поговорить о Сиявуше,
Пусть лишь твои меня услышат уши.

Он мне сказал: «Поведай ты царю,
Что путь к величью ныне я торю.

Есть у тебя такая дочь, которой
Хочу я стать достойною опорой.

Красавицу нашел я наконец,
Что трон украсит мой и мой венец.

Ей имя Фарангис дала царица,
С тобой сочту за счастье породниться».

Тогда, с глазами, влажными от слез,
Афрасиаб, подумав, произнес:

«Предсказывал мне сведущий в науке,
Чудес немало говорил о внуке:

Казна, войска, венец есть у меня,
Страна, престол, дворец есть у меня,

Но внук мое величье уничтожит,
Ничто меня тогда спасти не сможет.

Захватит внук мою страну и трон,
И буду я с лица земли сметен».

Сказал Пиран: «О государь Турана,
Пускай тебя не мучит эта рана.

Кто Сиявуша назовет отцом,
Тот будет мирным, честным мудрецом.

Ты звездочета, государь, не слушай,
Устрой разумно дело Сиявуша, —

К счастливому концу тогда придешь,
Что от судьбы ты просишь — обретешь».

Афрасиаб сказал слуге седому:
«Твой разум нас не приведет к худому.

Твою дорогу ныне изберу:
Надеюсь, что с тобой приду к добру».

Пиран перед царем склонился вдвое,
Его решенье восхвалил благое,

К царевичу отправился тотчас
И радостный принес ему рассказ.

Сидели оба допоздна с весельем
И горечь жизни обмывали хмелем.

СВАДЬБА ФАРАНГИС И СИЯВУША

Едва лишь солнце в блеске золотом
На небе обозначилось щитом,

Пиран перепоясал стан могучий,
Помчался на коне быстрее тучи,

Явился к Сиявушу и воздал
Его величью тысячу похвал,

Сказал ему: «Устрой дела по дому,
Придет царевна, будь готов к приему».

Тут покраснел царевич от стыда,
Смутился пред Пираном он тогда:

Он был Пирану самым близким другом,
Он дочери Пирана был супругом!

Сказал: «Ступай и дело доверши, —
Все тайны знаешь ты моей души».

Тотчас Пиран занялся этим делом,
Ему предавшись и душой и телом.

Он выбрал лучшие из жемчугов,
Парчи китайской тысячу кусков,

Сережки, два венца и ожерелье,
Запястья два, что как огни горели,

Ковры, обилье тканей дорогих,
Три пары одеяний дорогих;

Держали двести слуг златые чаши,
Как взглянешь — ничего нет в мире краше!

В златых нарядах было триста слуг,
Сто близких родичей — семейный круг.

Вот Фарангис, царевна молодая,
Явилась к жениху, луной блистая.

Светла их радость, свадьба весела,
И с каждым мигом их любовь росла.

АФРАСИАБ ДАЕТ СИЯВУШУ ВО ВЛАДЕНИЕ ЧАСТЬ СТРАНЫ

Вот время на неделю удлинилось, —
От тестя Сиявуш увидел милость.

Однажды к Сиявушу как посол
Доброжелатель от царя пришел.

«Тебя, — сказал он, — кличет царь державный
И говорит: «Великий, добронравный!

Отселе до Китая царства часть
Даю тебе, возьми над нею власть,

Поезди, посмотри на край обширный,
Для счастья избери ты город мирный.

Останься в нем, с отрадою живи,
Довольством сердце радуя, живи!»

Те речи были Сиявушу любы.
Он приказал, чтоб заиграли трубы,

Он приказал сокровища собрать,
Венец и перстень взял и двинул рать.

Вот Фарангис уселась в паланкине,
Пошло с обозом войско по долине,

С весельем именитые пошли,
Хотанская земля была вдали.

Достигли места, что цветущим было,
Основой счастья, раем сущим было!

Вон там — река, а здесь — гора видна,
Охотникам — раздолье, тишина,

Журчанье родников, дерев цветенье, —
Старик второе здесь найдет рожденье!

Пирану Сиявуш сказал: «Страна,
Что видишь ты, для счастья создана.

На этом месте город я воздвигну,
Блаженство мира сердцем я постигну.

Создам я город, приложив труды,
А в нем — дворцы, чертоги и сады.

Такой построю город несказанный,
Что удивятся племена и страны».

Сиявуш возводит Гангдиж

Теперь слова я повести начну,
Которые звучали в старину.

О городе преданье изложу я,
О Ганге Сиявуша расскажу я.

Весь мир пройдешь, на землю поглядишь —
Все царства и края затмил Гангдиж!

Тот город Сиявуша был твореньем,
Над каждым потрудился он строеньем.

Пройдешь ты степь, увидишь за рекой
Пустынный прах, бесплодный и сухой.

Высокая гора предстанет взору, —
Нет меры, чтоб измерить эту гору,

Гангдиж — в горах. Об этом знай: вреда
От знаний не получишь никогда.

Он окружен кирпичною стеною
Фарсангов свыше тридцати длиною.

Обширный город за стеной возник.
Куда ни глянь — дворец, чертог, цветник,

Горячие купальни, водопады,
Везде веселье, яркие наряды;

В ущельях — серны, дичью полон дол,
Взглянул бы — ни за что бы не ушел!

Не зноен зной, не холоден там холод,
То — счастья город, изобилья город.

Там ни больных не встретишь, ни калек,
Там райский сад, там счастлив человек!

СИЯВУШ ГОВОРИТ ПИРАНУ О БУДУЩЕМ

Однажды, объезжая край счастливый,
Скакал царевич — скорбный, молчаливый.

Сказал Пиран: «Ты с грустью смотришь вдаль.
Откуда, государь, твоя печаль?»

А тот: «О добродетелью богатый,
Стремишься к добродетели всегда ты!

Ты, богатырь, отважен и умен, —
Узнай, каким я горем удручен:

Я времени провижу ход поспешный, —
Убит я буду, слабый и безгрешный,

Афрасиаба грозною рукой, —
Мой трон и мой венец возьмет другой.

Злосчастье, клевета тому причина,
Что я погибну, пострадав невинно,

И на Иран и на Туран тогда
Обрушит беды мрачная вражда.

Земля наполнится тоской и смутой,
Мир обнажит оружье мести лютой.

Тогда настанет грабежей пора,
И гибель и хищение добра.

Затопчут кони многие державы,
Вода в ручьях исполнится отравы.

Иран, Туран от горя возопят,
Умру — и мир вскипит, огнем объят».

Пиран внимал богатырю и горе
Почувствовал при этом разговоре.

Такую речь вели они в пути,
Не зная, где спасение найти,

Сошли с коней, чтобы в тенистой сени
Забыться от тревожных опасений.

Накрыли скатерть, в песнях и вине
Топя заботу о грядущем дне.

АФРАСИАБ ОТПРАВЛЯЕТ ПИРАНА С ВОЙСКОМ

Семь дней весельем сердце услаждали,
О древних миродержцах рассуждали.

Пирану-полководцу в день восьмой
Прислал письмо владеющий страной:

«Из войска самых сильных возглавляя,
Ступай отсюда к берегам Китая,

Затем до Хиндустана ты пройди,
На берег Синда войско приведи.

Получишь дань в Китае, в Хиндустане,
Затем иди к хазарам, требуй дани».

Пиран возглавил и направил рать,
Как царь ему изволил приказать.

СИЯВУШ СООРУЖАЕТ СИЯВУШГИРД

Огня быстрее прибыл утром рано
Гонец от повелителя Турана.

Царь Сиявушу написал письмо, —
Сама любовь и счастье в нем само:

«С тех пор как ты ушел, познал я муки,
Тоскую постоянно от разлуки.

Узнай же ныне радостную весть:
Тебя достойный край в Туране есть.

Дарю тебе его: он благодатен,
Быть может, будет он тебе приятен, —

Отправься и взгляни на этот край,
И царствуй славно, и врагов карай!»

Афрасиаба подчинясь приказу,
В дорогу Сиявуш пустился сразу.

Как только витязь прибыл в ту страну,
Он в два фарсанга в ширину, в длину

Построил дивный город с площадями,
Дворцами, цветниками и садами.

Дворец украсил, вызвав мастеров,
Изображеньем битв, царей, пиров,

Он купола возвел, что возвышались
Над городом и облаков касались.

Сиявушгирдом город нарекли,
И люди в нем довольство обрели.

ПИРАН ПРИБЫВАЕТ В СИЯВУШГИРД

Когда Пиран вернулся с войском вместе,
О городе везде гремели вести.

Отправился военачальник в путь,
Чтобы на город радостный взглянуть.

Пиран подъехал к городским воротам,
И встретил Сиявуш его с почетом.

Неделю пировали допоздна,
И веселы, и пьяны от вина.

На день восьмой, утешенный пирами,
Пришел Пиран с достойными дарами:

Здесь были яхонт, жемчуг и алмаз,
Венцы блистаньем радовали глаз,

Здесь было много седел тополевых,
Коней с попонами из шкур тигровых,

И серьги и венец для Фарангис,
А на браслетах жемчуга зажглись!

Вручив дары, пуститься в путь решил он.
К царю Афрасиабу поспешил он.

Пришел, предстал, поведал обо всем:
О дани, собранной за рубежом,

О Сиявуше рассказал правдиво,
О городе, построенном на диво.

И царь от мысли той повеселел,
Что Сиявуш рожден для славных дел.

АФРАСИАБ ПОСЫЛАЕТ К СИЯВУШУ ГАРСИВАЗА

Властитель поделился с Гарсивазом
Из тайника исторгнутым рассказом:

«В Сиявушгирд с отрадою ступай,
Внимательно исследуй этот край;

Когда хозяин весел — две недели
Ты оставайся в городе веселий».

Взглянул на войско храбрый Гарсиваз,
Избрал отборных всадников тотчас,

В Сиявушгирд, чтобы вкусить отраду,
Велел скакать он своему отряду.

Когда о нем услышал Сиявуш,
Навстречу с войском вышел Сиявуш.

В объятья заключил один другого;
Спросив о шахе гостя дорогого,

Хозяин в город с ним вступил и тут
Отвел ему для отдыха приют.

Явился Гарсиваз к нему с рассветом,
Пришел с дарами от царя, с приветом.

РОЖДЕНИЕ ФАРУДА, СЫНА СИЯВУША

Внезапно к Сиявушу во дворец
Примчался с вестью радостный гонец:

«От Джариры, от дочери вельможи,
Родился мальчик, на луну похожий, —

Фарудом светлым нарекли дитя!
Пиран, такую радость обретя,

Немедленно меня к тебе отправил,
Чтоб весть о сыне я тебе доставил.

А мать младенца, полного добра, —
Прислужницам велела Джарира,

Чтоб окунули руку мальчугана,
Когда он крепко спал, в раствор шафрана,

И, приложив ладонь его к письму,
Письмо послала мужу своему».

А Сиявуш: «Рожден для высшей доли,
Пусть мальчик вечно будет на престоле!»

Воскликнул именитый Гарсиваз,
Когда услышал радостный рассказ:

«Поскольку внук родился у Пирана,
Он равным государю стал нежданно!»

Пошли с отрадной вестью к Фарангис,
В чертогах клики счастья раздались.

Все на престолах золотых воссели,
Не знали радости такой доселе.

О ПОБЕДЕ СИЯВУША НА РИСТАЛИЩЕ

Как только солнце яркое взошло,
Явило всей земле свое чело,

Примчался Сиявуш на луг зеленый —
Потешиться мячом, забавой конной.

Чоуганом он ударил — мяч исчез,
Скажи: сокрылся в тайниках небес!

Тут молвил Гарсиваз: «Скажу заране, —
Ты всех затмил в Иране и Туране.

Давай-ка на ристалище пойдем,
Поскачем перед воинством вдвоем,

Как два бойца, на середине круга,
Давай возьмем за пояса друг друга.

Ты знаешь: всех туранцев я сильней,
А мой скакун — сильнее всех коней.

Ты, витязь, всех иранцев превосходишь,
Соперников и равных не находишь.

Когда я подниму тебя с седла,
На землю сброшу — значит, мне хвала,

Тогда ты знай, что я тебя храбрее,
Богаче силой, ловкостью быстрее.

А если ты с коня сорвешь меня, —
Я больше в битву не пущу коня».

А Сиявуш: «К чему такие речи?
Известно, что, как лев, ты грозен в сече,

Ты — брат царя, ты выше всех похвал,
Копытами луну ты растоптал.

Богатыря, кого-нибудь из свиты,
На скакуна для битвы посади ты:

Хочу перед тобой на этот раз
Не осрамиться, славный Гарсиваз!»

Тут рассмеялся Гарсиваз беспечно, —
Ответ ему понравился, конечно.

Сказал туранцам: «Гордецы мои,
Хотите славы, храбрецы мои?

Хотите с Сиявушем побороться,
Надменного унизить полководца?»

Молчали тюрки, на устах — запрет.
Гуруй бесстрашный выступил в ответ.

«Я, — молвил, — состязаться с ним достоин,
Когда другой не хочет выйти воин».

Услышав, что сказал туранский муж,
Чело свое нахмурил Сиявуш.

Воскликнул Гарсиваз: «Скажу царю я, —
Никто не может одолеть Гуруя».

А Сиявуш: «С любым вступлю я в бой, —
Мне не пристало биться лишь с тобой.

Готов я и с двумя вступить в сраженье,
Вели, — пусть выйдут в полном снаряженье».

Тогда Дамур, другой из гордецов,
Сильнейший из туранских удальцов, —

Помчался на коне быстрее дыма,
Он поединка ждал неукротимо.

С Гуруем вместе двинулся Дамур.
Навстречу — Сиявуш, суров и хмур.

Рукой за пояс он схватил Гуруя,
Потом за пояс дернул, торжествуя,

И сбросил, вырвав из седла сперва, —
К чему ему аркан и булава?

Затем рукою мощною своею
Дамура взял за грудь, схватил за шею,

С позором поднял, вырвал из седла, —
Толпа кругом в смятение пришла.

Был Гарсиваз повергнут в стыд глубокий,
Вскипело сердце, пожелтели щеки.

Богатыри отправились домой,
Сказал бы ты: сошли во мрак ночной.

Семь дней с вином и музыкой сидели,
Так веселились до конца недели.

Но вот гостям в обратный путь пора.
И Сиявуш, исполненный добра,

Афрасиабу написал посланье, —
В нем были дружба, кротость, почитанье.

Он Гарсивазу много дал даров.
Отряд покинул мирный, светлый кров.

Промолвил Гарсиваз, желая мести:
«Иран унизил нас на этом месте.

Дамур с Гуруем, два свирепых льва,
Чью силу всюду славила молва,

Обижены иранским черноверцем *,
Унижены борцом с нечистым сердцем».

ГАРСИВАЗ КЛЕВЕЩЕТ АФРАСИАБУ НА СИЯВУША

Так, в раздраженье, завершил он путь,
Не мог он успокоиться, уснуть.

К Афрасиабу поспешил воитель.
Спросил о путешествии властитель.

Вручил письмо, поведал о делах.
Прочтя письмо, возрадовался шах.

Воскликнул Гарсиваз: «Письму не верь ты,
Владыка, зятю своему не верь ты!

Иранский шах Кавус, тайком от нас,
К нему посланца присылал не раз.

Он ждет вестей из Рума, из Китая,
Он пьет вино, Кавуса поминая».

Тогда, тоскою горькою томим,
Стал государь печальным и больным.

Сказал: «Мой брат, со мной ты связан кровью,
Пришел ко мне, руководим любовью.

Подумай глубже о моей судьбе,
Вглядись в нее: что вспомнится тебе?

Ужасный сон — моей тоски основа,
Мой разум потемнел от сна дурного.

На Сиявуша не пошел войной,
Он тоже мира пожелал со мной.

Покинув родину, ко мне пришел он,
И честности и верности мне полон.

Он чтил меня, я стал ему царем,
Дарил его лишь благом и добром.

Я дал ему страну, сокровищ груду,
Решил: печаль и ненависть забуду.

Я перестал с Ираном враждовать,
Отныне Сиявуш — мой друг, мой зять.

И после всех дарений, всех усилий,
Когда мы трон, венец ему вручили,

Могу ли на него низвергнуть зло,
Чтоб столько толков по земле пошло?

Что скажет бог, когда мы гнев обрушим,
Расправимся с безгрешным Сиявушем?

Не лучше ль Сиявуша с глаз долой
Отправить поскорей к отцу домой?»

Пылая местью, Гарсиваз ответил:
«Правдолюбивый царь, что сердцем светел!

С таким мечом и с булавой такой,
С благословенной господом рукой,

Без войска Сиявуш не возвратится,
Твои померкнут месяц и денница,

И рать твоя к иранцу перейдет, —
Пастух, лишенный стада, пропадет».

Афрасиаб на мир взглянул угрюмо.
Он мучился, в нем зрела злая дума.

К нему и в ранний час, и в поздний час
Входил в покои злобный Гарсиваз.

Хулитель вероломный и лукавый,
Он сердце шаха наполнял отравой.

Так время над властителем прошло.
Проникли в сердце шаха боль и зло...

Однажды повелел он Гарсивазу:
«Скачи, — пусть внемлет Сиявуш приказу,

Ко мне пусть быстро соберется в путь,
При нем ты неусыпным стражем будь».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГАРСИВАЗА К СИЯВУШУ

У Гарсиваза, хитрого и злого,
Готовы были сети зверолова,

Приехав, сразу в город не вошел, —
Красноречивый послан был посол.

Пред Сиявушем прах облобызал он,
Царю о Гарсивазе рассказал он.

Услышал царь, что прибыл Гарсиваз,
В тревоге свет в его глазах погас.

Он думал, поражен необычайно:
«Здесь кроется неведомая тайна.

Что говорил с царем наедине
Вельможа добронравный обо мне?»

Но вот подъехал Гарсиваз, и сразу
Царевич пешим вышел к Гарсивазу,

Спросил: «Хорош ли путь? Здоров ли шах?»
Спросил о государственных делах.

Тот передал приказ царя Турана.
Был осчастливлен витязь несказанно,

Воскликнул: «С мыслью о царе, клянусь.
Я даже от меча не отвернусь!

Смотри, мы в путь готовы, мы уходим,
Поводья привязав к твоим поводьям».

Злокозненный смутился клеветник,
От мудрой речи головой поник.

Подумал: «Если с Сиявушем вместе
Мы выступим — я не исполню мести:

Не попадет иранец в мой капкан,
Увидит шах, что речь моя — обман.

Теперь нужны мне хитрость и сноровка,
Чтоб Сиявуша сбил с пути я ловко».

Он пролил слезы жаркие из глаз, —
И обманул иранца Гарсиваз.

И возмущенье и негодованье
Услышал Сиявуш в его рыданье.

Спросил он мягко: «Что случилось, брат?
Какою тайной скорбью ты объят?

Когда туранский царь тому виною,
Что плачешь ты сейчас передо мною,

То выйду я с тобою в путь, начну
С Афрасиабом грозную войну.

Откройся мне, доверься мне вначале,
Чтоб я тебя избавил от печали».

Ответил Гарсиваз: «Я речь веду
Не про свою обиду и беду.

О споре меж Ираном и Тураном,
О горе, что грозит соседним странам,

О сущности вражды я полон дум,
Мне мудрые слова пришли на ум:

«С тех пор как Тура бог покинул правый,
Настало зло, воюют две державы» *.

Не Тур — Афрасиаб царит теперь,
Но он такой же бык, такой же зверь.

Пройдет немного времени, — владыки
Узнаешь нрав коварный, злобный, дикий.

К тебе пылает злобой туран-шах, —
Судьба людей сокрыта в небесах.

Ты знаешь — я твой друг во всем и всюду,
Всегда тебе товарищем я буду.

О шахе я сказал, добро любя, —
Грешно таить мне правду от тебя».

Ответил Сиявуш: «Гони тревогу,
Затем, что я иду, внимая богу.

Афрасиаб, — о нем я думал так, —
Стал светом для меня, развеял мрак.

Когда б решил он, что ищу я брани,
Меня бы не возвысил он в Туране,

Не дал бы мне страну, венец, престол,
Свое дитя ко мне бы не привел.

К его дворцу пойду с тобой теперь я,
Рассею мрак, добьюсь его доверья.

Где правда проступает сквозь туман,
Там терпит поражение обман».

Ответил Гарсиваз: «Он зверя хуже,
Он не таков внутри, каков снаружи.

Тебя он предал, обманул, злодей,
Зашил он очи мудрости твоей.

Покинул ты отца, незрел и молод,
Пришел в Туран, воздвиг огромный город.

Так обольстил тебя Афрасиаб,
Что служишь ты ему, как верный раб».

Он говорил, а в голосе — рыданье,
В душе — коварство, на устах — страданье.

Тут Сиявуш в него вперил глаза, —
Из них катились за слезой слеза.

У Сиявуша пожелтели щеки,
Издал он вздох, тяжелый и глубокий,

Сказал: «Не вижу, в глубь вещей смотря,
Чтоб заслужил я ненависть царя.

Пусть я познаю муку и обиду —
Из подчинения царю не выйду.

Без войска я пойду с тобой к нему,
Причину гнева царского пойму».

А Гарсиваз: «Не вижу в этом смысла,
Чтоб ты пошел, когда беда нависла.

Заступник твой, спасу я жизнь твою,
Огонь, быть может, я водой залью.

Афрасиабу изложи в посланье
Все доводы, все речи в оправданье.

Когда увижу: царь не хочет зла,
Настал хороший день, заря взошла,

Немедленно гонца к тебе отправлю,
От мрака и тоски тебя избавлю.

А если царь коварен, гневен, зол,
То и тогда примчится мой посол.

Ты действуй быстро, чтоб достигнуть цели,
Ты долго не раздумывай: отселе

В ста двадцати фарсангах есть Китай,
А в триста сорока — иранский край.

Там у тебя и войско и держава,
Там у тебя отец, закон и право.

Во все концы отправь своих послов,
Не медли, будь к сражению готов».

И Сиявуш совету внял дурному,
Душой беспечной погруженный в дрему.

ПИСЬМО СИЯВУША АФРАСИАБУ

Затем позвал он мудрого писца,
Слова рассыпал, помянув творца,

Предвечного создателя восславил
За то, что от грехов его избавил.

Он разум начал мудро восхвалять,
Призвал на туран-шаха благодать.

«О царь счастливый, царь победоносный,
Живи, пока цветут, ликуя, вёсны!

Я рад: мне встреча суждена с тобой,
Моя душа озарена тобой».

Он приложил к письму печать, и сразу
Вручил свое посланье Гарсивазу.

Потребовал вельможа трех коней,
Скакал, не различая дней, ночей.

За трое суток путь покрыл он длинный —
Подъемы, спуски, горы и равнины.

Он прибыл во дворец, к царю спеша, —
Ложь на устах, грехов полна душа.

«Ты мчался быстро, — молвил царь Турана, —
Ты почему приехал так нежданно?»

Ответил тот: «Когда, судьбе грозя,
Стремится время — медлить нам нельзя.

Навстречу мне твой Сиявуш не вышел,
Меня как бы не видел и не слышал,

Он твоего письма не стал читать,
Меня принудил на колени стать.

Закрыв пред нами двери, постоянно
Он получает письма из Ирана.

Промедлишь ты — он двинется в поход
И все, чем ты владеешь, отберет.

О вероломном я тебе поведал,
Смотри же, чтобы он тебя не предал».

АФРАСИАБ ВЫХОДИТ НА ВОЙНУ С СИЯВУШЕМ

Когда его слова услышал царь,
Он снова запылал враждой, как встарь.

Он приказал, чтоб грянул голос трубный,
Чтоб зазвенели колокольцы, бубны.

В тот самый миг, когда, содеяв зло,
Вскочил хулитель Гарсиваз в седло,

Вошел царевич в свой шатер высокий,
Дрожало тело, желты были щеки.

Спросила Фарангис: «Мой гордый лев,
О чем скорбишь ты, ликом потемнев?»

«Красавица! — сказал он. — Черным цветом
Покрылась честь моя в Туране этом».

Она: «О царь мой, тайну мне доверь,
Скажи, что делать будешь ты теперь?

В ком ты найдешь прибежище, подмогу?
Ища приюта, обращайся к богу».

Сказал жене: «Надеюсь я сейчас,
Что весть пришлет мне добрый Гарсиваз

О том, что шах простил меня, смягчился,
Раскаявшись, от мести отрешился».

СИЯВУШ ВИДИТ СОН

Он горько плакал три тяжелых дня,
Свою судьбу коварную кляня.

А на четвертый день, в тоске великой,
Заснул на ложе рядом с луноликой.

Проснулся он, увидев страшный сон,
Внезапно заревел, как буйный слон.

Сказала Фарангис: «О, сделай милость,
Мой царь, скажи мне, что тебе приснилось?»

Ответил Сиявуш: «О сне моем
Не говори ни с другом, ни с врагом.

Я был во сне, о кипарис мой нежный,
Казалось, окружен рекой безбрежной.

Из-за реки огонь пошел ко мне,
И запылал Сиявушгирд в огне.

Смерть — в пламени, и смерть — в речной пучине,
Афрасиаб могучий — посредине.

Властитель злобно глянул на меня.
Сильней раздул он языки огня».

А та: «Теперь заснешь. Огонь и влага —
Хороший сон: они даруют благо.

Убит бесславно будет в некий час
Румийским полководцем Гарсиваз».

Царевич вызвал воинов бывалых
И на дворе и во дворце собрал их,

С мечом в руке, в одеждах боевых,
Он сел и в степь отправил верховых.

Минуло два часа той ночи черной.
Вернулся всадник, доложил дозорный;

«За туран-шахом, за царем земли,
Большое войско движется вдали».

От Гарсиваза вестник прибыл вскоре:
«Ищи спасенья, наступило горе.

Тебе я словом не помог своим,
Как прежде, гневом туран-шах палим».

Не распознал царевич лицемерья,
Не потерял к его речам доверья.

«О мой супруг, — сказала Фарангис, —
О нас не думай, должен ты спастись.

Помчись на скакуне в другое царство,
В Туране ты погибнешь от коварства».

СИЯВУШ СООБЩАЕТ ФАРАНГИС СВОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Сказал он: «Сон исполнился дурной,
Померкла честь моя, как свет дневной.

Кончается мое существованье,
И наступает горькое страданье.

Пять месяцев несешь ты в чреве плод.
Пускай для славы мальчик мой растет.

Младенцу Кей-Хосрова дай ты имя,
Утешь его заботами своими.

Мой близок час: прикажет твой отец,
Чтоб счастью моему пришел конец.

Я буду, неповинный, обезглавлен,
Венец мой царский будет окровавлен.

Ни савана, ни гроба не найду,
Лишь вас, хула и злоба, я найду!

Прикажет шах — палач с надменным взором
Тебя, нагую, выведет с позором.

Придет Пиран, отважен и велик,
Тебя у шаха вымолит старик.

Ты в доме благодетеля седого
Родишь на свет младенца Кей-Хосрова.

Прибудет из Ирана мститель ваш —
Ведомый господом спаситель ваш,

И поведет он, тайно и нежданно,
К реке Джейхун тебя и мальчугана.

Твой сын на троне станет знаменит,
Себе и птиц и рыб он подчинит.

Начнет Иран войну, Туран карая,
Земля от края забурлит до края.

Туран поднимет вопль, поднимет стон,
Делами Кей-Хосрова потрясен».

Услышав завещание супруга,
Повисла Фарангис на шее друга.

Заплакал он, — и стала боль сильней.
Вошел в конюшню, выбрал из коней

Шабранга, скакуна породы знатной,
Что был быстрее ветра в битве ратной.

Он обнял голову его, стеня,
Узду и недоуздок снял с коня.

И на ухо шепнул ему с тоскою:
«Ты моему врагу не будь слугою.

Когда для мести выйдет Кей-Хосров,
Ты помоги ему разбить врагов.

Скачи под ним, копытом бей сердито,
Врагов да втопчет в прах твое копыто».

АФРАСИАБ БЕРЕТ В ПЛЕН СИЯВУША

Он в путь собрался; думал он, дивясь:
Злосчастье с ним порвать не хочет связь!

Повел он войско в сторону Ирана,
В его душе кровоточила рана.

Он полфарсанга проскакал в степях,
Когда его настиг туранский шах.

Но помнил Сиявуш о договоре,
Меча не поднял на степном просторе.

Остановил он тысячную рать,
Иранцам запретил он в бой вступать.

Но, дик и злобен, договор наруша,
Напал Афрасиаб на Сиявуша,

Крича: «Крушите недругов страны,
Пусть в море крови поплывут челны!»

Их было тысяча, бойцов бесстрашных,
Прославленных в сраженьях рукопашных,

В крови на поле все они легли,
И цвет тюльпана цветом стал земли,

Враг ликовал, побоище устроя.
Был ранен Сиявуш во время боя.

Упал на землю витязь, как хмельной,
Связал его Гуруй в пыли степной.

Погнали Сиявуша кровопийцы,
Пешком погнали палачи-убийцы.

В Сиявушгирд побрел он, окружен
Туранским полчищем со всех сторон.

Сказал Афрасиаб, исполнен злости:
«Его подальше от дороги бросьте,

Пусть отпадет от тела голова,
Пусть на земле, где не растет трава,

Прольется кровь его горячим током;
Бесстрашны будьте в мщении жестоком!»

Все воины вскричали как один:
«В чем пред тобой он грешен, властелин?

Царя страны ты убивать не вправе, —
Тем самым вред наносишь всей державе!»

Был некий богатырь, вельможи брат, —
Пирана-старца был моложе брат.

Пилсамом звался витязь благородный,
С душою чистой, от греха свободной.

Пилсам сказал царю: «Произрастет
От этой ветви горький, страшный плод.

Ты эту голову отсечь не должен,
Поднять кровопролитья меч не должен.

В цепях его держи, за часом час,
За годом год у времени учась.

Не лучше ль сердце разумом наставить?
Успеешь Сиявуша обезглавить.

Ты не спеши казнить его мечом:
Спешишь теперь — раскаешься потом.

Невинного казнив, лишишься чести,
Придет Кавус, придет Рустам для мести.

Не торопись: Туран погубишь ты,
Коль эту голову отрубишь ты!»

От этих слов Афрасиаб смягчился,
А низкий Гарсиваз ожесточился.

Сказал: «Мой царь! Неопытен Пилсам,
И не склоняйся ты к его словам:

Когда врага помилуешь ты ныне,
Уйду, не буду жить при властелине».

Дамур с Гуруем, возмутясь, пришли
И молвили царю своей земли:

«Ты недруга поймал, силки расставив.
Раскаешься, его не обезглавив.

Мы лучшего решенья не найдем:
Убей его, чтоб мир забыл о нем!»

Ответил шах: «Меня он не обидел,
Ни разу от него я зла не видел,

Однако предсказал мне звездочет,
Что от него беда ко мне придет.

Когда его казню я, месть свершая,
Поднимется в Туране пыль такая,

Что солнце потемнеет в той пыли,
И мудрых изумят дела земли.

Простив его, узнаем боль и горе,
А казнь — бедою горшей станет вскоре».

ФАРАНГИС ПЛАЧЕТ ПЕРЕД АФРАСИАБОМ

Разодрала ланиты Фарангис,
По стану струи крови полились,

Пошла к отцу, главу посыпав прахом,
Пред ним предстала с трепетом и страхом.

Сказала: «Почему, великий шах,
Меня ты хочешь обратить во прах?

Обманут хитрецом, ужель отличья
Ничтожества не видишь от величья?

О, не казни ты мужа без вины,
Побойся бога солнца и луны!

Когда мой муж иранский край оставил,
К тебе пришел он и тебя восславил,

Из-за тебя покинул он отца,
Лишился он престола и венца.

Хулитель Гарсиваз тому виною,
Что славой ты покроешься дурною.

Вскипят при этой казни глади вод,
Афрасиаба небо проклянет.

Ты государя похищаешь с трона,
Ты будешь проклят светом небосклона!»

Едва на мужа глянула жена,
Ланиты расцарапала она,

Заплакала: «Мой витязь! Мой воитель!
Мой гордый лев! Мой храбрый повелитель!

Покинул ты Иран с тоской в очах,
Решил ты, что отец твой — туран-шах.

Где клятвы шаха? Люди ужаснулись,
Сатурн, луна и солнце содрогнулись!

Пускай умрут коварный Гарсиваз,
Дамур, Гуруй, что разлучают нас!

Да будет каждый обречен на муку,
Кто, низкий, на тебя поднимет руку!»

Услышал шах, что говорила дочь.
Стал темен день в его глазах, как ночь.

«Ступай к себе, — он крикнул, негодуя, —
Откуда знаешь ты, что предприму я?»

Была в чертогах, мрачная, как ночь,
Темница, — и о ней не знала дочь.

Ее, как обезумевшую, сразу
Поволокли по царскому приказу,

Столкнули палачи царевну вниз,
И заперли в темнице Фарангис.

ГУРУЙ УБИВАЕТ СИЯВУША

Тут Гарсиваз вперил глаза в Гуруя.
Тот отвернулся, в сердце гнев почуя,

Пошел он, к Сиявушу подошел,
Забыл он стыд и честь, жесток и зол,

За бороду царевича рванул он, —
О, грех какой! — к земле его пригнул он.

Из сердца Сиявуш исторгнул стон:
«О бог, ты выше, чем круги времен!

Из семени явиться дай дитяти,
Исполненному царской благодати!

Я месть свою младенцу передам, —
Пусть отомстит мой сын моим врагам!»

Сквозь город, мимо войска, в гуще пыли,
С позором Сиявуша потащили.

В степи Гуруй у Гарсиваза взял
Блестящий, смертью дышащий кинжал.

Бесчестный бросил наземь полководца,
Не трепетал, что кровь его прольется.

Он таз поставил золотой и льву
Назад откинул, как овце, главу.

Он обезглавил витязя кинжалом,
Кровь побежала в таз потоком алым.

Исполнив повелителя приказ,
Он опрокинул с теплой кровью таз.

Кровь потекла бестравною равниной, —
Взошел цветок из крови той невинной...

Поднялся вихрь, взметнулся черный прах,
Затмив луну и солнце в небесах.

Во мраке люди плакали, горюя,
Посыпались проклятья на Гуруя.

Чертоги Сиявуша крик потряс,
Был проклят всей землею Гарсиваз.

Все слуги плакали, тоской убиты,
Ногтями Фарангис впилась в ланиты,

Она косою обвила свой стан;
Отрезав косу — мускусный аркан, —

Затворница рыдала молодая,
Афрасиаба громко проклиная.

Проклятья, вопли, стоны Фарангис
До слуха властелина донеслись.

Он Гарсивазу приказал и страже:
«Вам надо вывести ее сейчас же,

За волосы схватить и потащить,
Сорвать одежды, тело обнажить,

Бить палками негодную все время,
Пока не выпадет из чрева семя».

Славнейшие вельможи той земли
Проклятья на владыку изрекли:

Где слыхано, чтоб казни столь греховной
Желали воин, царь иль маг верховный?

Тогда сказал рыдающий Пилсам
Лаххаку, Фаршидварду — двум друзьям:

«Афрасиаб черней, чем силы ада.
При шахе оставаться нам не надо.

К Пирану двинемся, ища пути,
Как Фарангис от гибели спасти».

Три всадника к Пирану поскакали,
В крови лицо, душа в шипах печали.

Поведали о ярости слепой,
О бедствии, содеянном судьбой.

ПИРАН СПАСАЕТ ФАРАНГИС

Пиран, услышав их повествованье,
На площадь выбежал в негодованье.

Скакал два дня, две ночи, — наконец
К насильникам он прибыл во дворец.

Увидел Фарангис: она — в бессилье:
Ее, как сумасшедшую, схватили.

Сердца людей в крови, глаза в слезах,
Проклятья туран-шаху на устах.

Когда Пиран предстал перед царевной,
Заплакала она в тоске душевной:

«Зачем навлек ты на меня позор?
Зачем живую бросил ты в костер?»

Пиран упал с коня, лишась надежды,
Он боевые разорвал одежды,

Он отдал царским палачам приказ
Повременить один хотя бы час.

К Афрасиабу он пошел поспешно,
Глаза в слезах, а сердце безутешно.

Сказал: «О туран-шах, живи светло,
Тебя вовек да не коснется зло!

Как ты свершил дурное, добронравный?
Кто, кто тебя толкнул на путь бесславный?

Воистину дела твои черны:
Убил ты Сиявуша без вины,

Теперь на дочь свою ты поднял руку,
Дитя родное ты обрек на муку.

Ты обезумел, честного казня,
Теперь ты дожил до дурного дня.

О шах, меня от скорби ты избавишь,
Когда ко мне ты Фарангис отправишь.

Боишься ты: с войною внук придет?
Но внук тебе не причинит забот:

Ты подожди, пока дитя родится,
Я с ним вернусь, — и действуй как убийца».

Ответил шах: «Ты с миром воротись,
Я не желаю крови Фарангис».

Душа Пирана благом озарилась,
Когда от шаха он увидел милость.

Увез прекрасноликую в Хотан,
Возликовали двор и царский стан.

Сказал жене Пиран: «От злого взгляда
Несчастную царевну спрятать надо.

Родится мальчик, чтобы стать царем,
Тогда-то хитрость мы изобретем.

Будь перед ней послушною рабою,
Смотри, ей много суждено судьбою».

Афрасиаб хотел казнить юного Кей-Хосрова, опасаясь, что впоследствии тот будет мстить за своего отца, Сиявуша, но Пиран отговорил Афрасиаба от такого злодеяния.

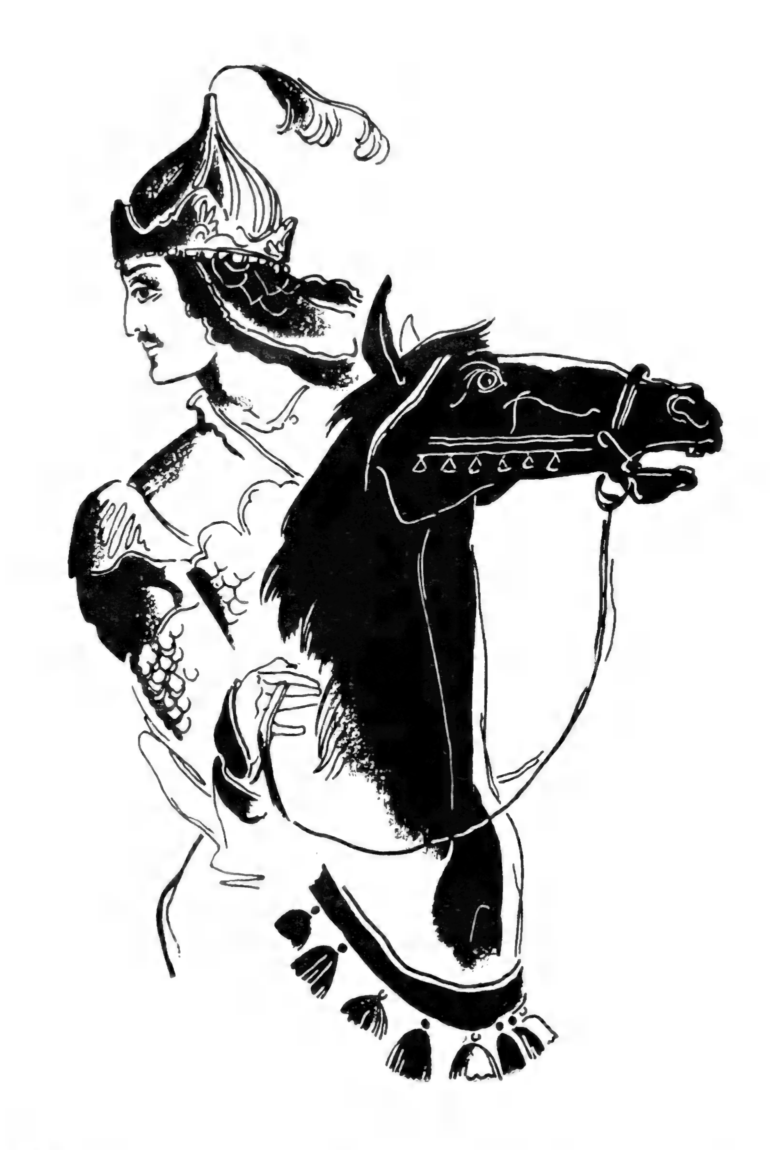
В Иране Рустам, узнав о гибели Сиявуша, ворвался во дворец Кей-Кавуса, выволок за косы Судабу и обезглавил ее. Затем Рустам с иранским воинством вторгся в Туран, предал всю страну огню и мечу, изгнал Афрасиаба за пределы страны и некоторое время правил Тураном.

Когда Рустам вернулся в Иран, Афрасиаб вновь овладел Тураном.

Тем временем Гударз в Иране увидел вещий сон. Он узнал, что в Туране томится сын Сиявуша, будущий шах Кей-Хосров. Гударз отправил своего сына Гива за будущим шахом, и тот благополучно вывез из Турана Кей-Хосрова и его мать Фарангис.

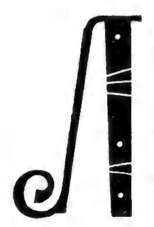
Престарелый Кей-Кавус уступил трон внуку — Кей-Хосрову, минуя сына своего Фарибурза.

Кей-Хосров отправил походом в Туран иранскую рать под водительством Туса, предупредив, чтобы иранцы миновали Калат, где жил его брат Фаруд в крепости Сафид-кух.



Фаруд

ВСТРЕЧА ФАРУДА С ИРАНСКИМ ВОЙСКОМ



Лишь солнце показалось в вышине
Верхом на быстроногом скакуне, —

Овен сокрылся за его спиною
И вся земля оделась желтизною.

Тус поднял ратоборцев для борьбы,
Раздался звон литавров, клич трубы.

Земля заволновалась без предела,
Иранская держава загудела.

Рать к облакам такую пыль взвила,
Что солнце, месяц стали как смола.

Слоны ревут, ржут кони — забурлило
Все мироздание, как волны Нила.

От шахских стягов, что вознес Иран,
Стал воздух красен, зелен, желт, багрян.

Гударза род с отвагой молодою
Примчался под кавейскою звездою.

Воителей глава надел венец,
Покинул повелителя дворец.

Была у Туса обувь золотая, —
Скакал, под знаменем Кавы блистая.

Богатыри, чьим предком был Ноузар,
С венцами, булавами, млад и стар,

Совместно, перед воинством державы,
Скакали, словно месяц, величавы.

Задело знамя Туса небосклон,
На знамени был нарисован слон.

Из рода Манучихра все вельможи
С могучей черною горою схожи,

Блистали ярче солнца и луны, —
Любовью к Тусу их сердца полны.

Когда, со стягами, свирепорлики,
Бойцы предстали пред лицом владыки,

Был дан приказ, и Тус к царю царей
Прославленных привел богатырей.

Премудрый шах воителей наставил:
«Велел я, чтобы войско Тус возглавил,

Чтоб водрузил он знамя в добрый час.
Для вас его желание — приказ.

Дорогу указующий вожатый
Вас поведет, чтоб сгинул враг заклятый.

Так поступайте, как прикажет он:
Все трудные узлы развяжет он».

А Тусу повелел: «Как страж всеправый,
Храни мои приказы и уставы.

Ты никого не обижай в пути,
Законы царства должен ты блюсти.

Тех, кто не служит в войске, — земледельцев,
Ремесленников мирных и умельцев, —

Да не коснется пагубная длань:
Вступай ты только с воинами в брань.

В сей бренный дом войдя, мы скоро выйдем, —
Ужели безобидных в нем обидим?

Лишь так ты делай, как тебе велят:
Не должен ты идти через Калат!

Дух Сиявуша, чистотой сверкая,
Да обретет надежду в кущах рая!

От дочери Пирана сын его
Во всем явил с отцом свое родство,

Он брат мой, на меня похож он тоже,
Он образован, сверстник мой пригожий.

Знай: с матерью в Калате он живет,
Как царь, властитель рати, он живет.

Мой брат иранцев не видал ни разу, —
Так не иди в Калат, внемли приказу!

Есть крепость у него и ратный строй
За труднопроходимою горой.

А сам он — воин знатный, светлоликий,
Огменный всадник, богатырь великий.

Иди пустыней, хоть она мертва,
Но обойди ты логовище льва».

Ответил Тус, глава на ратном поле:
«Судьба твоей да подчинится воле!

Тот путь, что ты назвал, я изберу,
Кто стал твоим слугой, придет к добру».

Умчался Тус, а шах, блюститель чести,
Вернулся во дворец с Рустамом вместе.

Они жрецов собрали, мудрецов,
И, речь начав, упомянул Хосров

Афрасиаба, вспомнил он мученья
Отца, и собственные злоключенья,

И горе доброй матери своей:
«Как мучил, как терзал нас тот злодей!

Мне домом стала хижина пастушья,
Никто не знал, что сын я Сиявуша.

Я Туса в бой отправил, но вдвоем
За Тусом вслед и мы с тобой пойдем.

Туранского царя мы уничтожим,
Мы гибель принесем его вельможам!»

«Ты не печалься, — отвечал Рустам, —
Способствует судьба твоим мечтам».

А войско, долом двигаясь, горою,
Достигло перепутья той порою.

Направо — степи мертвые лежат,
Налево — путь ведет в Чарам, в Калат.

Средь поля ратный стан остановился,
Все ждали, чтобы Тус к бойцам явился,

Чтоб выбрал он одну из двух дорог,
Чтоб войско от беды он уберег.

Прибег к уловкам вождь высокородный,
Он стал бранить пустынный край безводный,

Сказал Гударзу: «В тех сухих степях, —
Хотя бы амброй там песок пропах, —

Как побредем весь день в палящем зное,
Нуждаясь в капле влаги и в покое?

Не лучше ль нам пойти в Калат, в Чарам
И у Майама отдохнуть бойцам?

Там — цветники, прохлада вод текучих, —
Зачем же нам блуждать в песках сыпучих?

В войсках Гуждахма был однажды я,
И в той степи страдал от жажды я.

Хоть оказалась гладкою дорога,
Мы горестей на ней познали много».

Сказал Гударз: «Над ратью боевой
Тебя назначил мудрый шах главой.

Он указал, какой пойти дорогой,
Так выполняй приказ владыки строгий.

Не следует Хосрова огорчать,
От гнева шаха пострадает рать».

Ответил Тус: «О витязь именитый,
Из сердца беспокойство прогони ты.

Не огорчится этим делом шах, —
Да слез не будет на твоих очах!

К чему блуждать в степи безводной, жгучей,
А не идти дорогой наилучшей?»

Все войско эти приняло слова,
Так поступило, как велел глава.

Слонов погнали в сторону Калата,
Дорога та водой была богата...

К Фаруду с вестью прибыл верховой:
«В пыли сокрылся солнца лик живой.

Слоны и мулы топчут мир зеленый,
Земля как Нил бушует разъяренный».

Фаруд, неопытный и молодой,
Был омрачен нежданною бедой.

Он приказал собрать животных вьючных,
Коней военных и овец курдючных,

Загнать их в Сафид-кух, замкнуть врата,
Чтобы окрестность сделалась пуста.

Смотрели все, царевичу послушны,
Как наполнялись хлевы и конюшни.

Фаруда мать, страдала Джарира:
О Сиявуше боль ее остра.

К ней сын явился, юностью пленяя.
Сказал: «Послушай, матушка родная!

Пришли сюда иранские войска,
Ведет их Тус, их сила велика.

Вдруг нападут на нас? Так посоветуй,
Как поступить нам с бранной силой этой?»

Сказала Джарира: «Мой сын, мой свет,
Причины для твоей тревоги нет.

Твой брат в Иране — миродержец новый,
Нам Кей-Хосров открыл добра основы.

Ваш род един, и кровь у вас одна,
От одного отца вы семена.

И если он возмездием пылает, —
За Сиявуша отомстить желает, —

Тогда и ты скорей исполни месть:
Всему ты должен битву предпочесть!

Для мщения надень кафтан из Рума,
Да будет пылким сердце, гневной дума.

Иди ты к войску, что направил брат.
Он — шах, ты — жаждой мщения объят.

Пусть барсов напугает наше горе,
Пусть чудища, дрожа, покинут море,

Пусть будет проклят туран-шах везде —
Орлами в небе, рыбами в воде.

Кто силою, кто доблестью военной
Был равен Сиявушу во вселенной?

Его бесстрашье, мудрость, честь познав,
И царственность, и благородный нрав,

Пиран велел мне стать его женою.
Он счастлив был в Туране лишь со мною.

Ты по отцу, по матери своей,
Мой мальчик, происходишь от царей.

Стоишь ты, царской благодатью вея,
Ты — сын властителя из рода Кея.

Будь предан славным предкам до конца,
Ты отомсти с оружьем за отца».

Фаруд сказал: «Та месть — моя услада!
С кем из иранцев говорить мне надо,

Из тех отважных — верною тропой
Кто поведет меня на правый бой?

Не знаю их имен, примет не знаю.
Как я пошлю им свой привет? Не знаю!»

Сказала мать: «Обиды ты забудь,
С Тухаром вместе отправляйся в путь.

Он знает всех, он скажет без лукавства:
Вот это, мол, пастух, а это — паства.

Узнаешь ты Бахрама и Зангу:
Им благодарность в сердце берегу.

Тебе опорой будут эти двое,
Мы помним их служенье боевое,

Был неразлучен с ними твой отец, —
Он преданнее не знавал сердец.

Те двое принесут тебе удачу,
Я тайны ни одной от них не прячу.

Ты знатных пригласи и стол накрой,
Подарки принеси и пир устрой.

Свое сокровище нашел ты в брате,
А гнев свой береги для вражьей рати!

Теперь обязан ты возглавить рать,
За молодого шаха воевать.

Ты, чтобы мстить, вперед скакать обязан,
Вперед скакать, для мести опоясан».

Сказал Фаруд: «О львица, твой совет
Семейству нашему дарует свет!»

Когда раздался рев трубы в Чараме,
Пыль высоко взметнулась над полями,

Дозорный прискакал во весь опор
И начал об иранцах разговор:

«В степи, в горах, в ущельях нет им счета,
Попало солнце, скажешь ты, в тенёта!

Отселе до пустыни Ганг видны
Лишь воины, лишь кони и слоны».

ФАРУД И ТУХАР СМОТРЯТ НА ИРАНСКОЕ ВОЙСКО

Фаруд покинул крепость и на гору
Взошел, и воинство предстало взору.

Сошел, ворота запер на замок,
Чтобы проникнуть в крепость враг не мог,

С Тухаром поскакал, исполнен рвенья, —
Несчастье он обрел с того мгновенья...

Затмится наверху твоя звезда, —
Что для тебя любовь и что вражда?

Фаруд с Тухаром глянули с вершины,
Как движутся иранские дружины.

«Ты должен, — юный витязь произнес, —
Ответить мне на каждый мой вопрос

О всех владельцах булавы и стяга,
Чья обувь — золото, чья цель — отвага.

В лицо ты знаешь витязей-вельмож,
И мне их имена ты назовешь».

А воинство, отдельными полками,
Вздымалось в гору вровень с облаками.

Там тридцать тысяч было смельчаков,
Копейщиков, воинственных стрелков.

У каждого — будь пеший он иль конный —
Копье, и меч, и пояс золоченый.

Шлем, знамя, обувь, щит и булава —
Сплошь золото: уместны тут слова,

Что злата в рудниках теперь не стало,
Жемчужин в облаках теперь не стало!

Гул воинства был так сильноголос,
Что сердце коршуна разорвалось.

Сказал Фаруд: «Все назови знамена,
Всех славных перечисли поименно.

Чей это стяг, где слон изображен?
Здесь каждый хорошо вооружен.

Кто скачет впереди, грозя очами,
Ведя отважных с синими мечами?»

Ответствовал Тухар: «О господин,
Ты видишь предводителя дружин,

Стремительного Туса-полководца,
Который насмерть в грозных битвах бьется.

Чуть дальше — стяг другой горит огнем,
И солнце нарисовано на нем.

Под знаменем, светло и гордо глядя,
Несется славный Фарибурз, твой дядя,

За ним Густахм, и витязи видны,
И стяг с изображением луны.

Могуч Густахм, опора шаханшаха,
Его увидев, лев дрожит от страха.

Воинственный он возглавляет полк,
На длинном стяге нарисован волк.

Здесь всадники, чьи подвиги известны,
А среди них — Занга, отважный, честный.

Рабыня, как жемчужина светла,
Чьи шелковые косы — как смола,

На стяге нарисована красиво,
То — ратный стяг Бижана, сына Гива.

Смотри, на стяге — барса голова,
Что заставляет трепетать и льва.

То стяг Шидуша, воина-вельможи,
Что шествует, на горный кряж похожий.

Вот Гураза, в руке его — аркан,
На знамени изображен кабан.

Вот скачут люди, полные отваги,
С изображеньем буйвола на стяге.

Из копьеносцев состоит отряд,
Их предводитель — доблестный Фархад.

А вот — военачальник Гив, который
Вздымает стяг, на стяге — волк матерый.

А вот — Гударз, Кишвада сын седой,
На стяге — лев сверкает золотой.

А вот на стяге — тигр, что смотрит дико,
Ривниз-воитель — знамени владыка.

Настух, Гударза сын, вступает в брань
Со знаменем, где вычерчена лань.

Бахрам, Гударза сын, воюет яро,
Изображает стяг его архара.

О каждом говорить — не хватит дня,
Не хватит слов достойных у меня!»

Богатырей, исполненных величья,
Назвал он все приметы и различья.

И мир Фаруду засиял светло,
Лицо его как роза расцвело.

Иранцы, подойдя к горе, оттуда
Увидели Тухара и Фаруда.

Стал полководец гневен и суров,
Остановил и войско и слонов.

Воскликнул Тус: «Друзья, повремените.
Один боец из войска должен выйти.

Бесстрашно, время дорого ценя,
Пусть на вершину он помчит коня,

Узнает, кто они, те смелых двое,
Зачем глядят на войско боевое.

Узнает в них кого-нибудь из нас, —
Пусть плетью их огреет двести раз,

А если в них узнает он туранцев, —
Пусть свяжет, нам доставит чужестранцев.

А если он убьет их, — не беда,
Пусть их тела притащит он сюда.

А если соглядатаи пред нами,
Лазутчики проклятые пред нами, —

Пусть рассечет их сразу пополам,
Достойно им воздаст по их делам!»

Бахрам, Гударза сын, сказал: «Загадку
Я разгадаю, мигом кончу схватку.

Я поскачу, исполню твой приказ,
Я растопчу все то, что против нас».

На кряж горы скалистою дорогой
Помчался он, охваченный тревогой.

Сказал Фаруд: «Тухар, ответствуй мне,
Кто так отважно скачет на коне,

С лицом открытым и могучим станом,
С привязанным к луке седла арканом?»

Сказал Тухар: «Он, видно, смел в бою,
Но сразу я его не узнаю,

Хоть всадника знакомы мне приметы.
Иль то Гударза сын, в броню одетый?

Я помню шлем, в котором Кей-Хосров
Бежал в Иран, спасаясь от врагов.

Не тем ли шлемом, думаю, украшен
Сей богатырь, что с виду так бесстрашен?

Да, родич он Гударза по всему.
Вопрос ему задай ты самому!»

Бахрам над горной показался кручей,
И загремел он громоносной тучей:

«Эй, кто ты, муж, там, на горе крутой?
Иль рати здесь не видишь ты густой?

Иль ты не слышишь, как земля трясется?
Иль не боишься Туса-полководца?»

Сказал Фаруд: «Мы слышим звуки труб,
Мы не грубим, — не будь и с нами груб.

Будь вежливым, о муж, познавший сечи,
Ты рта не открывай для дерзкой речи.

Знай: ты не лев, я — не онагр степной,
Нельзя так разговаривать со мной!

Не превосходишь ты меня бесстрашьем,
Поверь, что сила есть и в теле нашем.

У нас есть разум, есть отважный дух,
Есть красноречье, зоркость, острый слух.

Поскольку я всем этим обладаю,
То я твои угрозы презираю!

Ответишь, так вопрос тебе задам,
Но только добрым буду рад речам».

Сказал Бахрам: «Отвечу. Говори же,
Хотя повыше ты, а я пониже».

Спросил Фаруд: «Кто возглавляет рать?
Кто из великих жаждет воевать?»

«Под знаменем Кавы, — Бахрам ответил, —
Ведет нас храбрый Тус, что ликом светел.

Здесь — грозный Гив, Густахм, Руххам, Гударз,
Гургин, Шидуш, Фархад — в сраженье барс,

Занга — он отпрыск Шаварана львиный,
Отважный Гураза, глава дружины».

Сказал Фаруд: «Достойного похвал,
Ты почему Бахрама не назвал?

Для нас Бахрам — не на последнем месте.
Так почему о нем не скажешь вести?»

Сказал Бахрам: «О ты, с обличьем льва.
Где о Бахраме услыхал слова?»

А тот: «Я испытал судьбы суровость,
От матери услышал эту повесть.

Она сказала мне: «Скачи вперед,
Найди Бахрама, если рать придет.

Найди ты и воителя другого —
Зангу, что для тебя родней родного.

Как брат, любил обоих твой отец,
Ты должен их увидеть наконец!» —

Спросил Бахрам: «О, где тебя взрастили?
Ветвь царственного дерева — не ты ли?

Не ты ли — юный государь Фаруд?
Пусть бесконечно дни твои цветут!»

«О да, Фаруд я, — был ответ суровый, —
Ствола, что срублен был, побег я новый».

Бахрам воскликнул: «Руку обнажи,
Знак Сиявуша ты мне покажи!»

И что же? На руке пятно чернело,
Ты скажешь — на цветке оно чернело!

Китайским циркулем — и то никак
Не мог быть выведен подобный знак!

И стало ясно: отпрыск он Кубада,
Он Сиявуша истинное чадо.

Бахрам хвалу царевичу вознес,
К нему взобрался быстро на утес.

Фаруд сошел с коня, присел на камень,
Пылал в душе открытой чистый пламень.

Сказал: «О богатырь, о храбрый лев,
Ты славен, супостатов одолев!

Я счастлив, что тебя таким увидел:
Как будто я отца живым увидел!

Передо мною — доблестный мудрец,
Воинственный, удачливый храбрец.

Наверно, ты желаешь знать причину:
Зачем взошел я ныне на вершину?

Пришел я, чтоб взглянуть на вашу рать,
О витязях иранских разузнать.

Устрою пир, — веселье пусть начнется,
Хочу взглянуть на Туса-полководца,

Хочу вручить вам палицы, и луки,
И пояса, и снаряженья вьюки,

Затем хочу как всадник битвы сесть
И на Туран свою обрушить месть.

В бою огнем возмездья пламенею,
Святым огнем, — и отомщу злодею!

Ты полководцу, чья светла звезда,
Скажи, чтоб он пришел ко мне сюда.

Неделю вместе у меня побудем,
Мы все пред нашей битвою обсудим.

А день восьмой для нас взойдет светло, —
И сядет полководец Тус в седло.

Для мести опояшусь, бой начну я,
Побоище такое учиню я,

Что львы взглянуть на битву захотят,
Что коршуны на небе подтвердят:

«Еще земля и древние созвездья
Не видели подобного возмездья!»

«О государь, — сказал ему Бахрам, —
Ты подаешь пример богатырям.

Я с просьбой руки Тусу поцелую,
Ему поведав речь твою прямую.

Но разума у полководца нет,
Не входит в голову его совет.

Он царской кровью, доблестью гордится,
Но не спешит для шаха потрудиться.

Гударз и шах с ним спорят с давних пор:
Из-за венца и Фарибурза спор *.

Он утверждает: «Я — Ноузара семя,
Чтоб царствовать, мое настало время!»

Быть может, богатырь придет во гнев,
Не станет мне внимать, рассвирепев,

Пошлет сюда кого-нибудь другого, —
Так берегись ты всадника дурного.

Он самодур, мужлан, чья мысль темна,
В его рассудке — бестолочь одна.

У нас доверья не завоевал он:
Ведь Фарибурзу царство добывал он.

«Взойди на гору, — был его приказ, —
Ты не беседуй с тем бойцом сейчас,

А пригрози кинжалом, чтоб на гору
Не смел взбираться он в такую пору».

Свое согласье даст воитель Тус, —
К тебе я с вестью доброю вернусь.

А если всадника пришлет другого, —
Не очень полагайся на такого.

Тебе пришлет не больше одного:
Известны мне порядки у него.

Подумай, — у тебя одна забота:
Не дать проходу, запереть ворота».

Тут золотую палицу Фаруд
(А рукоять — бесценный изумруд)

Вручил Бахраму: «Воин именитый,
Мой дар возьми на память, сохрани ты.

А если Тус, как должно, примет нас,
Обрадует сердца, обнимет нас, —

От нас еще получит, благосклонный,
Коней военных, седла и попоны».

Заране радуясь таким дарам,
Вернулся к Тусу доблестный Бахрам.

Сказал он Тусу с гордой чистотою:
«Душе да будет разум твой четою!

Фаруд, сын шаха, этот юный муж,
Его отец — страдалец Сиявуш.

Я видел знак, не отрывал я взгляда:
То знак их рода, рода Кей-Кубада!»

Воскликнул Тус, ответ сорвался с губ:
«Не я ль глава полков, держатель труб.

Я приказал его ко мне доставить,
А не пустые с ним беседы править.

Он сын царя... А я не сын царя?
Иль воинство сюда привел я зря?

И что ж? Туранец, словно ворон черный,
Воссел пред нами на вершине горной!

Как своеволен весь Гударза род,
От вас войскам один лишь вред идет!

Тот всадник одинок, — ты струсил ныне,
Как будто льва увидел на вершине!

Заметив нас, он стал хитрить с тобой...
Напрасно горной ты скакал тропой!»

Он к знатным обратил свои призывы:
«Мне нужен лишь один честолюбивый.

Пускай туранца обезглавит он,
Мне голову его доставит он!»

Решил Ривниз, что выполнит приказ, —
И наступил его последний час.

Сказал ему Бахрам: «О муж могучий,
Себя напрасной злобою не мучай.

Побойся бога солнца и луны,
Пред шахом ты не совершай вины.

Тот богатырь — Фаруд, он брат владыки,
Воитель знатный, всадник светлоликий.

И если из иранцев кто-нибудь
Захочет юношу к земле пригнуть,

Один пойдет, — он в битве не спасется,
Лишь опечалит сердце полководца».

Но с гневом Тус внимал его речам,
Отверг совет, что дал ему Бахрам.

Велел он ратоборцам именитым
На гору поскакать путем открытым.

Для битвы с отпрыском царя царей
Помчалось несколько богатырей.

Бахрам сказал им: «Не считайте ложно,
Что с братом государя биться можно.

Ресница витязя того стократ
Дороже ста мужей, он — шаха брат.

Кто Сиявуша не видал, — воспрянет
От радости, лишь на Фаруда взглянет!

Вы будете в почете у него:
Венцы вы обретете у него!»

Услышав речь Бахрама про Фаруда,
Воители не тронулись оттуда.

Заранее оплаканный судьбой,
Зять полководца Туса мчался в бой,

Исполненный воинственного духа,
Направился к твердыне Сафид-куха.

Увидев на горе богатыря,
Достал Фаруд старинный лук царя,

Сказал Тухару: «Видно, в деле этом
Тус пренебрег Бахрамовым советом.

Бахрама нет, другой теперь пришел,
Но знаешь ты, что сердцем я не зол.

Взгляни-ка, вспомни: кто же он, стальною
Одетый с ног до головы бронею?»

Сказал Тухар: «То полководца зять,
Бесстрашный муж, его Ривнизом звать.

Он — сын единственный, умен и зорок,
Есть у него сестер прекрасных сорок.

Он применяет хитрость, лесть и ложь,
Но витязя отважней на найдешь».

Фаруд ему сказал: «Во время сечи
Ужели надобны такие речи?

Пусть он слезами сорока сестер
Оплакан будет: мой кинжал остер!

Его сразит полет стрелы с вершины, —
Иль званья недостоин я мужчины.

Теперь, о мудрый муж, наставь меня:
Убить богатыря или коня?»

А тот: «Срази наездника стрелою,
Чтоб сердце Туса сделалось золою.

Пусть знает он, что мира ты хотел,
Что вышел к войску не для бранных дел,

А он по дурости с тобою спорит,
Тем самым брата твоего позорит».

Ривниз все ближе, путь гористый крут.
Стал тетиву натягивать Фаруд.

Стрела с горы к Ривнизу поспешила
И к голове шлем витязя пришила.

Конь, сбросив тело, взвился, и, мертва,
Ударилась о камень голова.

При виде в прах повергнутого тела
В глазах у Туса разом потемнело.

Сказал мудрец, дела людей познав:
«Наказан будет муж за злобный нрав».

Военачальник приказал Зараспу:
«Гори, подобен будь Азаргушаспу!

Надеть доспехи боя поспеши,
Собрав все силы тела и души.

За витязя ты отомсти сурово:
Я здесь не вижу мстителя другого».

Сел на коня Зарасп, броню надев.
Стенанья на устах, а в сердце — гнев.

К вершине устремился конь крылатый, —
Казалось, двигался огонь крылатый.

Фаруд сказал Тухару: «Погляди,
Еще один воитель впереди.

Скажи мне: он моей стрелы достоин?
Он государь или обычный воин?»

Тухар сказал: «Времен круговорот,
Увы, безостановочно идет.

Тот муж — Зарасп, сын Туса-полководца.
Нагрянет слон, — Зарасп не отвернется.

Сестры Ривниза старшей он супруг,
Как мститель, он теперь натянет лук.

Едва лишь на тебя воитель взглянет,
Пускай твоя стрела из лука прянет,

Чтоб он скатился головой к земле,
Чтоб туловища не было в седле:

Безумный Тус уразумеет ясно,
Что мы сюда явились не напрасно!»

Прицелился царевич молодой,
В кушак Зараспа угодил стрелой.

Он плоть его пришил к луке седельной,
И душу он извлек стрелой смертельной.

Примчался ветроногий конь назад,
Испугом и безумием объят.

Воители Ирана застонали,
В отчаянье, в печали шлемы сняли.

У Туса очи и душа — в огне.
Предстал он перед воинством в броне.

Двух витязей оплакал, полный гнева,
Как листья расшумевшегося древа.

Сел на коня, помчался на коне, —
Скажи: гора помчалась на слоне.

К царевичу он поскакал нагорьем,
Охвачен злобой, ненавистью, горем.

Сказал Тухар: «Теперь не жди добра,
Идет к горе свирепая гора.

Летит на битву Тус по горным склонам,
Тебе не справиться с таким драконом.

Замкнем покрепче крепость за собой,
Узнаем, что нам суждено судьбой.

Тобою сын и зять его убиты, —
Дороги к миру для тебя закрыты».

Разгневался Фаруд, разгорячась:
«Когда настал великой битвы час,

Что для меня — твой Тус, твой лев рычащий,
Иль слон, иль барс, что выскочил из чащи?

В бойце поддерживают бранный дух,
Не гасят прахом, чтоб огонь потух!»

Сказал Тухар: «Внимательны к советам
Цари, не видя униженья в этом.

Пусть горы от подножья до вершин
Срываешь ты, и все же ты — один.

Иранцев — тридцать тысяч в грозной рати,
Они придут, мечтая о расплате,

Разрушат крепость на лице земном,
Все, что кругом, перевернут вверх дном.

А если Тус погибнет в бранном споре,
То шаха вдвое горше станет горе.

Неотомщенным будет твой отец,
Наступит нашим замыслам конец.

Из лука не стреляй, вернись ты в крепость,
Запрись, и схватки ты пойми нелепость».

То слово, что умом озарено,
Тухар обязан был сказать давно,

Но глупо он советовал вначале,
Его слова Фаруда распаляли.

...Владел царевич лучшей из твердынь.
В ней пребывало семьдесят рабынь, —

Сверкали, как рисунки из Китая,
За ходом битвы с кровли наблюдая.

Царевич отступить не мог: тогда
Сгорел бы он пред ними от стыда.

Сказал Тухар, наставник без удачи:
«Уж если хочешь в бой вступить горячий,

То полководца Туса пощади:
Стрелой в его коня ты угоди.

Притом, когда внезапно горе грянет,
То не одна стрела из лука прянет, —

За Тусом вслед придут его войска,
А это означает: смерть близка.

Ты видел их отвагу, мощь, сложенье,
Не устоишь ты против них в сраженье».

Тогда Фаруд в воинственном пылу
Лук натянул и выпустил стрелу.

Стрела не зря смерть нанести грозилась:
В коня военачальника вонзилась.

Расстался с жизнью конь богатыря.
Тус разъярился, злобою горя.

Щит — на плечах, а сам — в пыли, расстроен,
Пешком вернулся к войску знатный воин.

Фаруд смеялся весело и зло:
«Что с этим витязем произошло?

Как этот старец с целым войском бьется,
Коль я один осилил полководца?»

Паденье Туса удивило всех,
На кровле разбирал служанок смех:

«С горы скатился воин именитый,
От юноши бежал, ища защиты!»

Когда вернулся Тус пешком, в пыли,
К нему в унынье витязи пришли.

«Ты жив, и это хорошо, — сказали, —
Не нужно слезы источать в печали».

Но Гив сказал: «Обида жжет меня, —
Вождь всадников вернулся без коня!

Всему должна быть мера и граница,
Не может войско с этим примириться.

Он сын царя, но разве нашу рать
Он вправе так жестоко унижать?

Иль мы должны принять подобострастно
Все то, что он сказать захочет властно?

Был в гневе храбрый Тус один лишь раз,
Фаруд же столько раз унизил нас!

За Сиявуша мы хотим отмщенья,
Но сыну Сиявуша нет прощенья!

Сражен его стрелой, обрел конец
Зарасп, из рода царского храбрец.

В крови утоплено Ривниза тело, —
Ужели униженью нет предела?

Хотя он Кей-Кубада кровь и плоть, —
Он глуп, а глупость надо побороть!»

В одежды брани облачил он тело,
И яростью его душа кипела.

БОЙ ФАРУДА С ГИВОМ

Гив на коня-дракона сел верхом,
Помчался в гору, битвою влеком.

Когда Фаруд увидел верхового,
С печальным вздохом произнес он слово:

«Для этой смелой рати нет преград,
Воители отвагою горят,

Один другого доблестней и лучше,
Как солнце, непоборны и могучи.

Но Тус — глупец, а знают и в глуши,
Что мозг без мысли — тело без души.

Боюсь я, он победы не добудет.
Пусть лучше сам Хосров сюда прибудет,

Тогда совместно битву поведем,
Туранской рати учиним разгром...

Кто этот всадник, что надменно мчится,
Чья скоро будет мертвою десница?»

Сказал Тухар: «Перед тобой — дракон,
Дыханьем птицу в небе губит он.

Связал он деда твоего Пирана,
Развеял в прах два полчища Турана.

Осиротил он маленьких детей,
Оставил он отцов без сыновей.

Он ярых львов сильней. В Иран когда-то
Отважно твоего увез он брата.

Он переплыл Джейхун без корабля,
Гордится им иранская земля.

Он — это Гив, он — сила, скажем кратко,
В бою — грознее Нила, скажем кратко!

Стрелу из лука пустишь ты в полет,
Она его кольчугу не пробьет.

В доспехи Сиявуша облачится, —
Ни копий, ни мечей не устрашится.

Пусти стрелу: как надо, прянет вдруг,
Тяжелого коня поранит вдруг,

А Гив, не хуже Туса-полководца,
Щит за плечами волоча, вернется».

И натянул царевич тетиву,
Воинственному уподобясь льву, —

Упал скакун, стрелою пораженный,
А Гив с него свалился, пристыженный.

Со стен посыпался насмешек град,
С позором возвратился Гив назад.

Сказали воины, тая тревогу:
«О богатырь, благодаренье богу!

Твой конь в крови, но сам ты невредим,
Сразись опять с туранцем молодым».

Тут выступил храбрец Бижан, сын Гива,
О битве он сказал красноречиво:

«Отец, ты надо львами вознесен,
Вступить с тобой в борьбу робеет слон,

Так почему ж, взобравшись на вершину,
Ничтожный муж твою увидел спину?

С истерзанным конем на поводу
Пришел ты от туранца, как в бреду!»

А Гив: «Мой конь свалился, окровавлен,
Печалью о коне я был подавлен».

Осыпал сына бранью площадной,
И повернулся сын к нему спиной.

Такая дерзость так была нежданна,
Что плетью грозный Гив огрел Бижана.

Сказал: «Иль ты забыл, идя на рать,
Что в битве разума нельзя терять.

А ты — безмозглый, безрассудный воин,
За дерзость наказанья ты достоин».

Бижан в печали головой поник,
Поклялся богом, господом владык:

«Пусть я умру, — не возвращусь к друзьям я,
Пока за смерть Зараспа не воздам я!»

Пришел к Густахму, тяжело дыша, —
Пылает разум и скорбит душа:

«Дай мне коня, что был в бою испытан,
Чтоб знал я: даже на небо взлетит он!

На нем, в броне, я докажу сейчас:
Не вывелись богатыри у нас!

Туранец жалкий доблестью не блещет,
А войско целое пред ним трепещет!»

Густахм ответил: «Речь твоя глупа,
Не для тебя та горная тропа.

Зарасп, Ривниз, что воинов возглавил
И ни во что вселенную не ставил,

Гив, твой отец, что смерть слонам несет
И презирает дней круговорот, —

Никто не воевал с горой-гранитом,
Хоть каждый был героем знаменитым.

В ту крепость не проникнем никогда,
Лишь коршун может прилететь туда».

Сказал Бижан: «Мне хватит этой муки!
Я волю напрягу свою и руки.

Поклялся я луною и творцом,
Престолом шаханшаха и венцом,

Что, если, как Зарасп, в крови не лягу,
Убью туранца, выкажу отвагу».

Густахм ему ответил: «Ты неправ,
С умом враждует твой горячий нрав,

Таков сей мир: в нем есть хребты и долы,
И надо быть спокойным в день тяжелый...

Знай: в табунах есть только два коня
Для битвы богатырской у меня.

Один погибнет, — равных не достану
По масти, силе, быстроте и стану».

Сказал Бижан: «Чтоб отомстить врагу,
Пешком на битву я пойти могу!»

А тот: «Моя душа бы раскололась,
Когда б с твоей главы упал хоть волос.

Будь десять тысяч у меня коней,
Чей каждый волос жемчуга ценней,

Не пожалел бы для такого дела
Мечей и скакунов, души и тела.

Иди, моих коней ты осмотри
И лучшего для битвы отбери.

Вскочи в седло, на поединок выйди.
Погибнет конь, — не буду я в обиде!»

Был в табуне широкогрудый конь,
Большой, свиреп, как волк, а масть — огонь.

Когда он избран был для грозной цели,
Его в броню военную одели.

За сына своего боялся Гив,
И, доблести Фаруда не забыв,

К себе Густахма он призвал безгневно,
С ним говорил он мудро, задушевно,

Велел он сыну передать затем
Доспехи Сиявуша, царский шлем.

БОЙ ФАРУДА С БИЖАНОМ

Бижан, одетый в панцирь, шлем и латы,
Помчался на коне, как вихрь крылатый,

Туда, где башни поднял Сафид-кух, —
Был в этом всаднике отважный дух.

Воскликнул юный шах, к борьбе готовый:
«Смотри, Тухар, примчался всадник новый,

Так ты скажи мне, как зовут борца,
Кто этого оплачет храбреца?»

Сказал Тухар: «Средь созданных для брани
Ему не сыщешь равного в Иране.

Сын Гива, он в бою храбрее льва,
Всегда он достигает торжества.

Он сын возлюбленный того вельможи,
Он всех сокровищ витязю дороже.

Чтобы не стала жизнь царя мрачна,
Ты целься не в него, а в скакуна.

Воюет он бесстрашно, горделиво,
Он облачен к тому же в панцирь Гива,

Для стрел непроницаема броня,
Он может биться даже без коня.

Ты с ним не совладаешь, с быстроглазым,
В сраженье меч его блестит алмазом!»

Скакун Бижана пал, стрелой сражен,
Сказал бы ты, что не был он рожден!

С коня свалился богатырь в лощине,
Но с поднятым мечом пошел к вершине.

Он крикнул: «Ты, владеющий конем,
Не уходи, сейчас борьбу начнем!

Узнай, что муж, отвагой наделенный,
Вступает в бой и без коня и конный.

Не уходи, я поднимусь к тебе, —
Охоту потеряешь ты к борьбе!»

Как только стало юноше понятно,
Что не уйдет храбрец Бижан обратно,

Он вылететь велел стреле второй,
Но поднял витязь щит над головой.

Стрела пробила щит, но панцирь бранный
Тогда Бижана спас от страшной раны.

Бижан вершины наконец достиг,
Из ножен меч он вынул в тот же миг.

Тогда Фаруд отпрянул, отступая, —
Дрожит от воплей кровля крепостная.

С мечом подъятым, распален врагом,
За ним иранец бросился бегом.

Рассек мечом коня, рассек кольчугу,
И конь Фаруда пал, порвав подпругу.

Фаруд к вратам помчался крепостным,
Их быстро слуги заперли за ним.

Посыпались обильно с кровли камни.
Бижан подумал: «Медлить здесь нельзя мне».

Он крикнул: «Как тебя теперь назвать?
От пешего бойца пустился вспять!

Где честь твоя? Ужель тебе не стыдно?
Мне жаль тебя, мне за тебя обидно!»

Бижан вернулся на закате дня.
Сказал он Тусу: «Выслушай меня.

С таким героем в бой вступив кровавый,
Погибнет лев, что был увенчан славой.

И если стрелами он превратит
В моря и реки этих гор гранит,

То не дивись, взглянув на это чудо:
Нет воина отважнее Фаруда!»

И Тус поклялся богу своему:
«Я к солнцу пыль от крепости вздыму.

За милого Зараспа отомщу я,
Живых врагов в убитых превращу я.

Туранца непотребного убью,
Я камни гнусной кровью напою!»

Когда дневное спряталось светило
И войско ночи небо окружило,

Чтоб крепость защитить, вступил в Калат
На скакунах трехтысячный отряд.

Вступил он в крепость грозно и сурово,
И заперли за ним ворота снова...

В ту ночь, тоски и горечи сестра,
Спала на пышном ложе Джарира.

Ей снилось: пламя в крепости горело,
Увы, пожару не было предела,

Горели слуги, все в огне вокруг,
И становился пеплом Сафид-кух.

Она проснулась в ужасе, в печали,
И крики у нее в ушах звучали.

На башню поднялась, глядит на мир, —
Кругом полно кольчуг, мечей, секир.

Сошла, а сердце обливалось кровью.
К Фаруду наклонилась, к изголовью,

Воскликнула: «Проснись, проснись, сынок,
Я вижу, — снова мой удел жесток.

Смотри, гора захвачена врагами,
Полно кольчуг и копий пред вратами».

Сказал в ответ воинственный Фаруд:
«Зачем тебя печаль и боль гнетут?

Пойми же: если гибель недалёко, —
Не избежать назначенного срока.

Был молод мой отец — и был убит,
И мне конец такой же предстоит.

Погиб отец мой от руки Гуруя, —
В бою с Бижаном, может быть, умру я,

Умру с достоинством, не сдамся в плен,
Пред Тусом я не преклоню колен».

ГИБЕЛЬ ФАРУДА

Он роздал воинам мечи и латы,
А сам надел румийский шлем богатый.

Явился он в кольчуге дорогой,
Он древний царский лук сжимал рукой.

Когда блистающего дня светило
На свод небес торжественно вступило,

Внезапно раздались со всех сторон
Литавров гром, и колокольцев звон,

И трубный рев, и говор торопливый,
И главарей воинственных призывы.

Вот выступил из крепости Фаруд.
Туранцы-храбрецы за ним идут.

Взметнулась пыль над жаркою землею,
Гора кипящей сделалась смолою.

Утесы, камни, скалы на пути,
Здесь ровного местечка не найти.

Достигло солнце своего зенита, —
Туранцев было множество убито.

Валялись мертвецы повсюду там,
Удачи не было Фаруду там.

Он бился с копьеносною лавиной,
Иранцев удивляя мощью львиной.

Когда туранцы пали все кругом,
Фаруд один остался пред врагом.

Пустился вспять, войны познав свирепость,
Стремительно направился он в крепость.

Помчались, чтоб поймать его в капкан,
Руххам — горою, понизу — Бижан.

Бижан в теснине мчался по обрыву,
К коню пригнулся он, склонясь на гриву,

Но увидал Фаруд его шишак,
И меч индийский вытащил смельчак.

Тут, выскочив неведомо откуда,
Руххам отсек мечом плечо Фаруда,

Без сил повисла правая рука,
Кровь хлынула из раны смельчака.

Фаруд, вскричав, помчался по долине.
Настиг Бижан Фаруда у твердыни,

Его коня он обезножил вдруг, —
Упал Фаруд на плечи верных слуг,

И те, чтоб не попасть врагу в тенёта,
Вступили в крепость, заперли ворота.

Прислужницы пришли, явилась мать,
Чтоб сына на руках своих поднять.

Фаруда уложили на престоле:
Не станет сын царем по божьей воле!

Прислужницы и мученица-мать
Заплакали и косы стали рвать.

Фаруд прощался с жизнью дорогою,
Рыдал дворец, охваченный тоскою.

Сказал Фаруд чуть слышно: «Мне вас жаль.
Увы, понятна ваша мне печаль.

Придут иранцы, гнева не ослабят,
Жилище наше начисто разграбят.

Слуг превратят в рабов, развеют в прах
И гору эту, и дворец в горах.

Все до единого, без отговорок,
С кем сердцем связан я, кому я дорог,

Взойти на кровлю вы теперь должны,
Низринуться на землю с вышины.

Пусть не достанется никто Бижану,
А я задерживаться здесь не стану, —

Убийце моему и палачу
Свое добро оставить не хочу».

Сказал и побледнел, и улетела,
Стеная и вопя, душа из тела...

О, свод небесный, в чем твой жалкий дар?
Показываешь фокусы, фигляр!

То мечешь стрелы, то грозишь кинжалом,
То — вихрями, то — градом небывалым,

То — подлостью, а то, в тяжелый час,
Ты от опасности спасаешь нас.

Даришь престол и царскую столицу,
А то — позор, и горе, и темницу.

Свое добро беречь мы не должны.
Я обеднел, и дни мои черны.

Зачем родился я, зачем был молод,
Зачем познал сей жизни зной и холод?

Мы на земле страдаем без вины, —
Такую жизнь оплакать мы должны.

Что сердце, разум, чести голос гневный?
Постель из праха — вот итог плачевный!..

Все слуги, проклиная жребий свой,
Низверглись в бездну с крыши крепостной.

А Джарира огонь зажгла, рыдая,
Сожгла сокровища дотла, рыдая.

В конюшни, меч подняв, она вошла
И двери за собою заперла,

Коням арабским распорола чрева
И плакала, полна тоски и гнева.

Затем пришла туда, где сын лежал,
А был под платьем у нее кинжал.

Живот себе вспоров, припала к сыну,
В его объятьях обрела кончину.

ПОХОД ТУСА НА ТУРАН

Тус пребывал еще три дня в Чараме.
Но трубный рев раздался над шатрами.

Он двинул рать. Литавров грянул гром.
Темно от пыли сделалось кругом.

Туранских воинов уничтожал он,
Дома, поля, сады опустошал он,

Топтал их в пограничных областях,
Над Касерудом утвердил свой стяг.

Так много войска там расположилось,
Что под шатрами вся земля сокрылась.

Пришла в столицу весть: враги идут,
Их войско там, где блещет Касеруд.

Тогда отправлен был туранским станом
Отважный муж, что звался Палашаном,

Чтоб он разведал, чьи мечи остры,
Чтоб сосчитал знамена и шатры.

...Вдали от войск иранских, от дороги
Был виден холм, высокий, но пологий.

Сидели на холме Бижан и Гив,
Делам войны беседу посвятив.

Военный стяг туранца Палашана
Они вдали увидели нежданно.

Гив, приготовясь к схватке боевой,
Взмахнул тяжеловесной булавой.

«Пойду, — сказал, — туранца обезглавлю
Или свяжу и воинству доставлю».

Сын возразил: «За доблесть на войне
Уже халат пожаловали мне,

Теперь на ту награду я отвечу,
Начну с бесстрашным Палашаном сечу».

Сказал Бижану Гив, его отец:
«Твой недруг — лев, а ты еще юнец,

И если ты потерпишь неудачу,
Я мир отвергну, в горести заплачу.

Да, Палашан в жестокой битве — лев:
Отважных ищет на ловитве лев!»

Сказал Бижан: «О мужеством богатый,
Пред миродержцем не срами меня ты.

Доспехи Сиявуша дай ты мне,
Взгляни, как побеждает барс в броне!»

Бижан от Гива получил кольчугу.
Связал застежки, подтянул подпругу,

Сел на коня, зажал копье в руке
И поскакал от рати вдалеке.

А враг, сразив газель стрелой искусной,
Развел костер, кебаб зажарил вкусный.

Так ел он, сидя с луком за плечом,
А рядом конь стоял перед ключом.

Коня Бижана он вдали заметил,
На грозный топот ржаньем он ответил.

Тут понял Палашан, что для войны
Примчался всадник вражьей стороны.

Бижану крикнул: «Эй, повремени ты,
Я — покоритель дивов знаменитый.

А ты-то кто? Ужель ты вступишь в бой,
Чтоб звезды зарыдали над тобой?»

«Бижан я, — произнес воитель смелый, —
А в час борьбы я — слон железнотелый.

Мой дед — Гударз, отец мой — витязь Гив,
Тебя сражу я, доблесть проявив.

Здесь, на горе, пред встречею военной,
Ты пожираешь падаль, как гиена,

Наелся дыма, крови и золы, —
Готов ли ты для пики и стрелы?»

Но тот в ответ не проронил ни слова,
А вскачь пустил он дива боевого.

Наездники пустили копья в ход,
Взметнувшись, пыль затмила небосвод,

Но в крошево те копья превратились,
И за мечи противники схватились.

Мечи сломались, новых не найдешь,
И, как листву, их охватила дрожь.

Два славных ратоборца приуныли,
А кони притомились, кони в мыле.

Не прекратили поединка львы,
Две подняли тяжелых булавы.

Бижан обрушил с булавой десницу,
Ударил Палашана в поясницу,

И был таков удар его руки,
Что у врага сломались позвонки.

С коня свалилось Палашана тело,
Скатился шлем, кольчуга зазвенела.

Как быстрый дым, сошел с коня Бижан, —
Был обезглавлен воин Палашан.

С его конем, кольчугой, головою
Бижан помчался горною тропою.

Был храбрый Гив тревогою объят:
«Любимый сын вернется ли назад?»

Он волновался на холме высоком:
«А вдруг Бижан погибнет ненароком?»

Но юный сын пришел, пришел живой,
С конем врага, с кольчугой, с головой!

Принес добычу, пред отцом поставил, —
Героя-сына Гив седой восславил.

Затем к Гударзу старому вдвоем
Они счастливым двинулись путем.

С конем, с кольчугой, одержав победу,
С той головой Бижан явился к деду.

Была Гударза радость велика:
Чуть не лишила жизни старика!

Сказал: «О славный внук, живи всегда ты,
Венец державы, храбрецов вожатый!

Да будет сердце у тебя светло,
Вовек тебя да не коснется зло!»

ИРАНЦЕВ ЗАСТИГАЕТ БУРАН

Узнал Афрасиаб: земля Турана
Бурлит, подобно волнам океана,

Иранцы к Касеруду подошли,
И черный день настал для той земли.

Пирану повелитель молвил слово:
«Теперь открылись замыслы Хосрова.

Нам этот вызов следует принять,
Поднять знамена битвы, двинуть рать,

Иначе войско из Ирана хлынет,
Затмит луну и солнце опрокинет.

Ты собери полки, иди войной,
Не время заниматься болтовней».

Вдруг резкое дыхание бурана
Повеяло на воинов Ирана.

С вершин снега катились по тропам,
И губы стали примерзать к зубам.

Стал грозным и холодным мрак ущелий,
И ставки и шатры обледенели.

Снег за неделю белой пеленой
Простерся на поверхности земной.

Ни сна, ни пищи, страждут дух и тело,
И мягкая земля окаменела.

Бойцы страдали семь ужасных дней
И поедали боевых коней.

Бойцы и кони гибли в страшной муке,
У воинов окоченели руки.

Но солнцем озарился день восьмой,
Земное лоно залилось водой.

Собрал отряды полководец снова,
Повел о будущих сраженьях слово:

«На войско здесь низринулась напасть.
Края такие следует проклясть!

Калата, Сафид-куха, Касеруда
Не видеть бы вовек, — уйдем отсюда!»

Сказал Бахрам главе богатырей:
«Теперь не скрою от царя царей,

Что ты пошел, приказ его наруша,
Затеял битву с сыном Сиявуша.

Я говорил: «Уйди, не делай зла!
Смотри, как гибельны твои дела,

А сколько бед накликать можно сдуру:
Еще мы с буйвола не сняли шкуру!»

Ответил витязь Тус: «Азаргушасп
И тот славнее не был, чем Зарасп.

Кого мы, как Ривниза, возвеличим?
Кто б с ним сравнился мужеством, обличьем?

Царевич был убит не без вины:
Так в книге предначертано войны.

Здесь ворошить былое неуместно.
Он был убит бесчестно или честно.

Когда-то Гиву были вручены
Подарки за сожжение стены.

Пришла пора поджечь заслон древесный
И осветить огнем простор небесный.

Избавимся, быть может, от невзгод,
Для воинства откроется проход».

Ответил Гив: «Не так трудна задача,
А потружусь, — где труд, там и удача».

С тоской внимал Бижан его словам:
«На это я согласия не дам.

Не следует беречься молодому,
А опоясаться на бой — седому.

Меня взрастил ты, не жалел труда,
Не обижал и словом никогда,

Не подобает, чтобы ты трудился,
А я в покое сладком находился».

«Поскольку, — молвил Гив ему, — я стар,
Мне надлежит устроить сей пожар,

Еще, сынок, я покрасуюсь малость,
Еще моя не наступила старость.

Не бойся, что судьба меня сразит, —
Еще способен я спалить гранит!»

С трудом он к цели прискакал, усталый:
Был мир отягощен водою талой.

Древесный вал увидел богатырь, —
Простерся этот вал и ввысь и вширь.

Он лезвием копейным высек пламя —
И древо вспыхнуло под облаками.

Пылала три недели та гора,
Иранцам в лица веял жар костра.

Но вот костер погас и спали воды,
Открылся путь для войск и воеводы.

БАХРАМ БЕРЕТ В ПЛЕН КАБУДУ

Воители, когда костер погас,
Достигли Гировгарда в добрый час.

Остановились после дней тяжелых,
Шатры разбили на холмах и в долах.

Затем отправились во все концы
Передовых отрядов храбрецы.

Был Гировгард стоянкою Тажава:
Сражал он львов, о нем гремела слава.

Там, где трава в горах вкусней, сочней,
Перегонял он табуны коней,

Услышав об иранском войске вести,
Укрыл он табуны в укромном месте

И вестника, достойного похвал,
Он к царскому табунщику послал.

Тот звался Кабуда, был верным стражем,
И скромность он соединял с бесстрашьем.

Сказал ему Тажав: «Когда кругом
Погаснет мир, ты в путь помчись тайком.

Узнай, число иранцев велико ли,
Кто из прославленных — на ратном поле.

На них во тьме ночной мы налетим,
Сражаясь, горы в бездны превратим».

Вот Кабуда, как некий див нечистый,
Приблизился к иранцам ночью мглистой.

В дозоре в эту ночь стоял Бахрам:
Его аркан внушил бы страх слонам!

Конь Кабуды на близком расстоянье
Заржал; Бахрам услышал это ржанье.

Смельчак, за тетиву повесив лук,
Погнал коня, врага ища вокруг.

Стрелу пустил, уста не размыкая, —
Лазутчика скрывала тьма ночная.

Но в Кабуду стрела впилась тогда,
И почернел от боли Кабуда.

Упав с коня, он попросил пощады.
Сказал Бахрам: «Кого же из засады

Ты вознамерился сразить стрелой?
Чей ты слуга? Всю правду мне открой!»

Взмолился тот: «Меня губить не надо,
Я все скажу, да будет мне пощада.

Меня Тажав отправил в стан врага,
Он — господин, а я при нем слуга.

Не надо убивать меня, воитель,
Я приведу тебя в его обитель».

Сказал Бахрам: «Хитрить я не привык,
Я — лев, Тажав передо мною — бык».

Лазутчика с презреньем обезглавил
И голову в иранский стан доставил,

С пренебреженьем выбросил в овраг,
Затем, что не был знатен этот враг.

БОЙ ИРАНЦЕВ С ТАЖАВОМ

Едва заря сразила ночь кинжалом,
Как только знамя солнца стало алым,

Узнал Тажав, что Кабуда сражен.
Был этой смертью витязь огорчен.

Едва лишь песню жаворонки спели, —
Погиб лазутчик, не достигнув цели.

Вооруженных всадников созвав,
Поспешно двинул воинство Тажав.

Врагов увидев средь лощины горной,
Иранцам сразу возвестил дозорный:

«Туранцами наполнен Гировгард,
На стяге полководца — леопард!»

Вот Гив помчался с видом горделивым.
Помчалось несколько отважных с Гивом.

Гив крикнул с гневом: «Кто ты, храбрый муж?
Ты хочешь боя? Доблесть обнаружь!

Ты с малой горсткой двинулся на сечу, —
Драконьей пасти двинулся навстречу!»

Тажав ответил: «Вот мои слова:
Владею сердцем и десницей льва.

Известен я под именем Тажава,
И чтит меня туранская держава.

Знай: из Ирана я свой род веду,
Одни лишь витязи в моем роду.

А ныне воевода я в Туране,
Зять шаха, украшение собраний».

Ответил Гив: «Сказав такую ложь,
Ты витязям бесчестье нанесешь.

Какой иранец может поселиться
В Туране, если он не кровопийца?

Как может воевода, шаха зять,
Вести такую небольшую рать?

Не будь же дерзким: эта рать ничтожна,
Сраженье с храбрецами безнадежно.

Вождь наших воинов — страны оплот,
Врагу любому голову снесет.

Но если войско биться не принудишь,
Но если ты назад в Иран прибудешь,

Но если к Тусу ты придешь сперва
И скажешь и послушаешь слова,

То попрошу я для тебя награды,
Коней — для битв, невольниц — для отрады».

Тажав сказал: «В Туране я богат,
Меня вовек враги не сокрушат.

Есть троны и венцы в моей твердыне,
Есть воины, и деньги, и рабыни.

Мой царь Афрасиаб — опора мне,
Ты не увидишь это и во сне.

Мои луга не ведают границы,
В моих степях пасутся кобылицы.

Ты не гляди, что рать невелика,
Ты на меня гляди, на смельчака.

Такое учиню кровопролитье,
Что вы раскаетесь в своем прибытье!»

Тогда сказал отцу храбрец Бижан:
«О муж, украсивший иранский стан!

О гордый витязь в боевой одежде,
Ты в старости уже не тот, что прежде!

Зачем к туранцу обратил ты речь,
Стремясь его от смерти уберечь?

Злодеев уничтожим не речами,
А палицами, острыми мечами!»

И на Тажава налетел храбрец,
Как барс, что нападает на овец.

Как жаворонка — сокол дерзновенный,
Схватил венец Тажава драгоценный:

От туран-шаха тот венец приняв,
Его и ночью не снимал Тажав.

Лишь в крепости — спасенье для вельможи!
За ним летел Бижан, как пламень божий.

Тажав увидел в крепости жену:
К нему пришла, рыдая, Испану.

Сказала: «Ты бежал, стыдом покрытый,
Меня лишил ты в крепости защиты.

Так посади меня в седло коня,
Чтоб не оставить недругу меня».

Как пламя, вспыхнуло лицо Тажава,
Проникла в сердце горечи отрава.

Он глянул сверху вниз, познав беду,
Одно ей подал стремя на ходу.

Он усадил подругу за собою,
И конь крутою поскакал тропою.

Помчался вместе с Испану Тажав,
В Туран дорогу краткую избрав.

Еще немало им пути осталось, —
Конь и ездок почуяли усталость.

Сказал Тажав подруге: «О луна,
Тяжелые настали времена.

Скакун устал, мы далеки от цели,
За нами — враг, а впереди — ущелье.

А стоит мне или коню упасть,
Я сразу попаду Бижану в пасть.

Ты можешь недругов не опасаться:
Дозволь мне дальше одному помчаться».

Сошла с коня прекрасная жена.
Душа Тажава скорбью сожжена.

Свой бег без этой ноши конь ускорил,
За ним спешил Бижан и с ветром спорил.

Когда Бижан увидел Испану,
Ту мускусноволосую луну, —

Он быстро подскакал к прекрасноликой,
Ее он встретил с ласкою великой.

Он дал ей место на коне своем,
Направился к иранцам с ней вдвоем.

Как только в ставку прибыл конь Бижана,
Там загремели звуки барабана,

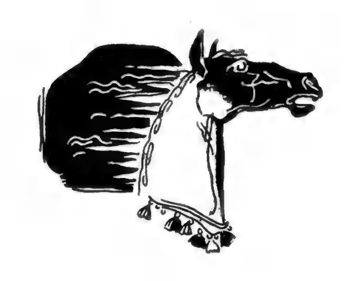
Гласившие: «Добычей завладев,
Приехал храбрый воин, всадник-лев!»

Военачальник с витязями вместе
Обрушили на крепость ярость мести.

Затем они помчались к табунам,
К прославленным туранским скакунам.

Взял в руки по аркану каждый воин,
Как муж, что на коне скакать достоин.

Пленив коней, отправились вперед.
Так продолжало войско свой поход.



АФРАСИАБ УЗНАЕТ О ТУСЕ И ЕГО ВОЙСКЕ

Тажав скакал степями и лесами,
К Афрасиабу прибыл со слезами.

Сказал он: «Тус явился для войны,
С ним войско, барабаны и слоны.

Убиты войскоборцы, рать мертва,
Во прахе Палашана голова.

Все кони угнаны, пылает область,
Нет больше храбрецов, являвших доблесть».

Стал мрачен шах Афрасиаб, как ночь,
Стал думу думать: как беде помочь?

Сказал Пирану: «Ты не внял приказу, —
Собрать войска и в битву двинуть сразу.

Но, страх и старость в сердце ощутив,
Увы, ты оказался нерадив.

А наши родичи теперь в неволе,
Кто счастлив был, теперь поник от боли.

Не время медлить. Храбрых ждет война.
Смотри, земля теперь для нас тесна».

Пиран дворец властителя покинул,
Во все края своих гонцов он двинул,

Воителей созвал со всех сторон,
Им деньги и оружье выдал он.

Лишь за собой дворец Пиран оставил,
Он по местам богатырей расставил.

Барман, Тажав, чья мощь страшна была,
Вели отряды правого крыла.

Был слева Настахин: подняв десницу,
Он превращал в ягняток льва и львицу.

Звон колокольцев, барабанов гром
И трубный рев послышались кругом.

Сказал Пиран: «Помчимся бездорожьем,
Наикратчайший путь себе проложим,

Чтоб враг о войске не услышал весть:
Всему внезапность надо предпочесть.

Быть может, войско наше, как лавину,
На скопище иранцев я низрину».

НОЧНОЕ НАПАДЕНИЕ ПИРАНА НА ИРАНЦЕВ

Он выбрал тридцать тысяч храбрецов,
И меченосцы собрались на зов.

Без шума, без трубы и барабана
Во мраке ночи двинулись нежданно.

Вот перед ними — пастбища, луга,
Осталось семь фарсангов до врага.

Они коней увидели вначале,
И на коней воители напали.

Поймали и погнали те стада,
Была всех бед ужасней та беда.

Всех пастухов, табунщиков убили,
Помчались дальше тучей черной пыли.

Увидели иранцев пред собой,
Покинутых изменчивой судьбой.

Иранцы, погруженные в безделье
И пьянство, распоясавшись, сидели.

Не спал в шатре один разумный Гив,
Был сын Гударза смел и прозорлив.

В то время растерялся он, однако,
Услышав грохот, звон мечей средь мрака.

Стоял скакун перед шатром в броне,
Внимая неожиданной войне.

Подумал Гив: «Позор всей рати нашей!
Зачем сидел я с пиршественной чашей?»

Вскочив, подобно вихрю, на коня,
Гив поскакал, доспехами звеня.

Узрел, достигнув ставки полководца:
Мир потонул в пыли, земля трясется!

Сказал он: «Тус, вставай, враги пришли,
Под ними поле бранное в пыли!»

Оттуда с палицей быкоголовой
Он поскакал к отцу, к борьбе готовый.

Как дым кружился, объезжая рать,
Он всех, кто не был пьян, заставил встать.

Бижана обругал на поле брани:
То место битв иль место пирований?

Взяв несколько воителей с собой,
Решил туранцам дать неравный бой.

Как саранча, что завладела степью,
Пришли туранцы, выстроились цепью.

Смотрел Гударз по сторонам: число
Бойцов Турана что ни миг росло.

Шла туча с ливнем стрел, и в беспорядке
Проснулись спящие от шума схватки.

Мягка постель под пьяной головой,
Над нею — меч с тяжелой булавой!

Когда в созвездье Льва взошло светило,
Оно пред Гивом войско озарило.

Увидел: счастье стало к ним спиной,
Усеян мертвецами дол степной,

Разорваны знамена боевые
И почернели, как эбен, живые.

Полным-полно иранских мертвецов, —
Не видно витязей и храбрецов.

Погибшим в битве нет конца и края,
Лежат, в крови горячей утопая.

Своих отцов утратили сыны,
Отцы — сынов: таков удел войны!

Увы, иранцы повернули спины,
Шатры оставив посреди равнины,

Оставив барабаны и обоз:
Все войско тканью ветхой расползлось.

Остатки войск, теснимых отовсюду,
Бессильно отступили к Касеруду.

Бойцы устали, жар в сердцах потух.
Где сила, разум, смелость, стойкий дух?

Спасаясь от губительной погони,
Изнемогали всадники и кони.

От битвы убежав, покинув дол,
В ущелье Тус воителей привел.

Измученное войско застонало:
Из витязей в живых осталось мало,

А тот, кто жив, — иль ранен, иль в плену.
Оплачем их, пошедших на войну!

Где скакуны, где седла и попоны?
Где воеводы, где венцы и троны?

Кругом безлюдье, над землею ночь,
Никто не хочет раненым помочь.

О, сколько старцев стонут со слезами
Над храбрыми, но мертвыми сынами!

Две трети войска потеряв в бою,
Иранцы прокляли судьбу свою.

Военачальник обезумел в горе,
Была его душа с рассудком в ссоре:

«Мы залили вином свои шатры,
Мы предпочли сражениям пиры!»

Гударз остался без сынов и внуков,
Лишился он и скакунов и вьюков.

Для раненых — ни пищи, ни врача,
Блуждает горе, плача и крича.

Кто в войске был в чести, пришли к Гударзу,
Чтоб воинов спасти, пришли к Гударзу.

Старик, познавший муку и позор,
Лицом к туранцам выставил дозор.

Разведчиков отправил вниз, в долину,
Ища лекарства в трудную годину.

Гонцу на скакуна велел он сесть,
Помчаться к шаху и доставить весть

О Тусе, потерпевшем пораженье:
Мол, принял он неверное решенье,

Довел иранцев до большой беды,
И воинов расстроились ряды.

КЕЙ-ХОСРОВ ОТЗЫВАЕТ ТУСА

Когда к владыке прибыло известье
О пораженье войска, о бесчестье,

Он гневом воспылал от этих слов,
Был яростью охвачен Кей-Хосров.

Давно ль оплакивал он гибель брата?
За той утратой — новая утрата!

Во тьме полночной, в утреннюю рань
Обрушивал на Туса злую брань.

Затем, чтоб сердце облегчить от муки,
Призвал писца, что сведущ был в науке,

Письмо составил, горестью объят, —
Перед глазами был убитый брат.

Писал он Фарибурзу, скорби полон;
До всех вождей свои слова довел он.

Как вера и закон велят, была
Вначале вездесущему хвала:

«Во имя солнца и луны владыки, —
Он создал время, страны и языки.

От солнца до земли, что так темна,
Мне справедливость господа видна.

С кавейским стягом, что Ирану дорог,
Помчался Тус, а с ним — отважных сорок.

Я ждал: они Турану отомстят,
Но в первой битве был убит мой брат.

Да никогда узнать нам не придется
Безмозглого такого полководца!

Где брат Фаруд? Кто знал, что так умрет
Бесстрашных вождь и витязей оплот!

О мщенье за отца скорбел я долго,
Я слезы лил, не исполняя долга,

Теперь над братом плачу и вокруг
Смотрю, не зная, кто мне враг, кто друг.

«Ты избегай, — сказал я Тусу прямо, —
Калата, Сафид-куха и Чарама.

Фаруда молодого там удел,
А брат мой — сын царя, могуч и смел.

Он не поймет, своя или чужая
Возникла рать, возмездьем угрожая».

Начнет сраженье, — многих он храбрей, —
И знатных умертвит богатырей.

Как будто мало я познал обид,
И вот презренным Тусом брат убит!

А если он и прежде был назначен
Вождем, то был удел Кавуса мрачен.

Его в пылу сраженья клонит в сон,
Лишь на пиру речист и дерзок он.

Хоть подвигами жизнь его богата,
Да будет проклят он, убийца брата!

Прочтя мое письмо, забудь о сне,
Об отдыхе, о пище и вине.

Не рассуждая, подчинись приказу,
Обратно Туса отошли ты сразу.

Надень одежды и венец главы,
Стань господином знамени Кавы.

Гударз, воитель мудрый, величавый,
Пускай тебя наставит в битве правой.

Без торопливости веди войну,
Не пей вина и не стремись ко сну.

Не будь горяч, не жертвуй нашей кровью,
Сначала раненым верни здоровье.

С десницей льва, с отвагою в груди,
Пусть будет Гив могучий впереди.

Ты снаряженье собери для брани, —
Не время для забав и пирований».

К письму владыка приложил печать,
Сказал гонцу: «Коня ты должен гнать,

И днем и ночью ты забудь про отдых,
Коней на всех меняя переходах».

Гонец помчался, как велел Хосров,
Достиг он именитых храбрецов.

Предстал пред Фарибурзом утром рано,
Вручил ему письмо царя Ирана.

И Фарибурз, призвав к себе в шатер
Вождей и Туса, начал разговор.

Ему внимали войскоборцев главы,
Отважный Гив, Гударз, оплот державы.

Когда письмо владыки он прочел,
То вырос новый плодоносный ствол *.

Вожди и львы сплотились воедино,
Иранского восславив властелина.

Слонов, кимвалы, ратные полки,
И стяг, и золотые башмаки

Тус отдал Фарибурзу: «Знатный воин, —
Сказал он, — рать возглавить ты достоин.

Пройди победоносно путь земной,
Да будет вечно жизнь твоя — весной».

Весь род Ноузара за собой повел он, —
С простыми, с именитыми ушел он.

Не медля и мгновения в пути,
Спешил к царю с раскаяньем прийти.

Пришел и ниц упал к ногам Хосрова,
Но встретил властелин его сурово,

Унизил Туса перед всем дворцом,
Бранясь, назвал он Туса подлецом.

Сказал он: «Пусть тебя не будет в списке
Вельмож иранских, — гнусный, злобный, низкий!

Смотри, ты проклят богом навсегда,
Нет у тебя пред воинством стыда!

Я говорил: «Не смей идти Чарамом!» —
Ты оказался мерзким и упрямым.

Не ты ль всегда хотел, чтоб на престол
Потомок Сиявуша не взошел?

Кто в наши дни с Фарудом мог сравниться?
Будь проклят, брата моего убийца!

Таких, как ты, увидев пред собой,
Вступал он, гордый, с целым войском в бой.

Ты двинулся в поход, душой не стойкий,
Любя одни пирушки и попойки.

Тебе не место в крепости, в степи,
А в доме сумасшедших на цепи!

Быть во дворце ты не имеешь права,
Поскольку мыслить не умеешь здраво.

Тебе подходят цепи, кандалы,
А не венец, вино и похвалы.

Тебя спасают, к жизни возвращая,
Род Манучихра, борода седая,

Не то б твоим врагам велел я с плеч
Пустую голову твою отсечь.

Иди, теперь твой вечный дом — темница,
А в стражи твой позор тебе годится!»

Прогнал его и заточил в тюрьму, —
В цепях не будет радости ему.

ФАРИБУРЗ ПРОСИТ ПИРАНА ЗАКЛЮЧИТЬ ПЕРЕМИРИЕ

Стал Фарибурз над войском господином:
Он был богатырем и царским сыном.

Рухxаму приказал: «Ступай скорей,
Прибавишь славу к знатности своей.

Иди к Пирану, важен и спокоен,
Пусть весть мою услышит старый воин.

Скажи ему: «Изменчив небосвод,
То радостей он полон, то невзгод.

Одних возвысит вровень с облаками,
Других унизит, чтобы сгнили в яме.

Кто гордо побеждает храбрецов,
Тому не надобен ночной покров.

Мы отдохнем, коль хочешь перемирья,
А хочешь битвы, — помни: богатырь я!»

С той вестью и посланием Рухха́м
От Фарибурза поскакал к врагам.

Предстал пред ним дозорный, вопрошая:
«О, кто ты, всадник? Из какого края?»

«Руххамом я зовусь, — ответил он, —
Я доблестью и славой наделен.

От Фарибурза, сына Кавус-шаха,
К Пирану с вестью еду я без страха».

Как пыль, дозорный полетел стремглав,
Сказал, пред воеводою представ:

«Руххам, Гударза сын, врагов опора,
С главою войска хочет разговора».

Пиран, окинув ратные ряды,
Велел принять Руххама без вражды.

Руххам к нему направился с опаской:
«Не затаил ли зло?» Но принял с лаской

Руххама предводитель вражьих сил,
Гонца на возвышенье посадил.

Тогда Руххам исполнил приказанье,
От Фарибурза передал посланье.

Сказал Пиран: «Туранские сыны
Немало пострадали от войны.

Вы пожелали первыми сраженья,
У Туса я не видел разуменья.

Пришел он, волка хищного лютей,
Стал убивать и взрослых и детей.

О, сколько пало от руки злодея,
А в плен увел он скольких, не жалея!

От нас возмездье получили вы,
Хотя дрались, как яростные львы.

А ныне, если ты принес посланье, —
Проси меня, исполню я желанье.

Хотите передышки для бойцов?
Я целый месяц отдыхать готов.

Войны хотите? Я пойду войною,
Сразиться вы попробуйте со мною.

Не будем целый месяц воевать,
Затем уйдите из Турана вспять.

Когда к своим границам вы придете,
Достоинство и разум обретете.

А нет — готовьтесь в битве умереть
И передышки не просите впредь».

Как полководцу надлежит, богатым
Он одарил воителя халатом.

Руххам с ответом поскакал назад.
Был передышке вождь иранцев рад.

Он, доблестный, простер повсюду длани,
Готовился к сражению заране.

Велел он, раскрывая кошели,
Чтоб воины за жалованьем шли.

Построил войско и прогнал тревогу,
Всего бойцам он выдал понемногу.

ИРАНЦЫ ТЕРПЯТ ПОРАЖЕНИЕ ОТ ТУРАНЦЕВ

Промчался месяц: вновь пора войны!
(А договору были все верны.)

Вот заревели трубы в каждом стане,
Два войска сдвинулись на поле брани.

Услышав барабанов голоса,
От страха содрогались небеса.

Повсюду — палицы, мечи, булаты,
Поводья, гривы, копья, луки, латы,

Казалось, миром завладел дракон!
О нет: с землей сравнялся небосклон!

Жужжал, а все не мог комар-страдалец
Сквозь стену пролететь щитов и палиц.

Иранской рати стрелы с высоты
Летели, как осенние листы.

Мир помрачнел, он стал как ворон черный,
Земля дрожит, на поле — бой упорный.

Так много копий, столько стрел взвилось,
Что места и для птицы б не нашлось.

Над миром, — над холмами и полями,
Алмазные мечи зажглись, как пламя.

Земля — как негр, и рухнуть мир готов, —
Он изнемог под тяжестью слонов.

Повсюду — пыль, погибель, истребленье,
Казалось, это — светопреставленье.

Расстроились воителей ряды,
Что были так уверены, горды.

Иранцы, недругам не дав отпора,
Бежали вспять дорогою позора.

О, плачьте: край иранский посрамлен,
Нет больше барабанов и знамен!

Лишь горечь поражения осталась
У воинства, что в страхе разбежалось.

Смешались в беспорядке все полки,
И стягов опрокинулись древки.

Помчался Фарибурз по горным склонам,
Гоним туранским войском разъяренным.

Иранцы устремились кто куда —
Удел, достойный плача и стыда!

Гударз, и Гив, и часть иранской рати
Остались, помышляя о расплате.

Когда Гударз, годами убелен,
Увидел: нет воинственных знамен,

Исчезло даже Фарибурза знамя, —
Отчаянья в нем загорелось пламя.

Для бегства повод повернул старик.
Средь родичей его поднялся крик.

Воскликнул Гив: «Отец, воитель старый,
Мечей и палиц ты познал удары, —

Прошу я, от Пирана не беги,
Чтоб не глумились надо мной враги.

Иль мудреца забыл ты назиданье?
Он нам поведал древнее преданье:

«Коль станет с братом брат к плечу плечом,
То им свалить и гору нипочем».

Здесь ты и семь десятков наилучших,
Немало и сородичей могучих.

Мы каждого врага пронзим копьем,
А встретим гору, — гору мы снесем!»

Когда Гударз услышал речи Гива,
Воителя, чье сердце прозорливо,

Раскаялся он в помыслах своих,
Возжаждал снова схваток боевых.

В обоих станах мертвым нет предела,
Судьба помочь иранцам не хотела.

Сказал Гударз Бижану: «Враг не ждет.
Отсюда, как стрела, пустись в полет.

У Фарибурза, что стоит за нами,
Возьми звезду Кавы — святое знамя.

А может быть, на помощь храбрецам,
Со знаменем сюда придет он сам».

Как пламя, что являет силу божью,
Бижан пустился к горному подножью.

Приехал к Фарибурзу, стал кричать:
«Ты почему здесь прячешь нашу рать?

Коль не воюешь сам на поле чести,
Отдай мне это знамя с войском вместе!»

Услышал Фарибурз его слова, —
И сердцу подчинилась голова.

«Уйди, — Бижану крикнул в раздраженье, —
В речах ты резок, новичок в сраженье!

Сам шаханшах вручил мне стяг Кавы,
Лишь мне подвластны ратоборцы-львы.

Ни с кем делиться властью я не стану,
Стяг не отдам какому-то Бижану!»

Не внял Бижан бессмысленным словам,
Рассек внезапно знамя пополам

(Пришелся тот удар на середину),
Затем одну он поднял половину

И ускакал с кавейскою звездой.
Умчался к войску витязь молодой.

На всадника туранцы налетели:
Отнять звезду Кавы они хотели.

Вкруг знамени богатыри сошлись.
Во прахе мир, во тьме и дол и высь.

К войне тяжелой воинство готово,
В борьбу вступить оно решило снова.

Кого ценил Кавус, как жизнь свою, —
Стремительный Ривниз погиб в бою, —

Душа отца и младший сын владыки,
Любимец Фарибурза светлоликий.

Скатилась голова, а с ней — венец.
Оплакивали все такой конец.

Воскликнул Гив: «Опора шаханшаха,
Богатыри, не знающие страха!

Блистал он доблестью и красотой, —
Храбрец Ривниз, царевич молодой.

Погибли, — их деянья были громки, —
Кавуса достославные потомки.

Их трое: Сиявуш, Фаруд, Ривниз, —
Над нами три несчастия стряслись.

Нам будет стыдно, коль на поле боя
К туранцам попадет венец героя!

Нельзя мне с места сдвинуться сейчас:
Нагрянет враг и уничтожит нас.

Но как позволить, чтобы в бранном деле
Венцом Ривниза тюрки завладели?

Венец утратил, да и сам — убит...
Прибавится к позору новый стыд!»

Случилось, что услышал Гива голос
Пиран, чье войско доблестно боролось.

Вновь тюрков двинул в бой седой храбрец:
Сраженье разгорелось за венец.

Погибло много в той и в этой рати, —
Великие лишились благодати.

Бахрам, как лев, помчался напролом,
Венец Ривниза подхватил копьем,

И на него смотрели оба войска,
Дивились удали его геройской.

Дрались, пока не смеркли небеса,
Пока друг друга видели глаза.

Так длился бой, неистовый и ярый,
Обрушивали палицы удары.

Здесь род Гударза дни свои пресек:
Осталось только восемь человек.

Из рода Гива двадцать пять убито:
Краса державы и венца защита.

Удел Кавуса родичей суров:
Убито семьдесят отважных львов,

Погиб Ривниз, — кто близких успокоит?
А он один огромной рати стоит!

Афрасиаба венценосный род
Мужей утратил более трехсот.

Утратил девять сотен род Пирана,
И в сердце полководца ныла рана.

Но он победы пожинал плоды,
Был день его удач, его звезды,

А день иранцев был многострадальным,
И завершился он концом печальным.

С таким позором отступила рать,
Что раненых забыла подобрать.

Когда явилось всем судьбы свершенье,
Скакун Густахма был убит в сраженье.

Как пьяный, витязь двинулся пешком,
В кольчуге, в шлеме, с боевым копьем.

Бижан к нему приблизился вплотную.
(А погружался день во тьму ночную.)

Сказал: «Садись на моего коня,
Ты всех людей дороже для меня».

Вдвоем в дорогу на коне пустились,
А тени ночи над землей сгустились.

Сраженье проиграв, со всех сторон
Иранцы двинулись на горный склон.

А толпы тюрков радостно кричали,
Избавившись от горя и печали,

Надменные, отправились в шатры,
Как будто править порешив пиры,

А между тем бойцы в иранском стане
Не прекращали воплей и стенаний.

БАХРАМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА ПОЛЕ БРАНИ ЗА ПЛЕТЬЮ

К отцу поспешно прискакал Бахрам:
«Вождь витязей, внемли моим речам.

Когда венец Ривниза молодого
Копьем я поднял с поля боевого,

Тогда внезапно выронил я плеть.
Ужель спокойно должен я стерпеть,

Что недруг унесет ее надменно?
Мир станет для меня черней эбена!

Прочтет Пиран, — какое горе мне, —
Прозвание мое на том ремне!

Помчаться, привезти я плеть обязан,
Преграды все преодолеть обязан.

Я не позволю, с недругом борясь,
Чтобы мое втоптали имя в грязь!»

Сказал Гударз: «От плети что за прибыль?
А навлечешь ты на себя погибель.

Ужели за ремень и рукоять
Ты должен голову свою отдать?»

Так богатырь ответствовал могучий:
«Ужель других воителей я лучше?

Покуда смерть не грянет, не умру.
Я твердо верю: мы придем к добру.»

«Брат, — молвил Гив, — смертельна та дорога.
Есть у меня плетей хороших много.

Насечка на одной — из серебра,
На коже крепкой — жемчугов игра.

Мне Фарангис доспехи подарила,
Когда свой ларь передо мной раскрыла,

Но я одну кольчугу взял и плеть,
На остальное не хотел смотреть.

Подарок от Кавуса плеть другая:
Глаза пленяет, золотом сверкая.

Я к этим двум еще прибавлю пять,
Где каждая в каменьях рукоять.

Возьми все семь, возьми подарок чудный,
Но откажись от битвы безрассудной».

Ответствовал Бахрам богатырю:
«Подумай, брат, я от стыда сгорю!

Бесчестье мне грозит, а вы о мелких
Толкуете вещицах и безделках!

Иль возвращусь я с плетью, иль в бою
Отдам бесстрашно голову свою!»

Так думал он, а бог решил иначе,
Как видно, бог его лишил удачи!

Увы, когда твой жребий нехорош,
Ты верить разуму перестаешь!

Воитель, озаряемый луною,
Опять помчался к недругам с войною.

Он тихо ехал меж голов и тел,
На мертвецов печально он глядел.

На середине поля боевого
Искал, искал — и плеть увидел снова

Средь груды мертвых тел, в грязи, в пыли,
И капли крови по ремню текли.

Сойдя с коня, он поднял плеть, но ржанье
Внезапно раздалось в ночном молчанье.

Услышав кобылицу, вспыхнул конь,
Рванулся, как взбесившийся огонь,

И поскакал туда, где кобылица.
Бахрам — за ним: кто знал, что так случится?

Он гневно гнался, свой прокляв удел,
От шлема и кольчуги он вспотел.

Догнал коня, вскочил в седло, встревожен,
И меч индийский вынул он из ножен.

Но конь его — ни взад и ни вперед.
На нем и на Бахраме пыль и пот.

Гнев закипел в наезднике усталом,
Коня ударил по ноге кинжалом.

Как ветер, устремился он пешком
Равниной, где была война с врагом.

Повсюду мертвецы на поле бранном, —
Как будто сад усеян аргуваном.

«Как быть? — он думал. — Я попал в беду.
Как по степи я без коня пройду?»

Из гущи войска вырвались нежданно
Сто воинов, сто всадников Турана,

Чтоб окружить его со всех сторон:
Да будет к полководцу приведен!

Но лук свой натянул воитель смелый,
Дождем обрушил на туранцев стрелы,

А разве враг пред ним не упадет,
Как только пустит он стрелу в полет?

Он пешим был, но не бежал от конных,
Враги познали смерть от стрел каленых,

И отступил от витязя отряд,
Бойцы к Пирану двинулись назад.

ТАЖАВ СМЕРТЕЛЬНО РАНИТ БАХРАМА

Предстали перед взором полководца,
Поведали, как этот пеший бьется.

Спросил Пиран: «Кто страх внушает львам?
Известно ли его прозванье вам?»

Один сказал: «Бахрам — иранца имя.
Он подвигами славится своими».

Пиран сказал Руину: «Встань сейчас,
Бахрам не может убежать от нас.

Живым его ты в плен возьмешь, — быть может,
Нам перемирие Иран предложит.

Ты двинься в путь с бывалыми людьми,
Отважных и воинственных возьми».

Сел на коня Руин, за ним — дружина.
Не затаила зла душа Руина.

Кто на земле Бахрама устрашит?
Он стрелы выпустил, вздымая щит,

Пустил в Руина ливень стрел летучих,
Луна сокрылась в стрелах, словно в тучах.

И ранен был Руин, Пирана сын.
Не устоял из тюрков ни один,

Отпрянули, трусливые, с позором,
Явились к полководцу с разговором:

«Сей пеший воин конных победил,
Опасней он, страшней, чем крокодил!»

Земля Пирану показалась тесной,
Воитель задрожал, как лист древесный.

Воссел на скакуна Пиран седой,
Он взял немало воинов с собой

И, прискакав, сказал: «Зачем, о витязь,
Ты бьешься пешим, битвой не насытясь?

Ведь с Сиявушем ты в Туране был,
С ним на пиру, на поле брани был.

Давай дружить, стремясь к единым целям,
Любя друг друга, мы хлеб-соль разделим.

Не подобает при уме твоем,
Отваге, нраве чистом и прямом,

Чтоб голова твоя во прах свалилась,
Чтоб сердце матери испепелилось.

Давай с тобою заключим союз,
Ты в этом не раскаешься, клянусь!

Давай с тобою родичами станем,
А там и новым заблестишь блистаньем.

Ты — пеший, пред тобой — большая рать.
Ужели сможешь ей противостать?»

«О богатырь, — Бахрам ему ответил, —
Ты прозорлив, умен, душою светел.

Дай только мне коня — борьбу начну,
А нет — и пешим поведу войну».

Сказал Пиран: «О воин, мной ценимый,
Желания твои неисполнимы.

Союз со мною — благо для тебя.
Ты смел, но действуй, разум возлюбя».

Сказал, поехал и вернулся разом:
В душе — вражда и гнев, а в мыслях — разум.

К нему из войска прискакал Тажав,
Что львов борол, могуч и величав.

Спросил Пирана, и Пиран ответил:
«Я предложил ему союз, приветил,

Бахраму подал я благой совет,
Но витязей, ему подобных, нет.

Не принял в сердце он мои реченья,
Он жаждал лишь к иранцам возвращенья».

Сказал Тажав: «О богатырь седой,
Не победишь Бахрама добротой!

Пойду, быть может, я свяжу Бахрама
Иль камнем череп размозжу Бахрама».

Примчался и увидел: вдалеке
Стоит Бахрам, стоит с копьем в руке,

Стоит без войска, пеший, одинокий,
И заревел Тажав, как слон жестокий:

«Сейчас умрешь. Бесстрашен мой отряд.
Тебе сегодня всадники отмстят.

Ты обезглавил витязей немало,
Пора твоей погибели настала».

Затем туранцам приказал: «Вперед!
Пустите палицы и стрелы в ход!»

В его отряде — ратоборцы славы,
Отважных предводители и главы.

Бахрам из лука выстрелил в ответ, —
От стрел его стал черным белый свет!

Не стало стрел, — копье взметнул он вскоре,
Кровь по равнине потекла, как море.

Вдруг раскололось, как перо, копье, —
Мечом продолжил дело он свое.

Вступил с отрядом в поединок бранный,
У недругов кровоточили раны.

Когда лишился он последних сил,
Тажав к Бахраму сзади подскочил,

Ударил по плечу мечом внезапно, —
Упал Бахрам к земле плечом внезапно,

И отвалилась от плеча рука:
Пришел борьбе конец, а смерть близка.

И даже у Тажава сердце сжалось,
Хотя не знал он, что такое жалость.

Он со стыдом уехал на коне,
Его душа — в крови, лицо — в огне.

ГИВ УБИВАЕТ ТАЖАВА, МСТЯ ЗА БАХРАМА

Уже был день тяжелый на закате,
И Гив забеспокоился о брате.

Сказал Бижану: «Горем я объят,
Не возвратился дядя твой назад.

Узнаем, что с воителем, поскачем,
Боюсь, что над ушедшим мы заплачем».

Они, как вихрь, отправились вдвоем,
Ища его на поле боевом.

Бахрама, в беспокойстве и печали,
Среди убитых, раненых искали.

Увидели его — и кровь из глаз
У витязей иранских пролилась:

Лежал в пыли, кровь на земле темнела,
Отпала мощная рука от тела.

Племянник смотрит, смотрит старший брат, —
Любовь и пламя в их глазах горят.

Открыл Бахрам глаза, придя в сознанье,
И ярость слышалась в его дыханье.

Сказал: «О Гив, ты вышел на борьбу!
Когда мой лик сокроешь ты в гробу,

То за меня ты отомсти Тажаву,
Затем, что лев сильней быка по праву.

Пиран меня не ранил, помня свято,
Что гостем я в Туране был когда-то,

С богатырями бился я сперва, —
Туранцы не достигли торжества.

Но рану мне нанес Тажав жестокий,
Презрев мой славный род и сан высокий».

Так говорил Бахрам, и плакал Гив,
Великим горем сердце опалив.

Поклялся божьей истиной прямою,
Дневным светилом и полночной тьмою:

«Я шлема не сниму, грозя врагам,
Пока не будет отомщен Бахрам!»

Сказал, индийский меч рукой сжимая,
А в сердце — горечь, ненависть святая.

Внезапно потемнел небесный свод,
Тажав из войска выступил вперед.

Увидел Гив туранца издалёка,
И, повод натянув, притих до срока.

Вот отделился от своих Тажав,
Один, без ратоборцев, поскакав,

И Гив тогда велел аркану взвиться —
В узле, в узле Тажава поясница!

Гив затянул туранца в два узла,
Затем легко сорвал его с седла,

Унизил, бросил в прах, обрек на муки
И спешился, связал туранцу руки,

Сел на коня, поехал, силача,
Как жалкого безумного, влача.

«Нет больше сил, — сказал Тажав с мольбою, —
Храбрец, в чем я виновен пред тобою?

Из войска, что сюда на бой пришло,
Зачем лишь мне ты причиняешь зло?»

Плеть на врага обрушил он с позором,
Сказал: «Потом займемся разговором!

Иль ты не знаешь, на свою беду,
Что древо мести посадил в саду?

Достигло небосвода это древо,
Которое плоды венчают гнева.

Бахрама ты убил? Так ныне в пасть
Чудовища тебе дано попасть!»

Сказал воителю Тажав злосчастный:
«Я — жаворонок, ты — орел всевластный.

Поверь, я зла Бахраму не хотел,
Чтоб жизни наступил его предел.

Его убили витязи дотоле,
Как прибыл я на боевое поле.

Убит Бахрам, но не моей рукой,
А ты утратил счастье и покой».

К Бахраму-льву, чьи дни кончались ныне,
Гив поволок Тажава по равнине.

Сказал он: «Вот убийца твой, Бахрам.
Насильем за насилие воздам.

Благодарю всевидящего бога
За то, что на земле я прожил много,

Я с туловища жалкого сорву
Злокозненную, мрачную главу».

Тажав молил униженно и слезно
Простить его, простить, пока не поздно.

Твердил он: «В чем лекарство от обид?
Что пользы в том, что буду я убит?

А стал бы, если б вы меня простили,
Слугою стража на твоей могиле!»

Сказал Бахрам, Тажава пожалев:
«О храбрый Гив, о достославный лев!

Хотя он причинил мне зло, не надо,
Чтоб умер он: бессильному — пощада!

Прости его, любовь ко мне храня, —
Молельщиком он станет за меня».

Но видел Гив, что брат смертельно ранен,
Тажав, убийца брата, заарканен, —

Взревел, Тажава за бороду взяв, —
Был обезглавлен, как птенец, Тажав.

Гив на обоих посмотрел, и жалость
В отважном сердце с яростью смешалась.

Он закричал: «Как брату жизнь вернуть?
Слыхала ли земля когда-нибудь,

Чтоб я стоял, смотрел, душой спокоен,
Как умирает брат иль близкий воин?»

Сказал, а в этот миг Бахрам угас.
Так создан мир: приходит смертный час.

Кто хочет счастье в руки взять, сначала
Пусть обагрит их кровью: так пристало.

Иль он убьет, или убьют его...
Так не бери от мира ничего!

ИРАНЦЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ К ХОСРОВУ

Когда явило солнце свой багрец,
Сияющего дня возник венец,

Сошлись иранцы после жаркой сечи,
Послышались тогда такие речи:

«Воителям убитым нет числа,
Звезда военачальника зашла.

Наш враг возобладал на поле брани,
Задерживаться нам нельзя в Туране.

Вернуться надо к шаху, кончив бой,
Увидим, что нам суждено судьбой».

С таким решеньем из чужого края
Ушли, тоскуя, плача и страдая.

Скорбел о друге друг, о брате брат.
Так отступили витязи назад.

Направились иранцы к Касеруду,
Геройски павших славили повсюду.

Туранские разведчики пришли:
Нет никого ни близко, ни вдали.

Пирана известили, что всецело
Окрестность от иранцев опустела.

Лишь этого седой Пиран желал!
Лазутчиков окрест он разослал

И, убедясь в иранском отступленье,
Решил: исполнилось его стремленье!

Он войско сам повел во тьме ночной,
Кружился полем, взрыхленным войной.

Везде шатры — как будто сад веселый
Украсил горы, и холмы, и долы.

Добычу роздал войску, взял себе,
Дивился он изменчивой судьбе:

«Сегодня — возвеличит, завтра — сбросит,
То радость, то отчаянье приносит.

Не лучше ль наслаждаться день за днем,
Встречая зрелость песней и вином!»

Гонца к Афрасиабу он отправил,
Чтоб шаху о победе весть доставил.

Стал для владыки мир земной светлей,
Омыл владыка сердце от скорбей.

Воители исполнились надежды,
Надели драгоценные одежды,

Восславили Пирана торжество,
Динарами осыпали его.

Пиран увидел радостные лица:
Его встречали шах и вся столица.

Сказал Афрасиаб, вождя хваля:
«Таких, как ты, не ведает земля!»

Вручив ему дары в отрадный час,
Пирану дал Афрасиаб наказ:

«Внимай мобедам, действуй осторожно,
Страну и войско охраняй надежно.

Лазутчиков смышленых выбирай, —
Пускай они помчатся в каждый край.

Хосров теперь богат, любим царями,
Он мир украсил щедрыми дарами.

У нас — величье, царство, славный род;
Сверх этого не надо нам щедрот.

Не думай, что наш недруг не вернется.
Знай: в бдительности — сила полководца.

Особенно страшна опасность там,
Где во главе воителей Рустам».

Согласен был Пиран с его наказом, —
Он родича-царя увидел разум.

Пиран в дорогу двинул ратный стан,
Отправился на родину, в Хотан.

После гибели Фаруда и поражения от туранцев иранское войско возвратилось в Иран. Кей-Хосров вновь собрал рать и отправил ее в Туран отомстить за Сиявуша, но иранцы потерпели поражение, так как на помощь Афрасиабу прибыли многочисленные войска из разных стран, в том числе и великан Камус Кушани и хакан Чина. На выручку иранцам отправился Рустам, который в единоборстве победил Камуса и хакана, а затем развеял всю вражью рать, и иранцы с победой возвратились к Кей-Хосрову.

Рустам
и
Акван-див

Властителю души, отцу творенья
Произнеси живое восхваленье.

Помысли, светлый разумом мудрец,
Как прославляем должен быть творец.

Увы! Беспомощны все наши знанья
Перед великой тайной мирозданья!

Признай единого, в нем — жизнь и свет,
Душе твоей пути другого нет.

О муж философ, предо мной стезя,
По коей, ты сказал, ходить нельзя.

Всего, что в мире взор твой созерцает,
Мысль не объемлет, сердце не вмещает.

Смолчишь иль скажешь слово, все равно —
Коль не о боге истинном оно.

Ты — человек и строгой мерой слово
Пред тем, как молвить, взвешивай толково.

Ты вмиг возник — и телом и душой,
А думаешь, что век бессмертен твой.

Наступит срок: земли трехдневный житель, —
В неведомую ты уйдешь обитель.

Сперва творца вселенной помяни,
Чело пред ним смиренно преклони.

Бегущий свод он держит над землею,
Судьбою правит доброю и злою.

Мир удивителен; и нет ни в ком
Из смертных разуменья обо всем.

Душа и плоть достойны изумленья,
Сперва о них ты возымей сужденье.

И радуйся, покамест небосвод
Тебя дарит хоть каплею щедрот.

Предвижу: разум твой не согласится
С тем, что в преданье древнем говорится.

Иной, дослушав повесть до конца,
Заспорит, скажет: выдумка лжеца!

Но возмущенье спора успокоит
Тот, кто в рассказе смысл ему раскроет.

Теперь дошедшим из седой дали
Словам сказанья старого внемли.

Так мне рассказывал дихкан почтенный:
Однажды Кей-Хосров благословенный

С утра велел украсить свой айван
И знатных посадил за дастархан.

Густахм, Гударз воссели близ Рустама,
Бурзин — Гершаспа сын — из рода Джама,

Руххам — возлюбленный Гударза сын,
Гив, и Хуррад премудрый, и Гургин.

В беседе славной час прошел, не боле,
И вот пастух верхом примчался с поля.

Сказал: «Онагр степной явился тут!
Он словно тигр, что вырвался из пут.

Он — словно вымыт золотой водою, —
Как солнце, блещет шкурой золотою.

Лишь — от загривка до хвоста — одна
На нем, как мускус, полоса черна.

То не онагр, а диво-конь явился;
Его увидев, ты бы изумился!

Копыта палиц боевых грозней;
Бьет он, пугает табуны коней».

Хосров промолвил, вняв чудесной были:
«Онагр коня не превзойдет по силе.

Рустам, ты подвиг на себя прими!
Убей его иль на аркан возьми.

Будь осторожен, бог тебе поможет.
То не онагр, то Ахриман, быть может».

Рустам сказал: «Останусь невредим
Я — озаренный счастием твоим!

Дракона встречу, льва иль Ахримана,
Он не уйдет от моего аркана».

Оружье взял, на Рахша сел Рустам,
Погнал коня к заветным табунам,

Где степь травой весенней зеленела,
Где пастухам онагр являлся смелый.

Три дня Рустам вкруг табунов скакал,
Три дня того онагра он искал.

Лишь на четвертый день он показался,
В степи, как ветер северный, промчался.

То был могучий, ярый, как огонь
Сверкающий, золотогривый конь.

Погнал Рустам, почти настиг он зверя
И молвил, расстоянье соразмеря:

«Мне тварь такую жалко убивать.
Его петлей аркана надо взять.

Кто б ни был он — метну аркан без страха
И пригоню живым пред очи шаха».

Рустам аркан блестящий развернул
И сильною рукой его метнул.

Онагр аркан летящий увидал —
И вмиг пропал, как будто не бывал.

Рустама это диво поразило.
Он понял: хитрость надобна, не сила,

Что это — оборотень Акван-див,
Что он и от копья уходит жив,

Что против дива надо исхитриться,
Мечом заветным Сама* с ним сразиться.

«Слыхал я прежде, — размышлял Рустам, —
Что он онагром рыщет по степям».

В тот миг онагр опять вдали явился,
Рустам, как вихрь, в погоню устремился.

Склонившись на седельную луку,
Пустил стрелу в онагра на скаку.

Но только лук свой бронзовый он вскинул,
Онагр мгновенно, как виденье, сгинул.

Три дня, три ночи по его следам
Скакал в степи без отдыха Рустам.

Так изнемог могучий, что порою
Дремал в седле, поникши головою.

От жажды пересох его язык;
В степи он чистый отыскал родник

И спешился, и жажду утолил он.
Водою свежей Рахша напоил он,

От сбруи бранной облегчил его,
Не сняв с себя оружья своего.

Коня тугую распустил подпругу,
Потник намокший расстелил по лугу.

Седло под изголовье подмостил,
Лег отдыхать, коня пастись пустил.

И, утомлен трудом перенесенным,
Почил, окован обаяньем сонным.

Увидев, — спит могучий Тахамтан, —
Как ветер подлетел к нему Акван.

Подрыл вокруг лужок и к небу прямо
На глыбе земляной понес Рустама.

Рустам проснулся, поглядел кругом;
Душа тревогой омрачилась в нем.

Он в высоте летит, за тучей белой.
Сказал Акван: «Эй, муж слоновотелый!

Желанье мне последнее скажи:
Куда тебя мне сбросить, укажи.

Куда б ни сбросил — на гору иль в воду —
Весть не подашь ты своему народу!»

Рустам его слова уразумел
И понял: див им злобный овладел.

И сам себе сказал Рустам могучий:
«Меня занес он высоко за тучи...

Коль сбросить на горы меня решит,
Он кости мне и тело сокрушит.

Пусть лучше в море им я брошен буду,
Авось не дамся я морскому чуду.

Но если молвлю: «В море брось меня», —
То не видать мне больше света дня.

На кручи гор меня он сбросит живо:
Наоборот все делать — свойство дива».

Сказал Рустам: «Отшельник в Чине жил;
Он тайну мне великую открыл:

Суруш не пустит в рай небесный души
Погибших в море — далеко от суши.

Удел утопленников: пребывать
В печали вечной, рая не видать.

Сбрось на горы меня, где серны скачут,
Пусть львы и барсы там меня оплачут».

Злорадно див заржал, захохотал;
Как буря, к морю мужа он помчал.

Взревел он: «Кину я тебя в пучину,
От неба и земли навек отрину!»

И, жертвой рыбам темной глубины,
Он бросил мужа в хлябь морской волны.

Вот погрузился вглубь Рустам, и всплыл,
И острый меч мгновенно обнажил.

К нему акулы стаей устремились,
Но пред мечом Рустама отступились.

Плыл, выгребал он левою рукой,
Акулам угрожал рукой другой.

Таков Рустам, таким всегда бывал он,
Медлительности в бедах не являл он.

Коль не страшна отважному борьба,
Его не опрокинет и судьба.

Но все ж времен круговорот сокрытый
То сладкий плод несет, то ядовитый.

Рустам могучий, мужеством велик,
Плыл, плыл и суши наконец достиг.

Вознес молитву божьей благостыне,
Что сберегла его в морской пучине.

Кафтан тигровый снял и расстелил,
В ручье омылся, жажду утолил.

Когда убор свой бранный просушил он,
Опять кольчугой плечи облачил он.

Достиг он вскоре родника того,
Откуда див во сне унес его.

Вот сбруя Рахша, но коня не видно, —
Рустаму горько стало и обидно.

Седло он хмуро на плечи взвалил,
По следу Рахша целый день бродил.

Он шел, броней и сбруей отягченный,
И вот пришел на некий луг зеленый.

Бегут ручьи, вокруг шумят леса,
Слышны фазанов, горлиц голоса.

Афрасиаба кони там гуляли,
Табунщики в лесной прохладе спали.

А Рахш за кобылицами, как див,
Гоняется и ржет, здоров и жив.

Рустам блистающим взмахнул арканом
И шею Рахша захлестнул арканом,

Отер попоной, оседлал, взнуздал,
Йездану благодарностью воздал.

На Рахша прянул, полный прежних сил он,
На меч заветный руку положил он.

Сбил всех коней в один табун большой,
Погнал, добыче радуясь душой.

Табунщик, слыша ржанье и смятенье,
Проснулся, оглянулся в изумленье.

И разбудил он всадников своих,
Крича: «Разбой!» — послал в погоню их.

Они, схватив оружье, в седла сели,
Сердца их нетерпением кипели

Взглянуть, кто дерзкий на табун напал,
Коней у них из-под носа угнал.

И полетели, словно гончих свора,
Мол, спустим шкуру со спины у вора!

Рустам, увидев их из-за плеча,
Блеснул в глаза им молнией меча.

Он зарычал им: «Я — Рустам, сын Заля.
Беда вам, что меня вы не узнали!»

Мечом он половину их побил,
А прочих ужас в бегство обратил.

* * *

Как ветер, нетерпеньем окрыленный,
Афрасиаб скакал на луг отгонный,

Где косяки отборных скакунов
Паслись весной у чистых родников.

Афрасиаб — с двухтысячною свитой —
Приехал в этот дол, лесами скрытый,

Приехал он с певцами и вином
Попировать, забывши обо всем.

Глядит он: ни души в долине свежей.
Где стражи табунов? И кони где же?

Вдруг с поля крик ужасный долетел,
И страх сердцами храбрых овладел.

Табунщик прискакал, пред шахом пал он,
В слезах о небывалом рассказал он:

«Рустам один напал, табун угнал,
Побил мечом нас и в степи пропал».

Поднялся говор средь мужей Турана:
«Как дерзок стал он, славный сын Дастана!

Какие с нами шутки шутит он!
Пойдем! Убьем! Возьмем его в полон!

Иль мы ничтожны, жалки и презренны,
Что не боится нас Рустам надменный?!

Спешить нам нужно — табуны отбить,
Не то вовек позора не избыть!»

И царь с дружиной, с четырьмя слонами
Пошел за угнанными табунами.

Рустам увидел их средь пыльной мглы
На расстоянье пущенной стрелы.

Погоне он навстречу устремился,
Осыпал стрелами, за меч схватился.

Когда убил он шестьдесят мужей,
Меч кинул, палицей взмахнул своей.

Лишь треск пошел от шишаков булатных.
Не стало многим тут путей обратных.

Афрасиаб, увидя свой урон,
Вспять обратился, тяжко огорчен.

Бежал, забыв о мести и о славе,
Слонов Рустаму и шатер оставя.

За ним — остатки войска. А Рустам
Грозой весенней гнался по пятам.

Спасли, как вихри унесли их кони...
А сам Рустам вернулся из погони.

Добычу он навьючил на слонов,
Погнал их сзади шахских табунов.

Он двигался в степи неторопливо
И вдруг опять увидел Акван-дива.

Див молвил: «Видно, боем ты не сыт?
Не поглотил тебя пучинный кит?

Душа твоя в волнах не охладела?»
Услышал речь его слоновотелый.

Метнул он свой аркан волосяной —
И шею дива захлестнул петлей.

Поверг он сердце дива в смертный холод,
И палицей тяжелой, словно молот,

Аквана грянул он по голове
И мозг его разбрызгал по траве.

Рустам, схватив убитого за гриву,
Отсек главу воинственному диву;

И восхвалил дарующего свет,
Кто держит жребий ратей и побед.

Но хуже дива злой, кто полн изъяна,
Неблагодарен милости Йездана,

Кто света человечности лишен;
Не человек, а див породой он!

Пусть этих слов твой ум не понимает;
Им чутко разум доброго внимает.

Но если воин, как Рустам, силен
И мощью в преизбытке наделен, —

Его не называй ты Акван-дивом,
Не уязвляй судом несправедливым.

О древний старец, что мне скажешь ты,
О мире, о смятении тщеты?

Кому победу, взлет, кому паденье
Сулит в грядущем времени стремленье?

Но бесконечность времени для нас
На сей земле дарит всего лишь час.

Кто знает, сколько битв, пиров в грядущем
Скрывается под куполом бегущим?

* * *

Рустам главу Аквану сокрушил
И к трону Кей-Хосрова поспешил.

Гнал табуны туранской степью дикой,
Гнал караван с добычею великой.

Он гнал Афрасиабовых слонов,
Чтоб ликовал великий Кей-Хосров.

Хосрову донесли: «Владыка, ведай:
Рустам идет с добычей и победой!»

Царь понял: славный пахлаван земли
Не упустил онагра из петли.

Сказал: «С Рустамом встреча — дивам горе.
Рустам на суше — барс, акула — в море.

Льву от Рустама ног не унести;
Не встанет войско на его пути!»

Увидев тучу пыли издалече,
Царь приказал айван готовить к встрече.

Велел трубить в карнаи славный шах,
Пошел встречать с дружиной на слонах.

Рустам увидел стяг, карнай услышал
И понял, что Хосров навстречу вышел.

Сошел с коня, склонился пред царем
Под клики войска и карнаев гром.

И повелел дарящему короны —
Сесть на коня властитель благосклонный.

Поехал рядом с шахом Тахамтан;
Взошли с открытым сердцем на айван.

Иранцам в дар коней Рустам отправил.
Себе он Рахша своего оставил.

Слонов к царю велел он отвести.
Слонам со львом степным не по пути.

Айван просторный стал для званых тесен.
Потребовали вин, и струн, и песен.

Рустам по просьбе шаха за вином
Рассказывал о подвиге своем:

«Когда Акван онагром мне явился,
Я красоте онагра изумился.

Но ужаснулся б каждый человек,
Когда у дива шкуру я рассек.

Слоновья голова с косматой гривой...
Клыками пасть оскалилась у дива.

Глаза — железо, черногубый рот.
Взглянуть — от омерзенья дух займет.

Он был сильней верблюда-исполина.
Вскипела кровью дива вся долина.

Я голову Аквану отрубил,
Кровавый ключ из жил его забил».

Царь чашу в изумлении оставил,
И восхвалил Рустама, и прославил:

«Хвала тебе, Рустам! Хвала судьбе!
Кто видел чудо, равное тебе?

Кто из людей подобен Тахамтану
По мужеству, и облику, и стану?

Избыточно меня дождем щедрот
Осыпал тот, кто создал небосвод,

Коль между царскими богатырями
Сидит Рустам, охотник за слонами!»

Так две недели царь пропировал
И почести Рустаму воздавал.

В начале третьей богатырь великий
Сказал: «Позволь уехать мне, владыка.

Хочу в Забулистане побывать,
Порадовать хочу отца и мать.

Я скоро снова пред тобой предстану,
Готовить месть великую Турану.

Не месть за Сиявуша — табуны,
И крови Сиявуша нет цены».

Хосров раскрыл врата казны Ирана
И одарил Рустама Тахамтана.

Дал десять чаш каменьев дорогих,
Парчовых пять кафтанов с плеч своих,

И в поясах златых рабов румийских,
И в ценных ожерельях слуг индийских.

Корону бирюзовую и трон
Слоновой кости дал Рустаму он.

Сказал: «Дарю от сердца, хоть немного.
Прими, Рустам, мой дар во имя бога!

Сегодня днем ты нашим гостем будь,
Наступит вечер, отправляйся в путь».

День пировать Рустам с царем остался,
А к вечеру он встал и распрощался.

Царь два фарсанга провожал его.
Прощаясь, обнял друга своего.

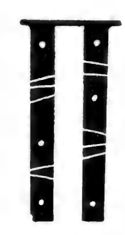
Рустам с дружиной скрылся в отдаленье...
Шах обратился вновь к трудам правленья.

Он правил так, как лучше находил,
И справедливость в мире утвердил.

Так древний свод кружится над землею —
То луком обернется, то стрелою.

Бижан и Манижа

НАЧАЛО СКАЗАНИЯ



Покрыла ночь лицо свое смолой,
Сатурн, Меркурий, Марс оделись мглой.

Луна как будто собралась в дорогу,
Но, двигаясь по своему чертогу,

Увидела: вселенная темна, —
Ей стало страшно, съежилась она,

Почти погас венец ее державы, —
И стынет воздух ночи, пыльный, ржавый.

Ночь, двинув войско, с пологом пришла,
Что был черней вороньего крыла.

Как сталь, заржавел свод небес просторный,
Лицо измазал он смолою черной.

Куда ни гляну — Ахриман-злодей
С разъятой пастью движется, как змей.

Холодный вихрь на черном взвился лоне,
Как будто негр сдувает пыль с ладони!

Вскипели волны мрака, клокоча, —
Темно в саду и около ключа.

Для жизни сил у солнца не осталось,
Небесный свод почувствовал усталость.

Казалось, в сон земля погружена,
Над ней шатром восходит тишина.

Самим собой напуган мир, и даже
Звонков не слышит он полночной стражи.

Не свищет птица, и не воет зверь,
Добро и зло немотствуют теперь.

Не видно ни подъема, ни обрыва,
На сердце от бездействия тоскливо.

Я с места встал и обратился к той,
Кто украшала мой приют простой.

Сказал я: «Выйди в сад, моя отрада,
Свечу поставь среди ночного сада».

Она: «К чему тебе огонь свечи?
Ужель заснуть не можешь ты в ночи?»

«Не спится мне, — подруге я ответил, —
Да будет сад ночной, как солнце, светел.

Вина мне принеси, устроим пир,
На чанге заиграй, о мой кумир!»

Она пришла, мой идол, собутыльник,
В ее руках — сияющий светильник,

Вино, айва, гранаты и лимон
И кубок, что для шаха сотворен.

Играла, пела и пила, как будто
Меня пленяла чарами Харута,

Мир озарила силой колдовской,
Вернула сердцу моему покой.

Послушай, что подруга мне сказала,
Меня вином обрадовав сначала.

Сказала мне прелестная луна:
«На благо людям жизнь тебе дана!

Одно сказанье, наслажденья ради,
Тебе из древней я прочту тетради.

Когда мою услышишь быль, — стократ
Превратности судьбы тебя смутят:

Быль о любви, о битвах, хитрых чарах,
О знатных людях, о чертогах старых».

Сказал я так: «О юный кипарис,
Со мной сказаньем древним поделись».

Она в ответ: «А ты, о друг мой близкий,
В стихах рассказ поведай пехлевийский».

Возлюбленную попросил я вновь:
«Начни — и нашу ты умножь любовь.

Быть может, в это окрылишь мгновенье
Мое мятущееся вдохновенье,

Уйдя от смуты, отдых обрету,
Твою благословляя доброту.

Сказанье это я в стихи оправлю,
Ни слова не прибавлю, не убавлю,

И буду я вознагражден творцом,
О нежный идол с ласковым лицом!»

Подруга, прекратив мое терзанье,
Прочла из свитка древнего сказанье.

Ее рассказ в стихах я передам:
Внимай же всей душой моим словам!

АРМЯНЕ ПРОСЯТ ХОСРОВА О ПОМОЩИ

Когда Хосров пришел на бой суровый *,
Чтоб в мире утвердить порядок новый,

Померк Туран, исчез его престол,
Величье солнца Кей-Хосров обрел.

Был дружен светлый небосвод с Ираном,
Он обласкал мужей, высоких саном,

Сей мир, иранцам милости даря,
Водою верности омыл царя.

Мудрец не станет отдыхать вовеки
В тех руслах, где когда-то были реки.

Две трети мира захватив, Хосров
За Сиявуша стал карать врагов.

Воссел однажды весело властитель,
Воителей призвал в свою обитель.

Престол велел украсить он светло,
Надел венец жемчужный на чело.

Он пил вино из чаши — из рубина,
И пело сердце с чангом воедино.

Богатыри сидели по бокам:
Здесь были Фарибурз и Густахам,

Гударз, Фархад и Гив, отважный воин,
Гургин, Шапур, что ловок был и строен,

Могучий Тус, гроза царей и стран,
Смельчак Хуррад, воинственный Бижан.

Вино, достойное царя такого,
Пьют витязи — сторонники Хосрова.

Пред ними розы белые блестят,
Вино играет в чаше, как агат.

Красавицы стоят пред властелином,
Благоухая мускусом, жасмином,

Они, подобны пери на пиру,
Явились, как рабыни, ко двору.

Вдруг вышел из-за полога привратник,
Начальнику поведал этот латник:

«Посланцы из Армении пришли,
Хотят узреть властителя земли.

За помощью к царю пришли армяне,
Что ищут правосудия в Иране».

Обдумав эти важные слова,
Пришел к царю служителей глава.

Велел владыка, чтоб начальник стражи
Тех страждущих привел к нему тотчас же.

Армяне, поднимая вопль и крик,
Вошли, предстали пред царем владык

С руками на груди, с земным поклоном,
С рыданием, и жалобой, и стоном.

Сказали: «Вечно, властелин, живи,
Достоин ты бессмертья и любви.

Ты помоги страдальцам чужестранным,
Чье царство — меж Ираном и Тураном.

Арменией зовутся те места,
А наша просьба, о Хосров, чиста.

Ты царствуй вечно в радости, в покое,
Всей мощью подавляя все дурное.

Ты — царь семи частей земли; везде,
Всем странам помогаешь ты в беде.

С Тураном через нас идет граница,
Не можем там спокойно мы трудиться.

На рубежах иранских лес растет —
Источник беспокойства и забот.

Мы там работали, трудолюбивы,
Цвели сады, и колосились нивы,

Опора наша, там стада паслись...
О шах, на эту просьбу отзовись!

Явились кабаны невесть отколе
И захватили лес, луга и поле.

Клыки — слоновьи, телом — крепче гор,
От них армянам горе и разор.

Кабанье стадо топчет наши пашни,
Оно уничтожает скот домашний.

Деревья, что для счастья взращены,
Зубами разорвали кабаны.

Перегрызут и камень эти зубы...
Ужель судьбе отныне мы не любы?»

Услышав скорбь и слезы в тех речах,
Расстроился всем сердцем шаханшах.

В нем состраданье вызвали армяне,
Он кликнул смелых, созданных для брани.

Сказал им: «Тот из витязей моих,
Кто ищет славы в схватках боевых,

Пусть двинется на битву с кабанами, —
Да будет возвеличен всеми нами.

Пусть обезглавит кабанов мечом, —
Героя наградим и вознесем».

Велел Хосров, не тратя слов впустую,
Чтоб разостлали скатерть золотую,

Чтоб на нее насыпал казначей
И золота, и дорогих камней.

Вот привели, в уздечках и попонах,
Коней, Кавуса именем клейменных,

Украшенных румийскою парчой.
Но где же всадник с гордою душой?

Затем сказал властитель величавый:
«Герои, удостоенные славы!

Кто хочет боль мою делить со мной,
С тем поделюсь я царскою казной!»

Богатыри стояли молчаливо.
Один Бижан, сын доблестного Гива,

Вдруг вышел из толпы богатырей
И начал восхвалять царя царей:

«Да в мире без тебя дворца не будет,
Да в мире дням твоим конца не будет!

Пойду — и в бой вступлю в стране чужой,
Тебе я предан телом и душой».

Смутился Гив, услышав речь Бижана:
Увы, беда обрушилась нежданно!

Восславил Гив и шаха и престол,
Затем, вздыхая, к сыну подошел.

Сказал: «К чему намеренье пустое,
Бахвальство, безрассудство молодое.

Пусть юноша разумен, именит, —
Без опыта в бою не победит.

Сперва спознайся с добротой и злобой,
Соленое и горькое испробуй.

Оставь неверный путь и не срами
Себя пред шаханшахом и людьми».

Бижан, добру и разуму привержен,
Словами Гива крепко был рассержен.

Сказал: «Отец, непобедимый Гив!
С чего ты взял, что слаб я и труслив?

На речь твою отвечу я отказом:
Я молод по трудам, но стар мой разум.

Бижан, сын Гива, победит в лесу:
Всем кабанам я головы снесу!»

Речь витязя, не знающего страха,
Обрадовала молодого шаха.

Сказал он: «Доблести твоей хвала,
Ты — щит, который нас хранит от зла.

Мужами, равными тебе, владея,
Безумен шах, боящийся злодея».

Затем Гургину приказал: «Бижан
Не знает, как идти в страну армян.

С ним поезжай на скакуне крылатом,
Бижану будешь другом и вожатым».

БИЖАН ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА БОЙ С КАБАНАМИ

Бижан, готовясь в путь, для бранных дел
Преопоясался и шлем надел.

Он двинулся на бой вдвоем с Гургином,
Помчался по нагорьям и равнинам.

С воителем — гепарды, сокола:
Охота тяжела, но весела!

Как лев, он рыскал по дорогам края,
Онагров и газелей истребляя.

Напав на ланей — самку иль самца, —
Гепарды вырывали их сердца.

Как бесов — Тахмурас на поле бранном,
Бижан онагров уловлял арканом.

Фазанов настигали сокола,
Кровь на кусты жасминные текла.

Так проскакал Бижан с Гургином рядом, —
Им показался путь прелестным садом.

Но вот и край, где лес издревле рос,
Что ныне людям столько зла принес!

Когда Бижан взглянул на ту чащобу,
Он вспыхнул и почуял в сердце злобу.

Не знали кабаны в краю лесном,
Что прискакал Бижан на вороном.

Он въехал в лес, горя одним желаньем:
Сразиться с диким полчищем кабаньим!

Сказал Гургину: «Хочешь — ринься в бой,
А нет — за темной притаись листвой:

У озера — удачная засада.
Лишь стрелы я пущу в кабанье стадо, —

Забота будет у тебя одна:
Взять булаву, услышав кабана.

Я промахнусь, — взмахнешь ты булавою,
Зверь со своей простится головою!»

Сказал Гургин: «С властителем земли
Мы по-иному разговор вели.

Тебе дана богатая награда,
Чтоб уничтожил ты кабанье стадо.

Я за других сражаться не привык,
Я не соратник твой, а проводник!»

Остолбенел Бижан широкоплечий,
Когда услышал он такие речи.

Вступил он в лес, уподобляясь льву,
Натягивая лука тетиву.

Как вешний гром, пугал лесные сени,
Листву с дерев сметал, как вихрь осенний,

Пошел на кабанов, как пьяный слон,
В руке — булат, что в битвах закален.

Но кабаны, друг друга призывая,
Вдруг ринулись, клыками прах взрывая.

На витязя напал один кабан,
Кольчугу разорвал, как Ахриман.

О щит свои клыки, широкомордый,
Он тер, как сталь острят о камень твердый.

И вепрь и витязь бешенства полны,
И вся поляна — в пламени войны.

Бижан ударил вепря в грудь булатом,
Покончил с этим чудищем проклятым!

Все кабаны в испуге затряслись,
И сделались они смирнее лис.

Их головы Бижан рубил как мститель,
Вязал их к торокам коня воитель.

Разбрасывая туши на пути,
Клыки решил он шаху привезти,

Чтоб витязя отвагу и дерзанье
Явили знатным головы кабаньи.

Горою взгромоздились торока:
Свалила б ноша буйвола, быка!

КОВАРСТВО ГУРГИНА

Гургин, исполнен злобы и досады,
В смущенье появился из засады.

Синел вдали необозримый лес...
Он превознес Бижана до небес.

Почувствовал он в сердце боль и горе,
Со страхом думал о своем позоре.

Ему внушил нечистый Ахриман
Предать Бижана, совершив обман!

Такой Гургину был начертан жребий,
Что он забыл о господе на небе:

Кто роет яму для другого, тот
Сам в эту яму, низкий, попадет!

Гургин с отважным юношей слукавил:
Тенёта на пути его расставил.

Сказал Бижану: «Витязь молодой,
Ты смел, умен, сияешь красотой,

И происшествий множество с тобою
Случится: так предписано судьбою.

Послушай, что скажу тебе сейчас.
Бывал я в этой местности не раз,

Я с Гивом здесь бывал на поле чести,
С Ноузаром, Тусом и Рустамом вместе.

Здесь много одержали мы побед,
И много с той поры промчалось лет,

Когда себе мы добывали славу,
А властелину юному — державу.

В двух днях пути отсель, ты должен знать,
Есть место, где всегда пирует знать.

Земля одета в зелень и багрянец,
Привольем наслаждается туранец.

Цветник пылает, и звенит ручей
В прибежище туранских силачей.

Земля — атлас, а воздух — мускус томный,
И соком роз наполнен ключ укромный.

Цветы — кумиры — дышат в забытьи,
Язычниками стали соловьи *.

Их пеньем оглашается долина,
Красуются фазаны вкруг жасмина.

А скоро дни за днями пролетят, —
То место расцветет, как райский сад.

В садах, в горах, и днем, и в полнолунье
Там будут периликие колдуньи.

Там дочь Афрасиаба, Манижа,
Взойдет, как солнце, — как весна, свежа.

В ее шатре — сто девушек-служанок,
Сто идолов, сто молодых тюрчанок,

Ланиты их завешены, а стан
У каждой из красавиц — как платан!

Венчают их цветы, глаза — чуть пьяны,
А губы их даруют сок багряный.

Здесь предаются девушки пирам,
Кумирню здесь найдешь — китайский храм,

И если путь в Туран тебе отраден,
То к месту празднеств мы прибудем за день.

Из луноликих лучших отберем,
Затем предстанем с ними пред царем».

Был очарован и взволнован разом
Доверчивый Бижан таким рассказом.

Был молод, сладострастием томим —
И поступил, как должно молодым.

БИЖАН ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА СВИДАНИЕ С МАНИЖОЙ, ДОЧЕРЬЮ АФРАСИАБА

Они в далекий путь помчались оба:
В одном — восторг, в другом — пылает злоба.

Воитель, что отважно воевал,
Устроил между двух лесов привал.

Два дня, с гепардами и соколами,
Охотничьими тешились делами.

Был пестрым лес, как петушиный глаз,
Когда туда царевна собралась.

Бижан услышал от Гургина вести
О празднествах, о девушке-невесте.

Сказал Бижан: «Взгляну, пойдя вперед,
Как веселится тамошний народ,

Увидеть я хочу на той поляне,
Как празднуются праздники в Туране,

Затем коня обратно поверну, —
Своим копьем задену я луну.

Начну с тобою после этой встречи
Иные, рассудительные речи».

Потом сказал ему: «Достань венец,
Что надевал на пиршестве отец

И праздничную озарял беседу, —
Затем, что я теперь на праздник еду.

Ты серьги, мне на счастье, дай сейчас,
Мне царское запястье дай сейчас».

Венец, запястье, серьги — все, что надо,
Богатырю вручил хранитель клада.

Украсив перьями Хумы венец,
Надел парчу румийскую храбрец.

Велел коня седлать, как перед схваткой,
Достал ремень с наследственной печаткой.

Он перебросил ногу чрез коня,
Помчался, к Маниже его гоня.

Едва Бижан приблизился к поляне,
Почувствовал томленье и пыланье.

То зноем, то желанием палим,
Под кипарисом скрылся молодым.

Стоял он пред шатром красиволикой,
И сердце страстью обожглось великой.

Красавицы, как куколки нежны,
Сверкали всеми красками весны.

Земля, наполненная пеньем, звоном,
Как бы встречала витязя с поклоном.

Увидела царевна пред шатром
Воителя, что был богатырем.

Йеменскою звездой горят ланиты *, —
Иль то жасмин, фиалкою обвитый?

Блестят венец и рукоять меча,
И на груди — румийская парча.

Откинула царевна покрывало,
К влюбленному любовью воспылала.

Сказала мамке: «Ты поторопись,
Ступай туда, где виден кипарис.

Узнай, кто этот витязь неизвестный:
То Сиявуш воскрес? То дух небесный?

Спроси пришельца: «Кто твой проводник?
Зачем сюда ты прибыл, в наш тайник?

Ты Сиявуш иль ты пришел из рая,
Сердца своей красой испепеляя?

Иль как предвестник Страшного суда
С огнем возмездья ты пришел сюда?

Здесь я пирую каждою весною,
Окружена прохладою лесною.

Никто не знал, где заповедник мой,
Но ты пришел, о собеседник мой!

Ты человек иль пери отпрыск чудный, —
Любовь принес ты в этот край безлюдный!

Войди, о луноликий, в мой приют,
Скажи мне, витязь, как тебя зовут?»

Кормилица предстала пред влюбленным,
Приветствовала витязя с поклоном,

Вопросы повторила госпожи, —
Расцвел Бижан от речи Манижи!

Ответил богатырь с душою властной:
«Послушай, посланная сладкогласной.

Не Сиявуш, не дух я неземной,
Мой знатный род высок в стране родной.

Бижан, сын Гива, я рожден в Иране,
Я вепрей уничтожил силой длани,

Кабаньи туши разбросал в лесу,
Теперь клыки царю преподнесу.

Лишь я узнал про сей приют приятный,
К отцу я не пустился в путь обратный,

Помчался я неведомым путем,
Надеждой беспокойною ведом:

Быть может, мне судьба дарует милость,
Чтоб дочь Афрасиаба мне приснилась.

Я здесь с душою пламенной стою:
Как пред китайской храминой стою!

Мне должное воздай ты без пристрастья, —
Венец получишь, серьги и запястья.

Меня к месяцеликой проводи, —
Да вспыхнет страсть ко мне в ее груди».

Та речь была кормилице желанна, —
Царевне принесла ответ Бижана.

«Вот так, — сказала, — создан он творцом,
Таков он ростом и таков лицом».

И был ответ царевны: «Ненароком
Нашел ты, что искал в лесу далеком.

Ко мне походкой гордой поспеши
И сумрак озари моей души.

Прозрею, лишь тебя окину взглядом,
Сухая степь цветущим станет садом».

Блеснул Бижану путеводный свет,
Как только мамка принесла ответ.

БИЖАН ПРИХОДИТ В ШАТЕР МАНИЖИ

Он вышел из-под кипарисной тени,
За мамкой вслед пошел в тайник весенний,

Направился, судьбу благодаря,
Он к дочери туранского царя.

Бижан вступил в шатер, высок и строен.
Был в золотой кушак затянут воин.

Царевна подошла, как день светла,
Обняв его, кушак с него сняла.

Спросила: «Хороша ль была дорога?
Была ли в битве у тебя подмога?

Зачем ты свой красивый лик и стать
Привык на поле боя изнурять?»

И мускусом, и розовой водою
Ему помыли ноги пред едою.

На скатерти была обильна снедь,
Служанки не давали ей скудеть!

От музыки бежали все печали,
Вином и пеньем гостя услаждали,

Напев рабынь был нежен и крылат,
И чанг звенел, и не смолкал барбат.

Парча блестела, как наряд павлиний,
Казалось, — шкура барса на долине!

Шатер пленял резьбою золотой,
Благоухал он амброю густой.

Вдвоем с Бижаном из хрустальной чары
Пила царевна сок хмельной и старый.

Три дня, три ночи было им дано
Спать, обниматься, петь и пить вино!

МАНИЖА УВОЗИТ БИЖАНА В СВОЙ ДВОРЕЦ

Настал для двух счастливцев час прощальный,
И головой поник Бижан печальный.

Любимым, как душою, дорожа,
Служанкам приказала Манижа

Смешать с вином, что пил Бижан доселе,
Сознания лишающее зелье.

Он выпил — и свалился, погружен
В забвение, беспамятство и сон.

С тем спящим, что ей близок стал отныне,
Отправилась царевна в паланкине:

Удобно было в паланкине том
Лежать вдвоем и отдыхать вдвоем!

Был паланкин сработан из сандала,
И ложе мускусом благоухало.

У городских ворот, ночной порой,
Богатыря завесила чадрой.

Чтоб не заметил их никто случайно,
Царевна во дворец вступила тайно.

Лег на айване юноша в постель, —
Владели им беспамятство и хмель,

И вот ему впустили в уши зелье,
Чтобы вернуть сознанье и веселье.

Бижан проснулся, голова свежа,
В объятьях — трепетная Манижа.

Сюда попав таинственно и странно,
Лежит он с дочерью царя Турана!

Бижан взмолился, чтоб ему господь
Помог владыку мрака побороть:

«О боже, если я отсель не выйду,
Узнай мою печаль, мою обиду.

Быть может, за содеянное зло
Гургина покараешь тяжело:

Дурной вожатый сотней заклинаний
Привел к тому, что я теперь в капкане!»

А Манижа: «Не плачь и пей вино,
Все — прах, чему свершиться суждено.

Для витязя всему приходят сроки:
Сегодня — праздник, завтра — бой жестокий».

И пиршествовать принялись опять,
Не зная, смерти или счастья ждать.

Красавиц созывали, украшая
Тех девушек парчою из Китая,

И звонкий руд, и песни — день и ночь,
Прошли, как сон чудесный, день и ночь!

Так миновали сутки, и в охране
Один слуга проведал о Бижане:

Пустой хвастун всегда приносит вред,
Всегда раскачивает древо бед!

Сперва тайком, обдуманно, умело
Исследовать решил он это дело.

Кто сей пришелец? Из каких земель?
Какую здесь преследует он цель?

Чтобы спасти себя, исполнен страха,
Осведомить решил он туран-шаха.

Вот опустил он полог за собой,
Пошел к владыке быстрою стопой.

Сказал он шаху: «Весть моя плачевна, —
С иранцем тешится твоя царевна».

«О боже!» — возопил Афрасиаб,
Подобно иве в бурю, стал он слаб,

Слезами окровавились ресницы,
Сказал, не зная бешенству границы:

«Несчастлив тот, на чьем челе венец,
Кто в то же время — дочери отец!»

Туранский шах царевной был расстроен.
Был призван Карахан — почтенный воин.

Шах молвил: «Дочь моя низверглась в грязь.
Как поступить? Увы, беда стряслась!»

Ответил Карахан царю державы:
«И в этом деле нужен разум здравый.

Ты время попусту не трать сейчас:
Не все, что слышал слух, увидит глаз!»

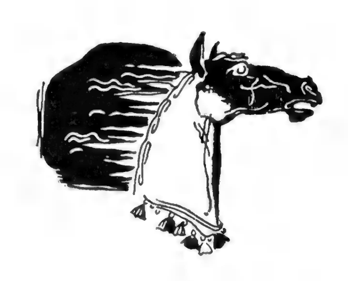
Афрасиаб согласен был с ответом,
Он внял вельможи знатного советам.

Сказал он Гарсивазу: «Сколько ран
Еще готов нам нанести Иран!

Найдется ль выход в нашем долгом споре?
Убьем юнца, — Иран повергнем в горе!

Пусть двинутся с тобой богатыри,
Дворец ты снизу, сверху осмотри,

И если есть там обитатель новый, —
Сюда приволоки, закуй в оковы!»



ГАРСИВАЗ ПРИВОДИТ БИЖАНА К АФРАСИАБУ

Подъехав ко дворцу в вечерний час,
Шум пиршества услышал Гарсиваз.

Томленье чанга, звучный стон рубаба
Звенели во дворце Афрасиаба.

Был сразу же дворец со всех сторон
Отрядом Гарсиваза окружен.

Хоть заперты ворота были глухо,
А бульканье вина дошло до слуха.

Снял Гарсиваз руками с петель дверь
И прянул во дворец, как дикий зверь.

Затем в покои двинулся туранец,
Где, понял он, скрывался чужестранец.

Когда предстал пред ним незваный гость,
В душе вельможи закипела злость.

Рабынь-красавиц в доме было триста:
Играли, пели, пили сок искристый.

В кругу красавиц восседал Бижан,
Полунагой, он весел был и пьян.

Воскликнул Гарсиваз: «Эй, отпрыск блуда,
Куда ты душу унесешь отсюда?

В когтях у льва погибнешь ты в борьбе,
Неведом станешь самому себе!»

Бижан ответил в этот миг тяжелый:
«Как я начну сраженье, полуголый?

Со мною вороного нет коня,
И счастье отвернулось от меня.

О, где ты, Гив, Гударза сын бесстрашный?
Ужель умру не в битве рукопашной?

Из родичей не вижу никого,
Надеюсь лишь на бога моего!»

За мягким голенищем из сафьяна
Всегда кинжал хранился у Бижана.

Из ножен быстро вынул он кинжал
И, подбежав к дверям, себя назвал:

«Из рода я Кишвада-полководца,
Зовусь Бижаном и готов бороться!

Никто с Бижана шкуры не сдерет,
А кто содрать задумает — умрет.

Хоть мир погибни — боя не покину,
Вовек врагам не покажу я спину!»

Он крикнул Гарсивазу: «Пред тобой
Стою сейчас, обманутый судьбой.

Ты знаешь, кто я, из какого дома,
Тебе мое прозвание знакомо.

Ты хочешь боя? Что же, я в бою
Омою вражьей кровью длань свою!

Ты хочешь крови? Меч я окровавлю,
Я множество туранцев обезглавлю.

Но если к шаху ты со мной пойдешь, —
Всю правду расскажу, развею ложь.

Ступай же к шаху с просьбой в каждом слове, —
Чтоб шах не проливал невинной крови».

Подумав, Гарсиваз взглянул опять
На остроту его когтей и стать.

Увидел, что воитель жаждет брани,
Что жаркой кровью умывает длани, —

И клятву дал, что, движимый добром,
Он защитит Бижана пред царем.

Он отобрал кинжал у сына Гива,
Затем словами, сказанными льстиво,

Связал Бижана, как цепного пса...
Чтó слава, если лживы небеса?

Тому, кто мягок, небосвод горбатый
Являет грубость, злобою объятый!

В слезах и в смуте, в путах и в пыли
Бижана к туран-шаху повели.

Так, в путах, с головою непокрытой,
Предстал пред шахом витязь именитый.

Воскликнул он с достоинством в очах:
«Ты вправе правды требовать, о шах!

Здесь не найдешь виновных: право слово,
Сюда без умысла попал я злого.

Я с кабанами встретился в бою,
В туранском оказался я краю:

Сюда мой сокол залетел в то время,
А я — за ним, забыв свой дом и племя.

Блуждал в лесу, вдали от всех дорог,
В тени под кипарисом я прилег.

Я стал добычей сонного бессилья.
Явилась пери, распростерла крылья

И унесла меня до рубежа,
Где двигалась со свитой Манижа.

Бежали слуги, караван покинув.
Охраны не нашлось у паланкинов.

Но вдруг, раздвинув зелени навес,
Вступили всадники-туранцы в лес.

Я паланкин увидел посредине,
Был полог шелковый на паланкине.

В шатре красавица, как день светла,
Венец на ложе положив, спала.

В союз вступила пери с Ахриманом.
Он всадников развеял, став бураном.

Заколдовал царевну враг добра,
Низринул он меня под сень шатра.

Я спал, не слыша говора лесного,
Лишь во дворце пришел в сознанье снова.

Я чист перед тобой, о царь страны,
На дочери владыки нет вины.

Познал я муки плена в полной мере:
Я — жертва колдовства коварной пери».

Афрасиаб сказал ему в ответ:
«Настал твой горький день, погас твой свет!

Иранец, ты за славой боевою
С арканом поскакал и булавою,

Теперь, подобен связанной жене,
Как пьяница, болтаешь ты о сне.

Чтобы спастись, хитришь передо мною:
Мол, колдовской обман всему виною!»

Сказал Бижан: «О государь, сперва
Спокойно выслушай мои слова.

По-разному сражаются с врагами:
Когтями лев силен, кабан — клыками,

Чтоб недругов насмешливых рассечь,
Отважному нужны стрела и меч.

Но голый пленник победит едва ли
Противника, на ком наряд из стали.

Пусть в сердце льва — победоносный гнев,
Но без когтей что может сделать лев?

О, если хочет шах, стремясь ко благу,
Чтоб выказал я здесь свою отвагу, —

Коня и меч подай мне поскорей
И тюркских тысячу богатырей.

Коль всех не уничтожу до едина,
То я готов признать: я не мужчина!»

Властитель на Бижана бросил взгляд, —
Стал темен ликом, яростью объят.

Затем он бросил взгляд на Гарсиваза
И гневно вымолвил слова приказа:

«Сей Ахриман, что в мерзости погряз,
Смотри, злоумышляет против нас.

Того, что натворил, мерзавцу мало, —
Он бранной славы жаждет для кинжала!

Вот так, в цепях, злодея уведи,
Ты землю от него освободи.

Ты виселицу у ворот построишь,
Со всех сторон ты к ней проход откроешь.

Знай, что излишни разговоры здесь:
Преступника ты сразу же повесь.

Иранцы устрашатся этой кары,
Не подойдет к нам близко недруг старый!»

Увел назад Бижана Гарсиваз.
У пленника текла вода из глаз,

Смешалась со слезами пыль дороги,
И в той грязи его увязли ноги.

Сказал он: «Если суждено творцом,
Чтоб в день печальный стал я мертвецом,

То не боюсь, что я погибну рано, —
Боюсь насмешек витязей Ирана:

«Как труса, заарканили его,
Повесили, не ранили его!»

Пред шахом, предками, везде и всюду
Я после смерти опозорен буду.

Перед отцом исполненный стыда,
Куда мой дух сокроется, куда?

Увы, обрадуется враг в Туране,
Увы, умру я, не свершив желаний,

Увы, далек я от царя царей.
От Гива, от друзей-богатырей...

Помчись в Иран, о ветер быстроногий,
Скажи владыке в царственном чертоге, —

Скажи: «Бижан уже едва-едва
Трепещет в лапах яростного льва.

Скажи Гударзу, что я мир покину
Благодаря бесчестному Гургину:

Меня в такую он поверг беду,
Что я уже защиты не найду».

Скажи Гургину: «Витязь безрассудный,
Бижану что ты в день ответишь Судный?»

ПИРАН ПРОСИТ АФРАСИАБА ПОЩАДИТЬ ЖИЗНЬ БИЖАНА

Но сжалился над молодостью бог,
От гибели страдальца уберег.

Вбивали в землю два столба глубоко, —
Как вдруг Пиран примчался издалека.

Увидел в землю врытые столбы,
Услышал на дороге шум толпы:

То виселица высится сурово,
Петля на перекладине готова.

Спросил Пиран: «Кого сейчас казнят?
Кто перед нашим шахом виноват?»

Ответил Гарсиваз: «Бижан лукавый!
Он к нам попал из вражеской державы».

К Бижану скакуна погнал старик.
Был пленник наг, он головой поник,

Закован в цепи, за спиною — руки,
Рот пересох, и взор исполнен муки.

Спросил Пиран: «Как в наш попал предел?
Иль ты кровопролитья захотел?»

Бижан правдиво старику поведал,
Как спутник обманул его и предал.

Заплакал старец, витязей глава,
Когда Бижана выслушал слова.

«Повремени, — сказал он Гарсивазу, —
Ты пленника не должен вешать сразу.

Поговорю с царем. Уверен будь,
Наставлю я царя на добрый путь».

Чтобы спасти Бижана от расправы,
Отправился Пиран к царю державы.

Вошел, потупив перед шахом лик,
И руки на груди скрестил старик.

Приблизился, почтительность являя,
Афрасиаба громко восхваляя.

Не сел пред шахом богатырь седой,
А простоял, как долг велит святой.

Шах понял, что, рожденный для свободы,
Недаром не присел седобородый.

Спросил, смеясь: «Ты с чем сюда пришел?
Мне честь твоя дороже, чем престол!

О царстве ты мечтаешь? Иль о злате?
О дорогих камнях? О грозной рати?

Мне для тебя моих богатств не жаль:
Они дешевле, чем твоя печаль!»

Когда Пиран услышал слово шаха,
Устами сей мудрец коснулся праха:

«Вовеки троном золотым владей,
Вовеки будь счастливей всех людей!

Ты внемлешь государей славословью,
И солнце о тебе поет с любовью.

Благодаря тебе я всем богат:
Есть кони, люди и в руке — булат.

Не о себе прошу с тоской глубокой,
Нет бедных под рукой твоей высокой,

Мне больно, шах, из-за твоей страны
И знатных, что для счастья рождены,

Мне больно, что меня ты не тревожишь,
Мое, пожалуй, имя уничтожишь!

Не я ли шаху в прежние года,
Как поступить, советовал всегда?

Но ты отверг, о шах, совет мой правый,
И удалился я от дел державы...

Надеясь на твою любовь, пришел
К нам Сиявуш, чей жребий был тяжел.

Сказал я: «Сиявуша ты не трогай,
Не то Рустам воздаст нам карой строгой,

Настанет для туранцев смертный час,
Иранские слоны растопчут нас!

Но, влагу жизни напитав отравой *,
Убил ты Сиявуша в день кровавый.

Иль ты забыл, свой трепет притаив,
Что доблестен Рустам и грозен Гив?

Иль ты забыл о той несчастной брани,
Когда Иран торжествовал в Туране,

Когда стонали нивы и луга,
Растоптанные конницей врага?

Опомнись, шах, твои надежды ложны
На то, что меч Дастана спрятан в ножны.

С мечом отца нагрянет вновь Рустам,
И кровь туранцев брызнет к небесам.

О царь, покоем жертвовать не надо, —
Ты нюхаешь цветок, что полон яда!

Убьешь Бижана — сразу хлынет рать,
Чтоб за него туранцев покарать.

Ты — царь, покорны мы твоим приказам.
Так поступай, как наставляет разум.

Ты вспомни: пострадал ты, зло творя,
Ты месть познал иранского царя.

Живешь покуда мирно с ним в соседстве,
Но станет плодоносным древо бедствий.

О государь, глаза свои открой:
Грозит нам гибель от войны второй!

Ты знаешь лучше всех, как бьются в сече
Отважный Гив, Рустам широкоплечий.

Могучий, грозный, прянув, словно барс,
За внука отомстит тебе Гударз!»

Пытался пламя погасить вельможа,
Но шах ему ответил, гнев умножа:

«Не знаешь ты, что мой позор глубок,
Что на меня Бижан его навлек.

Смотри, я стар, а ныне обесчещен
Я дочерью, презреннейшей из женщин!

На поруганье отдала она
Тюрчанок непорочных имена!

Престол мой опозорен, и повсюду
Страной и войском я осмеян буду.

Когда Бижана смерти не предам, —
Весть грянет по селеньям, городам,

Тогда я кончу дни свои в позоре,
Я буду слезы лить в тоске и горе».

Сказал Пиран, владыку восхвалив:
«О шах, ты счастлив, мудр и справедлив.

Согласен я с реченьями твоими:
Лишь доброе ты защищаешь имя.

Но все-таки разумен мой совет.
Подумай прежде, чем ты дашь ответ.

Да, приговор ты изреки суровый,
Но виселице предпочти оковы:

Иранцам ты урок хороший дашь,
Не будут больше край тревожить наш.

Тот в книге дней исчезнет со страницы,
Кто попадет на дно твоей темницы!»

С той речью разум шаха был един,
Совет Пирана принял властелин...

Исполнился престол туранский света
От мудрого и доброго совета.

АФРАСИАБ ЗАКЛЮЧАЕТ БИЖАНА В ТЕМНИЦУ

Властитель Гарсиваза вызвал вновь:
«Оковы и темницу приготовь.

Ты нечестивца с этого мгновенья
Держи в наручниках, чьи тяжки звенья,

Их заклепай, и друга Манижи
Цепями с головы до ног свяжи,

И брось вниз головою в подземелье, —
Да позабудет счастье, свет, веселье!

За камнем, что зиждителем небес
Из моря брошен был в китайский лес *,

Ты на слонах отправься с караваном
И привези: мы счет сведем с Бижаном!

Избавит нас тот камень от невзгод, —
В пещеру дива закрывал он вход.

Ты камнем завали нору темницы,
Да сохнет в ней иранец юнолицый!

Оттуда поспеши к блуднице в дом,
Покрывшей своего отца стыдом.

Лиши ее дворца, нарядов, свиты,
Венец у недостойной отними ты.

Скажи: «Такой ли ждал тебя конец?
Ты осквернила царство и венец!»

Пред всеми опозорен, я тоскую,
Склоняя голову свою седую.

Босую к яме ты приволоки:
Птенец попал не в гнездышко — в силки!

Скажи: «Была ты для него отрадой,
Теперь как сторож узника порадуй!»

От шаха удалился Гарсиваз,
Чтоб этот злобный выполнить приказ.

Богатыря, связав его цепями,
Поволокли от виселицы к яме.

Наручники надели на него,
И сталь цепей на теле у него.

Оковы заклепал кузнечный молот.
Несчастного, что был красив и молод,

Вниз головою бросили во тьму
И камнем завалили вход в тюрьму.

Затем с дружиною, как ветер гневный,
Ворвался Гарсиваз в чертог царевны.

Ее чертог разграблен был вконец,
Тот захватил кошель, а тот — венец.

В чадре, простоволосая, босая,
Царевна появилась молодая.

В пустыню Манижу поволокли,
И слезы по лицу ее текли.

Сказал ей Гарсиваз: «Живи в пустыне,
Ухаживай за узником отныне».

И вот осталась девушка одна.
Печали собеседница она.

Пустыней побрела в слезах и горе.
День миновал, и ночь минула вскоре, —

Она пришла к темнице поутру,
Отверстие прорыла в ту нору,

Ушла, когда заря зажгла все небо...
Как нищенка, просила всюду хлеба,

И, накопив за долгий день запас,
К темнице возвращалась в поздний час,

И опускала хлеб на дно, рыдая...
Так стала жить царевна молодая.

ГУРГИН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ИРАН И ЛЖЕТ О СУДЬБЕ БИЖАНА

Семь дней в лесу Бижана ждал Гургин,
Семь дней в лесу он пребывал один,

Везде его искал, блуждал дубравой,
Лицо свое омыл водой кровавой.

Где друг его? Расстраивался он,
В предательстве раскаивался он.

Гургина конь доставил быстроногий
В лесную глушь, где сбился друг с дороги.

Воитель обошел безмолвный лес, —
Нет никого, исчез Бижан, исчез!

Вот перед ним — зеленая поляна.
Быть может, здесь найдет Гургин Бижана?

Как вдруг увидел он издалека
Коня Бижана возле родника.

Седло свалилось набок, сбруя сбита,
Уздечка сорвана, в грязи копыта.

Он понял, что Бижан попал в капкан,
Что не вернется он теперь в Иран.

Где он теперь? В тюрьме? Петлей удавлен?
Мечом Афрасиаба обезглавлен?

Раскаиваясь, он искал пути,
Не знал Гургин, как честь свою спасти.

К шатру погнал он скакуна Бижана,
Всю ночь не спал и вышел утром рано,

Пустился в путь, домой, в Иран, спеша,
Утратила покой его душа.

Дошли до шаха о Гургине вести:
Мол, сына Гива не было с ним вместе,

Но шах от Гива эти скрыл слова,
Решив с Гургином встретиться сперва.

Услышал Гив, — шумели повсеместно, —
Что храбрый сын его пропал безвестно.

Гив зарыдал и головой поник,
Из дома раздавались плач и крик.

Стонал он: «Где Бижан? Что с ним случилось?
В лесу, в стране армян, что с ним случилось?»

Седлать велел он, горем удручен,
Коня, что был вскормлен для похорон.

Скакун Кишвада убран был на диво,
И ярость клокотала в сердце Гива.

Вот богатырь вскочил в седло, и конь
Помчался, точно ветер и огонь.

Подумал Гив: «Увижусь я с Гургином,
Узнаю от него, что стало с сыном.

А вдруг, враждой иль завистью влеком,
Он зло Бижану причинил тайком?

Всю правду рассказать его заставлю,
А если предал сына — обезглавлю!»

Гургин скакал, чело в тоске склоня.
Увидев Гива, он сошел с коня,

Приблизился к нему с земным поклоном,
С лицом, в тоске истерзанным, смятенным.

Сказал: «О ты, что храброго храбрей,
Советник шаха, вождь богатырей!

Ты вышел со слезами мне навстречу.
Что я тебе скажу и что отвечу?

К чему мне жизнь, хотя она сладка?
Она сильна? Сильней моя тоска!

Как без стыда в глаза тебе я гляну?
Я плачу, я тоскую по Бижану!

Но будь спокоен, сын твой невредим,
Я расскажу тебе, что стало с ним».

Стоял в поту, в грязи, с потухшим взглядом,
С конем Гургина конь Бижана рядом.

Его увидев, Гив упал с седла,
Окутала его сознанье мгла.

Приник воитель головою к праху,
Порвал он богатырскую рубаху.

Он вырвал волосы из бороды,
Казалось, обезумел от беды!

Он говорил: «Создавший хлябь и сушу,
Любовь и разум ты вселил мне в душу.

Тебе назад я душу отдаю:
Пропал мой сын в глухом лесном краю!

Ты знаешь лучше всех, как я горюю,
Ты душу унеси мою больную:

Любви и горя, брани и похвал
На сей земле с избытком я познал.

Но сын сокрылся в месте потаенном,
И я теперь захвачен в плен драконом!»

Затем сказал Гургину: «Расскажи,
Как было дело, но чуждайся лжи.

Убит ли он на поединке бранном,
Иль призраком он был похищен странным?

Скажи: он умер от смертельных ран
Иль задушил его судьбы аркан?

Ответь мне словом ясным и правдивым:
Быть может, сын мой уничтожен дивом?

Где ты без всадника нашел коня?
Скажи мне: где Бижан? Не мучь меня!»

Сказал Гургин: «Вот речь моя прямая.
Себя возьми ты в руки, мне внимая.

Сейчас о том слова произнесу,
Как с кабанами бились мы в лесу.

Узнай о происшествии тяжелом,
О, богатырь, владеющий престолом!

Достигли мы армянской стороны,
Где буйствовали эти кабаны.

Растоптанных полей, побитых пашен
И рощ поваленных был облик страшен.

Здесь превратились кабаны в господ,
Постигло злое бедствие народ.

Когда мы копья подняли и с криком
Вступили в битву в этом месте диком,

Предстал кабан, огромный, как скала,
За ним — другие, злобным нет числа.

Как львы, чьей доблести чужда пощада,
Громили мы вдвоем кабанье стадо,

Свалив их в кучу, мощны и крепки,
Мы вырвали у кабанов клыки.

Оттуда мы в Иран коней помчали,
Охотились, не ведая печали.

Онагр из чащи выбежал на луг,
Как дивный идол, появился вдруг.

Сед, как Гударз, он мчался — беломастный,
Казалось, это сам Фархад прекрасный!

Иль то коня Бижана был собрат?
При этом, как Симург, он был крылат!

С ногами, как у ветра, с гривой львиной, —
Как будто с Рахшем крови был единой!

Он встал, как слон, пред нами, а Бижан
Тотчас накинул на него аркан.

Онагр-красавец вырвался из плена,
Бижан вдогонку ринулся мгновенно.

Бежит онагр, а верховой — за ним.
От бега на лугу вздымался дым,

И волны праха друг на друга лезли,
И тот онагр и твой Бижан исчезли.

В их поисках прошел я сто дорог,
Мой конь от долгих странствий изнемог, —

Простыл Бижана след, лишь вороного
Я встретил, изнуренного, больного.

«Но где Бижан, — я думал в этот миг, —
Онагра он догнал иль не настиг?»

Я поисков не прекратил, однако,
Я пробыл там до наступленья мрака.

Я понял: нам дорогу преградив,
В онагра обратился Белый див!»

Внимал отец, внимал, утратив сына,
И усомнился в чистоте Гургина.

Рассказ, хотя и полон был прикрас,
До глубины души его потряс.

Смущенье скрыть стараясь безуспешно,
Гургин дрожал, а сердце было грешно.

Подумал Гив, что речь его — обман,
Что глупо так не мог пропасть Бижан.

Старался Ахриман, исчадье скверны,
Чтоб Гив, озлоблен, выбрал путь неверный,

Внушал ему: «За сына отомсти,
Те, кто врагам прощает, — не в чести!»

Терзался Гив, тоскуя и пылая,
Не сразу появилась мысль благая:

«Враг мира цель преследует свою.
Что пользы, коль Гургина я убью?

Что пользы, если я убийцей стану?
Иначе надобно помочь Бижану!

Лжецу могу я голову рассечь,
И даже стену рассечет мой меч.

Пойду, предстану взорам властелина,
Пускай вину он выявит Гургина».

Сказал Гургину: «Вижу твой обман,
Воистину ты злобный Ахриман!

О, где мой сын, мой шах, моя денница?
Бижану ты помог с дороги сбиться!

Меня поверг ты в страшную беду,
Я выхода, несчастный, не найду.

О, где мой сон и отдых, где лекарство
От твоего обмана и коварства!

Вступить я должен с шахом в разговор:
Тебе не дам покоя до тех пор.

Затем прибегну к верному булату:
За сына, за себя начну расплату».

ГИВ ПРИВОДИТ ГУРГИНА К ХОСРОВУ

Явился к шаху Гив, не пряча слез.
Желанье мести он с собой принес.

Приблизился к властителю с приветом:
«Будь вечно счастлив, осиянный светом!

О ты, юдолью правящий земной,
Не видишь разве, что стряслось со мной?

Был сын возлюбленный моим оплотом,
Он жил, отцовским радуясь заботам.

Я знал, что жизнь его полна тревог,
Боялся разлучиться с ним, берег.

Теперь Гургин вернулся в наше царство:
Вздор на его устах, в душе — коварство.

Явился он с известием дурным
О том, кто был советчиком моим.

Лишь скакуна, лишь друга боевого, —
От сына знака не привез иного.

Суди Гургина, правящий в стране:
Я стал несчастным по его вине!»

Сочувствовал Хосров отцовской боли,
Надев венец, сияя на престоле,

Он ощутил в душе тоску и гнев,
И вопросил он Гива, побледнев:

«Что говорит Гургин? Какое слово?
Где спутника покинул молодого?»

Пред шахом речь Гургина повторив,
О храбром сыне вновь заплакал Гив.

Воскликнул шаханшах: «Рыдать не надо,
Верь и надейся: ждет тебя отрада.

Да будет снова твой удел хорош:
Потерянного сына обретешь!

Беседовал я долго с мудрецами,
Советовался с нашими жрецами.

С Тураном, ради чести и добра,
Мне начинать сражение пора.

За смерть отца, в долгу пред Сиявушем,
Мы отомстим, мы весь Туран разрушим,

Бижан пойдет на битву с тем врагом,
Туранской рати учинит разгром.

А ты не плачь, будь твердым: ты — мужчина.
На правый суд я вызову Гургина!»

В тоске, в слезах покинул Гив дворец.
О милом сыне тосковал отец.

Гургин пришел, приказ услышав строгий.
Отважных в царском не было чертоге:

Ушли богатыри за Гивом вслед
С тоской: Бижан пропал во цвете лет!

Он во дворец вступил, как виноватый,
Приблизился к царю, стыдом объятый.

Он землю пред царем поцеловал,
Сказал реченья, полные похвал,

И преподнес, восславив царский разум,
Клыки, ценою равные алмазам:

«С победой ты навек вступил в союз,
Все дни твои да будут как Ноуруз,

Да всех врагов ты в пламени расплавишь,
Как этих кабанов, их обезглавишь!»

Шах на клыки взглянул и произнес:
«Какую весть сегодня ты принес?

Скажи мне, где оставил ты Бижана?
Ужели стал он жертвой Ахримана?»

Пытливый взгляд вонзил в него Хосров.
Гургин застыл столбом от этих слов.

Потом он побледнел, охвачен дрожью.
Рассказ наполнен вздором, сердце — ложью.

Он про онагра бормотал и луг,
Бессвязные слова терзали слух,

Не порождала следствия причина, —
Разгневался Хосров, прогнал Гургина,

Воителя, чья совесть не чиста,
Но не раскрыл для ругани уста!

Спросил: «Тебе известно изреченье?
Сказал Дастан отважным в поученье:

«Погибнет лев, наказанный судьбой,
Вступив с потомками Гударза в бой!»

Когда б дурной я не боялся славы
И кары, что пошлет господь всеправый,

Я палачу поднять велел бы меч,
Как птице, голову тебе отсечь!»

Велел, чтоб кузнецы пред ним предстали:
«Оковы сделайте из крепкой стали!»

Пошел Гургин и кандалы повлек:
От них да будет грешнику урок!

А Гиву шах сказал: «Мужайся ныне,
Ищи его у нас и на чужбине,

А я пошлю во все концы земли
Бойцов, что в битвах славу обрели.

Поверь, я много приложу стараний,
Ловить я буду вести о Бижане.

А если весть не прилетит сама, —
Не торопись и не сходи с ума.

Пусть только фарвардин придет весенний,
Пора благоуханных дуновений,

Пора, когда цветы цветут в садах,
Когда и наши головы в цветах,

Земля в парчу зеленую одета,
Цветы росою плачут до рассвета,

Когда сверкает каждый лист и куст,
Когда благословляет нас Ормузд!

Тогда предстану перед богом с чашей,
Где отражение вселенной нашей.

Увижу в этой чаше семь планет *,
Все царства мира, весь подлунный свет.

Я восхвалю и праотцев и бога,
Который судит праведно и строго.

Тогда-то, светом чаши осиян,
Скажу я, где находится Бижан!»

И Гив освободился от печали,
Когда слова такие прозвучали.

Сказал, царя за доброту хваля:
«О шах, живи, пока живет земля!

Ты покори судьбу, дружи с победой,
От злого глаза ты вреда не ведай.

Ты трон возвысил, царскую печать,
Тебя всегда мы будем величать!»

Покинул Гив дворец, вкусив отрады.
Во все концы отправил он отряды.

Объехали воители весь свет,
Чтоб отыскать хоть признак или след,

По всей земле искали неустанно,
А не нашли пропавшего Бижана.

КЕЙ-ХОСРОВ ВИДИТ БИЖАНА В ЧАШЕ, ОТРАЖАЮЩЕЙ МИР

Пришла весна, весь мир животворя,
И Гив спросил о чаше у царя:

Явился он с поникшей головою,
Но все-таки с надеждою живою.

Увидел шах, что он тоской объят,
Что горших не знавал еще утрат.

Тогда Хосров надел наряд, в котором
Он представал перед господним взором.

Молясь творцу, что вечен и един,
Воспламенился гневом властелин:

О помощи взывал к творцу вселенной, —
Да будет попран Ахриман презренный!

Из храма шах вернулся в свой чертог,
Надел венец, не ведая тревог,

Взял чашу, глянул в светлом напряженье, —
Семи планет увидел отраженье.

Узнал он — что, и сколько, и когда
Ему пошлют грядущие года.

Блистали в дивной чаше все созвездья,
День милости вставал и день возмездья,

Сатурн, Юпитер, Марс, чей страшен гнев,
Венера, Солнце, и Луна, и Лев.

Все, что свершится, все надежды наши
Волшебник-шах увидел в этой чаше.

Он посмотрел на семь подлунных стран, —
Нигде, нигде не виден был Бижан!

Лишь на земле Гургсара, в темной яме,
Узрел Бижана вещими глазами:

Он в кандалах, он стал добычей зла,
Он просит, чтобы смерть скорей пришла,

Но девушка, по облику — царевна,
Заботится о бедном каждодневно.

Воскликнул шах с весельем: «Сын твой жив!
Будь счастлив, горе в сердце сокрушив!

Он в кандалах, а дом его — темница,
Но ты не должен за него страшиться.

В Туране твой Бижан, воитель наш,
Красавица — при нем прилежный страж.

Увы, я вижу, болью отягченный,
Как мучается в яме заключенный.

Они скорбят, печаль их глубока,
И плачут, как весною облака.

Он смотрит безнадежно и тоскливо,
Трепещет, как беспомощная ива,

А мысль его в Иран устремлена,
Он произносит ближних имена.

Как облако в дождливую погоду,
Он смерти ждет, он рад ее приходу.

Но кто помочь несчастному готов?
Кто пленника избавит от оков?

К дракону кто пойдет по доброй воле?
Кто вызволит Бижана из неволи?

Один Рустам, Рустам, чья длань сильна:
Поднимет он кита с морского дна!

Помчись в Нимруз, о воин именитый,
Но в тайне этот замысел храни ты.

Ни днем не отдыхая, ни в ночи,
Мое письмо Рустаму ты вручи.

Я расскажу ему об этом деле,
Прогонишь ты печаль, достигнув цели!»

ПИСЬМО ХОСРОВА РУСТАМУ

Затем Хосров писца призвал к себе,
Поведал о Бижановой судьбе.

Послание Рустаму он составил,
В котором предводителя восславил:

«О ты, что всех сильнее и храбрей,
О богатырь — глава богатырей!

От предков ты достался мне в наследство,
Ты для сражений препоясан с детства.

Ты — сердце шахов, ты — царей оплот,
Твой меч всегда спасение несет.

Погибнет леопард с тобою в споре,
Ты страхом устрашил всех чудищ в море,

Бесовских войск развеял ты дурман,
Освободил от них Мазандеран.

О, сколько венценосных властелинов
Ты уничтожил, в пыль и прах низринув!

Ты недругов коварство прекратил,
В развалины ты царства превратил.

Ты воинов вожатый величавый,
Защита и могущество державы.

Ты палицей низвергнул силы зла,
Царей твоя десница вознесла.

Твое читаем имя на печати
Хакана и главы туранской рати.

Узлы ты завязал: кто захотел
Их развязать, — познал дурной удел.

Лишь ты один то, что связал, развяжешь,
Лишь ты царям к величью путь укажешь.

Тебе господь немало дал щедрот:
И мощь слона и знатный, славный род,

Дал для того, чтоб силою десницы
Ты вызволял несчастных из темницы.

Возникла цель, достойная тебя:
Приди на помощь, благо возлюбя.

На весь Гударза род, кознелюбивы,
Низринулись туранцы, точно дивы!

Седой Гударз и Гив перед тобой
Теперь стоят с надеждой и мольбой.

Ты знаешь, как ценю я их уроки,
Их доблесть, ясный ум и сан высокий.

Ты нам во имя дружбы послужи,
Есть для тебя оружье и мужи.

Подобные удары роковые
Низверглись на старинный род впервые.

Бижан для Гива правой был рукой,
У старика опоры нет другой.

Нам предан Гив, он окружен почетом,
Моей семье он был всегда оплотом,

Придут напасти — он всегда со мной,
В беде иль в счастье — он всегда со мной!

Едва получишь от меня известье,
Сюда примчись поспешно с Гивом вместе.

Начнем немедленно с тобой вдвоем
Держать совет о малом и большом.

Не пожалеем ни бойцов, ни денег,
Но только бы на волю вышел пленник.

Иди в Туран, иди путем побед,
Да счастье движется тебе вослед!

Получишь все, что нужно, что желанно,
Иди в Туран, освободи Бижана!»

ГИВ ПРИВОЗИТ РУСТАМУ ПИСЬМО КЕЙ-ХОСРОВА

Лишь на письмо поставил шах печать,
Стал богатырь Хосрова восхвалять.

Для Гива было то письмо утешно,
Он в Сеистан отправился поспешно.

С собою взял он двадцать верховых,
Творца в молитвах поминал своих.

Он вдоль Хирманда рысью по пустыне
Скакал, как вестник, думая о сыне.

Он сокола затмил бы мощью крыл,
Двухдневный путь за сутки он покрыл.

Он мчался по тропам долин и взгорий,
А в сердце, словно меч, вонзалось горе.

Дозорный страж на всадника взглянул
И закричал, чтоб услыхал Забул:

«Какой-то витязь, конных возглавляя,
Примчался из неведомого края,

Рукою меч сжимает боевой,
И реет бранный стяг над головой».

Дастан, услышав донесенье стражи,
Сел на коня проворного тотчас же,

Навстречу поскакал смельчак седой:
«Быть может, люди прибыли с враждой?»

Но посмотрел Дастан — увидел Гива:
В тоске, в слезах, он ехал торопливо.

Подумал: «Новая стряслась беда,
Затем-то Гива шах послал сюда».

Казался Гив бессильным от недуга.
Приветствовали витязи друг друга.

Спросил Дастан, как поживает шах,
Затем спросил о доблестных мужах.

Воскликнул Гив: «Тебе, о седоглавый,
Поклон от шаха и вельмож державы!»

Он о своей кручине рассказал,
Об узнике, о сыне рассказал.

«Ты видишь, как лицо мое увяло?
От слез, как шкура барса, пестрым стало!»

Внимал ему с волненьем старый Заль,
В душе почуяв ярость и печаль.

Несчастный Гив спросил о слонотелом,
Сказал: «К нему я прибыл с важным делом».

Ответил Заль: «Охотится Рустам,
Но близится конец его трудам».

Промолвил Гив: «Коня к нему направлю,
Ему письмо Хосрова я доставлю,

А ты Рустама жди в жилье своем,
Вернемся — побеседуем втроем».

А Заль: «Останься здесь, гони заботы,
Вернется скоро мой Рустам с охоты».

Они пошли к Дастану во дворец,
В пути с отцом беседовал отец.

Вдруг топот Гив услышал поседелый:
С охоты возвратился мощнотелый!

Прибытием Рустама просветлен,
Сойдя с коня, отвесил Гив поклон.

Лицо его в слезах, в пыли одежда,
А в сердце с горечью слилась надежда.

Рустам увидел, что беда стряслась,
Что лик его омыт водою глаз.

Подумал: «Видно, горькая година
Настала для страны, для господина».

И, Гива к сердцу своему прижав.
Спросил он о властителе держав,

О Тусе, о Гударзе, Густахаме,
О воинах, что были смельчаками,

О храбрых, как Руххам, Шапур, Фархад,
Бижан, Гургин, что знатностью богат.

В душе у Гива запылала рана,
Когда он имя услыхал Бижана.

Стонал, и плакал, и стонал опять.
В слезах Рустама начал восхвалять:

«Привет тебе, вожатый исполинов,
Оплот земли, избранник властелинов!

Обрадовался я тебе, Рустам,
Твоим расспросам и твоим речам.

Погибшему вернешь ты душу снова,
И превратишь ты старца в молодого.

У тех, кого назвал ты, жизнь светла,
От них тебе привет, поклон, хвала.

Один Бижан томится в темной яме,
Он, сказывают, скован кандалами.

О богатырь, ты посмотри, я стар,
А принял от судьбы такой удар!

Я был отцом возлюбленного сына,
Из-за него гнетет меня кручина, —

Он с глаз моих исчез: у нас в роду
Кто испытал подобную беду?

Вот почему на долю мне досталось,
Как солнце, мчаться, позабыв усталость.

В безумии влачу печаль свою
И всем вопрос о сыне задаю.

Но чашу поднял шах благословенный,
В той чаше — отражение вселенной.

Молясь творцу, восславил властелин
Добро Ормузда, месяц фарвардин.

Покинув храм и думая о боге,
Венец надел он в царственном чертоге,

Взглянул на чашу, словно чаровник, —
Весь мир в ее сиянии возник!

Увидел шах, что мой Бижан в Туране
Скорбит в цепях под бременем страданий.

Тогда Хосров послал меня скорей
К тебе, вожатому богатырей.

Я пожелтел, в тоске смыкаю вежды,
А все же не утратил я надежды:

Поможешь мне, избавишь от беды, —
Ведут ко благу все твои труды!»

Сказав, замолк и вздох издал глубокий,
Кровавой влагой оросились щеки.

Письмо вручив, прибавил он к письму,
Что шах Гургина заключил в тюрьму.

Взял богатырь письмо, огнем пылая,
В нем ненависть к врагам зажглась былая,

К Афрасиабу ненависть зажглась,
Из-за Бижана кровь текла из глаз.

Рустам с семейством Гива породнился.
На дочери Рустама Гив женился,

Был на его сестре Рустам женат,
Был Фарамурз, их сын, умом богат.

Бижан — отваги, доблести вершина —
От дочери родился исполина...

Сказал он Гиву: «Не горюй теперь.
Я с Рахша не сниму седла, поверь,

Пока спастись не помогу Бижану!
Как божий гнев, я на врагов нагряну,

Разрушу я оковы и тюрьму,
Верну свободу сыну твоему».

РУСТАМ УСТРАИВАЕТ ПИР В ЧЕСТЬ ГИВА

Затем в чертог Рустама поспешили,
Во всем совместно действовать решили.

Рустам письмо Хосрова прочитал, —
Остолбенел от множества похвал,

Которые вознес глава державы
Богатырю, чей славен меч всеправый.

Сказал Рустам: «О Гив, спокоен будь.
Слова Хосрова указуют путь.

Узнал я боль твою, твою кручину,
Узнал я горя твоего причину.

Я высоко тебя ценю, и есть
Там, где злодейство, — мстители и месть.

За Сиявуша и в Мазандеране
Я с местью вел бойцов на поле брани.

Пустился в путь, приехал ты сюда,
Забыв про старые свои года.

О Гив, мне твой приезд принес веселье,
Но плачу я, что сын твой в подземелье.

Мне больно, что печаль тебя гнетет,
Что ты придавлен тяжестью невзгод.

Но, как велел Хосров, я месть взлелею,
Я головы своей не пожалею,

Пойду, Бижана вызволить спеша:
Из-за него скорбит моя душа.

Пусть только мне господь оставит душу, —
Пойду и подземелье я разрушу,

Я все богатства, и себя, и рать
Готов за сына твоего отдать!

Я силой опояшусь богоданной,
Мой шах светить мне будет в битве бранной.

Пойду, свободу пленнику верну,
Приеду с ним в иранскую страну.

А ты три дня побудь в моем жилище,
Познай отраду от вина и пищи.

Мой дом принадлежит тебе — со мной,
С моей душой, и телом, и казной.

Три дня мы проведем за чашей пира
В честь витязей и властелина мира,

А на четвертый день, в рассветный час,
Помчимся к шаху, как гласит приказ».

Тогда поднялся Гив, прогнал тревоги,
Поцеловал Рустама в руки, в ноги,

Вознес хвалу: «Ты, всепобедный вождь,
Явил величье, славу, доблесть, мощь.

В тебе одном смогли соединиться
Могущество слона и ум провидца.

С тобой да будут свет и торжество,
Смыл ржавчину ты с сердца моего!»

Когда он успокоил душу Гива,
То сам уверовал в конец счастливый.

Сказал слуге: «Всех мудрых позови,
Отважных, седокудрых позови».

Гив, Завара и Фарамурз с Дастаном
Воссели за столом благоуханным.

Красавица, сияя, как кумир,
Игрой и пеньем радовала пир.

Вином пылала чаша круговая,
А чанг звенел, сердца и слух лаская.

Так пировал Рустам три светлых дня
И сесть не торопился на коня.

РУСТАМ ПРИЕЗЖАЕТ К ХОСРОВУ

Четвертый день пришел, настало время,
Чтоб оба друга вдели ногу в стремя.

Велел Рустам в столицу двинуть рать,
Все нужное для воинов собрать.

Богатыри стояли у твердыни,
Загородив дорогу на равнине.

Рустам, в парче из Рума и в броне,
Мгновенно оказался на коне.

Он сел на Рахша с палицею деда,
А цель его — над силой зла победа.

Пронзило ржанье Рахша небосклон,
А сам Рустам — над солнцем вознесен!

Что нужно — взял, а лишнее отправил,
В Забуле Фарамурза он оставил.

Он вместе с Гивом отобрал бойцов —
Сто тысяч сеистанских храбрецов.

Отправились в иранскую столицу,
Для битвы приготовили десницу.

Лишь к городу приблизился Рустам —
Чертог царя предстал его глазам.

Казалось, благодатный ветер жизни
Воителя приветствовал в отчизне.

Сказал Рустаму Гив: «Помчусь вперед,
Пусть от меня к владыке весть придет,

Что в это утро счастье нам блеснуло,
Что прибыл ты на Рахше из Забула».

«Будь радостен, — сказал Рустам в ответ, —
Да никогда Хосров не знает бед!»

Покинул Гив и войско и Рустама,
К властителю страны помчался прямо.

Он шаху поклонился до земли,
Его уста привет произнесли.

Спросил Хосров: «Скажи, страдавший много,
Где Тахамтан? Трудна ль была дорога?»

А Гив: «Звезда Хосрова так светла,
Что все его свершаются дела.

Внимает наш Рустам твоим приказам,
Тебе он сердце посвятил и разум.

К письму, что написал глава владык,
Рустам глазами и лицом приник.

Свои поводья сблизил он с моими,
Твое, о шах, благословляет имя.

Я прибыл раньше, чтоб сказать: «Рустам
Покорен, как слуга, твоим словам!»

Воскликнул шах: «Но где же тот, который
Стал для меня и для страны опорой?

Он любит нас, он добрых дел творец,
Его с почетом примет наш дворец».

Ответил Гив: «О шах, глава народа!
Опередил я на два перехода

Рустама и его богатырей.
Чтоб эту весть доставить поскорей».

Шах приказал жрецам и ратоборцам,
Всем родичам своим и царедворцам

Сесть на коней, встречать богатыря:
Он прибыл, волю шахскую творя.

Гударз, насупивший седые брови,
Фархад и Тус — воитель царской крови,

Две трети войскоборцев-силачей,
Владетелей и палиц и мечей,

Пошли, как завещал Кавус когда-то,
Встречать Рустама, что сильней булата.

И все слилось: и пыль, и небосклон,
И ржание коней, и блеск знамен.

Приблизившись к Рустаму в день погожий,
Сошли с коней воители-вельможи.

Сошел с коня и тот, кто всех сильней.
Он радостно приветствовал друзей,

О государе он спросил великом,
О солнцеликом и месяцеликом.

Вновь сели в седла, двинулись вперед.
Азаргушасп, казалось, их ведет!

Приблизился к царю могучий воин
И, кланяясь, подумал, что достоин

Сей государь и славы и похвал,
Что по заслугам он любовь снискал.

«Вовеки, — он сказал, — по божьей воле
Ты восседай на золотом престоле.

Да будешь ты Ормуздом осиян,
К тебе да будет милостив Бахман,

А в месяце урдибихишт — в лазури
Пусть Марс тебе сияет и Меркурий.

Настанет шахривар — веди войска,
О государь, чья доблесть высока.

В счастливом спандармузде всей душою,
Ты радостью возрадуйся большою.

С тобой да будут Дей и Фарвардин,
Чтоб ты печальных не знавал годин.

Да будешь, наделенный светлым даром,
О царь, обласкан месяцем азаром.

Пусть в месяце абан твоя судьба
Тебе покорной станет, как раба.

Пусть каждое твое умножит стадо
Свет благодатный месяца мурдада.

Сын славных предков, чья держава — сад,
Пусть радует твою страну Хурдад!» *

Рустам замолк, и всех обвел он взглядом.
Шах посадил его с собою рядом.

Сказал Хосров: «Злодейская рука
Пусть от тебя пребудет далека.

Все тайны мира ты постиг чудесно,
Твоя лишь тайна миру неизвестна!

Царей избранник, родины броня,
Ты охраняешь войско и меня.

Рустам, тебя увидев, я ликую,
Как будто душу я обрел другую.

Здоровы ли — желаю им добра —
Дастан, и Фарамурз, и Завара?»

Рустам сказал, склоняясь: «Царь Ирана,
Ты, чья судьба вовеки недреманна!

Они живут, не ведая обид:
Бессмертен тот, кто шахом не забыт!»

КЕЙ-ХОСРОВ ПИРУЕТ С ВИТЯЗЯМИ

В цветник царя пришел слуга придворный,
Украсил он для пира сад просторный,

Под ветвью цветоносной и густой
Велел престол поставить золотой.

Коврами устлан и в парчу одетый,
Сад засверкал сверканием планеты.

Так осенило дерево престол,
Что тень бросал на трон могучий ствол.

Ствол — серебро; на яхонтовых ветках —
Не ягод гроздья, а жемчужин редких.

Не лист на ветке и не плод блестит:
Как серьги — сердолик и хризолит.

На ветках апельсины золотые:
Снаружи — золото, внутри — пустые,

Но, как тростник внутри просверлены,
Они вина и мускуса полны.

Кто сядет на престол в саду лучистом,
Обрызган будет мускусом душистым.

Пришел и на престол воссел Хосров.
На шаха лился мускус из плодов.

Увидел всех, с кем сердцем был он дружен,
Украшенных венцами из жемчужин.

Звенели весело их голоса,
На всех — запястья, серьги, пояса,

Они стояли, золотом блистая,
На всех — парча из Рума, из Китая.

У всех пылают лица, как тюльпан,
Все пьют из чаши, а никто не пьян.

Объяло всех веселье удалое,
Играли, громко пели, жгли алоэ.

К престолу соизволил шах позвать
Гударза, Туса и другую знать.

Решил он побеседовать с могучим,
И сел Рустам под деревом пахучим.

Рустаму государь сказал тогда:
«О благородный, чья светла звезда!

Ты — наш оплот. Иран тебя восславил:
Ты крылья, как Симург, над ним расправил.

В столице иль на дальнем рубеже
В дни бедствий ты всегда настороже.

Ты знаешь, каковы Гударза дети:
Им царь царей дороже всех на свете,

Их службу, их советы я ценю,
Я вижу в них надежную броню.

Я мучился, но моего призыва
Никто, никто не слышал, кроме Гива!

Беда низверглась на моих друзей:
Потерян сын, — что может быть страшней?

Откажешься, — мы не найдем другого,
Чтоб вызволил из бедствия такого!

Бижан — в Туране, где кругом — враги.
Подумай и Бижану помоги.

Казну, коней, людей, вооруженье
Я отдаю в твое распоряженье».

Рустам пред шахом прах поцеловал,
И встал, и много произнес похвал:

«Как солнце, ты распространил пыланье,
Чтоб каждое исполнилось желанье.

Ни гнева, ни нужды не знай, о шах,
Твои враги да превратятся в прах!

Ты — царь Ирана, мудрый и нетленный,
И прах у ног твоих — цари вселенной.

Вовек тебе подобного царя
Не видели ни месяц, ни заря.

Ты злых от добрых отделил законом,
Ты победил, ведя борьбу с драконом.

Лишь для того, чтоб ты не ведал бед,
Родился я от матери на свет!

Я подчиняюсь шахскому приказу,
Куда пошлешь, туда помчусь я сразу.

И палица, и свет царя земли
Бесовский край разбить мне помогли.

Пусть воздух превратится в пламень ярый, —
Во имя Гива нанесу удары.

Пусть враг вонзит в мои глаза копье, —
Продолжу я сражение мое.

Во славу шаха буду я бороться, —
Не надо ни бойцов, ни полководца».

Гударз и Фарибурз, Шапур и Гив
И прочие, Рустама восхвалив,

Удачи пожелали перед битвой
И обратились к господу с молитвой.

Вино лилось, и каждый стал румян,
И в здравице помянут был Дастан.

Пил государь, перед весною ранней
Раскрыв с весельем все врата в Иране.

РУСТАМ ПРОСИТ ЦАРЯ ОСВОБОДИТЬ ГУРГИНА

Узнав, что прибыл славный исполин,
Ключ от своей беды нашел Гургин.

Послание Рустаму он отправил:
«О ты, кто трепетать врагов заставил!

Ты — древо славы, милостей врата,
Броня от бед и мира доброта!

Боюсь, что я тебя побеспокою,
Но поделюсь с тобой моей тоскою.

Горбатая судьба на этот раз *
Решила, чтобы светоч мой погас.

Свершилось, что должно было свершиться,
Моим жилищем сделалась темница.

Готов я стать добычею огня,
Но лишь бы шах помиловал меня!

Избавит он меня от доли черной,
От старости ненужной и позорной,

И ты мне разрешишь помчаться в бой, —
Архаром диким двинусь за тобой!

Найду Бижана, обойдя всю землю,
Я голосу добра отныне внемлю».

К Рустаму слово узника пришло.
Прочтя письмо, вздохнул он тяжело.

Он знал: Гургин заслуживает кары, —
И все ж его жалел воитель старый.

«Вернись назад! — он приказал гонцу, —
Скажи тому злодею, наглецу:

«Иль ты забыл рассказ, как победила
Коварная пантера крокодила?

Над разумом восторжествует страсть, —
И ты погибнешь, должен будешь пасть,

Но если страсть твою поборет разум,
Тебя, как льва, прославят гордым сказом.

Коварство ты свершил, как старый лис,
Не видел, что силки тебе плелись.

Не заслужил ты, низкий и презренный,
Чтоб я тебя назвал царю вселенной,

Но вижу я: настал твой тяжкий миг,
Отчаянья предела ты достиг.

Зажгу твою звезду, что омрачилась, —
Да государь тебе дарует милость.

Как только покарает бог врагов,
Бижан освободится от оков, —

На волю будешь выпущен ты сразу,
Помилован по шахскому указу.

Но если не найду его следа,
То откажись от жизни навсегда.

Я первый, чтоб врагов карать сурово,
Пойду по воле бога и Хосрова,

Но если я погибну в той борьбе,
То Гив за сына отомстит тебе».

С царем, — а сутки пролетели скоро, —
Не начинал воитель разговора.

Но снова день сияющий взошел,
Воссел Хосров на золотой престол.

Рустам-воитель с просьбою великой
Предстал пред миродержцем и владыкой:

О бедном, о Гургине он скорбел,
Об узнике, чей горестен удел.

Ответил шах: «Не будь к нему пристрастен.
Иль я карать и миловать не властен?

Поклялся я престолом и страной,
Венерой, Марсом, Солнцем и Луной,

Что, если к нам Бижан не возвратится,
Сразит Гургина царская десница.

Проси, что хочешь, — трон, венец, печать,
А в этом вынужден я отказать».

Сказал Рустам: «О царь, царей потомок,
Ты правду вывел к свету из потемок,

Подумай сам: раскаялся злодей,
Готов он жизнью жертвовать своей,

И если будешь с ним суров без меры,
То отвратишь его от чистой веры.

Кто разума не следует путем,
Наказан будет за грехи потом.

Гургин, ты вспомни, воевал с бесстрашьем,
Твоих границ всегда был верным стражем,

Тебе и предкам честным был слугой,
Он охранял страну и твой покой.

Прости его ради меня, подумай, —
И так наказан он судьбой угрюмой».

Рустама ради был Гургин прощен,
Хосровом на свободу возвращен.

РУСТАМ СНАРЯЖАЕТ ВОЙСКО

Спросил Рустама властелин державы:
«С какою ратью в бой пойдешь ты правый?

Что хочешь, из казны и войск, — бери,
Да победят твои богатыри.

Боюсь: Афрасиаб, чье сердце грешно,
Бижана гибели предаст поспешно.

Душа туранца хитростей полна,
Учился он у дива-колдуна.

Его внезапно ненависть ужалит, —
И пленника он с ног секирой свалит».

Сказал Рустам: «Под обликом чужим,
Мы втайне это дело совершим.

Перехитрим туранцев и обманем,
Противника запугивать не станем.

Мы снарядим торговый караван,
Мы вступим тихо, как купцы, в Туран,

Не будем торопиться в этом деле,
Сейчас не время, чтоб мечи блестели,

С камнями, золотом и серебром,
С опаской путь надежды изберем.

Дай ткани мне, ковры, что блещут ярко, —
Как для продажи, так и для подарка».

Тогда призвал властитель слуг своих,
Велел достать из древних кладовых

Поболее казны и одеяний,
Вручить Рустаму золото и ткани.

Принес казнохранитель кошели
И развязал их пред царем земли.

Рустам взглянул на жемчуга, динары,
И, сколько нужно, взял воитель старый,

На сто верблюдов нагрузил добро,
На десять — жемчуг, злато, серебро.

Из тех стрелков, что закалились в войнах,
Он выбрал только тысячу достойных.

Сказал: «Из витязей и воевод,
Кого упомяну, со мной пойдет:

Гургин, Занга, — им равных мы не встретим,
Льва-Густахама назову я третьим.

Четвертым будет грозный Гураза,
Воюя, смерти смотрит он в глаза.

Руххам, Фархад, что стал оплотом нашим,
Пойдут совместно с витязем Ашкашем.

Я выбрал этих славных семерых —
И войска и казны сторожевых».

Навьючили казну, товаров груды, —
Готовы в путь и люди и верблюды.

РУСТАМ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ГОРОД ХОТАН К ПИРАНУ

Отважным, независимым, Рустам
Сказал своим семи богатырям:

«Как только сторожей наступит смена,
В ночной поход отправимся мгновенно».

Запели петухи в рассветной мгле.
Вот у слона — литавры на седле.

Рустам явился с палицей, с арканом:
Могущественным высился платаном.

Проехал через царские врата,
Хвалу царю произнесли уста.

Богатыри — пред ним, а войско — сзади,
Готовы жизнь отдать победы ради.

У каждого — копье, стрела, булат,
Чтоб кровь пролить, они вперед летят.

Вот наконец туранская граница.
Рустам велел стрелкам остановиться.

Сказал: «Спокойно, с разумом дружа,
У этого останьтесь рубежа.

Пусть даже я умру на поле чести, —
Должны вы пребывать на этом месте,

Но копья заостряйте и мечи,
Готовьтесь к битве утром и в ночи».

Вступил в Туран, семь витязей возглавил,
А на границе тысячу оставил.

Оделись по-купечески они,
Достали домодельные ремни,

И, вместо серебра, парчи, атласа,
В одежду облачились из паласа.

Они в туранский двинулись предел.
Их караван благоухал, блестел.

Коней скакало восемь в караване,
Семь — хороши, а Рахш — венец мечтаний.

На ста верблюдах — ткань, что дорога,
На десяти верблюдах — жемчуга.

Рожок напоминая Тахмураса,
Звонки звенели, дол гудел и трясся.

Так двигался, так прибыл караван
В Хотан, которым управлял Пиран.

Был этот город близко от границы,
Дворец виднелся, крепость и бойницы.

В тот день Пиран, воитель и мудрец,
Охотился, был пуст его дворец.

Он возвращался, радостен и светел.
Издалека Рустам его заметил.

Насыпал жемчуг в кубок золотой,
Прикрыл его румийскою парчой,

Двух дорогих коней украсив златом,
И серебром, и жемчугом богатым,

Посыльным их вручил и, как купец,
Отправился к Пирану во дворец.

Сказал: «Ты доблестью на поле брани
Прославился в Туране и в Иране.

Ты — богатырь, ты царственно велик,
И на земле немыслим твой двойник!»

Хотя Пиран Рустама видел прежде, —
В купеческой не распознал одежде.

«Что ты за человек? — спросил Пиран, —
В наш город из каких ты прибыл стран?»

А витязь: «Твой слуга перед тобою.
Стоянку в городе твоем устрою.

Проделал из Ирана тяжкий путь,
Чтоб у тебя торговлю развернуть.

Любую вещь куплю, продам любую,
Увидишь ты, как бойко я торгую.

Я шел к тебе и уповал светло:
Меня возьмешь ты под свое крыло!

Жемчужины я распродам бессчетно,
Четвероногих я куплю охотно.

Хочу, — пусть мне твоя поможет мощь, —
Из тучи дружбы лить жемчужный дождь!»

Затем из кубка, что царя достоин,
Рассыпал жемчуг пред Пираном воин.

Вручил дары — уладились дела:
Понравились и жемчуг и хвала.

Вручил коней, что зренье ослепили:
Их гривы и следа не знали пыли!

Пиран взглянул на кубок золотой,
На жемчуг, удивлявший красотой,

Торговцу ласковым ответил словом,
Дал место на сиденье бирюзовом,

Сказал: «Тебя устроим возле нас.
Пойди, вернись без страха в добрый час.

Ты за свое имущество не бойся,
Никто не отберет, не беспокойся.

Пойди и ценный привези товар,
Где пожелаешь, там устрой базар.

У сына моего остановись ты,
Как родич ты мне будешь, сердцем чистый!»

Сказал Рустам: «Для славных горожан
Мы приведем сюда наш караван.

Твоим словам доверившись всецело,
Займусь я куплей и продажей смело.

Найдешь у нас, — поклясться я готов, —
Ты жемчуга всех видов и родов,

И если ты не дашь купца в обиду,
Из города с душой спокойной выйду».

Сказал Пиран: «Доставь сюда всю кладь,
Ты будешь под охраной торговать».

Рустам доставил ценную поклажу
И, в дом вступив, решил начать продажу.

Узнали горожане, что в Хотан
Явился из Ирана караван.

Был весь Хотан взволнован и разбужен
Известием о продавце жемчужин.

Стекались люди под приютный кров
Для купли жемчуга, парчи, ковров.

Рассвет взошел над миром светозарный.
Так начался в том доме торг базарный.

МАНИЖА ПРИХОДИТ К РУСТАМУ

Узнав о караване, Манижа
Явилась в город, плача и дрожа.

Перед купцом, прославленным молвою,
Предстала с непокрытой головою.

С ресниц смахнула слезы рукавом,
Сказала о событье роковом:

«Трудись, безгрешною стезею следуй
И разочарования не ведай.

Судьбой да будешь взыскан в добрый час,
Пускай тебя дурной не сглазит глаз.

Осуществи желанья в полной мере,
Вовек не знай убытка и потери.

Всегда урокам разума внимай,
Да будет счастлив твой иранский край.

Какие вести об иранском войске?
Где Гив, Гударз? Где знатный род геройский?

Известно ль, что Бижан попал в тюрьму?
Помогут ли сородичи ему?

Ужель таких богатырей потомок
Умрет в цепях, не выйдет из потемок?

Железом скован с головы до ног,
Бижан в цепях тяжелых изнемог,

В его оковы гвозди крепко вбиты,
Лохмотья кровью жаркою покрыты.

Из-за него забыла я о сне,
Я плачу, скоро слез не хватит мне».

Рустама испугала речь такая,
Царевну грубо он прогнал, ругая:

«Прочь от меня ступай, да побыстрей,
Не знаю никаких богатырей,

До Гива и Гударза нет мне дела,
А болтовня твоя мне надоела!»

Взглянула с укоризною тогда,
Заплакала от горя и стыда,

Сказала: «Я пришла с душой больною,
Зачем ты грубо говоришь со мною?

Не хочешь отвечать? Так не гони!
В тоске и горе провожу я дни.

Кто в жалости отказывает нищим?
Ужель в Иране мы таких отыщем?»

Сказал Рустам: «Эй, Ахримана дочь,
Эй, женщина, ступай из лавки прочь!

Я грубо говорю с тобой недаром,
Ты мне мешаешь, занят я базаром.

Твой день уныл, суров ли, — не мешай,
Иди, моей торговле не мешай!

Я даже и не думал там селиться,
Где Кей-Хосрова гордая столица.

Мне эта неизвестна сторона
И Гива и Гударза имена».

Велел Рустам помочь несчастной нищей,
И слуги перед ней предстали с пищей.

Затем остался с ней наедине,
Сказал: «Свою печаль поведай мне.

Зачем ты спрашиваешь об Иране?
О шахе? О бойцах? О поле брани?»

А Манижа: «Купец, не будь жесток!
Поймешь ли горя моего исток?

От пленника сейчас я удалилась,
К тебе пришла, с надеждою на милость,

Спросить о том, что замышляет шах,
О Гиве, о Гударзе, о бойцах.

Но ты меня, как стражник, встретил криком.
Иль ты забыл о господе великом?

Я — Манижа, Афрасиаба дочь.
Еще не видели ни день, ни ночь,

Ни люди моего нагого тела,
А ныне в нищенстве я пожелтела,

Лепешек я прошу из ячменя...
За что же бог так покарал меня?

Скажи, чей на земле печальней жребий?
Услышит ли меня господь на небе?

Бижан — в темнице, он лежит на дне,
Забыл о блеске звезд, о светлом дне.

Закованы в железо ноги, руки,
С ничтожной жизнью жаждет он разлуки.

Вот почему тоска в меня впилась,
Вот почему я слезы лью из глаз.

Когда вернешься, — может быть, в Иране
Гударза встретишь ты — главу собраний,

Иль к шаху во дворец войдешь, и там
Тебе предстанут Гив или Рустам, —

Так передай им, что Бижан — в неволе,
Что он умрет, пускай не медлят боле,

Что смерть к нему все ближе с каждым днем,
Что камень есть над ним, а цепь — на нем».

Сказал Рустам: «Царевна, ты прекрасна,
Не проливай же слез любви напрасно.

Зачем к отцу ты с просьбой не пошлешь
Великодушных родичей, вельмож?

Быть может, дочери своей в угоду,
Смягчится, пленнику вернет свободу?

Боюсь, обижен будет твой отец,
Не то бы одарил тебя купец».

Он поваров призвал в свое жилище, —
Да принесут побольше всякой пищи.

Велел он птицу подогреть чуть-чуть
И в мягкую лепешку завернуть.

Как дух, что внемлет властному заклятью,
Он быстро спрятал там кольцо с печатью.

Сказал: «Ступай ты к пленнику с едой:
Ты стала для беспомощных звездой».

БИЖАН УЗНАЕТ О ПРИБЫТИИ РУСТАМА

Пришла к темнице, где томился пленный.
За пазухой — платок с едой отменной.

Вот опустила сквозь нору платок
Тому, чей жребий жалок и жесток.

Был изумлен Бижан печальнолицый.
Воззвал к царевне из своей темницы:

«Любовь моя, откуда ты пришла?
О, где такие блюда ты нашла?

Я стал причиной твоего недуга,
О любящая, нежная подруга!»

А Манижа: «К нам прибыл караван,
Пришел купец, чья родина — Иран,

Привез в Туран товары для продажи,
Его богатства не опишешь даже,

На нем печать ума, добра, трудов,
Он жемчугом торгует всех родов,

Он блещет сердцем, разумом, нарядом,
Он свой базар с дворцом устроил рядом.

Сей праведник мне дал платок с едой,
Сказал: «Во имя благости святой

Ты накорми страдальца молодого,
Поест, — вернись ко мне за пищей снова».

Бижан лепешку развернул, и вдруг
Как бы светлее сделалось вокруг.

Он руку протянул к вареной птице, —
Кольцо с печатью вспыхнуло в темнице.

Улыбка засияла на лице:
«Рустам», — прочел Бижан на том кольце.

Казались буквы тонкими, как волос,
От счастья сердце чуть не раскололось:

То дерево надежды расцвело,
То ключ от радости блеснул светло!

Раздался смех, он был могуч и громок,
Дошел он до царевны из потемок.

Уж не рехнулся ли Бижан в уме?
Как может узник хохотать в тюрьме?

Решила Манижа: «На дне колодца
Лишь тот, кто разума лишен, смеется».

Спросила удивленно: «Что за смех?
Тебе смеяться грех, — спроси у всех!

Как можешь хохотать в колодце этом?
Иль ночь ты спутал с днем и мрак со светом?

Открой мне тайну: иль увидел ты
Судьбы счастливой светлые черты?»

Бижан ответил: «Будет перемена!
Надежда есть, что вырвусь я из плена!

И если дашь мне верности обет,
Чтоб жертвою не стал я новых бед,

Я расскажу об этом человеке,
Но только клятвы не нарушь вовеки.

Известно всем, что женщины язык
Узды не знает и болтать привык».

С обидою воскликнула царевна:
«За что судьба меня карает гневно?

Зачем в печали жизнь моя прошла,
Не ведая страданиям числа?

Я всем пожертвовала для Бижана,
А он не верит мне, боясь обмана!

Отец, друзья и вся моя родня
С презреньем отвернулись от меня.

Я золотом, дворцом, венцом владела, —
На разграбленье отдала всецело.

Я на тебя надеялась, любя, —
Надежду потеряла на тебя.

Да видит бог, что мерой правды мерит:
Возлюбленный возлюбленной не верит!»

Сказал Бижан: «Права ты, Манижа.
Ты потеряла все, любви служа.

Нет, не должна печалиться подруга!
Услышь меня, страдалица-подруга!

В тюрьме я разума утратил свет, —
Поможет мне разумный твой совет.

Сей благодетель, продавец жемчужин,
Который с добротой и лаской дружен,

Пришел в Туран из-за моей беды:
В делах торговых нет ему нужды.

Быть может, бог узрел мою обиду —
И на простор земли я скоро выйду.

Тебя, когда свободу мне вернет,
Избавит он от ласковых забот.

К нему пойди ты с речью сокровенной:
«О богатырь, о друг царей вселенной!

Помочь страдальцу в силах ты один.
Скажи, не ты ли Рахша господин?»

Как ветер понеслась, покинув яму,
Слова Бижана принесла Рустаму.

Узнав, что, жизнью друга дорожа,
О помощи взывает Манижа,

Что ей, своей возлюбленной прекрасной,
Доверил тайну пленник тот несчастный,

Рустам сказал: «Красавица, живи,
К любимому всегда полна любви.

Из-за него ты вынесла немало,
Из-за него такой печальной стала.

Скажи ему: «Так пожелал творец, —
Владелец Рахша прибыл наконец.

Он много приложил трудов, стараний
В Забуле, и в Иране, и в Туране».

Но тайну лишь Бижану ты открой
И будь настороже ночной порой.

Днем собери дрова, а ночью темной,
Царевна, разведи костер огромный».

Его ответ отраду ей принес,
И сразу высохли глаза от слез.

Она отправилась на то нагорье,
Где пленник пребывал во тьме и в горе.

Сказала: «Речь твою передала
Тому, чей ум высок, душа светла.

Он молвил мне: «Да, верно, я тот самый,
К кому Бижан взывал из темной ямы.

А ты, что плачешь кровью слез, а ты,
Что сделалась добычей нищеты, —

Скажи ему: «Ты не сгниешь в могиле, —
Мы, словно барсы, когти заострили.

Теперь, когда твой отыскался след,
Мечам разящим удивится свет.

Разрою прах своими я когтями,
Я брошу камень в небо, прянув к яме».

Еще сказал: «Как станет потемней,
Ночь вырвется из солнечных когтей, —

Ты разведи костер, чтобы темница
Могла, как днем, сверканьем озариться,

Чтоб видно было, как пройти к тюрьме,
Чтобы с пути не сбился я во тьме».

Слова, что прозвучали в подземелье,
Душе Бижана принесли веселье.

Воззвал он к богу, счастья не тая:
«О чистый, всепрощающий судья!

В беде ты мне помог, добром владея.
Стрелою праведной пронзи злодея,

От подлых защити меня, как щит, —
Ты знаешь, сколько я познал обид.

Быть может, я вернусь в страну родную,
Покину край, где плачу и тоскую...

А ты, подруга, нищей стала вдруг,
Из-за меня познала столько мук.

Ты отдала мне душу, сердце, тело,
Из-за меня так много претерпела.

Из-за меня решила потерять
Венец, престол, родных, отца и мать.

Но если вырвусь из драконьей пасти
И юности мне улыбнется счастье, —

Как бог велит, достигну торжества,
Я засучу для битвы рукава,

Тебе служить, как самодержцу, буду,
Я за тобой последую повсюду.

Вновь ношу подними. Она трудна,
Но верю, будешь ты награждена».

...Вот за дровами в лес она стремится,
Порхает по сухим ветвям, как птица.

Ей светит солнце, а в руках — дрова.
В лесу вступает ночь в свои права.

Уходит солнце за гористый выступ,
А войско ночи движется на приступ.

Уже объемлет землю тишина
И в тайну явь земли превращена.

День обращает в бегство рать ночная
И солнце угасает, отступая.

Пошла царевна, пламя развела.
Ночь, — скажешь, — загорелась, как смола!

Вдруг слышит, — не кувшин звенит ли медный?
То Рахша топот, звон копыт победный!

РУСТАМ ОСВОБОЖДАЕТ БИЖАНА ИЗ ЗАТОЧЕНИЯ

Рустам облек в кольчугу мощный стан,
Стянул ее завязки Тахамтан.

Он обратил к Йездану взор открытый,
Он попросил опоры и защиты.

Сказал: «Бижана я хочу спасти, —
Да слепнет недруг на моем пути!»

Семь витязей своих собрал он вместе,
Велел им опоясаться для мести.

Помчались, чтобы уничтожить зло,
Под каждым — тополевое седло.

Был впереди Рустам, пред ними — пламень,
Который озарял Аквана камень.

Когда они подъехали к костру,
Увидели и камень и нору,

Сказал Рустам блистательной дружине:
«Лицо земли топтать мы будем ныне.

За труд возьмемся с пылом боевым,
От камня вход в тюрьму освободим».

Семь витязей сошли на землю живо,
Чтоб камень отвалить морского дива.

Изнемогли в поту, в грязи, в пыли,
А камень с места сдвинуть не могли.

В бессилье задыхался каждый воин,
И только этот камень был спокоен.

Рустам сошел с коня и сделал шаг,
Заткнул подол кольчуги за кушак,

Молясь творцу, чтоб силу зла низринул,
Уверенно он камень с места сдвинул,

Забросил в лес китайский, далеко, —
Земля, дрожа, вздохнула глубоко.

Воззвал к Бижану, что познал мученье:
«Как чувствуешь себя ты в заточенье?

Ты мог от мира столько взять услад,
Но кубок взял, в который налит яд!»

Бижан ему ответил из колодца:
«Был труден путь в Туран для полководца?

Явился ты, — расстался я с бедой:
Весь яд вселенной стал живой водой!

А я живу, почти не видя хлеба,
Земля железом стала, камнем — небо.

Уже я смерти ждал, я изнемог
Из-за обилья горя и тревог».

Сказал Рустам: «Страдать не будешь боле,
Тебя всевышний вырвал из неволи.

Теперь, безгрешный, чья душа честна,
Есть просьба у меня к тебе одна.

Даруй Гургину светлое прощенье,
Да не живет в твоей душе отмщенье».

Сказал Бижан: «Ты разумом богат, —
Узнай, как предо мной он виноват!

Не знаешь ты, всесильный, величавый,
Какой вкусил я от него отравы!

Пусть попадет мне в руки прежний друг, —
Не вырвется Гургин из этих рук!»

Рустам воскликнул: «Если, злоедушен,
Моим словам не будешь ты послушен,

Оставлю я тебя, вернусь домой,
А ты сгниешь, замученный тюрьмой».

Услышав речь Рустама, заключенный
Издал из глубины темницы стоны:

«Забыл я, каково сиянье дня,
Нет витязя несчастнее меня:

Я должен даже в этот день безвинно
Стерпеть коварство и простить Гургина!

Ну что ж, его прощаю навсегда,
Ушла из сердца моего вражда».

Тогда Рустам аркан закинул в яму,
И вот Бижан, в цепях, предстал Рустаму:

Он грязен, как дикарь, и волосат,
И гол, и ногти длинные торчат.

Все тело в язвах гнойных и кровавых
От кандалов — железных, острых, ржавых.

В оковах тело с головы до пят, —
И закричал Рустам, тоской объят.

Он разорвал оковы заточенья,
Рассыпались цепей железных звенья.

К Рустаму, продавцу жемчужин, в дом
Бижан и Манижа пошли вдвоем,

Еще не смея радоваться встрече,
Рустама восхваляя в каждой речи.

Рустам велел подать Бижану снедь,
Богатыря помыть, переодеть.

Припал к ногам Бижана сын Милада,
Сказал Гургин: «Да будет мне пощада!»

Он попросил прощения при всех
За то, что совершил тяжелый грех.

Бижан к нему почуял в сердце жалость,
И сердце от возмездья отказалось.

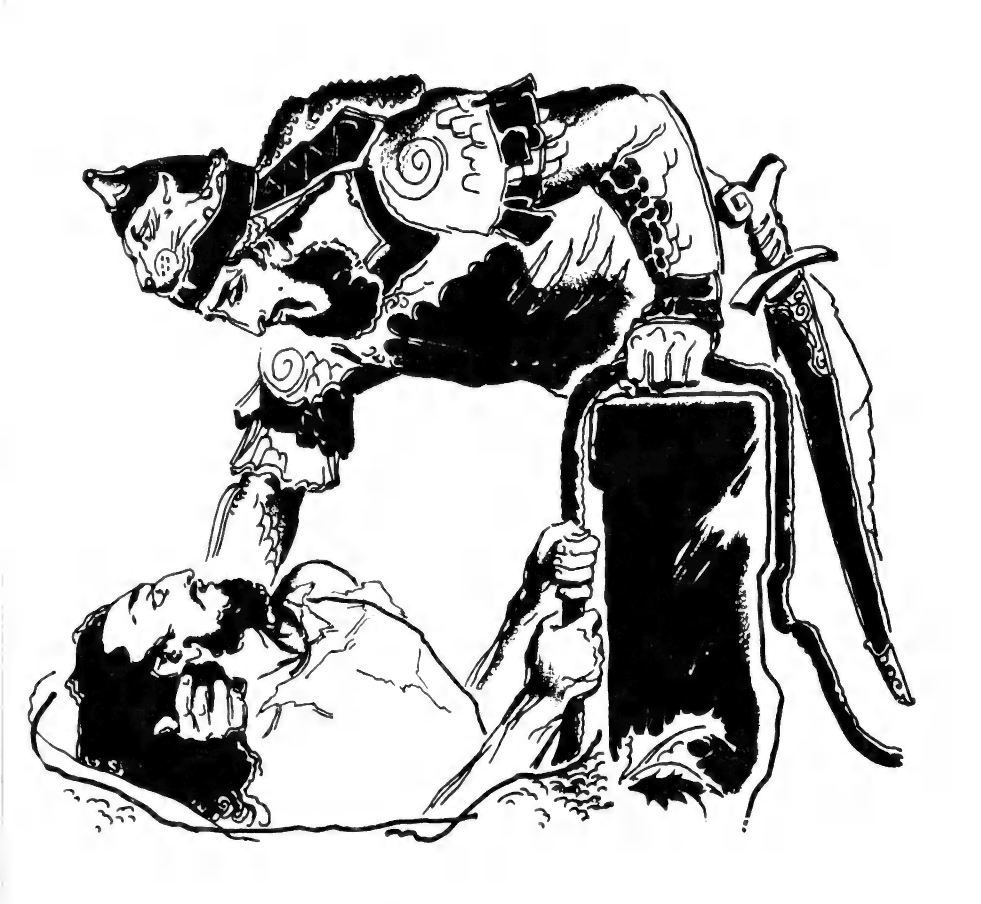
Навьючили верблюдов в добрый час
И сели на коней, вооружась.

Рустам — на Рахше, за Рустамом следом —
Воители, привыкшие к победам.

Отправил груз, устроил все дела,
Теперь стезя к сражению вела.

Послал вперед Ашкаша, верхового,
Что был ушами войска боевого.

Велел Бижану: «Вместе с Манижой
С Ашкашем ты покинешь край чужой,



А я о сне и отдыхе забуду,
С Афрасиабом ночью биться буду.

Такой в его чертогах бой пойдет,
Что завтра высмеет его народ!

А ты, познавший беды и несчастья,
Не принимай в сражении участья».

Сказал Бижан: «Уехать я могу, —
Вы отомстите за меня врагу».

ВОЗВРАЩЕНИЕ БИЖАНА И МАНИЖИ

С заботой о вернувшихся с дороги
Спокойно шах воссел в своем чертоге,

Бижану приказал прийти к нему,
Поведать про оковы и тюрьму.

Бижан повел рассказ о темной яме,
О тяжких путах с острыми гвоздями,

О камне, о превратностях судьбы,
О войске, поскакавшем для борьбы.

Внимал властитель повести ужасной,
Сочувствуя той девушке несчастной.

Сто платьев, ослеплявших красотой,
Жемчужин редких, ткани золотой,

Венец, рабыню, кольца и браслеты,
Ковер и в десяти мешках монеты

Вручил ему, сказал богатырю:
«Я все твоей страдалице дарю.

С ней обращайся ласково, не строго,
Из-за тебя она страдала много.

Будь предан ей и думай лишь о ней...
Ты видишь ли круговращенье дней?

Оно одних на самый верх поставит,
От горестей и тяжестей избавит,

Других низвергнет вниз, в непрочный прах.
Где сплошь и рядом — горе, смута, страх.

Того, кого лелеяло на воле,
Вдруг бросит в яму нищеты и боли,

Другого из темницы до высот
Престола и короны вознесет.

Судьба кознелюбива и упряма,
Ни перед кем она не знает срама.

Она сильна в хорошем и в плохом,
Заботиться не хочет ни о ком.

Добра и зла вожатый постоянный, —
Таков сей мир и все его обманы.

Из-за дирхемов горестным не будь,
Ты избери великодушья путь.

Где тот, кто смотрит на казну с презреньем,
Кто жизни рад и всем ее твореньям?!»

Я передал правдиво этот сказ:
Таким он с древности дошел до нас.

Бижану много посвятив стараний,
Расскажем о Гударзе и Пиране.

Дальше в «Шах-наме» описываются поединки двенадцати иранских и туранских витязей. Гибнет цвет туранского воинства во главе с Пираном, кровь которого выпивает из чаши Гударз в месть за убитых сыновей и внуков.

Затем Фирдоуси повествует о вторжении Кей-Хосрова в Туран, осаде и взятии столицы Турана, гибели сына Афрасиаба Шиде и пленении и казни Афрасиаба и Гарсиваза. Кей-Хосров посадил на туранский престол оставшегося в живых сына Афрасиаба — Джахну. Кей-Хосров, при жизни отказавшись от трона, несмотря на отговоры Заля и других витязей, передал власть Лухраспу — своему двоюродному дяде, а сам вместе со многими витязями исчез в горах во время снежной бури.

Лухрасп

Когда Лухрасп воссел благословенный
На золотой престол царя вселенной,

Предвечному Йездану, богу сил,
Великую хвалу он возгласил.

Сказал: «Да будет в нашей доле трудной
Опорой нам владыка правосудный!

Он смертному достоинство дает,
Вращающийся держит небосвод.

Он создал землю, и моря, и горы,
И небосвод без видимой опоры.

Кружится свод, земля недвижна... бог
Ей для круговращенья не дал ног.

Как муравьи, мы на земле широкой
Алчбой томимся, мукою жестокой.

И пусть иной себя счастливым мнит, —
В засаде смерть, как лютый зверь, не спит.

Да не коснутся нас вражда и злоба,
Да будем все добро творить до гроба!

Пока дано мне властью обладать,
Я справедливость буду утверждать,

Чтоб успокоить страждущих в печали,
Чтоб мне вослед проклятья не звучали.

Я светоч Кей-Хосрова сохраню,
Из сердца гнев и жадность изгоню.

Так повинуйтесь! Правду почитайте!
Живите в мире и вражды не знайте!»

И все князья, склонившись до земли,
Царем своим Лухраспа нарекли.

Поставил разум во главе правленья
И осудил Лухрасп страстей смятенье.

Посольства в Рум, и в Индию, и в Чин
Отправил благородный властелин.

И все узнали страны и языки
О новом миродержце и владыке.

Из отдаленных мира поясов
Стеклись к Лухраспу сонмы мудрецов,

И соль и горечь знанья испытали,
И в Балхе все нашли, чего искали.

Лухрасп столицу заново воздвиг,
Благоустроил город, как цветник —

С базарами, с прекрасными домами;
Построил храмы, озарил огнями.

Бурзин — был главный храм; кругом сады
Для всенародных праздников Сады.

ГУШТАСП ОБИЖАЕТСЯ НА ОТЦА И ПОКИДАЕТ ИРАН

Лухрасп имел, по милости творца,
Двух сыновей — наследников венца.

Гуштаспом старший сын отважный звался;
Второй — Зарир, он мощью льву равнялся.

Они отца познаньем превзошли,
А мужеством — всех воинов земли.

От Кей-Кавуса, властелина мира,
Был царский фарр Гуштаспа и Зарира.

Отец на рост их с радостью взирал,
Но о Гуштаспе, старшем, он молчал.

С годами незаметно в старшем сыне
Окрепли властолюбье и гордыня.

Против отца таил обиду он,
Что тот ему не уступает трон.

Однажды в Парсе, в дни весны цветущей,
Лухрасп в саду велел поставить кущи.

Вельмож, военачальников, князей
Созвал он к царской трапезе своей.

Вот за беседой чашу вкруг пустили
И сердце шахское развеселили.

Взял чашу, встал Гуштасп, Лухраспов сын,
И молвил: «Справедливый властелин!

Пускай продлится век твой величавый
И озарится истинною славой!

Тебе корону дал творец миров,
Трон завещал премудрый Кей-Хосров.

А я — наследник царственных отцов —
Я только раб среди твоих рабов!

Но, государь, ведь, если битва грянет,
Кто мне среди мужей противостанет?

Один мне есть соперник — исполин
Рустам великий, старца Заля сын.

Власть отдал Кей-Хосров благословенный
Тебе, пред тем, как мир покинуть бренный.

Коль я достоин — соблюди закон:
Вручи теперь корону мне и трон!

Останусь я твоим рабом, как прежде,
Я стану звать тебя царем, как прежде».

Лухрасп сказал: «Внемли моим словам:
Поспешность не к лицу, мой сын, царям.

Должны сперва мы взвесить всё толково
И вспомнить назиданья Кей-Хосрова.

Он говорил: «Предотвращай беду!
Когда сорняк не выполот в саду,

Он так после поливки разрастется,
Что садовод хлопот не оберется».

На высоте кружится голова...
Ты молод, сын мой! Взвешивай слова!»

И выслушал Гуштасп и огорчился,
Печалью лик суровый омрачился.

Сказал: «Ну что ж, премудрый властелин,
Ласкай чужих, тебе не дорог сын».

Отряд был у Гуштаспа — триста конных,
Бойцов воинственных и закаленных.

Ушел он с пира к воинам своим
И тайный замысел поведал им.

Сказал: «Готовы будьте ночью этой.
Далеко мы ускачем до рассвета».

Один сказал: «Готовы мы, но все ж
Скажи, в какой ты край нас поведешь?»

Гуштасп ответил: «В Хинде отдаленном
Ждут нас и встретят с честью и поклоном.

Письмо правитель Хинда мне прислал;
Он мускусом по шелку написал:

«К нам приезжай! Приход твой был бы к счастью,
И сам я буду под твоею властью!»

Когда настала ночь, ушел Гуштасп.
Отряд свой, в гневе, прочь увел Гуштасп.

Лухрасп, узнав об этом, огорчился,
Утратил радость, сердцем омрачился.

Созвал мужей и все поведал им —
Испытанным советникам своим.

Сказал: «Гуштасп в поступках вышел скорым.
Он седину мою покрыл позором.

Взлелеян мною, счастьем одарен,
Мужей сильнейших превосходит он.

В нем старости моей была отрада.
Но гордый кипарис исчез из сада!»

В раздумье о неведомой судьбе,
Зарира-сына он призвал к себе.

Сказал он: «Тысячу неустрашимых
Ты избери из войск моих любимых.

Скачи немедля с ними в Хиндустан.
Пусть прахом станет чародейский стан».

А в Рум Густахм — Ноузара сын помчался,
Гураз отважный в дальный Чин помчался.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГУШТАСПА ВМЕСТЕ С ЗАРИРОМ

Гуштасп скакал, степной вздымая прах,
В обиде, со слезами на глазах.

В Кабул он прибыл, край в цвету увидел.
Лесов и пастбищ красоту увидел.

Вблизи ручья с коней они сошли,
День целый, отдыхая, провели.

Там, в чащах, изобильно дичь водилась;
Вода в ручьях, как молоко, струилась.

Когда настала ночь, тиха, темна,
Зажгли огни и принесли вина.

С рассветом ловчих соколов достали,
С гепардами на ланей поскакали.

Зарир за братом следом поспевал,
Нигде не становился на привал.

Услышав шум и ржание с дороги,
Охоту люди бросили, в тревоге.

Гуштасп, услышав ржание коней,
Сказал дружине избранной своей:

«Зарирова коня я слышу ржанье,
Могучее, как львиное рычанье.

За мной приехал брат мой, исполин.
Сюда он прибыл с войском, не один».

Едва Гуштасп промолвил это слово,
Стяг со слоном возник в пыли лиловой.

Зарир в доспехах впереди скакал,
Пыль, словно вихрь, до облак подымал.

Пошел к Гуштаспу он, проворно спешась,
Тем, что живым нашел его, утешась.

И в радости, не отирая слез,
Йездану благодарность он вознес.

И заключил Гуштаспа он в объятья,
И рядом на лужайке сели братья.

Тут всех, стоявших близ, богатырей
Гуштасп велел к беседе звать своей.

Мужи Ирана вняли шаха слово,
Речь повели достойно и толково.

Гуштаспу некто знатный молвил так:
«О муж, носящий золотой кушак!

Тебя мы славим, но узнай еще ты, —
Мудрейшие Ирана звездочеты

Пророчат, что, как новый Кей-Хосров,
Ты скоро сядешь на престол отцов.

Коль станет Хинда царь твоим главою,
Иранцы погнушаются тобою.

Ты знаешь сам — Йездана Хинд не чтит.
Опору там утратишь ты и щит.

Ты избери, что разум одобряет.
В Хинд уходить тебе не подобает.

Тебе отец благоволит во всем.
Как не поладил ты с таким отцом?!»

Гуштасп сказал: «Эй, муж, умом великий!
Я не в почете у отца-владыки.

Он внуков Кей-Кавуса возлюбил;
Приблизил их, величьем осенил.

Когда он власть уступит мне, клянусь я:
Как перед идолом, пред ним склонюсь я.

А коль увижу вновь, что от отца
Ждать нечего — исчезну из дворца!

Царя Лухраспа от забот избавлю,
Державу, власть и трон ему оставлю».

Так молвил муж Гуштасп, уста сомкнул,
Коня назад к Ирану повернул.

Когда Лухрасп об этом весть услышал,
С князьями он навстречу сыну вышел.

Перед отцом Гуштасп сошел с коня
И стал, покорно голову склоня.

Лухрасп же обнял сына, славя бога,
И слов ему сердечных молвил много:

«Да будет твой венец венцом Луны!
О милый сын, нам споры не нужны!

Ты воли не давай коварным дивам
Увлечь тебя путем кривым и лживым.

На мне останется лишь сан один,
Вся подлинная власть — тебе, мой сын!»

Гуштасп ответил: «Государь великий,
Я — раб твой, я слуга у врат владыки.

Меня возвысишь — повинуюсь я,
Меня принизишь — повинуюсь я».

Отец и сын, беседуя утешно,
Со свитой во дворец пошли неспешно.

Айван блистал убранством, как весна.
Счастливый шах велел подать вина.

Такой был пир, что с синей кровли мира
Светила сыпались в застолье пира.

Князья сидели, сладко опьянев,
Венцы златые на главы надев.

Лухрасп заздравное промолвил слово,
Он вспоминал за чашей Кей-Хосрова,

Потомков Кей-Кавуса он хвалил...
Гуштасп же, слыша это, слезы лил.

Сказал дастуру: «Как я ни старался,
Отец, как прежде, при своем остался!

Решусь ли я с дружиной на уход —
Опять в погоню войско он пошлет.

Опять вернет меня с дороги силой
И сесть заставит в этот круг постылый.

А одному, увы, бежать мне — стыд.
Отец — виновник всех моих обид!

Родных теснит он, нашу честь он губит.
Он лишь потомков Кей-Кавуса любит.

Но решено. Я в ночь уйду один,
Так, что меня не сыщет властелин».

ГУШТАСП ОТПРАВЛЯЕТСЯ В РУМ

Гуштасп из стойла вывел вороного
Так тихо, что не звякнула подкова.

Кафтан румийский в золоте — на нем,
И шапка с хумаюновым пером.

Был поясом он царским препоясан,
Динаров в нем дорожный скрыл запас он.

С отвагой в сердце, полон смелых дум,
Он, в тайне ото всех, умчался в Рум.

Узнав, что сын Гуштасп внезапно скрылся,
Лухрасп чистосердечный огорчился.

Призвал Зарира и князей своих,
Мобедов и советников седых.

Сказал: «Сей лев покорности не знает.
Меня — отца — во прах он повергает.

Так будем мудро, сообща решать,
Чем этот злой недуг уврачевать».

«О властелин! — сказал мобед почтенный, —
Трон шаха славен доблестью военной.

Ты сына-пахлавана породил,
Исполненного мужества и сил.

«Ему нет равных», молвив, прав я буду.
Пошли людей, ищи его повсюду

И сам к нему навстречу устремись, —
Во всем величье щедрости явись.

Проходит всё, сменяются владыки,
Не вечен был и Кей-Кубад великий.

И ты Гуштаспу милость окажи:
Сам на него корону возложи.

Богатыря мы, кроме сына Заля,
Подобного Гуштаспу, не видали.

По внешности, по знанью, по уму,
По знатности нет равного ему».

Лухрасп великодушный внял совету,
Послал людей на поиски по свету.

Гонцы, объехав все края земли,
Вернулись и вестей не принесли.

ГУШТАСП ПРИБЫВАЕТ В РУМ

Поток широкий беглецу открылся,
И сборщик пошлин на ладье явился.

То старец был по имени Хишой,
Муж хитроумный, с доброю душой.

Гуштасп промолвил, с головой склоненной:
«Будь здрав и счастлив, старец умудренный!

Ученый из Ирана я — дабир,
Ища познанья, объезжаю мир.

Коль ты меня на лодке переправишь, —
Весь век тебя благодарить заставишь».

«Эй, витязь, — хитрый отвечал старик, —
Ты не пером — мечом владеть привык.

А чтоб тебе обо́нпол очутиться,
Открой всю правду мне, зачем таиться.

Ты не дабир! По званию смотря,
Берем мы плату, правду говоря».

Гуштасп ответил: «Старец благородный,
Зачем нам прибегать ко лжи негодной?

Вези! Не пожалею ничего —
Ни золота, ни перстня моего!»

Горсть золотых отсыпал он Хишою.
Обрадованный милостью такою,

В ладью Гуштаспа усадил старик
И с ним румийской стороны достиг.

Был в Руме город, славой озаренный,
Чуть не на три фарсанга протяженный,

Когда-то древним Салмом заложен,
Кейсаров Рума был столицей он.

В том городе не ратные заботы
Познал Гуштасп: он стал искать работы.

Богат, благоустроен город был.
Гуштасп неделю в поисках бродил.

Запас его динаров истощился;
И загрустил Гуштасп и огорчился.

Своей внезапной бедностью смущен,
В диван дворцовый обратился он.

Сказал ускуфу: «Я — писец ученый,
Из дома жаждой странствий увлеченный.

Писать, читать, считать искусен я,
Так не нужна ли помощь вам моя?»

Писцы, оставив перья, обернулись,
Богатыря увидев, усмехнулись, —

Да если, мол, такой начнет писать,
Бумаге и перу несдобровать.

Ему верхом скакать бы в поле ратном,
С тяжелой палицей, с мечом булатным!

Ответили ему: «У нас давно
Дабиров набрано полным-полно».

Когда Гуштасп такой ответ услышал,
Он тяжело вздохнул и молча вышел.

Отправился, на труд любой готов,
За город, к стражу царских табунов.

Наставом звался коновод почтенный,
Отборных косяков пастух бессменный.

Пришел Гуштасп к конюшему тому,
Поклоном низким честь воздал ему.

Настав окинул гостя зорким взглядом
И место указал с собою рядом.

«Ты кто? — спросил, — хочу я правду знать.
Ты — отпрыск рода царского, видать».

А тот: «О нет! Я — дальней степи житель,
Коней свирепых смелый укротитель.

Помощником твоим я стать хочу;
Твои заботы, муж, я облегчу».

Настав ответил: «Жаль тебя обидеть,
Но, чужеземец, сам ты можешь видеть, —

Как незнакомцу из чужой страны
Я царские доверю табуны?»

Покинув луг, где жил табунщик старый,
Пошел Гуштасп к погонщикам кейсара.

Почтительно, смиренно отдал он
Седому караванщику поклон.

Увидел лик печальный, речь услышал
И встретить гостя караванщик вышел.

С приветом добрым усадил его,
Принес еды и угостил его.

Сказал Гуштасп: «О старец прозорливый,
Терплю я гнев судьбы несправедливой.

Прими меня служить! За труд — корми,
А заработок мой себе возьми!»

Ответил тот: «Зачем творить обиду,
О муж могучий, благородный с виду?

Тебе к лицу ли наше ремесло?
А если впрямь тебя постигло зло,

Иди к царю! Он от нужды избавит,
В своих войсках тебя служить оставит.

Коль ты дороги не отыщешь сам,
Я дам верблюда, провожатых дам».

И поблагодарил, и поклонился
Ему Гуштасп, и в город воротился.

Тяжелыми раздумьями объят,
Он на базар пришел — в кузнечный ряд.

Там, жизнерадостный и добронравный,
Был муж Бураб — над кузнецами главный.

Брони, мечи, подковы делал он,
От всех за то кейсаром отличен.

В поту изнемогали, в саже черной
Молотобойцы дюжие у горна.

Так долго в кузнице сидел Гуштасп,
Что подмастерьям надоел Гуштасп.

Спросил Бураб: «Эй, витязь благородный,
Что в грязной кузнице тебе угодно?»

Гуштасп ответил: «О счастливый муж,
Я — без работы. Я здоров и дюж.

Прими меня подручным, ради бога,
И будет от меня тебе подмога!»

Бураб, взглянув на мощь его и стать,
Решил его в молотобойцы взять.

Железный брус в горниле раскалили,
На наковальню звонкую взвалили.

Кувалду мужу дав, сказали: «Бей!» —
Кругом столпилось множество людей.

Ударил он. Метель огня всклубилась,
И наковальня вдребезги разбилась.

Бураб сказал: «Железо и булат
Пред силою твоей не устоят.

Пришел ты — наковальни я лишился!..»
Гуштасп, его услышав, огорчился.

Он бросил молот и ушел опять.
Есть нечего ему и негде спать.

Но бедствий и напастей дни не вечны...
А счастья дни? Ведь и они не вечны!

Добро и зло минуют в свой черед.
Будь сердцем тверд и помни: все пройдет.

ДИХКАН ПРИВОДИТ ГУШТАСПА К СЕБЕ ДОМОЙ

Гуштасп в унынье тяжком пребывал
И в скорби сердца к небесам взывал.

Судьба несла ему лишь горечь яда...
И вот — он вышел за пределы града.

Деревья высились, ручьи текли
Среди долин возделанной земли.

Над светлой речкой рос чинар огромный;
Там, у корней его, в тени укромной,

Гуштасп свой отдых под листвой густой
Обрел, измучен телом и душой.

Он сетовал: «О боже правосудный,
За что мой жребий непосильно трудный?

Счастливою звезда моя была,
Откуда же ко мне беда пришла?»

Один дихкан из ближнего селенья
В ту пору обходил свои владенья.

И видит — плачет, под чинаром сев,
Прекрасный витязь, царственный, как лев.

Дихкан сказал: «Эй, пахлаван достойный,
О чем скорбишь душою беспокойной?

Вставай и гостем в дом ко мне войди!
Ты очень молод, век твой впереди.

Крепись и верь небесной благостыне!
Не подобает слезы лить мужчине».

Спросил Гуштасп его: «Почтенный муж,
Кто ты? Свое мне званье обнаружь!»

Дихкан ответил: «Ты меня обидишь,
Когда во мне неравного увидишь.

Знай, юноша: мой благородный род —
От Фаридуна древнего идет».

И встал пред ним Гуштасп, и поклонился,
И приглашенью мужа покорился.

В свой сельский дом привел его дихкан,
Украсить для него велел айван.

Сперва он угостил его богато
И в доме приютил его, как брата.

И, чувствуя радушье и тепло,
Гость прижился. Так много дней прошло.

РАССКАЗ О КАТАЮН, ДОЧЕРИ КЕЙСАРА

Обычаем в роду кейсаров было:
Когда царевна в возраст приходила

И начинала, как звезда, блистать,
И время было мужа ей искать, —

То призывал кейсар к себе в ту пору
Знатнейших, трона царского опору,

Мужей совета и богатырей —
Достойных дочери царя царей.

Царевна, сбор их обойдя сначала,
Сама по нраву мужа выбирала.

В венце, с лицом открытым шла она,
Блестящей свитой дев окружена.

Три юных дочки — в неге, без печали —
В то время у кейсара подрастали.

Всем взяли дочки — станом, красотой,
И добродетелью, и чистотой.

Достоинствами старшая меж ними
Блистала. Катаюн ей было имя.

Однажды Катаюн приснился сон:
Весь город ярким светом озарен;

И множество князей в чертог явилось,
Как будто небо звездное открылось.

Муж-чужеземец в том собранье был,
Как солнце перед сонмищем светил;

В глазах раздумье, тень забот на лике,
Осанка царственна, как у владыки.

Венец ему царевна отдала —
В знак, что его супругом избрала...

Вот вскорости кейсар созвал собранье
Мужей высокой доблести и званья.

Лишь озарило солнце лик земли,
Знатнейшие в чертог царя вошли;

Построились в два ряда в тронном зале.
Вот на смотрины Катаюн позвали.

Царевна вышла к ним, венец надев,
Со свитой из шестидесяти дев.

Смотрела Катаюн, полна смущенья,
Ходила средь гостей до утомленья;

Желанного средь них не избрала
И величаво в свой покой ушла.

Когда созвездья поднялись над миром,
Сел на престол кейсар, сказал вазирам:

«Так пусть придут — со всей страны моей —
Сыны дихканов и простых людей!

Среди дихканов, может быть, найдется
Такой, что дочке по сердцу придется!»

Летела весть о том во все концы.
Толпою повалили удальцы.

Сказал Гуштаспу муж-дихкан почтенный:
«Ступай! Зачем скрываться, гость бесценный?

Быть может, обретешь венец и трон,
Воспрянешь, от скорбей освобожден».

И внял Гуштасп, и духом окрылился,
И ко двору кейсара устремился.

Пришел и, кроясь за густой толпой,
Сел в дальний угол, сумрачный душой.

Пошли чредой рабы. За ними следом
Шла Катаюн со свитой и мобедом.

В сопровожденье старых мудрецов,
Прошла среди князей и удальцов.

Гуштаспа увидав, остановилась.
«Да сбудется, — сказала, — что мне снилось!»

И на Гуштаспа, сняв с своих кудрей,
Венец надела — древний знак царей.

Дастур верховный царского совета
К кейсару побежал, увидев это.

Сказал: «Царевна мужа избрала,
Венцом его священным облекла!

Лицом он схож с луною полунощной.
Он — кипарис высокий с выей мощной.

Он весь — как свет, что разгоняет мрак,
Но горе! Он — неверный и чужак».

Кейсар ответил: «Этого не будет!
Иль царский род позора не избудет...

Да если дочь я чужаку отдам,
Повсюду поношенье будет нам.

Прочь и его и дочь мою ведите
И головы им тут же отрубите!»

Но возразил дастур: «О государь,
Повремени! Бывало так и встарь.

Ведь ты царевне выбор сам позволил,
Но никаким условьем не неволил.

Позволь тропою сердца ей идти,
Не отходи от божьего пути!

Таков обычай древний горделивых
Отцов твоих, царей благочестивых.

Таков обычай Рума и закон.
Не нарушай завет былых времен!

Не гневайся, не будет счастья в этом.
Дорогой правды шествуй перед светом!»

КЕЙСАР ОТДАЕТ КАТАЮН ЗА ГУШТАСПА

Решил его совету внять кейсар.
Решил Гуштаспу дочь отдать кейсар.

«Иди! — сказал он дочери-невесте, —
Не жди от нас ни милости, ни чести!»

Дивясь такому грозному отцу,
Гуштасп воззвал о помощи к творцу.

И Катаюн сказал он горделивой:
«О выросшая под звездой счастливой!

Зачем средь венценосцев и князей
Ты избрала меня душой своей?

Я — иноверец из чужбины дальней,
Что может быть судьбы моей печальней?

Я беден. Так покинь меня, вернись!
Отцовскому веленью покорись!»

Она в ответ: «Эй, богатырь, мужайся
И воле неба не сопротивляйся!

Когда с тобой счастлива буду я,
Что́ мне престол, венец и власть моя?»

Гуштасп, вздыхая, словно от недуга,
Привел царевну в дом дихкана-друга.

Когда дихкан их вместе увидал, —
«Живите в мире, дети!» — он сказал.

Он принял их с душевною отрадой,
Дал им просторный дом и сад с оградой.

Заботой друга тронутый до слез,
Гуштасп молитву за него вознес.

У Катаюн остались украшенья —
И жемчуга́, и ценные каменья.

Она сняла с нашейной нитки лал,
Какому равного никто не знал.

К заргару понесли они тот камень,
Сверкавший ослепительно, как пламень.

Шесть тысяч им динаров золотых
Он тут же отсчитал за камень их.

Продажа эта жизнь им облегчила.
Они купили все, что нужно было.

Так жили муж с женой чем бог пошлет, —
То в радости, то в горести забот.

С утра — в полях Гуштасп, охотник смелый.
В его руках — аркан да лук и стрелы.

Добычей — в некий день — отягощен,
Он ехал. И Хишоя вспомнил он.

И вот с дороги повернул к Хишою
Охотник — с благодарною душою.

И всю добычу — ланей, дудаков —
У хижины свалил, не тратя слов.

Хишой навстречу выбежал бегом,
Зазвал Гуштаспа в свой убогий дом.

Устроил гостю ложе, как умел он.
Все притащил на ужин, что имел он.

Сел богатырь, еды его вкусил
И к Катаюн, как ветер, поспешил.

Так — день за днем — он заезжал к Хишою
И привязался к старику душою.

И сколько дичи он ни убивал,
Треть каждый день Хишою отдавал.

Дихкану-другу привозил не малость,
И поселянам доля оставалась.

Дихкан достойный так сдружился с ним,
Как будто братом стал ему родным.

МИРИН СВАТАЕТСЯ КО ВТОРОЙ ДОЧЕРИ КЕЙСАРА

Румиец некий жил — Мирин счастливый.
Богач, ученый, витязь горделивый.

Послал кейсару он такую весть:
«Я знатен родом, фарр мой — предков честь.

Отдай мне дочь твою другую в жены,
Прими мой выкуп и мои поклоны».

Кейсар сказал: «Теперь закон таков:
Сам дочерям беру я женихов.

Обычаи минувших лет негодны, —
Позор мне этот зять — чужак безродный.

Пусть только тот себя надеждой льстит,
Кто нас мечом от бедствий защитит.

Отныне годен тот в зятья владыке,
Кто в мире подвиг совершит великий;

Кто может мощной охранять рукой
Мир во владеньях Рума и покой.

Искатель чести — пахлаван могучий
Пусть углубится в лес Фаскун дремучий.

В фаскунских дебрях волка встретит он.
Волк, что дракон, велик, что слон, силен.

На лбу — рога, клыки кабаньи в пасти;
Тот зверь для нас — великое несчастье.

Где храбрый муж? Кто в лес войти дерзнет?
Там лютый лев от ужаса ревет.

Но будет мне любимым зятем тот,
Кто в битве шкуру волчью разорвет!»

«Да будет проклят волк! — Мирин ответил, —
С тех пор, как Рум стоит — велик и светел,

Отцы мои и пращуры в боях
Стяжали честь себе в чужих краях.

Их слава — с храбрыми единоборство...
Кейсар явил жестокость и упорство, —

Но, видно, такова судьба моя:
Что б ни было — на волка выйду я».

Домой Мирин приехал добронравный,
Решась на бой с чудовищем неравный.

Он гороскоп старинный свой достал
И книгу вещую перелистал.

Прочел он в книге: «Из чужбины тайно
Муж некий в Рум прибудет не случайно.

Муж этот, силой дивной нарочит,
Три славных дела в Руме совершит.

И первый: зятем станет он кейсара,
Возьмет венец, взойдет на трон кейсара.

Два чудища появятся в стране,
Подобные чуме или войне.

Сей чуждый муж беды не устрашится,
Он с чудищами этими сразится».

А до Мирина также весть дошла,
Что Катаюн Гуштаспа избрала,

Слыхал он о дихкане и Хишое,
Что преданы Гуштаспу эти двое.

Он разыскать Хишоя поспешил
И о решенье царском сообщил.

О вещей книге рассказал, о чуде,
Которого не ожидают люди;

Что дивный муж появится средь них,
По предсказаньям мудрецов былых.

«На все, — Хишой ответил, — власть господня!
Ты гостем у меня побудь сегодня.

А тот, о ком ты поминал сейчас,
Достойный муж, находится у нас.

Все дни он в поле рыскает за дичью
И не стремится к трону и величью.

Наверно, где-то кружит он в степи, —
Прискачет скоро. Малость потерпи!»

Хишой принес кувшин, большие чаши, —
Вином наполнил золотые чаши.

Четыре чаши выпили, и вот
Летит к ним вскачь охотник славный тот.

Гуштасп летел, взметая тучу пыли;
Они ему навстречу поспешили.

И молвил в изумлении Мирин:
«Где в мире есть подобный исполин?

Нет равного ему во всей вселенной!
Он доблестного рода, несомненно.

Каким величием, каким умом
Блистает взгляд; какая сила в нем!

Он царственного полон благородства!
Ему к лицу б — корона и господство!»

И встретились. И над ручьем они
Обедать сели в лиственной тени.

Вот кубки подняли с вином пунцовым,
Приветствуя друг друга добрым словом.

И после трех до края полных чаш
Хишой сказал Гуштаспу: «Витязь наш!

Меня ты верным другом почитаешь,
Ты в Руме никого почти не знаешь.

Мирин пришел к нам с просьбой... Он к тому ж
Достойный и могущественный муж.

Он чтеньем книг свои познанья множит,
Читать по звездам будущее может.

Философов румийских ученик,
Он все преданья прошлого постиг.

От Салма род свой царственный ведет он,
До Фаридуна предков назовет он.

Хранится у него заветный меч,
С которым Салм ходил на поле сеч.

Мирин в бою могучих поражает,
Орлов стрелою в тучах поражает.

Хотел он дочь кейсара в жены взять;
Кейсару был бы он достойный зять.

Посватался к царевне тонкобровой,
Но услыхал отца ответ суровый.

Сказал кейсар: «В лесу Фаскун живет
Волк, что стране покоя не дает.

Тот волк верблюду-нару ростом равен.
Убей его — и в Руме будешь славен!

На троне рядом сядешь ты со мной,
И станет дочь моя твоей женой!»

О муж Гуштасп, Мирину помоги ты.
За это хоть в рабы меня возьми ты!»

Гуштасп ему: «Где этот волк? Где лес?
Каких ты нарассказывал чудес!

Поверь: труды такие мне годятся,
Которых ваши воины страшатся».

Хишой ответил: «Этот волк лесной
Верблюда-нара выше головой.

Два бивня у него торчат из пасти.
Густая шкура темно-синей масти.

Рога двух копий боевых грозней,
Пронзит он ими сразу двух коней.

И много витязей, отважных, в силе,
Во всеоружье, на него ходили.

Одни в бою неравном полегли,
Калеками другие приползли».

Гуштасп ответил: «Салмов меч мне дайте,
Коня воинственного оседлайте! —

Когда он будет мною истреблен, —
Увидите, что он не волк — дракон».

Когда Мирин с друзьями разлучился,
Как вихрь, домой поспешно устремился;

Был выбран конь им черный боевой,
Припас броню, кольчугу, шлем стальной,

И меч, огнем и кровью закаленный,
Из кладовой достал он потаенной.

Горсть отобрал еще в казне своей
Жемчужин редких, дорогих камней.

Как только солнце утра разорвало
Той ночи смоляное покрывало,

Мирин коня проворно оседлал
И одвуконь к Хишою поскакал.

Примчался он в охотничью долину.
Навстречу выйдя славному Мирину,

Друзья воскликнули, поражены
Конем, мечом, одеждою войны.

Гуштасп, оглядывая дар богатый,
Взял Салмов меч, коня, и шлем, и латы.

Хишою остальное подарил,
Надеждою Мирина ободрил.

Надев броню, оружье боевое,
Вступил ногою в стремя он стальное,

Напряг на луке бранном тетиву,
Высоко поднял мощную главу;

Поехал рысью в лес — навстречу бедам.
Хишой с Мирином поспешали следом.

К опушке чащи сумрачной друзья
Приблизились, смущение тая.

ГУШТАСП УБИВАЕТ ВОЛКА

Когда они в чащобу углубились,
Мирин с Хишоем духом сокрушились...

Гуштаспу указали на восток,
Где, по рассказам, был драконий лог.

И тут Гуштасп обратно отпустил их.
Они простились, горя скрыть не в силах.

Хишой сказал: «Как храбр он, как умен!
Каким величьем дивным дышит он!

Но я страшусь ужасного исхода, —
Хоть наши судьбы — в воле небосвода».

Гуштасп остался в том лесу густом,
Печалью сердце омрачилось в нем.

Он спешился под вековым платаном
И на колени пал перед Йезданом.

Молился он: «Пречистый судия!
Ты утвердил опоры бытия.

Будь мне щитом, помощник мой единый!
Отца Лухраспа пощади седины!

Ведь если истребит меня дракон, —
Что волком в неразумье наречен, —

Лухраспа весть об этом насмерть ранит, —
И пить, и есть, и спать он перестанет;

Отец от мук в отчаянье впадет, —
Разгневает высокий небосвод!

А если дрогну я теперь душою, —
И под землей позора я не скрою!»

Сказал, в седло крутое прянул он,
В деснице меч блистает, обнажен,

Лук наготове с тетивой шелковой, —
Скакал он — твердый сердцем, в бой готовый.

Завидя волка в логове лесном,
Он издал клич, как будто грянул гром.

Богатыря заслышав, из чащобы
Дракон взревел, исполнен лютой злобы.

Когтями грудь земли он раздирал,
Как жилы, вековые корни рвал.

Гуштасп, увидя: вот он, грозный враг, —
Проворно лук свой боевой напряг.

Послал он стрел разящих вихрь могучий,
Как струи молний из весенней тучи.

И градом стрел тот волк изранен был.
От ярости и боли он завыл.

И встал он, полон злобы неуемной,
И ринулся, как черный слон огромный.

Он мчался, низко голову склонив,
Рога вперед, как копья, устремив.

Как гневный Ахриман, ужасен был он.
С разбегу рог в живот коню вонзил он.

Живот и бок коню он разодрал.
Гуштасп-мироискатель пешим стал.

Мечом ударил, поразил дракона,
До печени он разрубил дракона.

И произнес горячую хвалу
Тому, кто кажет путь добру и злу.

Йездану произнес он восхваленье:
«О ты, создавший время и движенье!

Заблудшим свет нелживый — ты один,
Владыка справедливый — ты один.

Весь мир лишь прах перед тобой — не боле.
Победа, знанье, власть — в твоей лишь воле!»

Вернувшись к телу чудища того,
Гуштасп два бивня вырвал у него.

Пошел он пеший чащею глубокой;
Шел, шел и прибыл к берегу потока.

Мирин-бедняга и старик Хишой
Сидели там, крушась о нем душой.

О волке и Гуштаспе толковали:
«Могуч Гуштасп, да справится едва ли!..

Теперь в чащобе грозный бой кипит,
И, может быть, Гуштасп уже убит!»

Тут вышел к ним из чащи той зеленой
Гуштасп — залитый кровью, утомленный.

И, радуясь, что он вернулся жив,
Друзья вскочили, возглас испустив.

Они ему навстречу побежали
И дождь с ресниц весенний проливали:

«О богатырь! Ты жив, ты невредим?
Хвала Йездану! Небом ты храним!»

«О добрые друзья, — Гуштасп в ответ, —
Видать, боязни бога в Руме нет,

Коль страшное чудовище такое
Здесь оставляли много лет в покое.

Он всю страну прошел бы, как пожар,
Все разорил бы. Прах пред ним — кейсар!

Но Салмовым мечом его сразил я.
Предел всем вашим страхам положил я.

Подите в лес, взгляните на него, —
На рост, на шкуру чудища того.

Величиной он будто слон огромный,
Рогатый, в волчьей шкуре густо-темной».

И побежали, радуясь душой,
В тот лес Мирин счастливый и Хишой.

И видят, будто слон лежит в лощине,
Когтистолапый, в шкуре темно-синей.

Он был разрублен с головы до пят;
Казалось — два огромных льва лежат.

Сказали: «Слава вечному светилу!»
Гуштаспову благословили силу,

И, удивляясь доблести такой,
Пошли они к стоянке над рекой.

Мирин открыл сокровищницы недра,
Гуштаспа одарил по-царски щедро.

Гуштасп отверг дары, коня лишь взял,
Сел и домой, как ветер, поскакал.

И спешился он у своей ограды,
Супругу встретил у дверей ограды.

Она спросила: «Муж мой, ты в броне?
Откуда это? — молви правду мне!»

Сказал он: «Нынче прибыли с востока
Посланцы родины моей далекой.

Они броню и меч мне привезли
С приветом добрым из родной земли».

Так ей Гуштасп ответил прозорливый
И сел за ужин с Катаюн счастливой.

Насытились, и выпили вина,
И вместе отошли на ложе сна.

Муж благородный вскрикивал спросонья;
Ему все снились кровь и пасть драконья.

Жена спросила: «Чем томишься ты?
Чего, мой друг, во сне страшишься ты?»

Ответил: «Видел свой престол и власть я.
Звезда мне снилась, что несет нам счастье».

Тут поняла она душой своей,
Что муж — потомок истинных царей.

Что духом, плотью он — природный кей,
Что до сих пор он не открылся ей.

Гуштасп сказал жене: «Моя отрада,
Любовь моя, скорбей моих услада!

Готовься в путь! Отправимся в Иран,
Где ждет меня мой богатырский стан.

Увидишь ты предел благословенный
И справедливого царя вселенной!»

Она сказала: «Свет моей души!
Пускаться в путь опасный не спеши!

Хишоя ты предупреди сначала,
Чтоб ожидал тебя он у причала,

Чтоб перевез тебя на корабле
На дальний берег, к чуждой нам земле.

А я останусь тут, страдать я буду,
Безмолвно, одиноко ждать я буду».

И оба стали слезы проливать,
Над будущей разлукой горевать.

Вот утро над землей раскрыло вежды,
И молодые, полные надежды,

Супруги с ложа неги поднялись,
За трапезой беседой занялись,

Гадая, благосклонный или гневный
Удел их ждет в юдоли пятидневной.

Меж тем Мирин в седло с рассветом сел;
К царю, как ветер утра, полетел.

Сказал кейсару: «Государь великий!
Тот волк повержен насмерть в чаще дикой.

То был не волк, а исполин-дракон,
Ты сам увидишь, как огромен он.

Он на меня рванулся в гневе яром,
Но я сразил его одним ударом.

Булатом печень зверя сокрушил,
Ударом сердце дива устрашил!»

Кейсар был рад удаче небывалой.
Лицо его, как солнце, засияло.

Быков велел в повозку он впрягать,
Шатры у края леса разбивать,

Созвал певцов, богатый пир устроил,
Всех угощеньем царским удостоил.

Меж тем быки повозку волокли.
И гости все с кейсаром в лес вошли.

Там на поляне волк лежал сраженный,
До печени железом рассеченный.

С трудом был на повозку погружен
Тот волк, тяжелый, как могучий слон.

Быки его тащили еле-еле,
И толпы с изумлением смотрели.

Кейсар на это чудище взирал,
И ликовал, и руки потирал.

Пришел мобед верховный к властелину,
И отдал дочь свою кейсар Мирину.

И весть он разослал по всем краям,
Епископам, правителям, князьям:

«Мирин, отважный муж, страну прославил,
От волка-Ахримана Рум избавил».

АХРАН ПРОСИТ РУКИ ТРЕТЬЕЙ ДОЧЕРИ КЕЙСАРА

Жил юноша, моложе, чем Мирин,
Средь витязей румийских — исполин.

Муж благородный, сильный, с медным станом,
От Салма родом. Звался он Ахраном.

Послал к кейсару с вестью сватов он:
«Ты знаешь сам, — я знатен и силен.

И мощью, и породою старинной,
И доблестью я превзойду Мирина.

Дочь младшую ты за меня отдай, —
И вечным должником меня считай!»

Кейсар ответил: «Я перед владыкой
Земли и неба дал обет великий.

И клятвы я своей не преступлю,
И чести предков я не посрамлю.

Ты должен, как Мирин, явить отвагу
В единоборстве, к чести нам и к благу.

На крутизне Сакила есть дракон,
Всю нашу землю в страхе держит он.

Дочь я отдам тебе, казну, корону,
Коль ты отрубишь голову дракону.

Он — ровня волку, чудищу тому.
Он страшен Ахриману самому».

Ахран ответил: «Повинуюсь вам!
За вашу дочь я жизнь свою отдам».

А близким молвил: «С волчьей силой злобной
Мог совладать лишь Сам слоноподобный,

А не Мирин! Стал, видно, глуп и стар,
Не видит в людях разницы кейсар!

Пойду к Мирину, дружбу пусть уважит —
И правду, может быть, хитрец мне скажет!»

Предстал он пред Мириновым дворцом,
Пошел привратник, доложил о нем.

Нет в небе у луны золоторогой,
Как у Мирина, светлого чертога.

Ахран явился в шлеме золотом,
В богатом снаряженье боевом.

Привратник доложил: «С толпою целой
Пришел к тебе Ахран слоновотелый».

Трон золотой для гостя принесли;
Услали всех, что помешать могли.

И встретились два мужа именитых
В покое дальнем, при дверях закрытых.

Мирин Ахрана обнял, усадил,
О всех делах участливо спросил.

Ахран ему ответил: «Друг Мирин,
Есть у меня к тебе вопрос один.

В душе моей давно таится дума
Взять в жены дочь кейсара — светоч Рума.

Я сватался. И вот царя слова:
«Дракона на горе убей сперва».

Скажи, как волка ты убил? Ты другу
Окажешь неоплатную услугу».

Мирин вопросом тем испуган был.
Задумался, умолк и приуныл.

Подумал: «Если тайна станет явной,
Что будет? Ждет меня удел бесславный.

Суть мужества — правдивость, ясный взор,
А в лжи и кривде — слезы и позор.

Раскрою тайну я ему. Быть может,
Муж-чужеземец снова нам поможет.

Когда знатнейший юноша в стране —
Ахран — опорой, другом станет мне,

Мы чужеземца тайно уничтожим
И правду скрыть навек от мира сможем».

Мирин Ахрану дал ответ такой:
«О лев, уговоримся меж собой:

Я помогу тебе своим советом,
Но ты мне поклянись молчать об этом!»

Поклялся клятвой страшною Ахран.
И вот вошел в сердца им Ахриман.

Сел, написал Мирин письмо Хишою:
«Эй, благородный, с чистою душою!

Ахран — славнейший богатырь страны,
Мой друг, владетель трона и казны,

Взять хочет третью дочь кейсара в жены,
Но ведь слова кейсара — нам законы.

Сказал: «Убей дракона на горе
Или погибни у него в норе!»

Ахран ко мне за помощью явился;
Я сжалился, во всем пред ним открылся.

Я перед ним душой кривить не стал,
О муже-иноземце рассказал.

Ты упроси его помочь Ахрану!
Коль нужно — сам его просить я стану.

И если он на помощь нам придет,
Двух преданных друзей он обретет!»

Ахран прочел, надеждой ободрился,
Сел на коня, к Хишою устремился.

Хишоя он застал в его дому.
Навстречу вышел лодочник к нему.

Раскрыл, прочел Мириново посланье
Хишой, готовый на благодеянье.

Сказал: «Ты время скоротай со мной!
Примчится он сюда, как вихрь степной.

Тот славный витязь из страны далекой,
Мирина ради, вышел в бой жестокий.

Когда тебе помочь захочет он,
То не спасется от него дракон.

Ты гостем будь моим, во имя бога,
Войди и осчастливь мой кров убогий!

А здесь он завтра утром должен быть.
Мы вместе будем помощи просить».

Светильник мирно отразился в водах...
Поужинав, они вкусили отдых.

Чуть ранняя забрезжила заря,
Краснее яхонта и янтаря,

В степи Гуштасп-охотник появился.
Ахран, его завидев, удивился.

Скакал наездник, конь могучий ржал.
Ахран навстречу пеший побежал.

И спешился охотник, полный сил,
Принесть вина и пищи попросил.

«Будь радостен всегда, ловец счастливый! —
Заговорил Хишой красноречивый, —

Сегодня добрый гость нас посетил,
Хранимый властью неба и светил.

Издревле близок род его кейсарам.
Он мудр, богат, блистает царским фарром.

Он хочет в жены взять кейсара дочь,
И мы, о друг, должны ему помочь.

Отвагой, благородством, мощным станом
Других румийцев не сравнить с Ахраном.

Он сватался и получил ответ
Такой, что для него исхода нет.

Кейсар сказал ему: «Убей дракона
Иль не являйся у подножья трона!»

Веселье во дворце теперь царит,
Кейсар лишь о Мирине говорит.

Достойным счастья он условье ставит:
«Я дочь отдам тому, кто Рум прославит!»

Есть некая гора до облаков,
Чьи склоны — в рощах, в зелени лугов.

На крутизне горы, в пещере темной,
Устроил логово дракон огромный.

Когда вдыхает воздух тот дракон, —
Акул из моря втягивает он.

Когда огонь из пасти выдыхает, —
Поля вокруг и пастбища сжигает.

Эй, друг! Коль ты дракона поразишь, —
Ты в целом мире славой прогремишь!

Кто выйти на того дракона может?
Один лишь ты! Йездан тебе поможет!

И счастлив будешь ты в своей судьбе, —
Нет мужа в Руме равного тебе!»

Гуштасп сказал: «Ступай и меч мне выкуй
В стальных шипах для битвы той великой.

Тот меч в шипах, как зубы у змеи,
Ты смертоносным ядом напои.

Надежно меч на древко насади ты,
Коня мне боевого приведи ты.

Мне нужен шлем и толстая броня —
Защита от драконьего огня.

И если счастье будет благосклонно,
Я, с божьей помощью, убью дракона!»

ГУШТАСП УБИВАЕТ ДРАКОНА

Ахран домой, как ветер, полетел,
Все изготовил, что Гуштасп велел.

Меч выковал, что прежде был неведом.
Взял меч Гуштасп, поехал. Двое следом.

Встал у подножия горы большой;
На зев пещеры указал Хишой.

Во тьме пещеры той дракон таился,
А сам Хишой с Ахраном вспять пустился.

Поднялся муж Гуштасп на горный склон.
И вот увидел всадника дракон,

Всей пастью воздух яростно вдохнул он,
Чуть в пасть свою Гуштаспа не втянул он.

Конь, упираясь, в ужасе храпел.
Гуштасп осыпал змея градом стрел.

Казалось: буря всадника тащила.
В тот миг, когда ему уж смерть грозила,

Свой меч на древке он что было сил
Дракону в пасть разъятую вонзил.

Дракон вцепился в лезвие зубами
И страшный зев изранил остриями.

Рекой забила бешеная кровь
Драконья, с ядом смешанная кровь.

Чудовище, слабея, захрипело;
Напал воитель на дракона смело.

Нанес мечом удар по голове,
Разбрызгал мозг по скалам и траве;

У змея вырвал два клыка из пасти.
Еще не веря, что избег напасти,

Сошел Гуштасп к ручью, омылся в нем
И наземь пал в слезах перед творцом.

Склонился перед зиждущим владыкой,
Что подвиг совершить помог великий,

Он говорил: «О, пусть вкушают мир
Лухрасп благословенный и Зарир!

И пусть во сне они меня не видят!
Гуштасп ничем их больше не обидит...

Судьба напасти лишь судила мне,
Драконьим ядом грудь омыла мне.

Быть может, милость даст Йездан мне в жизни,
И побывать удастся мне в отчизне.

Увижу лица братьев и отца,
Скажу им, что не надо мне венца,

Что я напрасно с ними разлучился,
Ушел от них — и радости лишился!»

Сел на коня Гуштасп, лицо в слезах,
Поехал, грозный меч держа в руках.

Его Хишой с Ахраном повстречали;
Они живым Гуштаспа и не ждали.

Гуштасп сказал: «Друзья! Сражен дракон!
Был грозен, а теперь безвреден он.

Перед драконом этим вы дрожали,
Пред волком, мной убитым, вы бежали.

В единоборстве честном на войне
С мужами биться подобает мне.

Но кто чудовища из бездны моря
В бою не встретил, тот не видел горя!

Чудовища не устрашился я,
От боя с ним не уклонился я».

И слушали друзья, полны вниманья,
Того, чья речь нова, но стары знанья.

И поклонились до земли ему —
Его отваге, мощи и уму.

«О лев! — Ахран с Хишоем восклицали, —
Тебе подобных жены не рождали!»

Пригнал Ахран отборных скакунов,
Поднес без счета дорогих даров.

Лук бронзовый и три стрелы заветных,
Коня и меч из тех даров несметных

Себе Гуштасп могучий отделил,
Хишою остальное подарил.

Сказал: «Теперь тропой своей ступайте,
Но правду ни пред кем не разглашайте.

И помните: ни слова обо мне —
Ни самым близким людям, ни родне!»

Гуштасп с двумя мужами распрощался,
С веселым сердцем к Катаюн помчался.

* * *

Ахран велел начальнику рабов
В огромную повозку впрячь быков.

Сказал: «Дракон убит! Вы труп возьмите
И на повозке ко дворцу везите,

Чтоб видел Рум, чтоб видел сам кейсар
Мою победу, мощный мой удар».

Весть небывалую народ услышал,
Оставил все дела, навстречу вышел.

А уж быки по улицам, в пыли,
Скрипящую повозку волокли.

Когда драконью тушу увидали,
В восторге люди Рума закричали,

Ахрана славя, мощь его руки.
Таща повозку, сильные быки

Изнемогли, влачились еле-еле;
Колеса оглушительно скрипели.

А люди восклицали: «То Ахран
Сразил дракона или Ахриман?»

И сам кейсар с князьями, славя бога,
Встречать Ахрана вышел из чертога;

Созвал гостей. И ночь сошла на мир,
А во дворце не молк веселый пир.

Когда же утра нового светило
На небосвод корону возложило,

Кейсар созвал к себе святых мужей,
Наставников, вазиров и князей.

На золотые троны усадил их
И о совете мудром попросил их.

Решили: да возьмет Ахран женой
Царевну младшую за подвиг свой.

И вот с согласия царицы старой
Женой Ахрана стала дочь кейсара.

И вновь вельмож и знатных во дворец
На брачный пир созвал кейсар-отец.

И говорил он: «Этот день — мой день!
От Рума небо отогнало тень.

Нет витязей подобных в чуждой рати,
Таких, как два моих могучих зятя».

И он велел посланье написать
И всем князьям и шахам разослать:

«Волк и дракон, чье «Страх» и «Ужас» имя,
Убиты пахлаванами моими».

ГУШТАСП СОВЕРШАЕТ ПОДВИГИ НА МАЙДАНЕ

Айван был для кейсара возведен
Перед дворцом; на нем поставлен трон.

Царь на ристалище глядел оттуда,
Где были игры избранного люда.

И вышли на майдан его зятья,
Развлечь царя метанием копья,

Мячом, чоуганом, скачкой верховою
И меткою, на всем скаку, стрельбою.

И вот к Гуштаспу Катаюн пришла
И речь такую с мужем повела:

«Что ты угрюмо от людей таишься?
О чем в раздумье тягостном томишься?

Есть в Руме два великих удальца,
Два славных зятя моего отца.

Один — Ахран — в отваге непреклонный
Чудовищного истребил дракона.

Другой — у волка шкуру разорвал,
Спины своей ему не показал.

И на майдане в каждом состязанье
Теперь им слава, честь и величанье.

Пойди, мой муж, на игры их взгляни,
Печаль свою от сердца отгони».

Гуштасп ответил: «О мое светило!
Душа кейсара гнев свой нам явила.

Коль он меня увидит, — в тот же час,
Боюсь, из Рума прочь изгонит нас.

Но если таково твое желанье, —
Поеду я, взгляну на состязанье!»

Тут вышел он, и оседлал коня,
И быстроногого погнал коня.

Стал на краю широкого майдана,
Увидел мяч летящий, взмах чоугана,

Он попросил себе чоуган и мяч
И к игрокам-мужам понесся вскачь.

Ударил так, что люди онемели,
Что руки, ноги их оцепенели.

Он так клюкой ударил, что исчез,
Как птица, мяч за облаком небес.

Хоть мяч его упал и отыскался,
Никто взмахнуть чоуганом не решался.

Удар могучий мужа был таков,
Что побледнели лица игроков.

Крик поднялся; стрелки достали луки,
К пернатым стрелам протянули руки.

Гуштасп сказал себе: «Ты не таи
Пред этим сбродом доблести свои!»

И вот, чоуган отбросив, лук схватил он,
И в цель на всем скаку стрелу пустил он.

Его лихую скачку, и удар,
И меткий выстрел увидал кейсар.

Спросил: «Кто этот всадник горделивый
На скакуне со стелющейся гривой?

Любуюсь я, как этот удалец
Летает вихрем из конца в конец!

Пусть явится мне этот неизвестный,
Будь человек он или дух небесный!»

Тут был Гуштасп к кейсару приглашен;
Он подошел, сомненьями смущен.

Кейсар спросил: «Скажи мне, муж-воитель,
На состязанье сильных победитель,

Откуда ты и от кого твой род?
Кто ты? Да будет счастлив твой приход!»

Гуштасп сказал: «Я тот пришлец презренный,
Которого изгнал кейсар надменный!

В тот день, как я кейсару зятем стал,
Он, не спросив, кто я, меня изгнал.

За то, что выпал жребий мне счастливый,
Он дочь свою отверг несправедливо,

За то, что чужеземца избрала,
Она со мной в изгнание ушла.

Узнай: в лесу чудовищного зверя
И змея исполинского в пещере

Я победил вот этою рукой,
И был мой спутник — лодочник Хишой.

Клыки я вырвал у зверей из пасти;
Старик Хишой их сохранил, на счастье».

Кейсар призвал Хишоя и спросил:
«Все ль правильно, что мне он говорил?»

Хишой пришел с драконьими клыками,
Все рассказал правдивыми словами.

Кейсар воскликнул: «Славный витязь мой,
Прости! Я был несправедлив с тобой.

Где Катаюн? Где дочь? Душой терзаюсь!
Ничем я перед ней не оправдаюсь!

Нет! Под землею истину не скрыть,
В морских волнах ее не утопить!»

Он гнать велел Мирина и Ахрана:
«Прочь с глаз моих! Я не прощу обмана!»

Подать коня велел, хоть был и стар,
И в дом к Гуштаспу поскакал кейсар.

И дочери своей любовь явил он,
И дочь свою за мудрость восхвалил он:

«О Катаюн! Как ты права была!
Ты лучшего из лучших избрала!

Узнала ты душою прозорливой
Величие и жребий свой счастливый!

Спроси у мужа, — может, пред тобой
Откроет правду он, — кто он такой?

Быть может, узел тайны он развяжет, —
Откуда прибыл, чей он родом, скажет».

«Я спрашивала, — Катаюн в ответ, —
Хоть лжи в его душе и тени нет,

Но он на мой вопрос не отвечает,
Он правду о себе от всех скрывает.

Я думаю, что славный витязь — он
И предками великими рожден.

Как ни приду с расспросами моими,
Одно он молвит: «Фаррухзад мне имя».

Простился с дочерью кейсар-отец,
В смущенье воротился во дворец.

Гуштасп Йездана поутру прославил
И к тестю во дворец стопы направил.

Ни слова властелин не проронил,
На трон с собой Гуштаспа усадил.

Велел принесть он из казны своей
Кольцо, и пояс, и венец князей.

И тем венцом он увенчал Гуштаспа;
Возвысил он и обласкал Гуштаспа.

Потом сказал: «Да знают стар и млад,
Что нами возвеличен Фаррухзад!

Мы доблестному власть даем в награду.
Пусть будут все покорны Фаррухзаду!»

Весть эта понеслась по всем краям,
К царям, и падишахам, и князьям.

КЕЙСАР ПИШЕТ ПИСЬМО К ИЛЬЯСУ И ТРЕБУЕТ С НЕГО ДАНЬ

Свирепы были, и нападеньях яры
Соседи Рума, храбрые хозары.

Ильяс — страны хозаров властелин —
Михраса был воинственного сын.

И вот кейсар Ильясу весть отправил,
Бумагу киноварью окровавил:

«Вы — зло извечное моей страны,
Но вы отныне Руму не страшны.

Дань, сколько я назначу, посылай мне,
Детей своих в заложники давай мне,

Иль выйдет Фаррухзад, как ярый слон,
И всю твою страну растопчет он».

Ильяс, когда посланье прочитал,
Ответ не тушью — ядом написал:

«Безумьем ваша мудрость омрачилась!
Откуда доблесть вдруг у вас явилась?

Приду — все выжгу я в твоей стране,
Все выскребу до дна в твоей казне!

Один есть только в Руме всадник славный,
Что из чужбины прибыл к вам недавно.

Будь из железа он, будь исполин,
Но все равно, ведь он у вас — один.

Так берегись, коль обнажу свой меч я!
Довольно! Мне противно многоречье!»

Узнали муж Мирин и муж Ахран,
Что рать ведет хозарский пахлаван.

И написал Мирин царю посланье:
«То не дракон, то — судеб испытанье,

Не волк, что можно в яму заманить
И хитростью и ядом погубить.

Когда Ильяс в степи на бой поскачет,
От горя кровью Фаррухзад заплачет.

В смятенье муж надменный задрожит
И от хозар с позором убежит».

Так он Гуштаспа опорочить тщился.
Кейсар прочел письмо и огорчился.

Сказал он Фаррухзаду: «О мой сын,
Столп и защита Рума — ты один.

Ильяс грозит мне, львов убийца смелый,
Он в битве — грозный слон бронзовотелый.

Ты выстоишь ли перед ним в бою?
Надеешься ли ты на мощь свою?

Не дрогнешь ли, не отведешь ли взоры?
А то я с ним вступлю в переговоры,

Сокровищницу предков расточу,
За мир богатой данью заплачу».

Гуштасп в ответ: «Кто страх в тебе посеял?
Ты недостойный разговор затеял!

Когда я вскачь пускаю скакуна,
Мне никакая сила не страшна.

Но на фарсанг до ратного майдана
Не подпускай Мирина и Ахрана.

Они враждой и завистью полны,
Их ложь и вероломство мне видны.

Пускай идут хозары — не пугайся,
На мощь моей десницы полагайся.

Я воззову к Йездану самому,
Я, словно буря, войско подыму

И сделаю хозар добычей праха,
Лишу Ильяса трона и кулаха,

Взметну его копьем до облаков
И брошу под копыта скакунов!»

Вот миновала ночь, и солнце встало,
И в ясных водах утро заблистало.

Хозарских труб раздался гром и вой,
И тучей пыль всклубилась над землей.

Кейсар сказал Гуштаспу-Фаррухзаду:
«Друг, не пора ли покидать засаду?»

Вот из ущелий и из-за холмов
Пошли ряды воинственных полков.

А впереди скакал Гуштасп суровый
С огромной палицей быкоголовой.

Как кипарис на горной крутизне,
Он красовался на своем коне.

Как молния, он в поле устремился
И, как таран, в ряды хозар вломился.

И ощутил Ильяс невольный страх,
Увидя мощь его и грозный взмах.

И он к Гуштаспу всадника отправил.
Тот был хитер, умно в речах лукавил.

Сказал Гуштаспу: «Витязь, оглядись!
Ты службой у кейсара не гордись.

Ведь ты один — кейсарова защита!
Одумайся, воитель знаменитый:

Зачем тебе с Ильясом спор вести?
Тебе не лучше ль в сторону уйти?

Ильяс, как буря, в битву устремится,
Исход сраженья без тебя решится.

И если с поля битвы ты уйдешь,
Сокровища у нас ты обретешь.

В наш стан переходи по доброй воле;
Велик, прославлен будешь в этой доле,

Ильясу братом будешь наречен.
Великой клятвой в том клянется он».

Гуштасп ответил: «Сколько слов негодных
Рассыпал ты, как горсть семян бесплодных!

Ведь сам Ильяс пошел на нас в поход.
Что ж он теперь на хитрости идет?

Теперь уж не словами препираться,
Теперь мечами нам пора сражаться!»

Гонец, как вихрь, к Ильясу прискакал,
Ответ Гуштаспа весь пересказал.

СРАЖЕНИЕ ГУШТАСПА С ИЛЬЯСОМ

За горы солнце, пожелтев, склонялось,
И времени для боя не осталось.

Вот черным покрывалом ночи мрак
Закрыл зари вечерней сандарак...

Но, видно, солнце медлить не хотело
И, в знак Стрельца войдя, на трон воссело.

И заиграл рубиновым огнем
Родник зари под зычный трубный гром.

И сшиблись рати, лязгая мечами,
Кровь по долине потекла ручьями.

Кейсар увидел двух зятьев своих
Без дела и в обоз отправил их.

Сакил, кейсара сын, был с войском справа,
Стал слева сам владыка величавый.

Два войска двигались, как две стены,
Подобно битве Солнца и Луны.

Гуштасп летел пред строем. Черной птице
Подобен конь. Разящий меч в деснице.

И воинам своим сказал Ильяс:
«Решил кейсар ярмо надеть на нас!

На службу взял к себе кейсар дракона
И встал на нас, гордыней ослепленный!»

Гуштасп вскричал Ильясу: «Выходи,
Коль есть хоть искра доблести в груди!»

Вот копьями они вооружились
И гневно друг на друга устремились.

И поднял тут Ильяс свой лук тугой,
Хотел Гуштаспа поразить стрелой.

Но налетел Гуштасп, копьем ударил;
В броню стальную, словно гром, ударил.

Как пьяного, с коня хозара сбил,
Нагнулся, за руку его схватил,

Повлек — бесчувственного от удара —
И бросил пленника у ног кейсара.

И полетел к войскам, как вихрь степной,
Повел полки, рассеял вражий строй.

Одних побили, в плен других забрали,
Бегущих в степь хозарскую погнали.

Так вражью рать рассеял и разбил
И войско вспять Гуштасп поворотил.

Как лев победоносный, горделивый,
К кейсару воротился муж счастливый.

Увидев возвратившуюся рать,
Кейсар Гуштаспа выехал встречать.

И возблагодарил в слезах Йездана,
И обнял он Гуштаспа-пахлавана.

И вместе с ним вернулся во дворец,
И сел на трон кейсар, надев венец.

И долго в честь победы пировали,
И все Гуштаспа в Руме прославляли.

КЕЙСАР ТРЕБУЕТ ДАНЬ С ЛУХРАСПА

День чередуя ночью, небосвод
Вращал круги таинственных высот.

Сказал Гуштаспу муж-кейсар на пире:
«Пока ты жив, найди удел свой в мире.

Ты речь мою обдумай! И пойдем,
Как шли доныне, мудрости путем.

Я думаю в Иран посла отправить.
Лухраспа поклониться нам заставить.

Я напишу ему: «Эй, шах! Твой трон
Над половиной мира утвержден.

Но Рум сильней. Плати нам дань достойно —
И будет честь тебе. Живи спокойно.

А если нет, то все в стране твоей
Мы вытопчем копытами коней!»

Гуштасп ответил: «Все в твоей лишь воле.
Да будет так. Я твой слуга — не боле».

Жил знатный муж Калус; он был учен,
Разумен, знаньем жизни умудрен.

Кейсар сказал Калусу: «Собирайся,
Гонцом в Иран к Лухраспу отправляйся.

Скажи Лухраспу-шаху: «Дань плати —
И у кейсара будешь ты в чести.

Повиновение свое яви нам,
Останешься, как прежде, властелином.

А если нет, — с войсками мы придем,
Из степи копьеносцев приведем.

Надвинет рать, как буря гонит тучи,
Наш полководец Фаррухзад могучий.

Придем, спалим и разорим Иран.
В развалины мы превратим Иран».

Помчался, словно вихрь с песчаной гривой,
Калус разумный, духом справедливый.

В Балх к шаханшаху прискакал гонец;
Многоколонный увидал дворец.

«Ты кто?» — его привратники спросили.
Пошли, царю с поклоном доложили:

«Там у ворот стоит, о светлый шах,
Гонец кейсара — старец в сединах.

А с ним большая свита. Что ты скажешь —
Ждать у ворот им иль впустить прикажешь?»

Лухрасп князей своих созвать велел,
Блистающий венец подать велел,

Сел на престоле из слоновой кости,
Сказал вазирам: «Приведите гостя».

Когда отдернул страж парчу завес,
Лухрасп, как солнце утренних небес,

Предстал перед Калусом изумленным;
И он почтил царя земным поклоном.

Своей задачей трудною смущен,
Вручил царю письмо кейсара он.

Лухрасп, прочтя посланье, изумился,
Разгневался, глубоко огорчился.

Но, как царей достоинство велит,
Гонцу приветливый явил он вид.

Гонец радушно принят и уважен,
Был близ царя за трапезой посажен.

И так Лухрасп румийца обласкал,
Как будто о войне и не слыхал.

Настала ночь. Почили все; но, думой
Терзаемый, не спал Лухрасп угрюмый.

Блеснул рассвет, ночную тьму гоня.
На свой престол взошло светило дня.

Душою жаждая добра и мира,
Лухрасп призвал царевича Зарира.

И долго с ним беседовал вдвоем.
Калуса пригласить велел потом.

Вот всех людей из зала удалили
И пред царем Калуса усадили.

Сказал Лухрасп: «О благородный муж,
Ответь мне честно, мудрость обнаружь.

Что ни спрошу, ты отвечай правдиво.
Сам знаешь: кривда — обольщенье дива.

Кейсар досель грозить нам не дерзал;
Он сам подножье Кеев лобызал.

Что ж он теперь вознесся? Что случилось?
Что так его душа ожесточилась?

Да, он Ильясу-льву нанес удар,
Пленил вождя воинственных хозар.

Кто ж надоумил старого кейсара
Дань требовать с Лухраспа, как с хозара?»

«О царь, — сказал Калус, склонясь челом, —
К Ильясу тоже ездил я послом.

Хозары дерзки и надменны были,
Смеялись мне в лицо, убить грозили.

Но так тобой обласкан я, о шах,
Что лжи ты не найдешь в моих речах.

Знай: некий муж явился у престола.
Он в чаще ловит льва рукою голой.

Над сильными, их повергая в страх,
Смеется он в боях и на пирах.

Нет равного ему ни в грозной битве,
Ни на ристалище, ни на ловитве.

Кейсар, как сына, полюбил его,
На дочери своей женил его.

Тем сильным мужем целый Рум гордится.
Дракона он сразил своей десницей.

Был волк, подобный силою слону,
Опустошавший в ярости страну.

Убил он волка, и себя прославил,
И наш народ от бедствия избавил».

Сказал Лухрасп: «Ответь, о честный муж,
С кем схож лицом тот неизвестный муж?»

И отвечал Калус: «О светоч мира,
Лицом, как брат, похож он на Зарира.

Плечами, мощным станом, головой,
Орлиным взглядом он — Зарир второй».

Лухрасп, когда те речи услыхал он,
Возликовал, как солнце, засиял он.

Он одарил гонца и обласкал
И на прощанье так ему сказал:

«Спеши домой! Ответить поручаю,
Что сам на Рум я с войском выступаю».

ЗАРИР ЕДЕТ С ПОСЛАНИЕМ ЛУХРАСПА К КЕЙСАРУ

Лухрасп сидел и долго размышлял.
Потом призвал Зарира и сказал:

«Сомненья нет! Тот муж — Гуштасп, конечно!
Теперь должны мы действовать поспешно.

И ты в поход сегодня выступай.
Скачи, коню покоя не давай.

Вези венец, Кавы святое знамя,
Порфиру с золотыми башмаками.

Добром я сердце сына в плен возьму,
Я власть и царство передам ему!

Иди войной отсюда до Халеба.
Веди войска, греми грозой, как небо».

Зарир сказал: «Отец! Моя рука
Исторгнет тайну ту из тайника.

Коль брат велик душой и сердцем верен,
Да будет власти жезл ему доверен».

Тут мешкать муж прославленный не стал;
Пошел, дружину сильную собрал.

Он взял с собой потомков Кей-Кубада,
Детей Гударза, правнуков Кишвада.

Из племени Зараспа взял мужей,
Бахрама и других богатырей.

Они скакали, устали не зная,
Огнем Азаргушасповым блистая.

С боями до Халеба рать прошла,
Дорогой пыль до неба подняла.

Вблизи Халеба стан они разбили
И стяг благословенный водрузили.

Зарир Бахраму войско поручил,
А сам в столицу Рума поспешил

Гонцом, везущим царское посланье,
В короне кея, в пышном одеянье.

Его сопровождали пять князей,
Пять избранных, видавших мир мужей.

К дворцу кейсара прибыл воин славный,
Его хранитель входа встретил главный;

Велел ковры для гостя расстелить,
А сам пошел кейсару доложить.

С Гуштаспом в этот час в палате тронной
Сидел кейсар, сомненьем омраченный.

Гуштасп был рад прибытию посла,
Известия душа его ждала.

И вот Зарир вошел, предстал у трона,
Величием и мощью озаренный;

Кейсара как положено почтил,
Богатырей румийских восхвалил.

Кейсар сказал: «Быть справедливым надо,
Ты даже и не вспомнил Фаррухзада».

«Сей раб, — Зарир кейсару отвечал, —
От своего владыки убежал.

Там пренебрег он домом и служеньем,
А здесь у вас увенчан уваженьем».

Гуштасп молчал, как будто не слыхал,
Как будто он Зарира знать не знал.

Кейсар словам Зарира удивился.
Смутившись, он в раздумье погрузился.

«Что могут эти речи означать?
Здесь правда скрыта, но на ней печать».

Зарир вручил ему отца посланье:
«Клянусь творцом, владыкой мирозданья!

Я ополчусь, пройдет немного дней —
И станет Рум столицею моей.

А ты покинь свой Рум по доброй воле
Или готовься к встрече в ратном поле.

Иран ведь не Хозария для вас,
А я — владыка мира, не Ильяс».

Кейсар ответил: «Сам я в день сраженья
Надену боевое снаряженье.

Иди, посол, скажи войскам своим,
Что я кровавый пир готовлю им».

Зарир душою светлой омрачился
И вспять к войскам Ирана устремился.

ГУШТАСП ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ИРАН, И ЛУХРАСП УСТУПАЕТ ЕМУ ПРЕСТОЛ

Кейсар спросил: «Ты что ж гонцу в ответ
Не молвил слова, о вселенной свет!»

Гуштасп ответил: «Государь великий!
Да, я служил иранскому владыке.

И там, в Иране, — я не утаю, —
Все помнят доблесть ратную мою.

Не лучше ль мне теперь в их стан явиться
И мира и добра от них добиться?

Желаемого я добьюсь от них
И увенчанья замыслов твоих».

Кейсар ответил: «Поступай как знаешь.
Ты — мудр, ты в суть явлений проникаешь!»

Гуштасп, ответ кейсара услыхав,
Сел на коня, могуч и величав.

Поехал горделивый в стан Зарира;
На нем венец румийский и порфира.

Войска увидели: Лухраспа сын —
Гуштасп — к ним едет, мощный исполин.

И все пешком навстречу побежали,
И плакали, и шумно ликовали.

И на колени падали пред ним,
Крича: «Он с нами! Жив и невредим!

Конец страданьям нашим и мученьям!»
И встал Зарир, охваченный волненьем,

Пошел, средь поля повстречал его,
С любовью обнял брата своего,

Сел с ним на троне, окружен князьями
И всеми славными богатырями.

Зарир промолвил, радостью объят:
«Будь вечно счастлив, мой прекрасный брат!

Отец наш стар; что ж ты бежишь упорно
От старика, ты — столп его опорный?

Он, сердцем просветлен на склоне лет,
Теперь Йездану служит, как мобед.

Душой он сокрушается о сыне.
Тебе ль, Гуштасп, скитаться на чужбине?

Корону и престол тебе он шлет
И весь Иран тебе передает.

Лухрасп сказал: «Свое обрел я счастье.
Пусть примет сын венец и бремя власти!»

Тут был венец Ирана принесен,
Запястье и слоновой кости трон.

И осенил Гуштасп главу венцом,
Сел на престол, что прислан был отцом.

Князья и внуки Кей-Кавуса-барса
И все потомки славные Гударза,

Шахпур, и лев Бахрам, и муж Сава —
Иранской рати гордость и глава,

Произнеся хвалу, челом ударя,
Признали власть Гуштаспа-государя.

И сонмище воителей пришло,
Владыкою Гуштаспа нарекло.

Гуштасп увидел: то, чего желал он,
Свершилось. И кейсару весть послал он:

«О государь! Благодаря судьбе
Теперь Иран покорствует тебе.

Зарир и полководцы ждут тебя.
Все на поле встречать пойдут тебя.

Все заключить союз с тобой хотят,
А хочешь — души отдадут в заклад.

Все по твоим желаниям свершилось.
Так выезжай, не медли, сделай милость!»

Кейсар собрался и поехал сам
Со свитою к Лухрасповым шатрам.

Гуштаспа увидал средь войск на троне,
В златой одежде, в кеевой короне.

Увидел царский блеск, и торжество,
И рать, как волны моря, вкруг него.

И понял, что Гуштаспа видит он,
Чьим светом трон Лухраспа озарен.

И подошел кейсар к престолу близко,
Вознес хвалу и поклонился низко.

Сказал: «Я был неправ перед тобой.
Прости меня — теснимого судьбой!»

И обнял, усадил его радушно,
И все простил Гуштасп великодушный.

Сказал: «Когда стемнеет небосклон,
Пусть будет светоч радости зажжен!

Пошли ко мне избравшую меня,
В забвенье отыскавшую меня!»

Кейсар поспешно повернул домой,
В раскаянье кляня свой нрав дурной.

Сокровищницы двери отворил он,
Дочь Катаюн богато одарил он:

Послал отборных тысячу рабов,
Мешки динаров, гору жемчугов,

Венцы, запястья в яхонтах и лалах;
Дал верных стражей, спутников бывалых;

Вельмож ей в свиту знатных отрядил,
В поход ее по-царски снарядил.

И всех людей из свиты одарил он,
Печаль разлуки в сердце их смягчил он.

И каждому был конь арабский дан,
Индийская кольчуга и кафтан.

Был и Гуштаспу послан дар кейсаров:
Престол, венец, кольцо, мешки динаров.

Вот все дары дабиры перечли
И в стан царя Гуштаспа повезли.

И Катаюн в носилках понесли.
Кейсар с ней рядом ехал, стражи шли.

В шатер Гуштаспа Катаюн вступила,
И сто карнаев воздух огласило.

И поднял муж Гуштасп свой ратный стан,
И войско шумно двинулось в Иран.

Кейсар два перехода провожал их;
Вернуться в Рум он слезно умолял их.

С Гуштаспом наконец простился он,
Домой в печали воротился он.

Через долины, горы и потоки
Гуштасп свершал с войсками путь далекий.

Когда услышал властелин Лухрасп,
Что возвратился исполин Гуштасп,

Встречать его поехал он с князьями
И знаменитыми богатырями.

Увидел, обнял сына старый шах,
На гнев судьбины сетуя в слезах.

Пал перед ним Гуштасп, проворно спешась,
Заплакал, встречей радостной утешась.

Вот сын прославленный и царь-отец
Вступили, как два солнца, во дворец.

Сказал Лухрасп: «Себя винить не стану;
Так было нужно вечному Йездану,

Что бросить отчий край пришлось тебе,
Покорствуя неведомой судьбе!»

И как царя царей и властелина,
Короной кеев увенчал он сына.

«О государь, — сказал Гуштасп в ответ, —
Ни счастья без тебя, ни света нет!

Меня царем ты ставишь, муж великий, —
Но буду я слугой, а ты — владыкой.

Ничтожен блеск величия всего,
Без света и величья твоего!

Да сохранит тебя для нас предвечный
Надолго в этой жизни скоротечной!»

Таков он, мир непостоянный сей.
Ты, в нем живущий, семя зла не сей!

А я всегда молю царя вселенной
Настоль продлить мой век в юдоли бренной,

Чтобы в правдивых я успел словах
Закончить книгу о былых царях!

Потом да будет плоть добычей праха,
А дух предстанет вечному без страха.

Дальнейшие события излагает поэт Дакики:

Передав престол Гуштаспу, Лухрасп поселился отшельником в Балхе. Воцарившийся на престоле Гуштасп принял новую веру, распространявшуюся пророком Зардуштом. Туранский владыка Арджасп потребовал от Гуштаспа отречься от новой религии и, получив отказ, вторгся в Иран. В разразившейся войне погиб главный иранский богатырь Зарир, за которого отомстили Исфандиар — сын Гуштаспа и Бастур — сын Зарира. В последующих битвах Арджасп потерпел поражение и бежал.

После победоносного завершения войны Гуштасп по навету одного из иранских витязей велел заковать Исфандиара в кандалы и заточить в темницу в крепости Гумбадан. Вскоре Гуштасп решил навестить Рустама в Забулистане.

Гуштасп

ГУШТАСП ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ЗАБУЛИСТАН

Вот миновало время. Царь Ирана
Гуштасп отправился в предел Систана,

Чтобы Зардушта веру утвердить,
Святой Авестой души просветить *.

Навстречу благородному владыке
С дружиной выехал Рустам великий,

Нимруза князь, Забула властелин,
Подобный Саму, древний исполин.

Как снегом, убеленный сединами
Дастан сопровождал его с князьями.

Они Гуштаспа встретили в пути,
Чтобы к себе с почетом привести.

Вошли в Забул, ввели царя в покои
И на пиру ему служили стоя.

Они Зардушта приняли завет
И Зенд-Авесты и Азара свет.

И вот два полных года миновали,
Пока Гуштасп гостил у сына Заля.

Слух между тем по всей земле потек,
Как царь с Исфандиаром был жесток;

Что он поверил клевете презренной,
В оковы вверг богатыря вселенной;

Что Зенд-Авесту возвещает он,
Что идолов ниспровергает он.

И покоренных стран цари восстали,
Все разом чтить присягу перестали.

Когда услышал царственный Бахман
Весть, что отец их брошен в Гумбадан,

Всех братьев он воинственных созвал,
О горе, их постигшем, рассказал.

Они от службы шахской отказались,
С окраин царства вихрями примчались.

Как львы, вошли в пустынный Гумбадан,
Где скованный томился Руинтан.

Они отца почетом окружили,
С любовью там в плену ему служили.

И вот к Арджаспу весть пришла: «Луна
В своем ущербе стала не видна:

Гуштасп несправедливый, в гневе ярый,
Вверг в заточение Исфандиара.

А сам из Балха он ушел в Систан,
В предел Забула, где живет Дастан.

Два года там с Рустамом он пирует
И ни о чем, как видно, не горюет.

А в Балхе старый царь Лухрасп — один;
С ним и охраны не оставил сын.

Лухраспа лишь мобеды окружают,
Что молятся да руки воздевают

Перед святым огнем. А кроме них,
Нет в крепости воителей других.

Привратники — не войско, не защита.
Вставай, не медли, воин знаменитый!»

И вот созвал князей чигильский шах,
Недавний страх рассеял в их сердцах;

Сказал: «Гуштасп оставил легковерно
Свою страну! Известье это верно.

В Забуле с войском поселился он,
В садах Рустама загостился он.

Балх беззащитен. Встанем, снарядимся!
Разграбим Балх — и все обогатимся!

Исфандиара неразумный шах,
Как вора, держит в крепости, в цепях.

Нам нужен соглядатай быстроокий,
Что пролетит, как ветер, путь далекий;

Что по горам безлюдным в Балх войдет,
Увидит все и все нам донесет».

Был некий средь князей Сутух-воитель;
Колдун, читавший мысли, тайн хранитель.

«Как тень помчусь я, — он сказал царю, —
Все двери я неслышно отворю».

Арджасп сказал: «Спеши в Иран не медля
И высмотри весь вражий стан не медля».

Сутух-лазутчик медлить не хотел, —
В прекрасный Балх, как ветер, прилетел.

Ни войска не увидел, ни Гуштаспа,
Увидел лишь мобедов и Лухраспа.

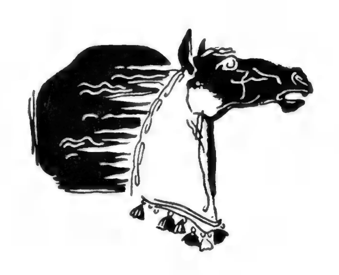
Вернулся с вестью, во дворец вошел,
Пыль пред хаканом бородой подмел.

Возликовал Арджасп при этой вести,
В нем запылало снова пламя мести.

И полководцам отдал он приказ,
Чтоб собирали войско в тот же час.

И двинулись, подобные лавине,
Войска через ущелья и пустыни.

Все избранные всадники страны
Пришли к царю — на грозный зов войны.



ВОЙСКО АРДЖАСПА ВТОРГАЕТСЯ В БАЛХ. ГИБЕЛЬ ЛУХРАСПА

Теперь мы словом и пером своим
Сказанье об Арджаспе обновим.

Арджасп Кахраму повелел прославить
Туранский меч и воинство возглавить.

Кахрам Арджаспа старшим сыном был,
Богатырем он, исполином был.

Сказал Арджасп: «Из тех, что знамениты
В Халлухе, десять сотен избери ты,

До Балха с ними быстро доскачи,
Столицы вражьей светоч омрачи.

Кого ни встретишь на полях Ирана,
Рабов Зардушта, присных Ахримана, —

Всем без пощады головы руби,
Жги их селенья, корень их губи!

Пусть двор царя Гуштаспа запылает,
Пусть дым пожара небо застилает!

В цепях Исфандиара там найди
И счеты с ним старинные сведи.

Его главу ты отсеки от тела,
Чтоб весть об этом всюду пролетела.

Царем ты будешь всей его страны.
Ты — меч, а грудь врага — твои ножны.

Я из Халлуха за тобою вскоре
Приду. Нахлынет рать со мной, как море.

Я там моим испытанным войскам
Сокровища несметные раздам».

Кахрам сказал: «Отец, в твоей я воле!
Ты — солнце. Я — лишь тень твоя, не боле!»

Когда же утро обнажило меч,
Главу дракона похищая с плеч,

Войска свои повел воитель ярый;
Мир почернел, как житель Зангибара.

Достиг Ирана богатырь Кахрам,
Всех поголовно истребляя там.

Туранцы шли, вздымая тучи пыли,
И к древним стенам Балха подступили.

Лухрасп узнал о бедствии таком,
И дух могучий содрогнулся в нем.

Взмолился он: «О светлый царь творенья,
Ты выше звездного коловращенья!

Ты вечен, мудр, могуч, Йездан святой!
Луна и солнце под твоей пятой.

Ты — света правды вечного зиждитель,
Души моей создатель и хранитель,

Не дай мне пасть под вражеской рукой,
Моя твердыня и защитник мой!»

Молитва старца к небу подымалась,
Но в Балхе войск в ту пору не осталось.

Лишь тысяча ремесленных людей
Была защитой женщин и детей.

Лухрасп надел доспех богатырей,
Шлем укрепил на голове своей,

Взял меч и поскакал на поле битвы
От места поклоненья и молитвы.

Хоть стар был, но бесстрашен и силен —
В ряды врага вломился он, как слон.

Валил туранцев пахлаван суровый
Тяжелой палицей быкоголовой.

Вопило войско: «Этот воин яр,
Как лев-Зарир, как сам Исфандиар!»

Лухрасп, — куда б коня ни устремлял, —
Он кровью вражьей землю затоплял.

И желчный лопался пузырь от страха
У оглушенных бранным кличем шаха.

Сказал Кахрам: «Не нанесем ему
Ущерба, выходя по одному.

Кольцом его железным окружите,
Как львы свирепые, его тесните!»

И треск раздался палиц и секир,
И кличем всадников потрясся мир.

Лухрасп увидел, что в беду попал он;
Творца миров на помощь призывал он.

Но понял, что покинут счастьем он,
Годами, зноем, боем утомлен.

И рухнул витязь, насмерть пораженный
Стрелой, пером орлиным окрыленной.

Во прах упал он царственной главой,
Слетелись тюрки хищною толпой,

Мечи свои проворно обнажили,
На части тело мужа изрубили.

За юношу они его сочли.
Когда же шлем тяжелый совлекли,

Увидели: он — старец поседелый,
Лицо от смертной муки почернело.

И были все они поражены:
«Муж престарелый поднял меч войны!

А встретили бы вдруг Исфандиара,
Мы б не спаслись от рук Исфандиара!

Зачем столь малым мы числом пришли?
Зачем сюда не табуном пришли?»

Кахрам сказал: «Хоть небольшая сила
Стояла здесь, сраженье тяжким было.

Сам с нами бился славный шах Лухрасп,
Чей сын — надменный властелин Гуштасп.

Лухрасп могучий — фарром обладал он,
Всю жизнь ристалища да битвы знал он.

Под старость став служителем творца,
Отрекся он от трона и венца.

Не ведает Гуштасп — кого лишился.
Венец его навеки омрачился!»

В высокий Балх вошли туранцы все ж,
И начались убийства и грабеж.

Чертогов царских рухнули твердыни,
Погибли оскверненные святыни,

Авесты свитки были сожжены,
Мобеды мудрые истреблены,

Погибли люди лучшие Ирана,
Что прославляли вечного Йездана.

Тех обратили в рабство, а другим
Рубили шеи пред огнем живым.

Был этот день, как день возмездья, страшен.
Огонь Зардушта кровью был погашен.

ГУШТАСП УЗНАЕТ О ГИБЕЛИ ЛУХРАСПА

Но Катаюн, Гуштаспова жена,
Была отважна, мудрости полна.

Она на скакуна лихого села,
Одежду тюркских воинов надела,

В страну Систан, как ветер, понеслась
С известьем грозным, что беда стряслась,

С известием о доле их плачевной.
Свершала за день перегон двухдневный,

Скакала, как испытанный гонец,
И прибыла к Гуштаспу наконец.

Сказала: «Ты заботы все отринул!
Ты в Балхе нас, беспомощных, покинул.

На Балх напали тюркские войска,
И нашей крови хлынула река.

Весь Балх разграблен, люди перебиты.
Спеши! Иль царство рухнет без защиты!»

Гуштасп сказал: «Одна напала рать,
Но стоит ли так сильно горевать?

Когда на них свои войска я двину,
Я все твердыни Чина опрокину!»

«Молчи! — в слезах воскликнула жена, —
Настали гибельные времена.

Лухраспа, твоего отца, убили!
Зардуштову святыню осквернили,

Угнали в рабство наших дочерей!
Ужель не горестно душе твоей?

Пусть мужу сокрушаться не пристало, —
Но дочь — Хумай!.. Что с ней, с несчастной,
стало?!

В храм Нушазар туранцы ворвались
И безоружных резать принялись.

Мобедов-старцев сталью изрубили,
Их кровью жертвенники погасили.

О горе! О позор! О страшный стыд!
Другую нашу дочь — Бихафарид —

Со смехом, как рабыню, угоняли,
Браслеты и венец с нее сорвали!»

Был царь Гуштасп той речью потрясен.
Не слезы — капли крови пролил он.

Собрав мужей Ирана, к ним он вышел,
Стеная, им поведал, что услышал.

И, с головы своей сорвав венец,
Велел, чтобы пришел к нему писец.

Всем полководцам, что ему служили,
Что рубежи Ирана сторожили,

Он написал: «Ко мне, князья! Война!
Мне ваша помощь сильная нужна!

Пусть в глине ваши головы — не мойте! *
Спешите с войском, дух мой успокойте!»

И по уделам дальним и краям
Помчалась весть к владетельным князьям.

И встали все на зов и ополчились.
В кольчугах, в шлемах воины явились.

И прибыли в Систан и наконец
Вошли князья в прославленный дворец.

Возликовал Гуштасп, Систан покинул,
На Балх свои войска, как тучи, двинул.

Когда Арджасп услышал весть о том,
Что шах идет с войсками и мечом,

Он рать свою поставил в междуречье,
Вплотную сдвинул воинов оплечья.

Когда две рати сшиблись, лик земли
Весь почернел, скрываяся в пыли,

Лиловым стал лучистый свод небесный.
Пошел, ударил строй на строй железный.

Там, справа, шел царевич Фаршидвард,
Стремительный в бою, как леопард.

Вел левое крыло Бастур, в Иране
Прославленный, — гора на поле брани.

А во главе Гуштасп могучий сам
Встал, зорко видя все по сторонам.

Кундур на правом был крыле Турана,
За ним стоял обоз и слуги стана.

Кахрам отважный слева нападал,
А в средоточье войск Арджасп стоял.

Вот с двух сторон литавры загремели,
И, как эбен, высоты почернели.

Мир стал незрим в клубящейся пыли,
Вот-вот, казалось, треснет твердь земли.

Граниты скал незыблемых дрожали
От ржания коней и лязга стали.

В крови скользили по телам мужей
Копыта обезумевших коней.

Взлетали стрелы туче стрел навстречу,
Все новые ряды бросались в сечу.

Здесь не щадили жизней. Скажешь ты —
Спасались звезды бегством с высоты.

Ломались с треском копья, шестоперы.
Повсюду — смерть, куда ни кинешь взоры.

И клич гремел, и стон стоял кругом
Поверженных, растоптанных конем.

Тела на землю без голов валились,
В крови и прахе головы катились.

Сын рухнет, плакать некогда отцу,
Когда, казалось, мир идет к концу.

Три дня, три ночи бой жестокий длился,
В зените черной тучей прах клубился.

Шумели реки крови, и луна
От пара крови сделалась красна.

Средь боя Фаршидвард отважный прямо
Ударил на свирепого Кахрама.

Кахрам броню на храбром разрубил,
И Фаршидвард смертельно ранен был.

Но, подхватив томящегося раной,
Его умчали всадники Ирана.

Ты скажешь — на крови богатырей
В той битве замесили тук полей.

Гуштасп же тридцать восемь сыновей
Отважных, словно соколы степей,

Всех потерял. Все стали долей праха.
И в час один померкло счастье шаха.

ГУШТАСП БЕЖИТ ОТ АРДЖАСПА

Вот, наконец, невмочь Гуштаспу стало.
Увидел он: бежать пора настала.

Туранцы ночь и день гнались за ним,
Чтобы живой он в плен достался им.

Возник пред шахом горный склон зеленый,
Ручей и мельня в балке потаенной.

Гуштасп знавал то место — и одну
Тропу, ведущую на крутизну.

Убежище то было — божья милость.
К горе зеленой войско устремилось.

Когда Арджасп войска привел туда,
То не нашел тропинки и следа.

А склон вершины круче небосвода;
Нет на гору ни подступа, ни всхода.

Иранцы на горе с коней сошли,
Уселись отдыхать, костры зажгли.

«Пусть смерть! — сказали. — Отдых наш заслужен».
И резать принялись коней на ужин.

В кругу своих измученных друзей
За голову схватился гордый кей.

К себе Джамаспа мудрого призвал он;
Его о дне грядущем вопрошал он:

«Ответь, что знаешь ты? Что нам несет
Кружащийся над миром небосвод?

Что воинство из бедствия спасет?
Я жду: какой подскажешь ты исход?»

И отвечал Джамасп благословенный:
«О мудрый, справедливый царь вселенной!

Коль ты согласен с волею светил,
То я, — как бог мне душу просветил, —

Тебе отвечу: правду ты узнаешь,
Когда меня о правде вопрошаешь».

Царь молвил: «Только правду говори!
Дверь избавленья, мудрый, отвори!»

Сказал Джамасп: «Вот мой ответ нелживый,
Прими его, владыка справедливый.

Исфандиар, твой сын, — ты знаешь сам —
Томится в замке, преданный цепям.

Освободи его из заточенья
Немедленно — и обретешь спасенье!»

Воскликнул царь Гуштасп: «О муж святой,
Я жажду справедливости одной!

Мне совесть тяжкое томило бремя.
Я из-за сына сам страдал все время!

Его злодей Гуразм оклеветал.
Поверил я... Безвинно сын страдал!

В содеянном раскаивался я.
Ничем не успокаивался я.

Пусть он придет! — его я обниму.
Венец и трон я передам ему!

Но кто пойдет за ним? Кто, умудренный,
Прольет бальзам душе ожесточенной?»

Джамасп ответил: «Царь мой, я пойду,
Уговорю его и приведу».

И отвечал Джамаспу шах вселенной:
«Да светит нам твой разум неизменно!

Скачи! Во тьме, как птица, пролетай,
И речь мою страдальцу передай.

Царь говорит: «Терзаюсь я душою,
Что был я столь несправедлив с тобою.

Поверил черной клевете лжеца,
Презрел завет предвечного творца!

Несправедливо поступил, жестоко...
И вот — раскаиваюсь я глубоко.

Прости меня! Забудь позор оков!
Приди, повергни головы врагов,

Иль рухнет все от мести их и гнева,
И трон падет и царственное древо.

Вернись! Я власть царей тебе вручу,
Ключи казны своей тебе вручу!

Клянусь! Свидетель мне — Йездан-зиждитель
И муж Джамасп — мудрец-путеводитель!»

Джамасп, чтобы пройти сквозь вражий
стан,
Надел туранский воинский кафтан.

На темя шапку с перьями надвинул,
Меч нацепил, за плечи лук закинул.

Степного подвели ему коня;
На нем из Чина сбруя и броня.

Он сел в седло, во тьме с горы спустился
И в путь, как лев бесстрашный,
устремился.

Сумел он быстро вражий стан пройти,
И, кто б ни окликал его в пути,

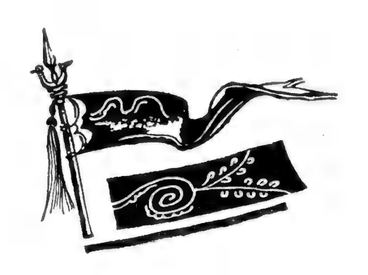
На оклики по-тюркски отвечал он.
Нигде себе преграды не встречал он.

Никто не догадался, кто он был.
Мудрец, как тюрк, по-тюркски говорил.

Так миновал он все заставы Чина
И поскакал, вздметая вихрь пустынный.

Вот наконец сквозь утренний туман
Он на скале увидел Гумбадан.

Громадой неприступной громоздился
Тот замок, где Гуштаспа сын томился.



ДЖАМАСП ПРИБЫВАЕТ К ИСФАНДИАРУ

Сын Тахамтана, юный Нушазар,
Которым так был горд Исфандиар,

Стоял в ту пору на стене дозорной,
Следя глазами за тропинкой горной, —

Все ль мирно и не движутся ль вдали
Войска завоевателя земли.

Вот он завидел всадника в тумане
В туранской черной шапке и кафтане.

Подумал он: «Разъезды выслал Чин...
Пойду спрошу, что скажет властелин».

И он поспешно со стены спустился.
«О славный царь! — к отцу он обратился, —

Замечен мною всадник со стены,
И шапка и кафтан на нем черны.

Пойду узнаю — от Гуштаспа он
Иль соглядатай от Арджаспа он.

Коль он туранец — выйду, обезглавлю,
Дорогу кровью подлой окровавлю».

И отвечал Исфандиар ему:
«Дорога не запретна никому.

Всяк мимо скачет: и купец и странник.
А может быть, иранский он посланник;

Спешит сюда, а чтоб избегнуть бед,
В одежду тюркскую переодет».

Тут Нушазар покорно поклонился
И на стену проворно устремился.

Когда к воротам всадник подскакал,
Джамаспа сразу царский сын узнал.

Сбежал к отцу, сказал: «О свет вселенной,
Ждет у ворот Джамасп благословенный!»

Ворота приказал открыть отец.
Вошел, склонился перед ним мудрец,

Пересказал ему царя посланье,
Мольбу и клятвенное обещанье.

Джамаспу отвечал Исфандиар:
«О ты, чей светлый дух — Йезданов дар,

Мудрец, провидец, воин знаменитый!
Пред узником поклонов не клади ты.

Взгляни — колодник жалкий пред тобой,
Рожденный не людьми, а силой злой!

И ты привез привет царя Ирана
Презренному отродью Ахримана?

Пускай Арджасп теперь привет мне шлет,
Который кровью весь Иран зальет!

Безвинно я закован властелином,
Пусть шах Гуразма называет сыном! *

Вот — шах меня за подвиг наградил,
В цепях меня в темницу посадил.

Я не сниму цепей! В цепях предстану
Свидетельствовать вечному Йездану!

Да видит он неправду и обман
И как ликует в мире Ахриман!

Нет! Я обиды вечно не забуду,
И лживым клятвам верить я не буду».

Сказал Джамасп: «О славный Руинтан,
Правдолюбивый мира пахлаван!

Коль так душа твоя ожесточилась,
То впрямь Гуштаспа солнце закатилось.

Но ведай правду — пусть твой дух скорбит:
Лухрасп, служитель вечного, убит!

Рабы Зардушта у святого места
Все перебиты; сожжена Авеста.

И восемьдесят истины отцов,
Мобедов, чистых сердцем мудрецов,

Убиты зверски в храме Нушазара.
И все погибло в пламени пожара.

Пусть эта весть оледенит тебя —
И пусть на месть воспламенит тебя!

Как пред судом Йездана ты предстанешь,
Коль ты теперь на битву не воспрянешь?»

Исфандиар в ответ: «Эй, муж святой,
Ты — избранный высокою звездой!

На месть за своего отца Лухраспа,
За мученика, мудреца Лухраспа,

Пускай Гуштасп выходит — старца сын,
Трон от отца приявший властелин!»

Джамасп ответил: «Пусть врагам простишь ты,
Пусть за Лухраспа им не отомстишь ты, —

Но вспомни: терпят тысячи обид
Хумай и юная Бихафарид!

В плен, как рабынь, пешком их уводили,
Их лица — на глумленье всем — открыли!»

Исфандиар в ответ проговорил:
«Я в заточенье, в униженье был,

Но сестры благородные едва ли
Об участи моей погоревали.

И ты, мудрец, меня не уверяй,
Что вспомнила хоть раз меня Хумай.

Иль что Бихафарид душой страдала;
Она меня в лицо едва видала!»

Джамасп сказал: «О вождь богатырей,
Отца в его несчастьях пожалей!

Душой в отчаяние погруженный,
Свирепыми врагами окруженный,

Слезами сердце сокрушает он,
Ни крошки хлеба не вкушает он.

Коль на туранцев ты сейчас не грянешь,
Боюсь, в живых Гуштаспа не застанешь.

Когда от ближних отвратишься ты,
Как пред Йезданом обелишься ты?

Твоих там тридцать восемь братьев младших
Лежат — мертвы средь ратоборцев падших!»

И молвил царь, оковами звеня:
«Как много было братьев у меня!

Я был в цепях, а братья пировали,
О бедном узнике не горевали.

Коль выйду мстить, какая польза им,
Когда их жизнь развеяна, как дым?»

Поник Джамасп, глубоко огорченный;
Не умолил души ожесточенной.

В его груди огонь надежды гас.
Скорбя, он слезы проливал из глаз,

Сказал: «О муж, суровый свыше меры,
Восстал ты против разума и веры!

Но Фаршидвард — возлюбленный твой брат, —
Он душу за тебя отдать был рад.

Над участью твоею горевал он,
Гуразма всенародно проклинал он.

Его я видел; весь изранен он;
Его железный панцирь рассечен.

Он умирает. Хоть над ним ты сжалься!
Над преданным тебе, родным — ты сжалься!»

Когда о Фаршидварде услыхал —
Исфандиар, как пламя, запылал:

«Что ж ты мне сразу о такой напасти
Не молвил? Ты мне сердце рвешь на части!

Беги скажи пусть кузнецы придут,
Напильники и молоты несут!»

И встал Джамасп, послал за кузнецами.
Они пришли с зубилами, с клещами.

Стальные цепи начали пилить,
Заклепки, гвозди, наручни рубить.

А муж закованный — терпеть не мог он,
От их медлительности изнемог он.

«Злодеи! — он вскричал на кузнецов. —
Вы распилить не можете оков?

А вы ведь сами в них меня забили,
Вы удержать меня в оковах мнили!

Да я бы сам их разорвал давно,
Но было это мне запрещено...»

Он на ноги, гремя железом, встал,
Стальные кольца на ногах сломал

И в гневе цепи разорвал на теле
Так, что замки и звенья полетели,

И замертво, сознания лишен,
Он рухнул, от цепей освобожден.

Мудрец Джамасп, увидев диво это,
Вознес хвалу творцу земли и света.

Пришел в сознанье богатырь, и встал,
И, цепи в груду положив, сказал:

«Вот — дар Гуразма, вот кем я обижен;
И пусть он будет проклят и унижен!»

Готовить баню приказал скорей
Муж, изнемогший от своих цепей.

И свеж и светел, словно день весенний,
Из бани вышел в царственные сени.

Одежды богатырские надел,
Доспех готовить боевой велел,

Сказал: «Подайте шлем, и меч несите,
И моего коня ко мне ведите!»

Когда коня увидел пред собой,
Вздохнул он скорбно: «О Йездан святой!

Пусть был я грешен, пусть я провинился,
Я за грехи мои в цепях моих томился.

Но берберийский конь — за что же он
До худобы столь горькой доведен?»

Сказал: «Коня омойте, накормите!
Былую мощь любимцу воротите!»

И он кольчугоделов-мастеров
Созвал и оружейных кузнецов.

Броню велел ковать и щит булатный
И весь доспех несокрушимый ратный.

ИСФАНДИАР ЗАСТАЕТ ЖИВЫМ СВОЕГО БРАТА

Вот ночь пришла — чернее Ахримана;
Карнай взревел в твердыне Гумбадана.

Сел витязь на коня — любимца сеч,
Повесил на бедро индийский меч.

Бахман, и Нушазар, и люди чести
С ним ехали во имя правой мести.

С ним был Джамасп, Гуштаспа звездочет,
Читавший, словно книгу, небосвод.

Ворота крепостные отворились,
И в степь с горы богатыри спустились.

И поднял к небу Руинтан свой лик,
Сказал: «Один ты вечен и велик,

Ты, просветивший дух Исфандиара,
Один даруешь в битве мощь удара!

Когда о Фаршидварде привелось
Узнать мне — сердце кровью облилось.

Коль ты победу дашь мне, царь небесный,
То вся земля Арджаспу станет тесной.

Я за царя Лухраспа отомщу,
За кровь безвинных — кровью я взыщу,

За братьев, чье дыханье отлетело,
Чьей кровью, как рубин, земля зардела!

Клянусь тебе — предвечному творцу:
Не стану за обиду мстить отцу.

Сто новых храмов я огню воздвигну *,
Неверных на краю земли настигну,

Сто караван-сараев возведу,
В пустыне дикой воду проведу,

В песках, куда орел не залетает,
В пустынях, где онагр не пробегает,

Велю я тысячи колодцев рыть,
Чтоб тружеников счастьем одарить,

Заблудших я на путь поставлю верный,
Покончу в мире с чародейной скверной!»

Сказал. И поскакал на тот привал,
Где Фаршидвард несчастный умирал.

Нашел его в томленье пред кончиной
Лежащим на попоне лошадиной.

Исфандиар так много пролил слез,
Что врачевать глаза его пришлось.

«О брат мой, шах! — стенал и восклицал он. —
Скажи: кем ты изранен? — вопрошал он. —

Твоих убийц я всюду отыщу,
Я за тебя жестоко отомщу!»

Ответил Фаршидвард: «О муж воитель!
Увы! Гуштасп-владыка — наш губитель.

Когда б тебя не вверг он в Гумбадан,
Туранцы б не напали на Иран,

Блаженного Лухраспа не убили б,
Высокий Балх дотла не разорили б.

От клеветы Гуразма это зло
Неслыханное на Иран сошло.

С тем, что стряслось со мной, смириться надо.
Тебе корнями укрепиться надо.

Как древо плодоносное, цвети!
А мне пора к предвечному уйти.

Ты щедрой милостыней дух мой радуй.
Твоя молитва будет мне отрадой.

Теперь прощай, меня не позабудь
И вечен в мире, духом светел будь!»

Смолк Фаршидвард, вздохнул, и отлетела
Душа его из страждущего тела.

Исфандиар могучий зарыдал,
Шелка одежд на теле разодрал.

Он повторял: «Владыка правосудный,
Веди меня к добру дорогой трудной!

Дай мне за Фаршидварда отомстить,
Прах над горами тучею всклубить

И кровь пролить надменного Арджаспа,
И в небесах утешить дух Лухраспа!»

Плащом он тело брата облачил
И на коня гнедого возложил,

И, полн душевной боли и кручины,
Повез его на взгорье из долины.

«Как быть, как быть мне?— он взывал, скорбя,—
Как я воздвигну дахму для тебя?

Ни злата, ни сребра я не имею.
Где каменщиков взять — не разумею!..»

Под деревом тенистым вековым
Сложил он тело и простился с ним.

В кафтан его, как саван, облачил он,
Лицо ему рубахою покрыл он.

Сел на коня и к той горе погнал,
Где шах Гуштасп дороги растерял.

И он увидел множество убитых
Богатырей иранских знаменитых.

И сердце кровью обливалось в нем.
Рыдал он, видя воинства разгром.

И вот на месте битвы отгремевшей
Он видит лик Гуразма почерневший.

Вот как с врагом он встретился своим!
Убитый конь валялся рядом с ним.

И над Гуразмом мертвым постоял он.
«О глупый и несчастный муж! — сказал он, —

Вот — твоего тщеславия венец!
Слыхал ли ты, что завещал мудрец:

«Враг лучше друга, если много знает
И мудростью высокой обладает.

Кто мудр, тот помыслами устремлен
Во всем к тому, к чему способен он.

Не станет он губить напрасно время
И не по силам брать на плечи бремя!»

Ты место захотел мое занять,
Ты смуту стал в стране распространять,

Ты клевету сплетал за словом слово, —
И нет у нас величия былого!

Невинной крови реки пролиты
Из-за тебя. В аду погибнешь ты!»

Рыдая, он покинул поле боя,
Погнал коня на воинство чужое.

Громадный стан в степи увидел он,
Затмивший дымом синий небосклон.

Вокруг был вырыт ров. Высокий вал
Становище Турана окружал.

Ров перепрыгнул конь, в боях бывалый.
Поехал витязь вдоль подножья вала.

А там дозором объезжали ров
Десятков восемь тюркских удальцов.

Меч обнажил Исфандиар свирепый,
Месть в том бою была ему укрепой.

На них напал он, всех поубивал,
А сам оттуда к шаху поскакал.

ИСФАНДИАР ПРИБЫВАЕТ НА ГОРУ К ГУШТАСПУ

Он въехал на гору, в шатер явился
И до земли перед отцом склонился.

Гуштасп скорбящий на ноги вскочил,
В слезах в объятья сына заключил,

Поцеловал, сказал: «Хвала Йездану!
Ты здесь, со мной! Я вновь душой воспряну!

Не гневайся, обиды не таи,
Прости грехи мне тяжкие мои!

То клеветы Гуразма паутина...
Поверил я, озлобился на сына.

Прости ты мне! Пусть козноде́й падет!
Пусть тот, кто зло посеял, зло пожнет!

Клянусь пред тем, кто видит все и знает,
Кто в сердце мысли тайные читает,

Когда за все туранцам отплачу, —
Страну, венец, престол тебе вручу,

Власть передам тебе, а сам я стану
В святилище огня служить Йездану!»

И отвечал царю державный сын:
«Да будет мной доволен властелин!

Да обрету венец, и трон, и власть я
В том, чтоб всегда твое сияло счастье!

Я мертвого Гуразма увидал
И над врагом убитым зарыдал.

Из-за беды, что на тебя свалилась,
От горя грудь моя испепелилась.

Теперь ушло от нас былое зло.
Несчастья наши ветром унесло.

Когда мечом сверкающим взмахну я,
Как под горой великий бой начну я, —

Арджасп, Кахрам живыми не уйдут,
Халлух и Чин в развалинах падут!»

Когда узнали воины Ирана,
Что разрешились цепи Руинтана,

Они стеклись толпой на верх горы,
Где подымались кейевы шатры;

И увидали пахлавана мира,
И прославляли пахлавана мира.

И встал, сказал мужам Исфандиар:
«Эй, храбрые, чей славится удар!

Ночь до утра спокойно отдыхайте,
А завтра в бой идите, убивайте!»

И клич издали львы жестоких сеч:
«Ты — наш венец и закаленный меч!

Твой светлый лик увидеть нам отрада!
Все за тебя умрем мы, если надо!»

И разошлись к сражению в ночи
Готовить копья, стрелы и мечи.

А царь сидел в шатре с Исфандиаром,
Крушась, вздыхая о Лухраспе старом.

Он проливал кровавых слез ручей,
Он вспоминал убитых сыновей;

И всех сраженных вражьими мечами,
Увенчанных кровавыми венцами.

И в ту же ночь к Арджаспу весть пришла,
Что здесь Исфандиар, что месть пришла;

Что молнией слетел он с кручи горной,
Напал и перебил разъезд дозорный.

Разгневался Арджасп, созвал совет,
Сказал: «Мы шли сюда — не ждали бед.

На то ли мы надеялись вначале,
Когда нигде преграды не встречали?

Я говорил: пойдем, откинем страх,
Пока свирепый див сидит в цепях!

Никто не страшен нам во всей вселенной,
И опрокинем мы Иран надменный.

Но грозный враг теперь освобожден —
Исфандиар, что дивом порожден.

Что делать нам? Ведь нет во всем Туране
Соперника ему на поле брани.

Так нынче ж от напасти злой уйдем,
Со всей добычей мы домой уйдем!»

И вот Гуштасповых сокровищ горы,
Оружье, драгоценные уборы,

Все, что награбить в Балхе он успел,
Навьючить на верблюдов он велел.

Тут ближние не стали прекословить,
Взялись проворно караван готовить.

И в путь пошли... Меж тем во все концы
В степь унеслись Арджасповы гонцы.

Спешил Арджасп; в смятенье страшном был он;
Покой, и сон, и пищу позабыл он.

Был муж Гургсар в Арджасповых войсках.
Он вышел и сказал: «Великий шах,

Ты правишь всем Тураном и Халлухом.
Так не страшись врага, не падай духом!

Разбиты все полки врагов твоих.
Здесь, на горе, спаслись остатки их.

Величья прежнего Гуштасп лишился.
Исфандиар в темнице истомился.

А если в бой решится выйти он,
Моей рукой он будет поражен.

А ты перед войсками страх являешь,
В сердцах мужей отвагу убиваешь».

И внял Арджасп речам Гургсара-льва.
Разумными нашел его слова.

Сказал Гургсару: «Мужественный воин,
Ты благороден, славы ты достоин.

Коль обещанье ты осуществишь,
Слова свои деяньем подтвердишь, —

Тебе наградой будет половина
Владений всех моих до моря Чина.

Главою войск поставлю я тебя,
Возвышу и прославлю я тебя!»

И тут он войско поручил Гургсару,
Чтоб утром дать отпор Исфандиару.

Всю ночь к царю — до утренней зари —
Съезжались чинские богатыри.

Чуть золотым щитом своим светило
Простор степей и скалы озарило

И ночь, лицо ладонями закрыв,
Бежала, плащ свой черный уронив, —

С горы спустилось воинство Ирана
Под стягом пахлавана Руинтана.

Мир почернел, когда пошли войска,
Как смоляная, дымная река.

Вот вышел львов убийца, светоч мира,
Бастур-военачальник, сын Зарира.

Он правого крыла повел ряды,
Как грозовое облако беды.

Гурдуй — подобьем звездного орла —
Ряды построил левого крыла.

В стальной броне, блистающей как жар,
Стал во главе всех войск Исфандиар.

Гуштасп со скал всю степь обозревал.
Лухраспа дух о мести к ним взывал.

А против них Арджасп в степном просторе,
Войска его шумят, как волны моря.

Пыль поднялась. Лиловые мечи
Блистали, словно молнии в ночи.

И злобного Арджаспа дух надменный
Стал тверд и черен, как ядро эбена.

Кахрам был справа, а чигильский шах
Отвагу слева подымал в войсках.

И вот ряды столкнулись, прах всклубился...
Исфандиар в туранский строй вломился.

Арджасп, увидев прямо пред собой,
Как буря, грозно закипевший бой,

На некий холм поднялся в отдаленье,
Чтоб видеть битву и полков движенье.

И приказал Арджасп, владыка стран,
Готовить в путь надежный караван.

И молвил он советникам и знатным:
«Боюсь — бедой созвездия грозят нам!

А если нам победы не видать, —
Не лучше ли все бросить и бежать?

Верблюды ждут. Пока два войска бьются,
Уйду! Со мною верные спасутся».

Исфандиар во вражеских войсках,
Как слон свирепый, с пеной на губах,

Кружился, словно небо над землею,
С огромной быкоглавой булавою;

Как будто в теле, яростью дыша,
Не помещалась грозная душа.

Раздался гром литавр и рев карная,
И грянул бой от края и до края

Широкой степи. Мнилось — в пыльной мгле
Вскипела хлябь морская на земле.

И дрогнул и смешался строй Турана
Под натиском свирепым Руинтана.

Он грозным кличем битву заглушил
И триста львов туранских сокрушил.

Сказал: «За Фаршидварда кровь возьму я,
Над миром прах до солнца подыму я!»

Лишь тучу пыли ветром отнесло,
Он ринулся на правое крыло.

Сто шестьдесят богатырей сразил он,
Кахрама-полководца устрашил он.

Бежал Кахрам. «Вот месть за деда вам!» —
Гремел Исфандиар вослед врагам.

И к левому крылу коня пустил он,
И землю кровью тюркской обагрил он.

Сто шестьдесят и пять богатырей
Побил он тяжкой палицей своей.

И крикнул Руинтан: «Я истребил их
В отмщенье за убитых братьев милых!»

Сказал Арджасп Гургсару: «Погляди,
Средь лучших войск, идущих впереди,

Нет самых сильных и неустрашимых —
Убиты все, и мы не оживим их.

Ты в бой меня увлек! Что ж ты молчишь?
Что ты на месте недвижим стоишь?»

Погнал коня Гургсар, поводья кинул,
Взял лук, стрелу хаданговую вынул *,

Кружа, подобно черному орлу,
В Исфандиара он пустил стрелу.

Поник в седле Исфандиар громадный,
Чтобы подумал муж Гургсар злорадный,

Как будто впрямь царя он поразил,
Его броню нагрудную пронзил.

За свой индийский меч Гургсар схватился
И на Исфандиара устремился.

Но тут в одно мгновенье Руинтан
Снял с тороков волосяной аркан

И, помянув великого Йездана,
Метнул аркан на шею льву Турана,

И захлестнул его в тугой петле,
И поволок Гургсара по земле.

Скрутил ему он руки за спиною,
А шею цепью затянул стальною.

В пыли, с кровавой пеной на губах,
Погнал его у тюрков на глазах.

И с Хумаюном, родственником кея,
Отправил шаху пленного злодея.

Сказал: «Вели в цепях его держать,
Но без меня не вздумай убивать.

Мы подождем, кому небес владыка
Победу в битве ниспошлет великой».

И устремился вновь, свиреп и яр,
На поле ратное Исфандиар.

И пламя битвы пуще запылало.
Все небо темной тучей пыль застлала.

Арджасп увидел гибель и разгром.
От горя гневный дух сломился в нем.

Спросил: «Какие вести о Кахраме,
Где он? Где мужа боевое знамя?

Где богатырь Кундур, убийца львов,
Метавший стрелы выше облаков?»

Ответили Арджаспу: «Мощь Гургсара
Повержена петлей Исфандиара.

Бежал Кахрам отважный... Пал во прах
С изображеньем волка шахский стяг!»

И сел Арджасп на быстрого верблюда;
Бежал он с горстью преданного люда.

Верхами в степь свою они ушли.
Коней с собою запасных вели.

Все войско предал царь судьбе жестокой,
С князьями сам ушел в Халлух далекий.

И вновь Исфандиар воззвал, как гром,
И кручи гор отозвались кругом;

Он крикнул: «Эй, воители Ирана,
Бездействовать мечам булатным рано!

Рубите! Пусть поляжет весь Туран
Горою трупов, как гора Каран!»

И бодрость в каждом сердце встрепенулась,
И войско с войском яростно столкнулось.

И кровь такой рекою потекла,
Что мельница бы двигаться могла.

Повсюду трупы, скорченные в муке,
Отрубленные головы и руки...

Уж воины устали убивать,
Не думали добычу подбирать.

Узнали степняки о бегстве шаха.
Исполнились отчаянья и страха.

Кто был верхом, пустился наутек;
Оружье бросил, кто уйти не мог.

И тюрки о пощаде запросили,
Упали ниц, ручьями слезы лили.

Исфандиар могучий их простил,
Бойцам своим убийство запретил,

Взглянул с холма и видит он — победа!
Сказал он: «Совершилась месть за деда».

Назначил стражей пленным. Сам, как был
В поту, в пыли, к Гуштаспу поспешил.

Он весь покрыт был кровью. Прилипала
К его ладоням рукоять кинжала.

Велел он стрелы из брони извлечь,
Велел отмыть кольчугу, шлем и меч.

А сам в источник чистый погрузился;
От пыли и от крови в нем отмылся.

Надел одежду скорби и душой
Открылся перед вечным судией.

С отцом своим он долго, неустанно
В слезах молился пред лицом Йездана.

И, страхом и раскаяньем томим,
Гуштасп семь дней молился рядом с ним.

И встал Исфандиар, на трон воссел он,
Гургсара привести к себе велел он.

Гургсар на жизнь надежду потерял.
Он, словно лист под ветром, трепетал.

Сказал: «О шах, когда меня убьешь ты, —
Ни чести, ни добра не обретешь ты.

Оставь мне жизнь — в цепях, в плену хотя б, —
И стану я служить тебе, как раб.

Я к Руиндижу путь тебе открою,
Проводником везде пойду с тобою».

Велел стеречь Гургсара славный шах,
Держать его в колодках и цепях.

Встал Руинтан, поехал в стан Арджаспа,
Что Балх ограбил и убил Лухраспа.

Там воинов он одарил своих,
Соратников обогатил своих.

Потом князей туранских допросил он,
И самых злобных среди них казнил он.

ГУШТАСП ОТПРАВЛЯЕТ ИСФАНДИАРА НА ВОЙНУ С АРДЖАСПОМ

Потом призвал Исфандиара шах,
О многих с ним беседовал делах.

Лухраспа, Фаршидварда вспоминали
И всех богатырей, что в битве пали.

Сказал Гуштасп: «Забудем ли в плену
Сестер твоих? Закончим ли войну?

Кто пал в сраженье — раю приобщится...
Но как несчастен, кто в плену томится!

Как можем мы сестер твоих забыть?
Что подданные станут говорить?

Огнем я буду пламенеть от горя,
Пока они в неволе и в позоре.

Клянусь тебе перед лицом творца:
Коль доведешь ты битву до конца,

Пойдешь в Туран на Руиндиж надменный,
Коль ты сестер освободишь из плена, —

Тебе престол царей я уступлю,
Венец отдам, богатством наделю!

Мне троном будет жертвенник святыни.
Молиться буду я о милом сыне!»

И дал Исфандиар такой ответ:
«Пусть без тебя не светит в мире свет!

Всем сердцем и душой в твоей я воле.
Я — раб перед отцом своим, не боле.

Жизнь за тебя отдам я, мой отец.
Мне ни престол не нужен, ни венец.

Пойду в Туран, Арджаспу отомщу я.
За жертвы все, за муки с них взыщу я.

Щитом хранимый, что Йездан простер,
Я сокрушу Туран, спасу сестер!»

И встал Гуштасп и восхвалил его:
«Величье — светоч духа твоего!

Йездан тебе хранитель в трудной доле.
Когда вернешься — сядешь на престоле!»

И, словно солнце в блеске и лучах,
Созвал войска миродержавный шах;

Из них избрал двенадцать тысяч конных,
Испытанных, отважных, закаленных.

Сокровищницу царскую открыл
И золотом их щедро одарил.

Венец и трон он дал Исфандиару.
Дивилось войско царственному дару.

И вот в поход дружина собралась.
Пыль, словно туча, к небу поднялась.

С нагорья в степь Исфандиар спустился
И в дальний путь к Турану устремился.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 27. *Первоосновы создал он четыре...* — В древности и средние века мир представляли состоящим из четырех элементов — земли, воды, воздуха и огня.

Стр. 28. *Двенадцать власть признали семерых...* — т. е. двенадцать знаков Зодиака (в переносном смысле — время) признали власть семи планет, влияющих на судьбы мира.

Семи небес тогда возникла связь... — Здесь отражено представление древних народов, будто небо состоит из семи сфер, небес.

Стр. 30. *Следи круговращенье небосвода...* — Небосвод, вращающийся над неподвижной землей, считался воплощением судьбы, рока.

Стр. 31. *Жил богатырь-дихкан...* — Фирдоуси имеет в виду Абу Мансура, поручившего ученым составить прозаический свод эпических сказаний.

Стр. 33. *Явился юноша...* — Имеется в виду поэт Дакики, начавший изложение эпических сказаний в стихах. Дакики успел написать около тысячи двустиший, Фирдоуси включил их в «Шах-наме».

Но молодость поэт провел злонравно,
Всегда со злом боролся он бесславно... —

Фирдоуси намекает на порочные склонности Дакики, от которых тот пытался избавиться.

Стр. 34. *А был в ту пору некий гордый князь...* — Имеется в виду Абу Мансур; см. прим. к стр. 31.

Стр. 53. *Пустыня Всадников — его страна.* — Пустыней Всадников или Степью Копьеносцев Фирдоуси называл Аравийские степи.

Стр. 54. *Его и Бивараспом ты зови...* — Асп — значит конь, Биварасп — владеющий десятью тысячами коней.

Стр. 56. *Глава придворных опустил завесу...* — Престол царя отделялся завесой. Завеса заменяла и четвертую стену тронного зала.

Стр. 60. *Он к морю Чина...* — Что подразумевал Фирдоуси под морем Чина, трудно определить, но по смыслу значит: за тридевять земель.

Стр. 65. *Не ты ли царь семи земных частей...* — В древности и средние века считали, что вся обитаемая земля делилась на семь поясов, или областей.

Стр. 103. *Прозвал тебя Дастаном...* — Одно из значений слова «дастан» — «обман». Сам прозвал сына Залем, что значит «седой старец», — из-за его седых волос.

Стр. 110. *Стал небосвод — смолой, земля —эбеном...* — т. е. от пыли почернели воздух и земля; эбен — символ черного цвета.

Стр. 121. *Струится по твоим щекам вино...* — т. е. щеки покрылись румянцем.

Стр. 144. *Из ножен вдруг появится кинжал...* — Речь идет о возможном рождении сына.

Стр. 149. *Пыль камфары — на голове моей...* — Камфара белого цвета, здесь образное сравнение седины с камфарой.

Стр. 152. *...как перстень Бадахшана...* — Бадахшан — область на Памире, славившаяся своими рубинами (шпинелью).

Стр. 160. *Румийские таблицы принесли...* — Имеются в виду астрологические таблицы; по расположению светил на небе астрологи определяли ход событий, благоприятность часа для того или иного действия.

Стр. 165. *...покрытый кирпичами...* — намек на надгробие из кирпича.

Стр. 168. *На всех уборах вывела заклятья...* — На одежде выводили магические заклятья от дурного глаза.

Стр. 187. *Потерей огорченный Тахамтан...* — Тахамтан — дословно: «мощнотелый», прозвище богатыря Рустама. Фирдоуси называет его также «слоновотелый» и «дарящий короны».

Стр. 190. *Лишь стража ночи первая сменилась...* — Ночная стража во дворце сменялась три раза; по времени смены стражи определялось время.

Стр. 197. *Я след и семя Туса истреблю.* — Сухраб считает, что иранским престолом должен владеть его отец Рустам, род которого восходит к древним царям Ирана.

Стр. 224. *Хвала премудрому Дастани-Саму!* — Дастани-Сам значит: «Дастан сын Сама».

Стр. 231. *Был мной обычай древний соблюден.* — Рустам намекает на обычай, согласно которому шахом может быть лишь представитель царского рода, обладавший божественным ореолом — фарром.

Стр. 233. *Пришел в чертоги гневного хосрова...* — Хосров — титул царей из династии Сасанидов (III—VII вв.), часто употребляется в значении «царь».

Стр. 248. *Звезда Кавы...* — Звездой Кавы называли фартук кузнеца Кавы, поднятый им в виде знамени во время восстания. Шах Фаридун украсил его драгоценными камнями и провозгласил государственным знаменем.

Стр. 304. *Сама одеждой синей облеклась...* — Синий цвет был цветом траура.

Стр. 320. *Возьми жену из дома Кей-Пашина...* — т. е. из рода Кейанидов. Кей-Пашин не царствовал, но был представителем династии Кейанидов.

Стр. 332. *То скажет, что Рустам прикажет грозный...* — Судаба клевещет на Рустама, считая, что он заставил звездочетов опорочить ее.

Стр. 358. *Слона, и барабан...* — Барабан был одним из символов власти, возили его на слоне.

Стр. 371. *Уйдешь ли от кружащихся созвездий?..* — Т. е. от предначертаний судьбы.

Стр. 387. *Обижены иранским черноверцем...* — Под черноверцем имеется в виду Сиявуш.

Стр. 392. *С тех пор как Тура бог покинул правый,*
Настало зло, воюют две державы... —
Тур, один из сыновей Фаридуна, вместе со своим братом Салмом убил своего брата Ираджа, которому отец отдал Иран. Это послужило причиной бесконечных войн между Ираном и Тураном.

Стр. 431. *Из-за венца и Фарибурза спор.* — Когда Кей-Кавус решил передать престол своему внуку Кей-Хосрову, его поддержал Гударз, а Тус воспротивился; он хотел передать трон сыну Кей-Кавуса Фарибурзу.

Стр. 476. *...вырос новый плодоносный ствол...* — т. е. развернулась новая цепь событий.

Стр. 509. *Мечом заветным Сама...* — Богатырь Сам, по преданию, владел мечом, сражавшим с первого удара.

Стр. 526. *Когда Хосров пришел на бой суровый...* — Кей-Хосров, вступив на престол, решил отомстить за своего отца Сиявуша, убитого Афрасиабом, и отправил войско в Туран.

Стр. 537. *Язычниками стали соловьи...* — т. е. соловьи поклонялись розе, как язычники — своим кумирам, идолам.

Стр. 540. *Йеменскою звездой горят ланиты...* — Под йеменской звездой имеется в виду звезда Сухейль (Каноп).

Стр. 556. *...влагу жизни напитав отравой,*
Убил ты Сиявуша в день кровавый... —
Пиран говорит о том, что, убив Сиявуша, Афрасиаб отравил себе жизнь, вместо того чтобы испить «живой воды».

Стр. 558. *За камнем, что зиждителем небес*
Из моря брошен был в китайский лес... —
Речь идет о камне Акван, выброшенном из моря Акван-дивом.

Стр. 571. *Увижу в этой чаше семь планет...* — У Кей-Хосрова была волшебная чаша, она показывала все происходящее на свете. Во времена Фирдоуси семью планетами считались Сатурн, Юпитер, Марс, Венера, Солнце, Луна, Меркурий.

Стр. 588. *Пусть радует твою страну Хурдад...* — Здесь перечислены названия месяцев зороастрийского календаря, обозначавшие одновременно и духов зороастрийского пантеона.

Стр. 593. *Горбатая судьба...* — т. е. небосвод, определяющий судьбу человека.

Стр. 699. *Чтобы Зардушта веру утвердить,*
Святой Авестой души просветить... —
Легендарный пророк Зардушт (Зороастр) считается основателем религии зороастризма, распространенной в Иране до нашествия арабов в VII веке. В основе зороастризма лежит дуализм — вера в верховное божество добра Ормузда и враждующего с ним Ахримана. Авеста — священная книга зороастризма.

Стр. 709. *Пусть в глине ваши головы — не мойте!* — Имеется в виду банная глина для мытья головы.

Стр. 707. *Пусть шах Гуразма называет сыном!* — Гуразм — витязь, оговоривший Исфандиара перед его отцом, шахом Гуштаспом. Из-за него Исфандиара заточили в темницу.

Стр. 724. *Сто новых храмов я огню воздвигну...* — Речь идет о распространении зороастрийской религии. В храмах зороастрийцев горел вечный огонь.

Стр. 734. *...стрелу хаданговую вынул...* — Хаданг — белый тополь. Стрелы из этого дерева считались лучшими.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Абан — имя зороастрийского духа воды, название осеннего месяца в зороастрийском календаре.

Азар (Азаргушасп) — 1. Один из трех главных зороастрийских храмов священного огня в сасанидском Иране, основание храма приписывается царю Гуштаспу. 2. Имя духа огня. 3. Название осеннего месяца в зороастрийском календаре.

Азар-Бурзин — один из трех главных зороастрийских храмов священного огня на горе Ревапд.

Азат — знать в Древнем Иране.

Айван — крытая терраса; тронный зал прямоугольной формы, открытый с одной стороны, — стену заменяла завеса.

Албурз (Эльбурс) — горная цепь на севере Ирана; обиталище сказочной птицы Симург.

Амбра — благовонное вещество черного цвета.

Амул — название двух городов: на реке Аму-Дарье и в Табаристане.

Аргуван — иудино дерево, багряник, весной покрывается красными цветами, символизирует красный цвет.

Ард — название 25-го дня каждого месяца в зороастрийском календаре.

Ахемениды — династия иранских царей (558—330 гг. до н. э.).

Ахриман — божество зла в зороастрийском пантеоне, источник всего зла на земле. В «Шах-наме» Ахриман совращает иранских шахов с истинного пути, помогает туранцам — врагам иранцев.

Бабри-байан — тигровая или барсовая шкура. Так назывался боевой кафтан Рустама, который по своей прочности, как гласит легенда, превосходил латы и панцирь.

Бадахшан — область на Памире. На Востоке славились бадахшанские рубины.

Балх — город на реке Балхаб, притоке Аму-Дарьи, на территории современного Афганистана. Пехлевийская традиция связывает с Балхом возникновение зороастрийской религии.

Барбат — струнный музыкальный инструмент, род лютни.

Барсам — пучок прутьев, который держали в руках зороастрийские жрецы при отправлении ими религиозных обрядов.

Бахман — 1. Название зимнего месяца зороастрийского календаря. 2. Легендарный царь Ирана, сын Исфандиара. 3. Дух зороастрийского пантеона.

Бахрам — планета Марс, а также небесный воитель.

Бейт — двустишие, единица стиха в персидско-таджикской поэзии.

Белый див (Диви-сафид) — в иранской мифологии — страшное чудовище, обитавшее в Мазандеране. В «Шах-наме» Белый див ослепил и пленил иранское воинство во главе с шахом Кей-Кавусом.

Бисутун — колоссальная гладкая скала в Западном Иране, на которой высечена клинописная надпись древнеперсидского царя Дария I (522—486 гг. до н. э.). В поэзии Бисутун символизирует нечто грандиозное.

Бурзин — см. Азар-Бурзин.

Вазир — советник, министр правителя.

Ганг (Гангдиж) — название крепости, воздвигнутой Сиявушем в Туране. Пустыня Ганга — пустыня, прилегающая к этой крепости. Точной локализации Ганг не поддается.

Гассан — родоначальник йеменских царей.

Гилян — прикаспийская область Ирана, древняя Гиркания.

Гировгард — пограничная область между Ираном и Тураном, удел Тажава.

Гур — дикий осел. Так же звучит слово, обозначающее могилу.

Гурган — прикаспийская область Ирана.

Гургасар (Гургсар) — дословно: »волчеголовый«; по-видимому, одно из названий области Гурган.

Дабир — писец.

Дагуй — название степи в Туране.

Дастур — советник царя, главный зороастрийский священнослужитель.

Дахма — башня для погребения у зороастрийцев.

Дей — 1. Название зимнего месяца зороастрийского календаря. 2. Имя духа зороастрийского пантеона.

Джейхун — арабское название реки Аму-Дарьи.

Див — злой дух.

Диван — совет вельмож, государственное собрание.

Дилафруз — имя собирателя хвороста, дословно: «воспламеняющий сердце».

Динар — золотая монета.

Дирхем — мелкая серебряная монета.

Дихкан — в сасанидском Иране — представитель родовой землевладельческой знати. Во времена Фирдоуси дихканами называли представителей феодально-патриархальной знати.

Забул (Забулистан) — северная часть Систана, удел систанских богатырей Сама, Заля-Дастана, Рустама.

Зангибар (Занзибар). — Так называли все земли, населенные африканскими неграми.

Заргар — золотых дел мастер.

Зардушт (Зороастр) — легендарный основатель зороастрийской религии.

Зарер — дерево, из которого изготовляют желтую краску. Метафорически — желтый цвет.

Зенд — среднеперсидские комментарии к Авесте, священной книге зороастризма.

Зинджи — негритянские народы Африки, преимущественно жители Занзибара. В поэзии — символ черноты.

Иблис — дьявол.

Изед — бог.

Ирадж — сын шаха Фаридуна, убитый из зависти своими братьями. Его убийство послужило причиной многочисленных войн между Ираном и Тураном.

Искандар — Александр Македонский. На Востоке о нем сложилось много легенд.

Истахр — персидское название города Персеполис, столицы при Ахеменидах.

Исфахан (Исфаган) — город в Иране.

Йездан — бог.

Каба — боевая ватная куртка; род верхней одежды.

Калам — тростниковое перо.

Калат — название горы, на которой находился замок Фаруда.

Калуша — род кушания.

Каннаудж (Каннудж) — город и область в Северной Индии.

Касеруд — река на границе Ирана с Тураном.

Каюмарс — первый человек и первый правитель в иранской мифологии.

Кеи и *Кейаниды* — династия легендарных царей Ирана. В переносном значении «кей» — «царь».

Кейван — планета Сатурн.

Кейсар. — Так на Востоке титуловали византийских (румийских) императоров.

Кинтар — мера веса

Ктесифон — столица государства Сасанидов.

Кулах — головной убор знати, конусообразная шапка, украшенная драгоценными камнями.

Кухистан — область в Хорасане, дословно: «страна гор».

Мавераннахр — область между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей, дословно по-арабски означает: «то, что расположено за рекой».

Маг — жрец зороастрийского храма.

Мазандеран — прикаспийская область Ирана. В иранском эпосе Мазандеран населяют дивы и враждебные Ирану народы.

Май — индийский город. Локализации не поддается.

Майам — название реки. Локализации не поддается.

Майдан — площадь, ристалище.

Ман — мера веса (около 3 кг).

Марг — название города в Индии. Точной локализации не поддается.

Махафарид — женское имя, дословно: «рожденная луной».

Мекран — название юго-западной части Ирана.

Михр — название осеннего месяца зороастрийского календаря.

Мобед — зороастрийский жрец; часто употребляется и в значении «мудрец».

Муган — название одного из древних иранских напевов.

Мурдад — название летнего месяца зороастрийского календаря.

Мускус — ароматическое вещество черного цвета. В персидско-таджикской поэзии распространенный символ черноты и аромата.

Мушканак — женское имя, уменьшительная форма от слова «мушк» — мускус.

Мушкиназ — женское имя, дословно: «нежная, как мускус».

Назйаб — женское имя, дословно: «грациозная».

Нахид — планета Венера.

Ней — род флейты.

Неса — столица Парфянского царства. Развалины Несы находятся на территории Туркмении.

Нимруз — одно из названий Систана, дословно: «полуденный», т. е. юг.

Ноубахар — буддийский храм в Балхе.

Ноуруз — иранский Новый год, отмечающийся в день весеннего равноденствия.

Ормузд — верховное божество добра в зороастрийской религии.

Палас — грубая шерстяная подстилка.

Парс — область на юго-западе Ирана (в современном языке — Фарс). Иногда так называется и столица иранских государей в Парсе.

Пахлаван — витязь, богатырь в иранской мифологии.

Пери — в «Шах-наме» по большей части злой дух в образе красивой женщины.

Пехлеви (пехлевийский). — Фирдоуси под этим словом понимает литературу домусульманского Ирана на среднеперсидском языке.

Рахш — кличка боевого коня богатыря Рустама; в переносном значении — хороший скакун, сказочный конь.

Рей — город в Иране, развалины которого находятся вблизи Тегерана.

Ривниз. — Под этим именем в «Шах-наме» действуют два персонажа: 1. Зять Туса, пораженный стрелой Туса. 2. Сын Кей-Кавуса, убитый во время похода в Туран.

Рубаб — струнный музыкальный инструмент.

Руд — струнный музыкальный инструмент.

Руиндиж — название крепости, дословно: «медный замок».

Руинтан — прозвище Исфандиара, дословно: «меднотелый».

Рум — Восточно-Римская империя (Византия).

Сагзи — уроженец области Систана.

Сада — древнеиранский праздник, посвященный открытию огня.

Саз — струнный музыкальный инструмент.

Саклабы. — Так называли на Востоке славян.

Салм — сын Фаридуна, убивший вместе со своим братом Туром младшего брата Ираджа. Салм в иранской мифологии считается родоначальником византийских императоров.

Саманган — область, находившаяся в вассальной зависимости от Турана.

Синдарак — род душистой смолы, в персидско-таджикской поэзии употребляется для обозначения желтизны.

Сасаниды — династия иранских царей (226—651).

Сафид-кух — дословно: «белая гора». Локализации не поддается.

Симак — звезда Арктур.

Симург — сказочная птица, покровительница богатыря Заля-Дастана.

Систан (Сеистан) — область на востоке Ирана. В настоящее время часть Систана находится на территории Ирана и часть — Афганистана. В «Шах-наме» Систан — родина богатырей из дома Нейрама — Сама, Заля-Дастана, Рустама.

Согдиана — страна согдийцев, одной из среднеазиатских иранских народностей. Согдиана находилась в районе Самарканда и Бухары.

Спандармузд — название весеннего месяца зороастрийского календаря.

Сугди — письменность согдийцев.

Суруш — в зороастрийской мифологии — божественный вестник, посылаемый верховным божеством Ормуздом для исполнения разных поручений.

Сухейль — звезда Каноп. Восточные средневековые астрономы считали, что Сухейль в Йемене светит ярче, чем в других странах.

Табут — погребальные носилки.

Тир — планета Меркурий.

Тур — старший сын Фаридуна, убивший совместно с братом Салмом младшего брата Ираджа. Считается родоначальником туранских шахов.

Туран. — В древности так называли области, населенные иранскими кочевыми племенами. Границей Ирана и Турана считалась Аму-Дарья. Впоследствии Туран стал восприниматься как страна тюрков, поэтому в «Шах-наме» туранцы отождествлены с тюрками. Этому способствовал тот факт, что в X веке эти области в значительной мере были заселены кочевыми тюркскими племенами, представлявшими опасность для саманидского государства.

Тус — город в Хорасане, неподалеку от которого родился Фирдоуси. В настоящее время — город Фирдоус на территории Ирана.

Урдибихишт — название весеннего месяца зороастрийского календаря.

Ускуф — епископ.

Утарид — планета Меркурий.

Фагфур — титул китайского императора на Востоке — дословно: «сын бога».

Фараб — город в Средней Азии.

Фарвардин — первый (весенний) месяц зороастрийского календаря.

Фарр — божественный ореол, которым, по представлениям древних иранцев, должен был обладать шах.

Фарсанг — мера длины (от 6 до 12 км), путь, который проходил конь за час.

Хакан — титул тюркских правителей, перенесенный и на правителя Чина — Китая.

Халеб — город Алеппо.

Хамаваран. — В иранском эпосе так называется Йемен.

Харвар — мера веса, равная вьюку осла.

Хинд (Хиндустан) — Индия.

Хирманд — река в Систане.

Хорасан — область на северо-востоке Ирана.

Хотан — город в китайском Туркестане.

Хуллах — город в Синьцзяне, в средние века славился красотою своих женщин.

Хумай — волшебная птица. Тот, на кого падала ее тень, якобы становился царем.

Хурдад — название летнего месяца зороастрийского календаря и 6-го дня каждого месяца; имя зороастрийского духа.

Чанг — струнный музыкальный инструмент.

Чач — средневековое название г. Ташкента и прилегающей области. Чач славился своими луками.

Чин — Китай.

Чоуган — клюшка для игры в конное поло, а также название самой игры. В поэзии часто символизирует судьбу.

Шабранг — кличка коня Сиявуша, дословно: «цвета ночи».

Шангул — в «Шах-наме» — титул правителей северо-западной Индии.

Шаханшах — царь царей, эпитет царей Ирана.

Шахд — приток реки Сафидруд.

Шахривар — название летнего месяца зороастрийского календаря.

СОДЕРЖАНИЕ

Фирдоуси

«ШАХ-НАМЕ»

Книга первая

Редактор *Э. Франгулова*

Художественный редактор *Г. Кудрявцев*

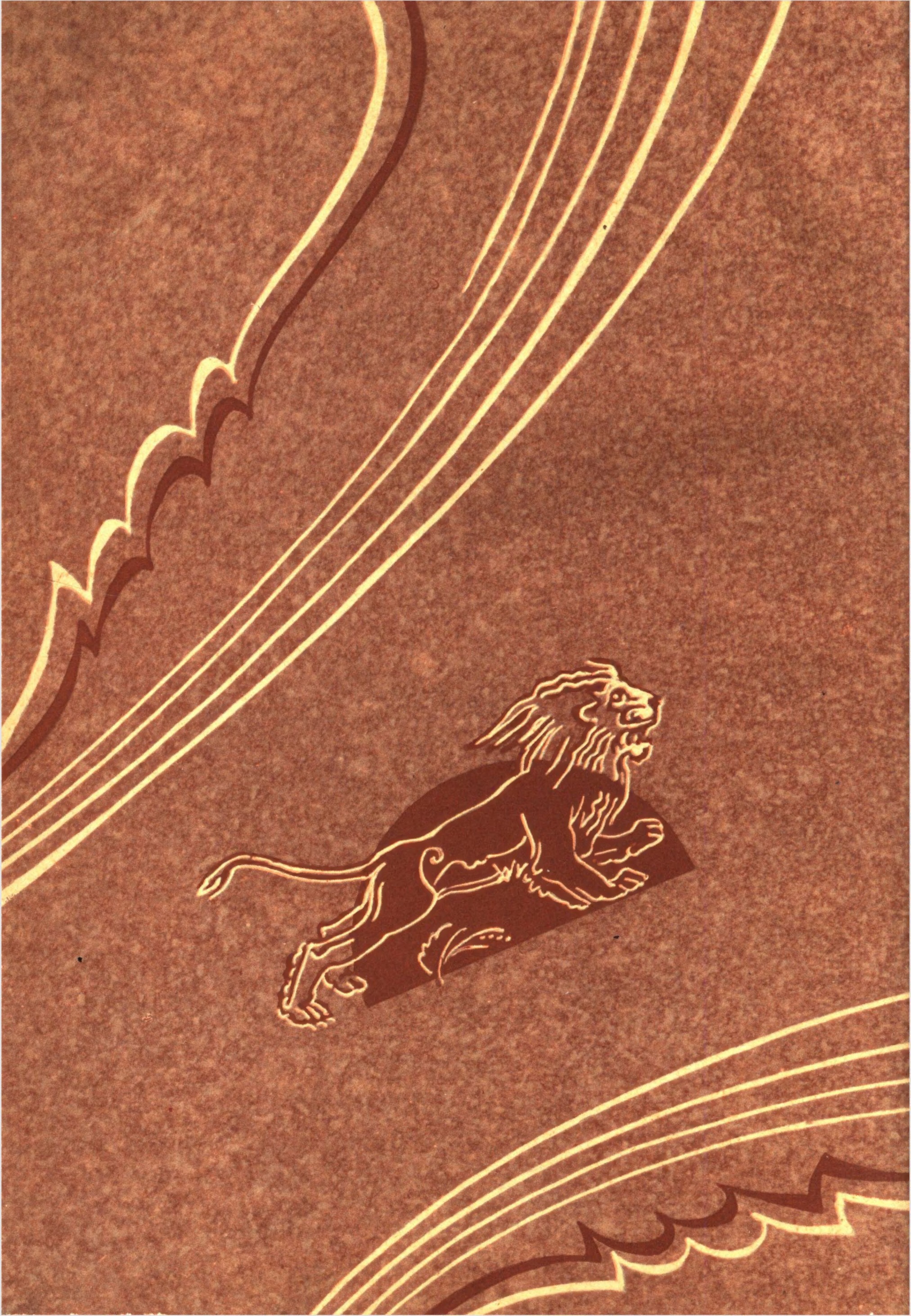
Технический редактор *А. Трошин*

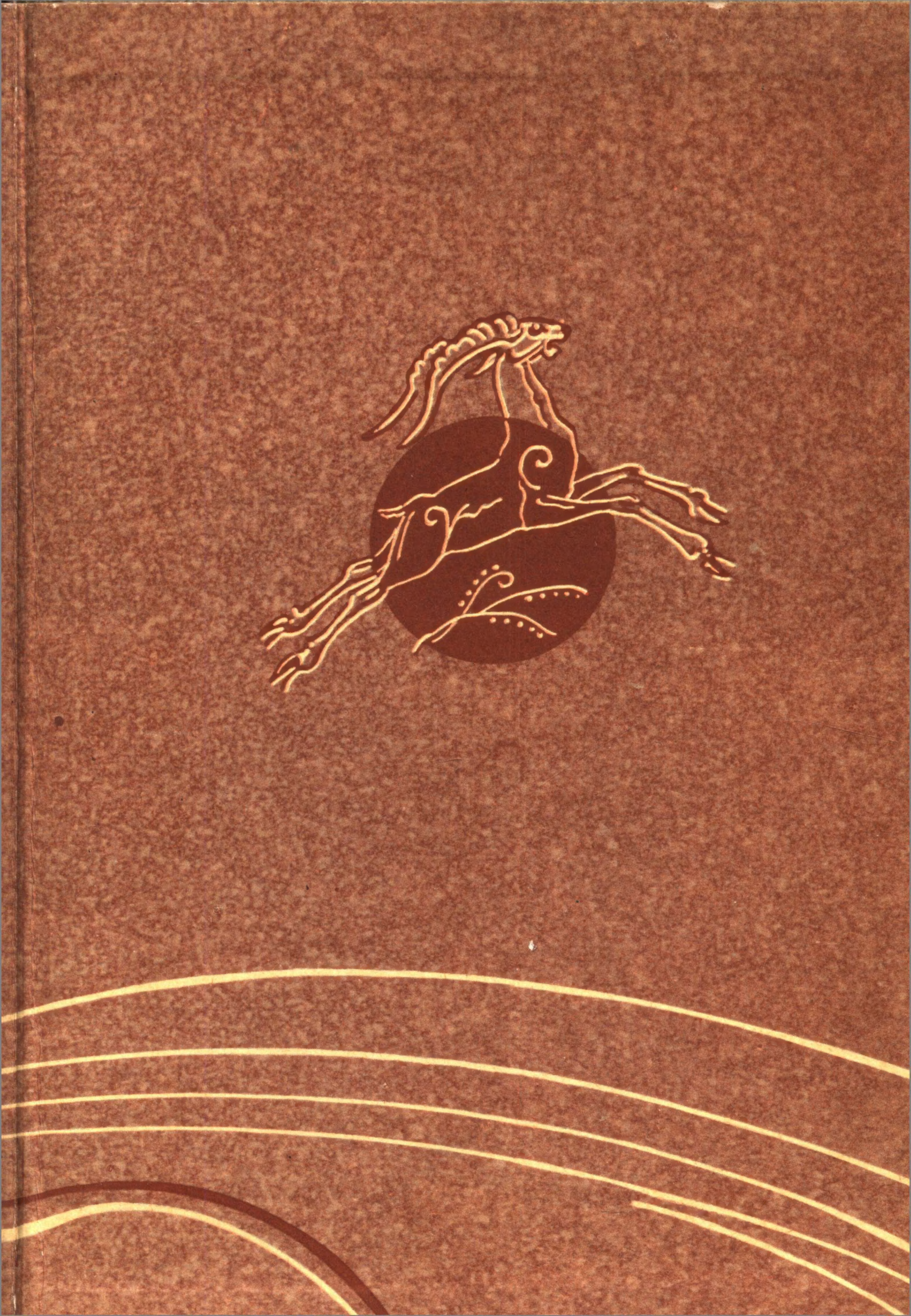
Корректор *Д. Эткина*

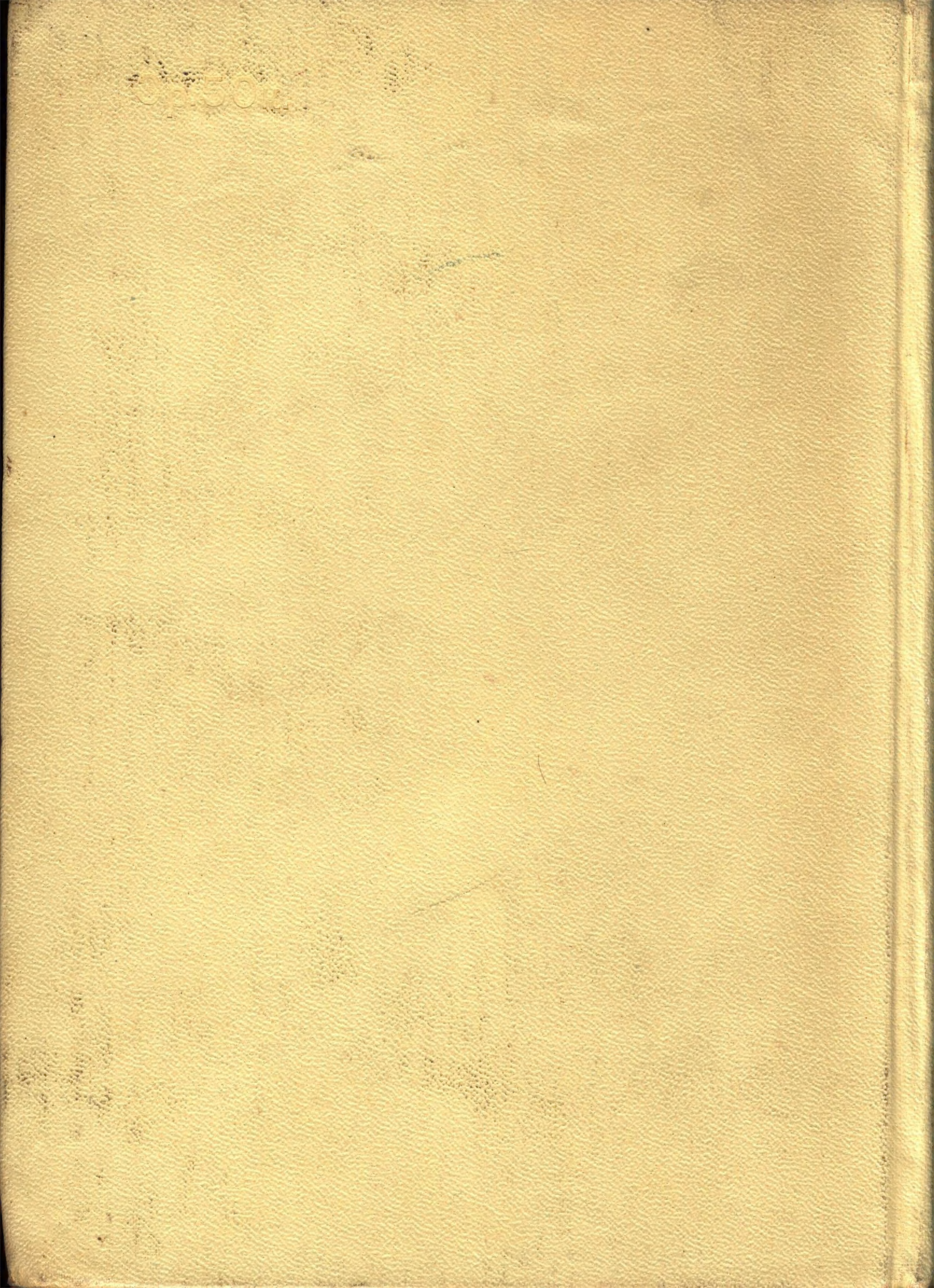
Сдано в набор 23/V 1964 г. Подписано в печать 22/IX 1964 г. Бумага 60×84 1/16 — 47 печ. л. = 42,77 усл. печ. л., 29,66+1 вклейка=29,71 уч.-изд. л. Тираж 15 000 экз. Заказ 1073. Цена 3 р. 50 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького «Главполиграфпрома» Государственного комитета Совета Министров СССР по печати, Гатчинская, 26.






3р.50к.

Шах-
наме
I